

Сопоставительные исследования 2017

**Центрально-Черноземное региональное отделение Научно-методического совета по иностранным языкам Министерства образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Кафедра английского языка
естественно-научных факультетов
Кафедра общего языкознания и стилистики
Центр коммуникативных исследований ВГУ**

Сопоставительные исследования 2017

**Продолжающееся
научное издание**

Выпуск 14

**Воронеж
2017**

УДК 81'1.001

Редакционная коллегия:

*проф. А.П. Бабушкин, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова,
проф. О.Н. Чарыкова, доц. Н.М. Шишкина*

Научный редактор – *М.А. Стернина*

Сопоставительные исследования 2017. – Воронеж: издательство «Истоки», 2017. – 237 с.

ISBN

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является четырнадцатым в серии ежегодных публикаций Воронежского государственного университета, посвященных проблемам сопоставительных исследований.

В сборнике представлены материалы третьей Всероссийской научной конференции «*Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление*», состоявшейся в Воронежском госуниверситете 3 февраля 2017 г.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Компьютерная верстка, оригинал-макет – *М.А. Стернина*

УДК 81'1.001

ISBN

© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Истоки», 2017

Раздел 1

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

М.А. Стернина

Воронежская школа сопоставительных исследований

Аннотация: Статья посвящена обзору сопоставительных и контрастивных исследований, выполненных в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы.

Ключевые слова: Сопоставительные исследования, контрастивные исследования, Воронежская теоретико-лингвистическая школа.

Abstract: The paper presents the survey of comparative and contrastive studies of Voronezh theoretical-linguistic school.

Key words: Comparative studies, contrastive studies, Voronezh theoretical-linguistic school.

В рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сложилось отдельное направление, посвященное сопоставительным исследованиям. В 2017 году с момента возникновения в Воронеже данного направления исполняется 45 лет, что является поводом для обобщения сделанного и подведения некоторых итогов.

Родоначальником сопоставительных исследований, равно как и самой теоретико-лингвистической школы, является доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Зинаида Даниловна Попова. Первое диссертационное исследование по сопоставительным исследованиям было выполнено под руководством З.Д. Поповой в 1972 году Зинаидой Васильевной Белкиной и посвящено семантическому анализу глагольной лексемы “давать” в сопоставлении с немецкими и французскими эквивалентами. В дальнейшем под руководством Зинаиды Даниловны было защищено еще 38 кандидатских диссертаций, посвященных проблемам сопоставления концептов, а также отдельных фрагментов лексических, фразеологических и грамматических систем русского, английского, немецкого и французского языков.

З.Д. Попова явилась также научным консультантом семи докторских диссертаций, посвященных сопоставительному изучению проблем когнитивной лингвистики (В.М. Топорова, Л.В. Ковалева, Л.В. Лаенко, В.А. Федоров), синтаксиса (В.Ю. Копров), семантики (М.А. Стернина, В.Б. Гольдберг).

Впоследствии целый ряд сопоставительных и контрастивных диссертационных исследований был выполнен уже под руководством учеников З.Д. Поповой. Так, в частности, под руководством проф. В.Ю. Копрова были защищены четыре кандидатские диссертации по сопоставительному синтаксису русского, английского, французского, немецкого и испанского языков. Под руководством проф. А.П. Бабушкина подготовлено четыре диссертационных исследования по сопоставительным проблемам когнитивной лингвистики на материале русского и английского языков. Когнитивным проблемам в сопоставительном аспекте на материале русского и немецкого языков

посвящены три диссертационных исследования, выполненные под руководством проф. В.М. Топоровой. Четырнадцать сопоставительных и контрастивных диссертационных исследований на материале русского и английского языков по различным аспектам лексики и фразеологии, включая и проблемы лакуарности, выполнены под руководством проф. М.А. Стерниной. Семь кандидатских диссертаций на материале русского и английского, русского и македонского, русского и французского языков, а также каталанского языка на романском фоне выполнены под руководством проф. А.А. Кретова. Проф. А.А. Кретов также явился научным консультантом трех докторских диссертаций, посвященных проблемам сопоставления романских (В.Т. Титов) и германских языков (О.М. Воеводская), французского и русского языков (Н.А. Фененко).

Тридцать пять диссертаций по сопоставительным и контрастивным исследованиям, включая восемь докторских, защищены под руководством Заслуженного деятеля науки Российской Федерации проф. И.А. Стернина.

В работах, выполненных под руководством И.А. Стернина, рассматриваются проблемы национальной специфики лексики и фразеологии в сопоставительном и контрастивном плане, национальной специфики концептов, национальной специфики коммуникативного поведения, проблемы сопоставительного анализа образной номинации, проблема лакуарности языковых систем, а также теоретические проблемы языка на основе их сопоставления.

Помимо сопоставительных и контрастивных диссертационных исследований, выполненных в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы, следует отметить также многочисленные монографии и периодические издания. В первую очередь, это изданные под редакцией З.Д. Поповой две получившие заслуженное признание лингвистической общественности коллективные монографии: «Семантическая специфика национальных языковых систем» (Воронеж, 1985) и «Семантическая общность национальных языковых систем» (Воронеж, 1986), а также два выпуска сборников «Сопоставительно-семантические исследования русского языка» (Воронеж 1979, 1980).

Отметим также ряд монографий проф. И.А. Стернина: Стернин И.А., Флекенштейн К. «Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии» (Галле, 1989), Стернин И.А., Флекенштейн К. «Studien zur kontrastiven Lexikologie und Phraseologie» (Voronez, 1994), «Контрастивная лексикология и лексикография» /Ред. И.А.Стернин, Т.А. Чубур (Воронеж, 2006), Стернин И.А. «Контрастивная лингвистика» (М.: «Восток-Запад», 2007), Маклакова Е.А. Стернин И.А. «Теоретические проблемы семной семасиологии» (Воронеж, 2013), а также две монографии Е.А. Маклаковой: «Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика)» (Воронеж, 2009) и «Семное описание и контрастивный анализ значения слова. На материале наименований лиц в русском и английском языках» (Сарбрюкен: Ламберт, 2013).

Упомянем также две монографии Г.В. Быковой «Лакуарность в лексической системе русского языка» (Благовещенск, 1998) и «Феноменология лексической лакуарности русского языка» (Благовещенск, 1999), а также монографию Л.И. Зиминной «Контрастивная фразеография» (Ярославль, 2011).

В рамках школы сопоставительных исследований Воронежского университета вышел ряд словарей нового типа, отражающих результаты сопоставления лексики разных языков:

- Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. – Воронеж: Истоки, 2006.
- Петросян Ж.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Прилагательное. – Воронеж: Истоки, 2011.
- Суханова О.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Глагол. – Воронеж: Истоки, 2012.
- Быкова Г.В., Фраер В.Л. Лакуны русского языка. – Благовещенск, 2009.
- Кривенко Л.А., Стернина М.А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков. – Воронеж: Истоки, 2013.
- Никитина И.Н., Стернина М.А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков. – Воронеж: Истоки, 2013.
- Кочетова Н.В., Стернина М.А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных адverbиальных лексем русского и английского языков. – Воронеж: Истоки, 2016.
- Селезнева К.О. Проблемы русско-испанской контрастивной лексикографии. Контрастивный словарь наименований профессий и должностей в области образования. – Борисоглебск, 2014.
- Книга А.В. Русско-английский дифференциальный толково-переводной словарь. Наименования явлений природы. – Воронеж: «Истоки», 2015.

Несомненным вкладом в развитие сопоставительных исследований является и выпуск двух продолжающихся научных изданий: издающегося с 1998 г. под редакцией И.А. Стернина межвузовского научного сборника «Язык и национальное сознание» (на данный момент издано уже 23 выпуска) и издающегося под нашей редакцией с 2004 г. межвузовского научного сборника «Сопоставительные исследования» (на данный момент издано 14 выпусков).

Следует отметить, что статьи по проблемам сопоставительной и контрастивной лингвистики публикуются Воронежскими учеными не только в вышеперечисленных сборниках, но и во многих других, в том числе и многочисленных журналах, входящих в перечень ВАК. Предметом сопоставления становятся семантика, концепты, грамматика, фонетика, дискурс, коммуникативное поведение. Материалом сопоставления являются не только такие популярные языки, как русский, английский, немецкий, французский, испанский, но и многие другие. В частности, в работах проф. А.А. Кретьева и его учеников проводится сопоставление славянских языков, русского и финского языков, балканских языков, русского и латыни.

В середине первого десятилетия 21 века в рамках сопоставительных исследований Воронежской теоретико-лингвистической школы начал складываться новый метод лингвистических исследований, получивший сначала название параметрического, а затем – сопоставительно-параметрического. Суть

данного метода заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания языков, концептосфер и их национальной специфики.

Метод предлагает две принципиальные исследовательские описательные процедуры – **индексализация** параметров и аспектов и **шкалирование** выявленных различий. Через систему представленных в виде индексов формализованных параметров и шкал сопоставительно-параметрический метод дает возможность лингвистам делать объективные выводы о степени выраженности того или иного языкового явления в языке или проявлении национальной специфики и давать выявленным различиям качественную характеристику.

Сопоставительно-параметрический метод активно используется для сопоставительных и контрастивных исследований лексических группировок, семантем, сем, концептов, сопоставления текстов перевода и оригинала, применяется для создания семантической типологии языков.

Итоги первого десятилетия развития сопоставительно-параметрического метода подведены в монографии М.А. Стерниной «Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований» (Воронеж, 2014), ставшей лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу.

В заключение отметим, что 45 лет плодотворного развития сопоставительных исследований в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы, результатом которых стали защиты по этой тематике 98 кандидатских и 15 докторских диссертаций, издание 15 монографий, 9 словарей нового типа, 37 выпусков двух продолжающихся научных изданий, многочисленные статьи в российских и зарубежных изданиях и выступления по данной тематике на российских и международных конференциях, равно как и разработка нового метода сопоставительных исследований, дают нам основание говорить о состоявшемся формировании Воронежской школы сопоставительных исследований, в рамках которой разработаны основные теоретические проблемы сопоставления, разграничены разные типы сопоставительных исследований, описаны и разработаны методы сопоставления, описаны в сопоставительном и контрастивном плане значительные массивы языковых явлений русского, германских, романских и ряда других языков.

Е.А. Маклакова

Сопоставительные исследования и метаязык описания семантики слова

Аннотация: В статье рассматривается проблема разработки естественного метаязыка для описания семантики слова.

Ключевые слова: Семантика, метаязык, естественный язык.

Abstract: The paper discusses the problem of the development of natural meta-language for describing the semantics of the word.

Key words: Semantics, meta-language, natural language.

Сопоставление лексических единиц по семантике как внутри языка, так и при сопоставлении языков постоянно наталкивается на несопоставимость используемых лексикографами метаязыков. Одни и те же компоненты значения

сплошь и рядом толкуются по-разному в разных словарях одного языка, и тем более – в разных национальных лексикографических традициях.

В связи с этим метаязык словарных дефиниций требует доработки, унификации как в одноязычной, так и переводной лексикографии.

Вопрос о метаязыке семантического описания имеет первостепенную важность для лингвистики, поскольку решение вопроса об эффективном и общепонятном метаязыке позволяет проверять и сравнивать результаты описания семантики слова в разных словарях, в разных контекстах употребления слова, а также в разных языках.

Различные подходы к метаязыку семантического описания имеют свою историю. В лингвистике нового времени значения слов первоначально описывались исключительно на естественном языке. Но со временем, с распространением идей семиотики и структурной лингвистики, стали возникать концепции создания особых универсальных формализованных семантических метаязыков, которые, как полагали их создатели, позволили бы описать любые семантические сущности любого языка посредством ограниченного набора смысловых единиц.

Например, в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» И.А. Мельчука, А.К. Жолковского и Ю.Д. Апресяна (далее ТКС), который считается одной из первых попыток системного описания лексики в рамках одноязычной лексикографии в контексте концепции «Смысл – Текст», «средства выражения той или иной мысли отбираются по единым принципам и получают формальное описание, в частности – на языке так называемых лексических функций» (ТКС 1984, с. 71). Следует отметить, что авторы данного словаря сформулировали определенные правила работы над словарной статьей, которые, на наш взгляд, представляют базовое руководство для описания значения слова или словосочетания, и неукоснительно им следовали, соблюдая максимальную эксплицитность и систематичность. Главное заключается в следующем:

«Во-первых, в ТКС не допускается использование неформальных способов передачи информации о словах – таких, например, как аналогия, примеры и т.п., равно как и обращение к языковому чутью. Все, что мы считаем нужным сообщить читателю, должно быть сообщено в абсолютно явном виде – в терминах стандартного лексикографического метаязыка, применяемого единообразно во всех статьях.... Во-вторых, в ТКС не допускаются порочные круги в определениях (этот недостаток характерен чуть ли не для всех существующих словарей) и запрещается по-разному описывать семантически близкие единицы. Например, все названия учреждений должны быть описаны по единой схеме» (там же, с. 74). В приведенных ниже примерах – купюрах словарных статей, соблюдается принцип единообразия в описании слов одного семантического типа, а толкование состоит из постоянных единиц и переменных [X,Y,Z] (для сравнения приводятся словарные дефиниции одинаковых лексем из других толковых словарей):

Пассажир – Y-а [в Z] = клиент X транспорта – человек, перевозимый в соответствии со своей целью транспортным средством Y в Z [~ человек – S₂ (перевозить; транспорт; поезд, судно, лайнер 1,2, автобус...)]... (ТКС 1984,

с. 575); ср. *Пассажир* – тот, кто совершает поездку в транспортном средстве (Ожегов 1994);

Лыжник а, и, муж. 1. Человек, который перемещается или способен перемещаться на лыжах1а [= S₁Real₁ (лыжи 1а) или S₁PredAble₁Real₁(лыжи1а)], женщина: лыжница 1. *Сквозь деревья мелькали фигуры лыжников....* 2. Человек, который занимается лыжами 2 [= S₁(лыжи2)] женщина: лыжница 2. *Первое место завоевал известный японский лыжник.* Условные обозначения: S₁ – типовое название участника данной ситуации; Real₁ – степень реализации; Pred – глагол, обозначающий «быть ...»; Able₁ – типовое свойство потенциального участника данной ситуации (ТКС 1984, с. 411); ср. *Лыжник* – спортсмен, занимающийся лыжным спортом; тот, кто ходит, идёт на лыжах (БТСРЯ 2003).

Следует признать, что в выполненных авторами толкованиях четко прослеживаются идеи унификации описания (выявление и фиксация повторяющихся черт лексических единиц – семантические типы слов) и его индивидуализации (детальное описание существенных свойств отдельной лексемы). Однако создать универсальный искусственный метаязык, который позволил бы описать семантику любого слова, авторам ТКС не удалось. ТКС можно рассматривать как сборник научных исследований, выполненных в рамках некоторой единой теории учеными-лингвистами для ученых-лингвистов – настолько своеобразен предложенный ими метаязык лексикографического описания. Этот метаязык слишком сложен для использования, понятен только самим авторам и тем лингвистам, которые решали им пользоваться и выучивали его фактически как самостоятельный язык, как систему семантической транскрипции.

Более поздние концепции единого семантического метаязыка в структурной лингвистике стали постепенно делать некоторые «уступки» в сторону естественного языка, но они тоже оказались довольно ограниченными по своим описательным возможностям. Широко известна концепция А. Вежбицкой, согласно которой в лексиконе каждого языка считается возможным выделение неразложимого «семантического ядра», которое имеет структуру упрощенного языка. Этот язык состоит из семантических примитивов, для которых формулируются канонические предложения, и подчиняется определенным грамматическим правилам. Автор данной концепции придерживается следующего мнения: «Чтобы объяснять сложные значения понятным образом, нужно употреблять простые, общепонятные слова» (Вежбицкая 2002, с. 8), с чем нельзя не согласиться. По мнению А. Вежбицкой, при описании значений слов следует использовать так называемый язык мысли, насчитывающий около шестидесяти универсальных слов, которые можно найти в любом языке (идея «элементарных понятий» – «indefinibilia» предложена как основа для семантики Анджеем Богуславским в 1964 г.). В этом случае толкования слов принимают следующий вид, и как считает автор, помогают ей в её педагогической практике с австралийскими студентами (там же, с. 25):

Пошлость – многие люди думают о многих вещах, что эти вещи хороши; это неправда; эти вещи нехороши; они похожи на некоторые другие вещи; эти другие вещи хороши; эти люди этого не знают; это плохо; люди такие, как я, это

знают.

Истина – хорошо, если люди могут знать некоторые вещи о некоторых вещах; многие люди не знают этих вещей; люди знают, что когда кто-то думает что-то о чем-то, это может не быть правда; хорошо, если люди могут знать о некоторых вещах, что эти вещи – правда.

Думается, что при объяснении иностранным учащимся ключевых понятий национальной культуры не следует полагаться только на словарные дефиниции значений, которые вербализуют такие глобальные концепты, толкование слова в данном случае – это лишь вершина айсберга. К тому же, на наш взгляд, наличие простых и элементарных составляющих в одном толковании совсем не гарантирует легкость и доступность понимания последнего, так как элементы содержания воспринимаются не каждый в отдельности, а все вместе в своей совокупности.

Отметим также, что при толковании слов языка словами этого же языка непременно обостряется следующее противоречие: «Меньшее количество слов можно описать с помощью большего, но не наоборот. ... Приращение смысла – обязательный, универсальный принцип всякого толкового словаря» (Караулов 1988, с. 51-52).

Очевидно также, что метаязык А. Вежбицкой не покрывает семантику всего языка, с его помощью можно описать далеко не любое значение; кроме того, он очень громоздок и трудоемок в применении.

Ю.Н. Караулов считает, что «смысл слов, используемых в толкованиях, должен быть в каком-то отношении проще, чем смысл толкуемого слова» (Караулов 1988, с. 10-11).

Ю.Д. Апресян полагает, что «толкуемое значение должно определяться через более простые значения и тем самым, в конечном счете, сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений – слов семантического языка» (Апресян 1995, с. 95). Ученый отмечает, что «в качестве семантического метаязыка должен использоваться не универсальный искусственный язык, а подязык изучаемого естественного языка» (там же).

Основы системной лексикографии, разработанные Ю.Д. Апресяном, в самом общем виде сводятся к следующему. Прежде всего, словарный состав каждого языка, во всяком случае, его ядро, распадается на «многократно пересекающиеся классы лексем (лексикографические типы), обладающие какими-то общими свойствами» (Апресян 1995, с. 9).

Главный принцип системной лексикографии состоит в том, чтобы описывать каждую лексему как элемент лексикографического типа, т.е. улавливать повторяющиеся черты лексических единиц и единообразно представлять их в словаре. Предполагается, что одним из аспектов системного описания лексики в словарях такого типа является сравнение отдельных элементов одного класса, которое «осуществляется на основе общего арсенала семантических признаков», используемых для создания так называемых «лексикографических портретов» посредством «специальных метаязыков для описания всех существенных свойств лексем. Самый важный из этих метаязыков – семантический. На нем выполняются аналитические толкования общей части значений всех лексем» (там же, с. 220).

Например, «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под общим руководством Ю.Д. Апресяна представляется нам попыткой отразить со всей возможной полнотой лексическую систему русского языка. Кроме того, представленная в словаре информация о дифференциальных семантических признаках, выявляемых при сопоставлении лексем, составляющих синонимический ряд, позволяет конструировать более широкую модель семного описания лексического значения по сравнению с той, которая традиционно используется в толковых словарях русского языка. Например (для наглядности приведены цитаты из словарных статей данного издания, в которых представлены описания конкретных слов, которые сопоставлены с дефинициями этих же слов из других толковых словарей русского языка):

Врач – человек, имеющий высшее медицинское образование и лечащий людей; называет людей, имеющих отношение к медицине как науке и как роду практической деятельности; противопоставлен наименованиям лиц со средним медицинским образованием, не имеющим медицинского образования и выхаживающим больных, а также тем, кто использует при лечении так называемые нетрадиционные методы лечения; может использоваться для обозначения профессии и должности; может обозначать и мужчину, и женщину; *медицинский работник* – официальное; *доктор* – разговорное; *лекарь* – устаревшее, пренебрежительное или шутовское; ср. *Врач* – специалист с высшим медицинским образованием (Ожегов 1994); или – специалист с высшим медицинским образованием, занимающийся лечебно-профилактической деятельностью (БТСРЯ 2003).

Метаязык Ю.Д. Апресяна более понятен пользователям языка, он хорошо работает на уровне синонимических рядов, в нем последовательно отражены сходства и различия между синонимами, а также условия нейтрализации различий. В то же время получить представление о полном наборе семантических компонентов отдельной семемы для пользователя таким словарем представляется весьма трудоемким процессом. Это объясняется тем, что все словарные статьи содержат обширные справочные зоны, в которых перечисляются фразеологические синонимы, аналоги, точные и неточные конверсивы к аналогам, точные и неточные антонимы и дериваты (включая семантические) к элементам данного синонимического ряда. Рядовому пользователю затруднительно ориентироваться в таком количестве лингвистических данных. Это словарь для лингвистов.

Приведенные выше примеры демонстрируют различные подходы к созданию вариантов семантического метаязыка, которые позволяют описать семантику лишь определенного ограниченного набора единиц. К тому же, подобные метаязыки описания лексики понятны в основном филологам, но не рядовым пользователям словарных изданий.

С учетом вышеизложенного, а также принимая во внимание результаты современных экспериментальных исследований семантики слова, можно сформулировать следующие принципиальные положения о принципах эффективного метаязыкового описания значения слова:

- 1) метаязык должен быть не искусственным, а естественным;
- 2) он должен быть доступным для восприятия среднего носителя языка;

3) он должен быть унифицированным (то есть разные метаязыковые наименования одной и той же семы должны быть сведены к одному варианту, который будет использоваться в описании).

Варианты психолингвистического толкового словаря, разрабатываемые проблемной группой проекта «Значение как феномен языкового сознания» (Стернин, Рудакова 2011), основанные на указанных принципах, показывают, что такой подход может быть эффективно реализован в рамках одного языка, а опыт создания на этих принципах контрастивного русского-английского словаря А.В.Книгой (Книга, 2016) показывают, что данный путь эффективен и при сопоставлении языков и позволяет повысить точность и достоверность семного описания семантики слова.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II.: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1995.
2. Большой толковый словарь рус. яз. / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: НОРИНТ, 2003.
3. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. – М., 2002. – № 2(4). – С.6-34.
4. Караулов Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. – М., 1988. – С. 5-64.
5. Книга А.В.. Русско-английский дифференциальный толково-переводной словарь. Наименования явлений природы.– Воронеж: «Истоки», 2016.
6. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. – Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Российская АН; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1994.
8. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.
9. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка /И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. – Wiener Slowistischer Almanach, 1984.

С.В. Колтакова

К вопросу о количественно-структурном аспекте национальной специфики лексических группировок

Аннотация: В статье рассматривается количественно-структурный аспект национальной специфики лексических группировок и обсуждается возможность применения индекса структурной сложности.

Ключевые слова: Сопоставительно-параметрический метод, аспектный анализ, количественно-структурный аспект национальной специфики, формализованные параметры, индексализация.

Abstract: The paper deals with the quantity-structural aspect of the national peculiarity of the lexical groups, special attention is paid to national peculiarity. The application of the index of structural complexity is considered.

Key words: Comparative-parametric method, aspect analysis, quantity-structural aspect of national peculiarity, formalized parameters, indexalization.

В настоящее время сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований применяется для изучения семантем лексем (Л.А. Кривенко, Н.И. Малыхина, Н.А. Портнихина, И.Н. Никитина и др.), сем

(И.А. Стернин, А.В. Рудакова, С.Г. Любова), концептов (Н.А. Неровная, Д.А. Степанова, А.С. Трущинская и др.), для выявления национальной специфики текстов перевода и оригинала (Т.В. Дробышева), для контрастивных исследований (И.П. Зленко, Т.А. Чубур, Л.В. Лукина и др.) (Стернина 2014). Однако зарождение данного метода происходило на материале лексических группировок (Н.М. Шишкина, Н.И. Чернова, И.Ю. Вострикова, С.В. Колтакова и др.). В результате диссертационных исследований, выполненных под руководством М.А. Стерниной и И.А. Стернина, в лингвистический обиход было введено более 40 формализованных параметров для выявления национальной специфики именно лексических группировок.

Предложенные лингвистами индексы позволяют изучать и сопоставлять специфику: 1) различных структурных единиц внутри одной лексической группировки, 2) лексических группировок внутри одного языка, 3) одноименных лексических группировок в разных языках, 4) разноименных лексических группировок в разных языках.

С.И. Деркач в своем диссертационном исследовании впервые предлагает описывать национальную специфику лексических группировок посредством аспектного анализа и для каждого аспекта определяет перечень применяемых формализованных параметров (Деркач 2011). Исследователь выделяет количественно-структурный аспект, аспект семантического развития лексем группировки, аспект типологической характеристики семем группировки, аспект семантической близости лексем группировки, эмоционально-оценочный аспект и функционально-стилистический аспект (там же). Подобный подход позволяет представить результаты исследования более наглядно, логично и системно.

Остановимся подробнее на количественно-структурном аспекте национальной специфики лексических группировок. Очевиден тот факт, что данный аспект является основополагающим для любого исследования, поскольку первые задачи, которые ставит перед собой исследователь, заключаются в определении состава изучаемых групп лексики и их структурировании, как правило, на основе семантического критерия. Основными параметрами количественно-структурной характеристики лексической группировки являются *номинативная плотность* (Карасик 2004, с.111) и *структурная сложность лексической группировки* (Деркач С.И., с.8), под которой понимается количество структурных единиц группы.

В ходе анализа национальной специфики тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках возникла необходимость дополнить отмеченный выше аспект. В ходе нашего диссертационного исследования (Колтакова 2008) мы отмечали, что изучаемые тематические группы являются достаточно хорошо структурируемыми и в силу наличия приблизительно одинакового количества одноименных структурных единиц демонстрируют высокую степень сходства структурной организации. Однако данное предположение требует объективного подтверждения. Так, в русском языке в группе «Отдых» были выделены 6 подгрупп, 25 минигрупп, 24 микрогруппы и 3 микроподгруппы, итого – 58 структурных единиц. В английском языке нами были выделены 6 подгрупп, 26 минигрупп, 29 микрогрупп и 4 микроподгруппы, в целом – 65 структурных единиц. Итак, 58 и 65 структурных единиц, казалось,

мы могли бы говорить о достаточно высокой степени сходства структурной сложности, но стоит отметить, что русская тематическая группа «Отдых» насчитывает 357 лексических единиц, а номинативная плотность группы «Отдых» в английском языке составляет 504 лексические единицы. Для того, чтобы объективно сравнить степень структурной сложности мы предлагаем ввести **индекс структурной сложности** (или **индекс структурной организации**), который будет рассчитываться как отношение количества структурных единиц к общему количеству лексических единиц лексической группировки, т.е. отношение структурной сложности лексической группировки (термин С.И. Деркач) к номинативной плотности (термин В.И. Карасика). Данный индекс покажет степень структурированности/ структурной сложности группировки, а его процентное выражение делает возможным сопоставление лексических группировок в разных языках.

Так, для тематической группы «Отдых» в русском языке индекс структурной сложности равен 16,25%, а в английском языке – 12,89%. Для интерпретации полученного результата может быть применена шкала определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам (для параметров, выраженных в процентах) (Колтакова 2008). Поскольку разница между показателями составляет 3,36%, мы можем говорить о *видимых* национально-специфических различиях, то есть мы доказали, что данные группы демонстрируют разную степень разветвленности структуры.

Предпримем попытку апробировать данный индекс и на тематических группах «Труд» в русском и английском языках. Так, в группе «Труд» в английском языке выделяется 6 подгрупп, 8 минигрупп, 29 микрогрупп, 106 микроподгрупп, 191 микромикрогруппа и 89 микромикроподгрупп, итого – 429 структурных единиц. В русском языке насчитывается также 6 подгрупп, 8 минигрупп, но 31 микрогруппа, 105 микроподгрупп, 212 микромикрогрупп и 101 микромикроподгруппа, всего – 463 структурные единицы. Номинативная плотность группы в английском языке равна 2360 лексических единиц, а в русском языке – 2530 единиц. Таким образом, индекс структурной сложности для английской группы равен 18,18%, а для русской – 18,3%. Поскольку численная разница между показателями индексов меньше одного процента, характер национально-специфических различий можно квалифицировать как *несущественный*. Таким образом, мы объективно доказали, что обе группы демонстрируют высокую степень сходства структурной сложности.

Приведенные выше данные свидетельствуют о возможности расширения количественно-структурного аспекта. Так, помимо предложенных параметров *номинативная плотность* и *структурная сложность* мы предлагаем отнести к данному аспекту и *индекс структурной сложности*, представляющий собой процентное выражение степени структурной сложности. Представляется целесообразным отнести к данному аспекту также *индекс яркости подгруппы внутри тематической группы* (отношение количества единиц, входящих в структурную единицу группы, к общему количеству лексем данной группы) (термин Н.И. Черновой – Чернова 2006) и *номинативную долю* (отношение численного состава отдельной подгруппы к количеству исследованных единиц группы) (термин Л.А. Барановой/Кривенко – Баранова 2009), поскольку данные

параметры также дают количественно-структурную характеристику национальной специфики лексических группировок.

Литература

1. Баранова/Кривенко/ Л.А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. Вып. 21. – Воронеж, 2009. – С.50-52.
2. Вострикова И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале глагольной лексики): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.
3. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2011.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004.
5. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
6. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: издательство «Истоки», 2014.
7. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 2006.
8. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Д.Ю. Просовецкий

Индекс ассоциативного сходства в сопоставительных исследованиях

Аннотация: Статья представляет собой попытку формализовать использование индекса ассоциативного сходства в сопоставительных исследованиях.

Ключевые слова: Психолингвистика, сопоставительные исследования, индекс ассоциативного сходства.

Summary: The paper presents the possibilities of using the index of the associative similarity in comparative studies.

Key words: Psycholinguistics, comparative studies, the index of the associative similarity.

В процессе исследования обычно необходимо создавать или модифицировать понятийный аппарат, поскольку существующие термины зачастую не отвечают необходимым требованиям. В некоторых случаях это приводит к «увеличению сущностей сверх меры», а в других хорошо подобранные термины приживаются и позволяют более эффективно продвигаться вперёд, расширяя границы познания.

Создавая новые термины, в основном исследователь исходит из удобства применения (им самим) нового термина и некоторых других, не менее субъективных критериев, что часто вызывает затруднение, а иногда и непонимание и даже отторжение со стороны коллег. Особенно трудный случай, когда в качестве терминов используется общеупотребительная лексика - часто возникает явная двусмысленность из-за того, что, как правило, автор подробно не поясняет, что имеется в виду, предполагая, что смысл и так понятен, но при этом для читателя из контекста следует, что у «знакомой» лексики есть дополнительная смысловая нагрузка.

Особенно часто подобные коллизии возникают в социологических, психологических и культурологических исследованиях.

Благодаря исследованию Мартина Селигмана (Селигман 2006) (президента Американской ассоциации психологов (1998), автора более 200 академических статей и 20 книг) удалось установить, что *счастье* никак не определяется удовольствием, а напрямую связано с развитием личностных сил и характера. Сбрав воедино данные нескольких сотен исследований, М. Селигман выявил следующие факторы, формирующие *счастье* в жизни человека: *деньги, брак, коммуникабельность, пол, религия, здоровье, климат* (заметим, что эти факторы в данном перечне никак не упорядочены, а приведены в порядке их рассмотрения автором).

Прочитав несколько строк, мы порождаем множество вопросов. Самый первый вопрос - «*Что, собственно, понимается под счастьем?*». Мгновенно возникают разногласия. Можно гарантировать, что подобная дискуссия в скором времени потеряет конструктивный характер и закончится выводом «*все подобные исследования весьма субъективны*». Замечание о субъективности исследования отчасти справедливо, но подобного сценария можно избежать.

Для этого необходимо, во-первых, выполнить психолингвистическое описание лексемы *счастье* (Стернин 2010). Тогда станет понятно, что понимается под *счастьем* в обыденном языковом сознании и какие, в данном случае, у лексемы *счастье* можно выделить главные семантические компоненты (семантическое ядро), а какие компоненты являются второстепенными (периферия).

И далее необходимо проверить, как соотносится авторское понимание термина с пониманием лексемы в обыденном языковом сознании.

Наиболее эффективно провести такое сравнение позволяет индекс ассоциативного сходства (ИАС) (Просовецкий 2015), при этом его расчёт достаточно прост и займёт не более пяти минут. Если индекс ассоциативного сходства равен (или весьма близок) нулю (ассоциативные поля полностью отличаются) или единице (ассоциативные поля полностью совпадают), то выбор данного слова в качестве термина следует признать неудачным.

Помимо этого, применение ИАС позволяет проводить дополнительную верификацию результатов гуманитарных исследований.

Так, в приведённом списке факторов, влияющих на *счастье*, *климат* имеет очень маленький вес, среди прочих факторов, что подтверждается формальным критерием – ИАС (*счастье, климат*) близок к нулю. Возникает естественный вопрос – возможно, имеется в виду *погода*? Ответить на него в рамках проведённого исследования сложно, а проводить полномасштабное исследование снова, чтобы уточнить некоторые формулировки – нерационально.

Однако, вычислив индекс ассоциативного сходства, ИАС (*счастье, погода*) получим тот же результат, что и для *климата*. Аналогичные уточнения можно провести и для других факторов. Таким образом, без значительных дополнительных усилий можно отвечать на вновь появившиеся вопросы, которые естественным образом возникают уже в процессе исследования.

Рассмотрим теперь вопрос об адаптации того или иного исследования к конкретной культуре. Естественно, этот вопрос является довольно деликатным,

но с помощью ИАС возможно в ряде случаев адаптировать проведённое исследование к другим социокультурным реалиям качественно и без особых дополнительных усилий или, по крайней мере, установить, что его адаптация в принципе невозможна.

Так, согласно исследованию М. Селигмана, *деньги* (напомним, исследование выполнено в США) не являются важным фактором, приносящим *счастье*, а вот *религия* является таковым. Однако если перейти к другим социокультурным реалиям, основываясь, например, на данных Русского ассоциативного словаря (2002), то окажется, что ИАС (*счастье*, *деньги*) значительно больше чем ИАС (*счастье*, *религия*). Таким образом, оставаясь в рамках проведённого исследования, оказалось возможным адаптировать его к российским реалиям.

Естественно, что каждый исследователь - творец, поэтому сложно, создавая что-то новое, быть крайне логичным и рассудительным в деталях. Ещё сложнее, когда всё готово, рассчитывать различные индексы... вместо наслаждения красотой построенной теории, тем не менее, как нам представляется, необходимо учитывать, что успех исследования во многом зависит от того, как оно будет воспринято другими учёными. Предложенный метод позволит исследователям более рационально подходить к выбору и использованию терминов, а также успешно анализировать терминологию в текстах различной тематики.

Литература

1. Просовецкий Д.Ю. Психолингвистический метод выявления оценки, содержащейся в слове // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2015. – № 3. – С. 78–80.
2. Селигман М. Новая позитивная психология. – София, 2006.
3. Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. – Москва, 2010. – № 12. – С. 57–63.

А.В. Рудакова

К вопросу о создании сопоставительных словарей русского языка

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о возможности создания сопоставительных словарей разного типа. Основными видами сопоставительных словарей могут стать ассоциативные и семантические словари. Представлены образцы некоторых словарных статей.

Ключевые слова: Сопоставительный метод, лексикография, ассоциативный эксперимент, психолингвистика.

Abstract: The paper considers the possibility of creating comparative dictionaries of different types. The main types of such dictionaries may be associative and semantic ones. Samples of vocabulary entries are given.

Key words: Comparative method, lexicography, associative experiment, psycholinguistics.

В настоящее время ученые большое внимание уделяют сопоставительным исследованиям в различных областях языка. Однако если изучение межъязыковых соответствий стало уже достаточно привычным (Контрастивная лексикология и лексикография 2006 и др.), то исследование внутриязыкового материала с опорой на языковое сознание носителей языка в современных лингвистических исследованиях представлено небольшим количеством работ. Чаще всего исследователи останавливаются на описании языковых особенностей

какой-либо группы людей, не проводя сопоставительного изучения данного материала с результатами исследования других групп.

Данная статья посвящена вопросу создания сопоставительных семантических словарей русского языка на материале результатов психолингвистического исследования языкового сознания различных групп носителей языка.

В традиционных словарях русского языка семантика слов представлена универсально: априори принимается, что все носители языка, независимо от группы, к которой относится конкретный человек, должны знать и использовать данную языковую единицу только в том значении, в котором она представлена в лексикографическом источнике. Действительно, единообразие семантики слова, представленное в традиционных словарях, носит в определенной степени нормализующий характер, позволяющий носителям языка осуществлять эффективную коммуникацию. Однако в психолингвистических работах, обращающихся к языковому сознанию носителей языка, убедительно доказывается, что в языковом сознании отдельного человека семантика языковой единицы часто сильно зависит от личного опыта носителя языка, от ситуации ее использования, от степени образованности, воспитанности человека, его места жительства, профессии, возраста и др.

Поэтому особый интерес представляет использование сопоставительного метода при изучении языкового сознания различных групп одного этноса для выявления «универсальных» семантических зон (общих для всех носителей языка) и «дифференциальных» составляющих (характерных только для отдельных групп людей); для сопоставительного описания языковой картины отдельных групп носителей языка; для описания методов и приемов обучения языку представителей разных групп этноса; для совершенствования и уточнения семантической информации в традиционных лексикографических источниках и др.

Результатом применения сопоставительного метода может быть создание серии сопоставительных семантических словарей русского языка. Можно даже говорить о создании такого направления как *сопоставительная лексикография*, в основе которого лежит сопоставительный метод, имеющий целью разработать принципы сопоставительного изучения и описания лексики и фразеологии и создания сопоставительных словарей, применимых в курсах общего языкознания, психолингвистики, социолингвистики, педагогики, психологии и др.

На данном этапе наших исследований мы разрабатываем методику сопоставительного описания семантики, принципы составления статей сопоставительных словарей разных видов.

Можно выделить несколько типов сопоставительных словарей, например, ассоциативные сопоставительные словари, семантические сопоставительные словари и т.п. Они будут различаться видом представленной информации в словарных статьях.

В ассоциативных сопоставительных словарях словарные статьи представляют собой ассоциативные поля слов-стимулов, сформулированных на основе данных эксперимента: например, словарная статья гендерного сопоставительного словаря может выглядеть следующим образом (информанты – в основном

студенты различных вузов, эксперимент проведен студентом в рамках курсовой работы):

Стимул ЖЕНЩИНА

Мужское ассоциативное поле	Женское ассоциативное поле
Красивая 25; мама 19; красота 9; добрая, жена, нежность, умная 8; любовь 6; любимая, стройная 5; секс 4; загадка, ласковая, милая, мягкая, мягкость, тепло, уют 3. Всего 126 реакций	Мать 26; красивая 10; красота 9; умная 8; жизнь, любовь 6; нежная 5; жена, стройная 4; добрая, ласковая, нежность 3. Всего 87 реакций

Чисто женские реакции: *мать 26, жизнь 6, нежная 5.*

Чисто мужские реакции: *мама 19, любимая 5, секс 4, загадка 3, милая 3, мягкая 3, мягкость 3, тепло 3, уют 3.*

Вариант словарной статьи группового сопоставительного словаря (информанты – мужчины и женщины, проживающие в монастырях):

Стимул ЖЕНЩИНА

Мужское ассоциативное поле	Женское ассоциативное поле
От дьявола 9; грех, мать, запрет 8; нет 7; имя, искушение 4; грязь, подруга, мечта 3; отказ 9. Всего 66 реакций	Судьба 12, мать, смирение 9; ум, радость, сияние 5; в белом, Мария, семья, заботы 4; мама, божественная, грустная 3. Всего 70 реакций

В словаре могут присутствовать комментарии составителя, касающиеся анализа частотности отдельных ассоциатов, анализа наличия или отсутствия какого-либо ассоциата в отдельной словарной статье и др.

Подобный словарь будет интересен ученым как материал для изучения особенностей гендерной картины мира носителей русского языка.

Вариант словарной статьи темпорального ассоциативного сопоставительного словаря (эксперименты проведены С. Полубояриным и С. Коваленко):

Стимул ПУТИН

2007	2015
ПУТИН 205: президент 43; бывший президент 20; премьер 16; премьер-министр 13; глава Правительства, глава Правительства, КГБ, председатель Правительства 4; бывший президент РФ, министр, премьер-министр РФ, Россия 3; герой, Медведев, политический деятель, президент РФ, реформы, справедливый, ФСБ, экс-президент 2; авторитаризм, бесправие, брови домиком, будущее РФ, быстрый, великий политик, Владимир, Вова, враг рода человеческого, второй президент РФ, глава государства, гоблин, дальновидный политик, двухтысячный год, дельный, дзюдо, для меня все еще президент, друг Медведева, дядя Вова, его дела, «Единая Россия», Ельцин; жалко, что ушел; забота о стране, зам. Президента, Кремль, люблю, мазила, маленький человек, мой ровесник, надежда, надежность, надоел, начитанный, наш президент, не знает истинного положения вещей, невербалика, негласный президент, немецкий язык, непонятно, новый премьер-министр, перестройка, политик, почти грозный, предатель, президент России, премьер России, разведчик, российский деятель, руководитель,	Путин 102: президент 27, Россия 8, политика 4, император, Крым, президент РФ, сила, правительство, царь 2, вечный президент, власть, Володя, восхищение, гордость, гос.власть, диктатор, добро, Единая Россия, занимается ерундой, знает, что делает, КГБ, кимоно, колени, кошка, краб, кризис, крыса, лидер, Медведев, медведь, молодец, морщины, мощь, настоящий, наш, наш президент, наше всё, номер 1, небо, партия жуликов и воров, ПЖиВ, политик, правильно, президент сейчас, Путин, путь, расчётливость, РФ, санкции, сверхдержава, скипетр, смелость, современность, справедливость,

самый главный, светлое будущее, стабильность, строит новую тоталитарную систему, трудяга, улучшения в жизни, ушел, хороший, хороший был президент, хороший президент, хорошо, честный, экс-президент, является премьер-министром 1; отказ 5.	тварь, твёрдая рука, типа крутой, тиран, тоже князь 1. Отказ 0
--	--

Возможны и иные виды групповых ассоциативных сопоставительных словарей.

В словарях могут быть представлены как данные одного ассоциативного эксперимента, так и нескольких. Например, статья *полиэкспериментального* ассоциативного словаря может выглядеть следующим образом (эксперимент проведен С. Коваленко):

Стимул ЕСЕНИН

САЭ	НАЭ: Есенин – какой?	НАЭ: Есенин – что делает?
Есенин 103: поэт 26, стихи 20, берёза 8, деревня 5, алкоголь, хулиган 3, бабник, любовь, поэзия, стих 2, «In vino veritas!», адидас, алкаш, Безруков, бунтарь, весна, вино, «Гой ты, Русь...», гуляка, Дункан, женщины, зима, золотой век, крестьяне, литература, любящий Родину, молодой, осень, писатель, «Письмо к женщине», природа, пьянство, Родина, Русь, самоуправство, серебряный век, стихи о деревне, творческий, шлюха, шлюхи 1	Есенин 110 какой: поэт 7; молодой 6; красивый, простой 5; добрый, душевный, кудрявый, мёртвый, милый, патриотичный, пьяный, русский, светлый 2, бабник, бегущий по полю, блондин, бунтующий, в кепке, вдохновенный, вдохновлённый, вдохновляющий, великий поэт, весенний, вечно ищущий, впечатлённый, горячий, грустнявый, деревенский парень, деревня, душа нараспашку, задиристый, задумчивый, золотистый, золотой, имажинист, интересный, искренний, Казанова, крестьянский, легкомысленный, лирик, лиричный, любимый, любящий, любящий родину, мечтатель, мечтательный, московский, мягкий, «Ненавидящий село крестьянский поэт, от скуки и водки кромсающий вены», неоднозначный, непокорный, непонятный, одинокий, озорной гуляка, отчаянный, оуджи, патриот, печальный, против Маяковского, разбитый, разгульный, родной, романтический, русский поэт, рязанский, с пшеничными волосами, самоубийца, свободный, свой, сентиментальный, сердечный, сошедший с ума, терзающийся, трагичный поэт, упрямый, хороший, хулиган, шлюха, эмоциональный 1, отказы 2	Есенин 101 что делает: пишет 25, пишет стихи 20, пьёт 7, стихи пишет 4, стихи, творит 3, идёт, лирика, тоскует, хулиганит 2, грустит, гуляет, гуляет по полю, декламирует, думает, душу выворачивает, занимается поэзией, катается в кабриолете, лежит, лирику, любит родину, любовь к Родине, перерезает вены, писал, писал матерные стихи, писатель, пишет пером, принадлежал к движению имажинистов, пьёт вино, «пьёт, как тварь», «славит крестьян, Россию», сочиняет, сочиняет стихотворения, «стихи, очень красивые», стихи писал, стихотворения, «читает стихи проституткам и с бандюгами жарит спирт», читает стихи со сцены, шлюха 1, отказы 2

Представленные материалы можно сопоставлять между собой, а также интегрировать и рассматривать при семантическом и ассоциативном анализах в совокупности.

Другим типом сопоставительных словарей могут стать семантические сопоставительные словари. В них представлены результаты семантического анализа данных психолингвистического эксперимента (-ов). Такой словарь

требует очень серьезной и кропотливой работы исследователя, так как представляет собой не просто описание экспериментальных результатов, а и их семантическую интерпретацию. Данный тип словаря может быть интересен как ученым, так и рядовым носителям языка, так как имеет прагматическую ценность – включает готовые словарные статьи с описанием семантики конкретной языковой единицы.

С точки зрения материала исследования возможны различные виды семантических сопоставительных словарей: возрастные, гендерные, региональные, профессиональные и др.

Например, в настоящее время разрабатываются три ассоциативные базы: ЕВРАС, УРРАС, СИБАС. Каждый из данных словарей является региональным. На материале этих трех словарей возможно создание сопоставительного регионального семантического словаря, в котором будут представлены варианты дефиниций одной и той же языковой единицы, основанные на экспериментальных данных трех баз.

Интересным был бы темпоральный сопоставительный словарь, словарные статьи которого могли бы включать дефиниции, составленные на основе семантической интерпретации ассоциативных полей РАС (2002) и ЕВРАС (2014).

Профессиональный сопоставительный словарь может включать дефиниции одного и того слова, составленные по результатам экспериментов, проведенных с представителями разных профессий (врачей, юристов, учителей, строителей и др.).

Кратко опишем принципы составления сопоставительных словарей в пределах одного языка.

1. Определение словника будущего словаря. Исследователь должен определить тип словарных единиц, которые лягут в основу словаря. Критерием может служить частотность единиц, их стилистический характер, отнесенность к какой-либо семантической группе и др.

2. Выбор материала для исследования и проведение эксперимента. В нашем случае материалом исследования служат результаты психолингвистических экспериментов (например, свободного и направленного ассоциативных экспериментов, дефиниционного эксперимента, лингвистического интервьюирования и др.).

Могут быть использованы как данные экспериментов, проведенных исследователем самостоятельно, так и доступные исследователю психолингвистические данные.

От выбора материала исследования зависит характер, объем, вид представления семантической информации в сопоставительном словаре. Словарь может быть моноэкспериментальным (на базе данных одного эксперимента) и полиэкспериментальным (на базе двух и более экспериментов одного или различного типа).

3. Определение типа словарной статьи. Чаще всего материал сам подсказывает, в каком виде лучше представить языковые данные: в ассоциативных словарях – ассоциативные поля стимулов; в семантических – развернутые или краткие дефиниции.

4. Семантический анализ результатов психолингвистического исследования. В семантических сопоставительных словарях экспериментальный материал подвергается семантической интерпретации и представляется в виде дефиниций.

5. Комментарии составителя словаря. Данный тип информации в словаре не обязателен, но может быть представлен для уточнения какой-либо информации.

Таковы основные принципы составления сопоставительных словарей в пределах одного языка.

Литература

1. Контрастивная лексикология и лексикография: монография / Под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. – Воронеж, «Истоки», 2006.

Ю.А. Цофина

Сопоставительный анализ методов семантического описания междометий

Аннотация: В статье сопоставляются результаты исследования семантики междометия «ах», полученные с помощью разных методов семантического описания: лексикографического, контекстуального, психолингвистического.

Ключевые слова: Лексикографическое, контекстуальное, психолингвистическое описание семантики междометий; метод обобщения словарных дефиниций, анализ слова в контексте, экспериментальное описание семантики.

Abstract: The paper compares the research results of interjection “ah” semantics obtained by different methods of semantic description: lexicographic, contextual, psycholinguistic.

Key words: Lexicographic, contextual, psycholinguistic description of interjection semantics; method of dictionary definitions generalization, contextual word analysis, experimental description of semantics.

Описание семантики междометий – задача, представляющая немало трудностей для исследователей. Отсутствие денотата, диффузность значений, преобладание интонационных характеристик над фонетическими, важность жесто-мимического сопровождения для понимания значения языковой единицы и т.д. заставляют использовать разные подходы к описанию семантики интеръективов. Целью настоящей статьи является сопоставление трех методов, с помощью которых можно описать семантику междометия: лексикографическое описание, контекстуальное описание, психолингвистическое описание. Мы применили каждый из указанных методов к описанию семантики многозначного междометия «ах» и затем сопоставили результаты.

Лексикографическое значение междометия «ах» было описано методом обобщения словарных дефиниций, который основан на теоретическом принципе дополненности словарных дефиниций разных словарей. Каждая дефиниция отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга (Стернин, Рудакова 2011, с. 21). Мы выписали значения междометия «ах» из 4 толковых словарей русского языка: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, Большой академический словарь русского языка, Словарь русского языка С.И. Ожегова под редакцией Н.Ю. Шведовой и Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой.

В результате нами были выявлены следующие значения междометия «ах», которые мы расположили от ядерных к периферийным (вслед за И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой ядерными мы считаем те значения, которые выделены всеми словарями и приводятся в этих словарях первыми; периферийными считаются значения устаревшие, стилистически ограниченные, выделенные только отдельными словарями (Стернин, Рудакова 2011 с. 23)): удивление, восхищение, испуг, горе, сожаление, неожиданное воспоминание о чем-либо забытом, упущенном (ах, да! ах, кстати!), внезапность - неожиданность, радость, возмущение, употребляется для усиления слова, к которому примыкает (ах, как..., ах, какой ..., ах, сколько ...), не ах, изумление, надежда, восклицание, печаль, оценка чего-либо как очень привлекательного, необычного, порицание, осуждение, в бранных выражениях (ах так, ах (вот) как), отчаяние, не ахти, ахти, риторические восклицания, ах ты - при порицании, реакция на неожиданное действие, на что-л. упущенное, забытое, выражающее досаду или удивление, ах ты с обращением - укоризна, осуждение, возмущение, употребляется при обозначении громкого, отрывистого звука, возникающего в результате выстрела, взрыва и т.п. Значения субстантивированного «ах» в данном исследовании мы не рассматривали.

Контекстуальное описание, в основе которого лежит анализ слова в контексте, всегда выявляет семы, не вошедшие в словарное толкование (Стернин, Рудакова 2011, с. 12).

Мы провели контекстуальный анализ употреблений междометия «ах» на материале Национального корпуса русского языка и выявили ряд сем, не отмеченных в вышеупомянутых толковых словарях.

Осознание новой информации – передается конструкциями ах; ах, так; ах, так (вы, ты, это); ах, (ты, вы) так; ах, значит; ах, (значит) вот (вон) (как, какой, куда, откуда); ах, (вот) так (значит); ах, вот (ты, вы) как (значит); ах, вот (вон) (что, ((оно) как, что), в чем дело, почему, вы о чем):

«Ах, так это и есть современная советская комсомольская молодежь?»

Ах, значит, Гуляев вам все-таки кое-что сказал!

- Ах, во-от как, - протянула она. – Ты тоже посвящен в наши тайны.

1. реакция на новую информацию, уточнение информации, негативная оценка новой информации:

- А что вы там делали? Ах, по истории ездили. Ну-ну, понимаю, понимаю!

- Колокольня? Ах, эта, у реки? Н-не знаю...

- Ах, я подонок? А как же, интересно, назвать тебя?

Выделяя эти семы, мы руководствовались, прежде всего тем, что в данных предложениях междометие «ах» или конструкция с междометием «ах» отличаются особым интонационным контуром, который выявляет значение интеръектива. Кроме того, в примерах из Национального корпуса нами были отмечены такие значения, как ирония, сарказм и досада, которые не были указаны в толковых словарях:

- Ах да, – говорю я едко, – ведь ты же у нас засекреченный товарищ.

- Ах, как умно! Детский сад, право слово!

- Ах! Все твои объяснения! – досадливо отмахивается она.

Под психолингвистическим описанием мы понимаем экспериментальное описание семантики языковых единиц, которое дает возможность представить содержание слова как некоторую психологическую реальность, выявить такие семантические компоненты, которые не фиксируются другими методами и приемами семантического анализа (Стернин, Рудакова 2011, с. 13).

В ходе эксперимента, в котором выделенные нами значения междометия «ах», описанные как совокупность эмоциональных, экспрессивных сем, сем волеизъявления, согласия / несогласия и т.д., были верифицированы носителями языка методом семной атрибуции, мы не выявили новых значений. Но проведенный эксперимент подтвердил данные о значениях «ах», которые мы получили, работая с контекстами, а кроме того, позволил расположить семантические признаки междометия по убыванию индекса яркости: воспоминание о забытом, сарказм (0,93), возбужденность (0,90), восторг/восхищение (0,86), новое понимание ситуации, ирония, сожаление (0,83), восторг/восхищение (0,80), согласие с собеседником (0,77), отвращение, ирония, сожаление, симпатия (0,76), раздражение, размышление, ностальгическое чувство, злорадство (0,73), возмущение, восторг/восхищение (0,70), возмущение, раздражение, сожаление, синоним слова «очень», интерес, любопытство (0,66), новое понимание ситуации заинтересованность, возбужденность (0,63), досада, угроза, нечто несбывшееся, восторг/восхищение, недовольство/неудовольствие (0,60), гнев, возмущение, досада, боязнь, удивление, симпатия (0,56), раздражение, страх, волнение, восторг/восхищение (0,53), возмущение, злость, раздражение, тревога, ирония, огорчение, удовольствие, умиление (0,50).

Каждый из вышеупомянутых методов описания семантики имеет и достоинства, и недостатки. Так, для целей нашего исследования недостатком лексикографического описания является различное представление одного и того же слова в разных толковых словарях. Кроме того, как показал контекстуальный анализ исследуемого нами междометия, выявляются семы, которые не вошли в словарное толкование.

Контекстуальное описание дает возможность описать значения слова, которые актуализируются в текстах, но не позволяет описать семантику слова объективно и углубленно: «...выявляемая этим методом семантика слова оказывается весьма субъективной, зависимой от конкретного автора, его художественной манеры, темы произведения, времени написания произведения, описываемой в произведении эпохи, типа периодического издания, его общественно-политической ориентации и др. факторов, влияющих на актуализацию семантики слова.» (Виноградова 2016, с. 7)

Кроме того, тексты Национального корпуса русского языка не дают абсолютно достоверных представлений о частотности единицы в современном языковом употреблении: «...те или иные лексемы или значения могли случайно не попасть в состав текстов «Корпуса», могли оказаться за пределами [...] контекстов, которые были определены как достаточные для коммуникативно-семантического анализа единиц поля» (Стернин, Рудакова 2011, с.64).

К недостаткам психолингвистического описания можно отнести зависимость полученных результатов от пола, возраста, профессии, ситуации проведения

эксперимента и других параметров (Виноградова 2016, с. 8). С другой стороны, значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем его представление в традиционных толковых словарях (Стернин, Рудакова 2011, с.11-12). Еще один недостаток подобного метода связан с тем, что определение значения слова фактически перекладывается на информантов. По мнению О.Н. Селиверстовой, информантам следует отвести более пассивную роль, поскольку знания о значении конкретного слова в основном не осознаются самими информантами (Стернин, Рудакова 2011, с.30). Результаты, полученные с помощью психолингвистического описания, нужно воспринимать как материал, который требует дальнейшей обработки.

Рассмотренные нами методы описания семантики слова, взятые отдельно, не могут дать объективных и полных результатов. В связи с этим встает вопрос об интеграции разных методов для описания семантики слов, что позволит результатам более полно и объективно отразить реальность языкового сознания (Виноградова 2016, с.8).

С помощью лексикографического описания можно выделить ядерные семы слова; контекстуальный анализ позволяет уточнить список семантических компонентов, актуализированных в контекстах употребления слова в языке; эти результаты следует верифицировать экспериментально, после чего мы получим психолингвистическое описание семантики слова как «...совокупность семантических компонентов, ранжированных по относительной яркости в языковом сознании носителей языка» (Стернин, Рудакова 2011, с. 15).

Литература

1. Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. — СПб.: Изд-во «Наука», 2004.
2. Виноградова О.В. Интегральная методика углубленного описания значения слова (*на материале семантического описания слов разных частей речи*): диссертация...кандидата филологических наук. — Воронеж, 2016.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — СПб.-М., 1903-1909.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. — М.: Русский язык, 2000.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Институт русского языка им. В.В. Виноградова /РАН. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999.
7. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. — «Ламберт», 2011.

Раздел 2

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

В.Н. Абабий

Освоение англо-американизмов французским языком (на материале гибридных билингвальных образований)

Аннотация: В статье анализируются особенности интерпретации в романистике французских словообразовательных структур, получивших название гибридных билингвальных образований. Рассматриваются их структурные и типологические характеристики.

Ключевые слова: Билингвальный гибрид, гибридизация, конфикс, англо-американизм.

Abstract: The paper analyzes the peculiarities of interpretation in romance Philology of French derivational structures, called hybrid bilingual formations. The author analyses their structural and typological characteristics.

Key words: Bilingual hybrid, hybridization, konfiks, Anglo-Americanism.

Теоретический аспект проблемы взаимодействия языков исследуется в лингвистике на протяжении более чем двух веков. На лексическом уровне, в частности, в словообразовании и лексикографии, анализ проблемы двуязычия приобретает практическую значимость ввиду активного освоения иноязычных заимствований, в первую очередь, англицизмов и американизмов, и образования так называемых билингвальных гибридных терминов, в другой терминологии – «интерферентных гибридов». К билингвальным гибридам относят слова, созданные на основе исконного и заимствованного элемента или, в более широком смысле, лексические единицы, образованные «из любых фрагментов и контрактур» (Ардаматская 1987, с.19).

Данный феномен обусловлен, по мнению специалистов, прямым заимствованием, необходимостью употребления иноязычного термина для замены, а также дополнения исконного компонента сложного слова в условиях языковой аналогии.

Целью данной статьи является анализ особенностей освоения англо-американизмов французским языком на материале «гибридных билингвальных образований» (Шарафутдинова 2016, с.144) (лексический/стилистический гибрид), а также сопоставление различных типологий гибридных образований, представленных в работах русских и французских романистов.

Термин *гибрид* в качестве лингвистического понятия был использован впервые французским лексикологом К.-Ф. Вожла, который, анализируя во французском языке термины, созданные на основе «классического словосложения», отмечал: «... в них [данных словах] «чудовищно» то, что они наполовину латинские, наполовину французские, хотя во всех языках существует много гибридных слов, или слов-слитков» (Vaugelas 1981, с.243).

Первая типология лексических гибридов была предложена А. Дармстетером и А. Ацфельдом в «Общем словаре французского языка» (Darmesteter, Hatzfeld 1964). В ней выделены следующие типы гибридов: греко-латинские гибриды

(*autoclave, chloral*); греко-французские гибриды (*bureaucratie, antipape*); французско-латинские гибриды (*génito-urinaire, séro-sanguin*).

Ж. Дюбуа определяет данный термин как «сложное слово, состоящее из разноразличных основ» – «лексематичных элементов» (Dubois 1973, с.246), что подразумевает, прежде всего, наличие греко-латинских составляющих, например, *aéroduc* (воздушный трубопровод). В дальнейшем подобные образования получили в романском языкознании название *конфиксы*, а способ их образования – *конфиксация* (Martinet 1979, с.243).

Понятие конфиксации лежит в основе концепции Л. Гильбера (Guilbert 1975), который различает следующие морфемные структуры: греческий конфикс + латинский конфикс (*aéroduc, ptéronave*); латинский конфикс + греческий конфикс (*spectroscope, altimètre*); греческий элемент + французское имя существительное (*auto-mouvoir, hydronef*); греческий или латинский конфикс + сложное слово (*aéro-biplane, sémi-orthoptère*). Данные компоненты-конфиксы находятся между аффиксами и автономными лексическими единицами: они выполняют лексическую функцию, подобно существительным, прилагательным или глаголам в языке-источнике, но в отличие от аффиксов обладают относительной автономией в языке-реципиенте (Gross 1996, с.18).

Детальное исследование гибридных новообразований во французском языке представлено в монографии М. Галио (Galliot 1954), в которой автор выделяет следующие основные структуры: французский элемент и элемент из древних языков (*monocoque, vita-raisin*); гибрид, содержащий химический термин (*iodorganine, théosalvose*) и впервые отмечает гибриды с англо-язычным элементом, например *téléfast, vitahair*. При этом автор не только выделяет англо-американские элементы структуры, но и показывает их морфемную специфику и комбинаторные возможности.

Процесс лексикализации гибридных терминов анализируется в «Словаре новых слов» Пьера Жильбера (Gilbert 1971), а также в словаре-справочнике «Новые слова и значения» под редакцией Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. Во французском словаре большое внимание уделено неологизмам, образованным с помощью конфиксов *mini-, anti-, auto-, multi-, néo-, super-, télé-*. Из данных конфиксов *mini-* назван более новым как для французского, так и для русского языка. Словарная статья данного конфикса содержит самое большое количество примеров, что говорит о его продуктивности и высокой степени его освоения языком-реципиентом. Например, словарь П.Жильбера фиксирует такие слова, как *mini-basket* – мини-баскет, предназначен для детей от восьми до двенадцати лет, *mini-cassette* – название марки магнитофонной кассеты, *mini-mode* и *mini-jupe* (перевод с англ. mini-skirt) – очень короткая юбка (до половины бедра, минискерт). Эти слова аттестованы и в словаре Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина, где отмечаются, кроме того, такие лексические единицы, как *минимода* (или *мини-мода*), *мини* (как неизменяемая лексема), *миниюбка* (или *мини-юбка*), а также калька минискерт (Цит. по Фелицыной - <http://www.books.ru/author/felitsyna-108438>).

Наблюдаемые в основном в различных социолектах (разговорный язык, сленг, арго, или так называемый «модный» язык), двуязычные стилистические гибриды выполняют различные функции и служат для выражения иронии,

пейоративного или мелиоративного значений, а также для создания эффекта игры слов. Способ их образования состоит обычно в сближении стилистически или семантически контрастных основ, элементы которых, как правило, должны использоваться отдельно друг от друга.

В современном французском языке в связи с огромным количеством англо-американизмов и их активным освоением, прослеживается тенденция к образованию гибридных билингвальных новообразований «на основе соединения исконной основы и аллогенного, чаще всего английского компонента» (Шарафутдинова 2016, с.144). Эта тенденция характерна и для территориальных социолектов французского языка Африки (Багана 2004, с. 30), для которых вопрос о гибридных образованиях очень актуален. Присутствие автохтонного (национального) компонента в составе термина-гибрида объясняется стремлением пояснить смысл заимствованного элемента. Следует отметить, что англоязычный компонент нередко дополняет, а чаще всего заменяет уже существующий исконный термин. При этом, с одной стороны, реализуется стремление носителей языка к экономии языковых средств, а с другой – к наиболее полной передаче признаков новых понятий или реалий. Автор исследует интерпретацию 1) отдельных исконных английских лексем, а также 2) словосочетаний и глагольных конструкций. Так, слово *man* (анг. человек, мужчина) и *boy* (анг. мальчик) и используется франкоговорящей молодежью как самостоятельная лексическая единица в значении *друг, приятель*, но может использоваться и в образовании слов, означающих специальность, профессию, род занятий, например: *théman* – продавец чая; *boy-maçon* – мелкий работник на стройке; *boy-moteur* – кондуктор в автобусе; *boy-jardinier* – садовник (Багана 2014, с.49).

Наряду с вышеуказанными примерами использование англицизма *land* – страна, земля в структуре гибридных новообразований, как *interland* – провинция; *exiland* – территория, где живут изгнанные политики после войны 1997г.; *norland* – северная часть республики Конго, свойственно только французскому языку Республики Конго (Багана 2014, с.50). Также автор отмечает ряд словосочетаний и глагольных конструкций и выносит суждение о необходимости включения наиболее употребительных или целесообразных из них в специальных словарях неологизмов: *gentil car* – полицейская машина; *faux car* – сломанная машина; *tomber knock* – влюбиться. (во фр. *tomber amoureux*); *être well*: 1) хорошо себя чувствовать; 2) быть в состоянии алкогольного опьянения; *être (faire) en thank you* – носить рубашку, заправленную в брюки; *être all right* – быть в своей тарелке; *faire (dire, annoncer) flash* – передать какое-то короткое сообщение, дать знать (Багана 2014, с.52).

В периодических изданиях последних лет, в толковых словарях можно также выявить значительное количество англо-французских гибридных новообразований. В издании словаря Le Petit Robert 2017г. войдут также, среди множества новых слов и новых значений, гибридные билингвальные термины из различных сфер, например: 1) медицины, философии: *syllogomanie*; 2) информатики, мультимедиа: *hackathon, twittosphere, bitcoin, fablab*; 3) экологии: *lombricomposteur, écocité*; 4) разговорного языка: *s'enjailler*. Кроме выделенных англо-французских гибридов, в словаре будут указаны также и некоторые

классические конфиксальные гибриды: *micropaïement*, *microbiome*, *aquabike* (<http://www.lerobert.com/docs/2017-CP-mots-nouveaux>).

Таким образом, анализ теоретических и лексикографических источников позволяет сделать вывод о том, что в аспекте романской словообразовательной традиции понятие билингвального гибрида исследуется в узком значении как термин, определяемый двумя фундаментальными критериями: 1) этимологическим и 2) морфемным. В зеркале современных исследований, экспансия механизма гибридизации обусловлена процессом стремительного освоения англо-американизмов во французском языке и определяется критерием языковой экономии средств при передаче различных признаков новых понятий и реалий.

Литература

1. Darmesteter A. et Hatzfeld A. Dictionnaire général de la langue française du commencement du XVIIe siècle jusqu'à nos jours. – Vol. 1-2. Paris: Delagrave, 1964.
2. Dubois J., Giacomo M., Guespin, L. Dictionnaire de linguistique. – Paris: Larousse, 1973.
3. Galliot M. Essai sur la langue de la reclame contemporaine. – Toulouse: E. Privat, 1954.
4. Gilbert P. Dictionnaire des mots nouveaux. – Hachette: Tchou, 1971.
5. Gross G. Les expressions figées en français. – Paris: Ophrys, 1996.
6. Guilbert L. La créativité lexicale. – Paris: Larousse, 1975..
7. Martinet A. Grammaire fonctionnelle du français. – Paris: Crédif/Didier, 1979.
8. Vaugelas C.-F. Remarques sur la langue française. – Paris: Champ Libre, 1981.
9. Ардаматская Е.Н. Акронимия как форма адаптивности языковой системы (на материале английской морской терминологии): автореф. дис. канд. филол. наук. – Л., 1987.
10. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: дисс. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2004.
11. Багана Ж. Влияние английского языка на локальное словообразование в территориальных вариантах французского языка Африки.//Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. № 6 (177). – Вып. 21. – С. 47-52.
12. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литература 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. – М., 1971.
13. Фелицына В.П. О двух словарях новых слов (французском и русском) в сравнительном плане URL: <http://www.books.ru/author/felitsyna-108438> С. 53 – 62
14. Шарафутдинова Н.С. Лексико-семантические процессы в немецкой авиационной терминосистеме. – Ульяновск: УлГТУ, 2016.

А.П. Бабушкин

Табуированная лексика и эвфемизмы в языковой практике носителей современного русского и английского языков

Аннотация: Статья посвящена проблеме эвфемизмов в среде современных носителей русского и английского языков.

Ключевые слова: Табу, эвфемизмы, проблема языка и культуры.

Abstract: The paper is devoted to the problem of euphemisms in Russian and English-speaking communities.

Key words: Taboos, euphemisms, the problem of language and culture.

Слово «табу» [от фр. *tabou* < полинез. *tapu* – священный, запретный] у первобытных народов означало религиозный запрет, налагаемый на какие-нибудь действия, предметы и их обозначения в языке (Крысин 2010, с. 689). По религиозно-мистическим представлениям, явление «табу» в своём историческом

зачатке было тесно связано с магией, процедурами, якобы обладающими чудодейственными свойствами и способными подчинять сверхъестественные силы. Примитивные представления о причинно-следственных связях заставляли дикаря избегать того, что, по его представлениям, могло ему навредить (Фрэзер 1986, с. 26-27).

Исходя из упомянутых выше предпосылок, запрет распространялся не только на предметы и явления, но и на факты языка. Табу налагалось на слова, обозначающие смерть, болезни, имена богов и духов, названия животных – объектов охоты и т.д. Всё это было основано на ошибочном отождествлении этих вещей и слов, их называющих (там же). Для замены табу и нужны были другие слова – эвфемизмы.

В неоднократно переиздаваемой книге «Введение в языкознание» А.А. Реформатский приводит многочисленные примеры подобных замен, начиная с названий змей и медведей в лексиконе многих индо-европейских народов (русское слово «змея» – того же корня, что и «земля»; хрестоматийно известно, что имя «медведь» – искусственно составленное сложное слово со значением «тот, кто ест мёд») (Реформатский 1955, с. 71). В свою очередь, «snake» (англ. «змея») соотносится с русским словом «нагой» (др.-англ. *nasod* – «голый») – змея способна сбрасывать кожу, а в древности нагота считалась символом святости; английское «медведь» – «bear» - слово-замена, таящее в себе идею духа растительности (глагол «bear» - рождать, порождать) (Маковский 1999, с. 54, 340).

С течением времени сакральные моменты были преданы забвению, и на первый план в поисках эвфемизмов выдвигались попытки заменить определённое слово или словосочетание, несущее на себе печать грубости, непристойности, «разрешённым» словом, выражением, лишённым негативных коннотаций.

Вместо «Вы врётё» в благопристойном обществе следовало говорить «Вы ошибаетесь», «Вы не совсем правы»; вместо «его вырвало» надобает говорить «он поехал в Ригу» (по каламбурному созвучию); вместо «вошь» годится слово «насекомое». «У Вас не чахотка, а tbc», - успокаивает врач обеспокоенного пациента. В стационарных условиях ведут речь о «хирургическом вмешательстве» (вместо «операции») и о «ментальном исходе» (Реформатский 1955, с. 71).

Тот же семантический процесс наблюдается в английском языке: за словом «casket» (ящик, контейнер) мыслится гроб; «fall asleep» (букв.: «уснуть») значит «умереть»; «to be ultimate sacrifice» (стать последней жертвой) – «быть убитым»; «after a long illness» (букв.; после долгой болезни) – «умереть от рака»; «little girls' room» (комната для девочек – «туалет» – место, произносить название которого в его прямом значении считается неприличным); «to be economical with the truth» (быть экономичным в изложении истины) – «лгать»; «industrial action» – «забастовка»; «to be tired and emotional» (оказаться в состоянии усталости и эмоционального напряжения) – «спьянеть» и т.п. (Crystal 1995, с. 175).

См. также: «She has met with an accident» (у неё неожиданное происшествие) - то есть родился ребёнок до замужества; «an innocent» (невинный человек) –

«глупец»; «beldam» (букв.: ведьма) – «некрасивая женщина» (Brewer 1998, с. 1324).

Таким образом, эвфемизмы были нацелены на избежание конфуза, связанного со звучанием и смыслом вербальных единиц, упомянуть которые в приличном обществе считалось непригодным. В эпоху социальной стратификации общества такое условие воспринималось в виде нормы. А.А. Реформатский вспоминает эпизод из «Воительницы» Н.С. Лескова, пример, характерный для речевых стандартов, присущих людям определённого класса: «Обращение у Домны Платоновны было такое. Ни за что, бывало, она в гостиной, не скажет, что «была, дескать, я во всенародной бане», а выразится, что «имела я, государь, счастье вчера быть в бестелесном маскараде», а о беременной женщине ни за что не брякнет, как другие, что «она, дескать, беременна», а скажет: «она в своём марьяжном интересе» и тому подобное» (ср. «в интересном положении») (Реформатский 1955, с.71).

О том же факте красноречиво говорит и наш пример, почерпнутый из рассказа А.П. Чехова «Смерть чиновника». Иван Дмитриевич Червяков (человек с «говорящей фамилией». - А.Б.), сидя в театре во втором ряду, нечаянно чихнул на статского генерала, а потом до самой своей смерти, пресмыкаясь, ходил и извинялся за содеянное. Сказать: «Я на Вас чихнул» он не мог (по В. Далю: «А чихать мне на него!») суть выражения пренебрежения – Даль 1994, т.4, с. 1351), поэтому, извиняясь, бедный экзекутор твердил одно и то же:

- Извините, ваше –ство, я Вас обрызгал...я нечаянно.

С этим подобострастным эвфемизмом мелкий канцелярский служащий Червяков закончил свой жизненный путь.

Социальная иерархия общественных отношений не играет ведущей роли в современной жизни, но, тем не менее, что касается табуированной лексики (в конкретном случае речь идёт о грубых словах и выражениях), то они чаще встречаются в высказываниях менее образованных людей, хотя и в разговоре более «продвинутых» членов общества как носителей русского, так и английского языка, их появление не редкость (в причинах этого явления следует разбираться отдельно).

И ещё один момент: эвфемизмы принято отличать от так называемого «эзоповского языка» (хотя А.А. Реформатский и причисляет последние к эвфемизмам). «Когда в 1916 году – пишет автор «Введения в языкознание, - был убит Григорий Распутин и цензура запрещала называть его именем и фамилией и даже прозвищем («Старец»), журналисты употребили эвфемизм, а правильное сказать – выразились «эзоповским языком» (вставка моя. – А.Б.), именую одиозную фигуру Распутина словосочетанием «одно значительное лицо» (Реформатский 1955, с.71).

Именно в России под влиянием подцензурной прессы «эзоповский язык» – особый стиль изложения, призванный замаскировать выражение идей, противоречащих официальной политике и идеологии, – получил своё развитие. Им пользовались передовые люди русской истории. Например, в своё время декабристы говорили о «временщике», имея в виду А.А. Аракчеева; революционеры-демократы называли реформу «невестой», а Сибирь –

«Вестминстерским Аббатством» (БЭС 1998, с. 590). В странах с более демократическим строем это явление оказалось менее развитым.

В языковой практике носителей русского и английского языков в интересующем нас аспекте устоялись, а также формируются следующие тенденции.

Если считать, что художественная литература представляет собой мир, наиболее приближенный к реальной действительности, то табуированная лексика в устах героев англоязычных произведений по-прежнему является «печатным словом». В лучшем случае в качестве субститута выступает начальная буква, позволяющая обозначить всю пейоративную структуру.

До последнего времени этот способ применялся и в русской литературе, что определённым образом служило созданию социолингвистического портрета того или иного лица. Однако сегодня бранное слово в тексте уже не находится «за запретной чертой». Более того, «употребление сниженного становится модным стилистическим приёмом не только в художественной литературе, но и в средствах массовой информации». По наблюдению О.Б. Сиротининой, «через газеты и через телевидение, в меньшей степени – радио этот эталон «хорошей» речи распространяется среди населения, навязывается ему» (Сиротинина 2003, с. 550). Учёный иллюстрирует подобные факты несколькими цитатами из выступлений некогда популярного тележурналиста Е.А. Киселёва, в том числе, предпосланным им укором в адрес людей, которые «ни фи́га не понимают в передаче «Глас народа». Не менее показательной оказывается зафиксированный автором отзыв пожилого доцента-лингвиста о юбилее коллеги: «Ваш юбилей был настоящий отпад». «Ещё несколько лет назад такое слово в речи было абсолютно невозможно», – отмечает О.Б. Сиротинина.

Вместе с тем, выявляется ещё одна любопытная тенденция, которую мы назовём «выветриванием» негатива из плана содержания табуированной лексики русского языка. На это же явление на примере английского языка указывает составитель Кембриджской энциклопедии английского языка Д. Кристал (Crystal 1995).

С другой стороны, в русском языке имеет место феномен, получивший в лексикологии термин «дисфемизм», под которым мыслится замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным: «загреметь» вместо «упасть», «рассопливиться» вместо «заплакать» и т.п. (БЭС 1998, с. 590). Данное явление хорошо подметили авторы плутовского романа «Двенадцать стульев» И. Ильф и Е. Петров, вложив в уста гробовых дел мастера Безенчука набор «видовых» дифференциаций слов и словосочетаний, обозначающих понятие «умереть», среди которых видное место занимают такие колоритные выражения, как «сыграть в ящик», «дать дуба» и «гикнуться».

Случаев дисфемизмов достаточно много и в англоязычном сленге: «to kick the bucket» (букв.: пнуть ведро) – умереть, «chew the rag» (букв.: жевать тряпку) – спорить, «to crack a book» (букв.: расколоть книгу) – «учиться».

Было бы заманчиво выявить механизмы, лежащие в основе формирования как русских, так и английских эвфемизмов и дисфемизмов, хотя эта тема должна быть объектом самостоятельного исследования.

Обратимся сначала к соотношению понятий «табу» и «эвфемизм» в формате их аксиологической интерпретации. Понятно, что на воображаемой прямой они займут противоположные позиции – от полюса негативной до полюса позитивной оценки. Однако вместе с тем, эти полярные сущности – табуированные слова и словосочетания, с одной стороны, и их субституты, с другой, должны иметь некую точку соприкосновения, поскольку как табу, так и эвфемизм соотносятся с одним мыслительным объектом.

Думается, что этот же процесс выдерживается и при анализе дисфемизмов, но только на этот раз полюса со знаком «минус» и со знаком «плюс» меняются местами. Следовательно, как это ни странно звучит, они призваны стоять в одном синонимическом ряду.

Резюмируя описанный здесь материал, необходимо констатировать, что наша статья носит, в основном, обзорный характер, но она имплицитно подразумевает широкий круг актуальных для сегодняшнего дня вопросов, сводимых под рубрику «Язык и мировая культура».

Литература

1. Большой энциклопедический словарь «Языкознание»/ 2-е издание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. – М.: Наука, 1998.
2. Крысин Л.П. Иллюстративный толковый словарь иностранных слов. – М.: «Эксмо», 2010.
3. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. – М.: Изд. дом «Диалог», 1999
4. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1955.
5. Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об её эталоне// Русский язык сегодня. Вып. 2. – М.: «Азбуковник», 2003.
6. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии/ Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1986.
7. Brewer E.C. The Dictionary of Phrase and Fable. – Cambridge: Galley Press, 1998.
8. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge University Press, 1998.

С.И. Деркач, М.А.Стернина

Избирательный процесс в США и России в зеркале языка

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ тематической группы «Выборы» в русском языке и американском варианте английского языка.

Ключевые слова: Выборы, сопоставительный анализ, сопоставительно-параметрический метод.

Abstract: The paper compares the thematic group «Elections» in the Russian language and the American variant of the English language.

Key words: Elections, comparative analysis, comparative-parametric method.

Национальные особенности избирательного процесса в разных странах наглядно проявляются в языке. Предметом рассмотрения данной статьи является лексика, характеризующая особенности избирательного процесса в США и России.

Остановимся, прежде всего, на количественно-структурном аспекте изучаемых тематических групп. Как показало исследование, в тематическую группу «Выборы» в русском языке входит 21 лексема, в английском (американский вариант) – 221 лексическая единица. Даже только сопоставление номинативной плотности (термин В.И. Карасика – Карасик 2004, с. 111) рассматриваемых группировок ярко свидетельствует об отражении русским языком и американским вариантом английского языка особенностей избирательного процесса в соответствующих странах.

Отметим различия и в их структурной организации. Если в русском языке данная группа представлена семью подгруппами, то английская группа подразделяется на одиннадцать подгрупп. В ней, в отличие от русского языка, выделяются такие подгруппы, как «Работа выборных органов» (*joint resolution* – амер. совместное постановление обеих палат Конгресса, принимающее силу закона после утверждения президентом; *smothering* – передача законопроекта в комитет Конгресса США и др.), «Методы голосования» (*multiple voting* – система голосования, при которой избиратель имеет право голосовать в нескольких округах; незаконное голосование одним избирателем в нескольких округах; *complimentary vote* – амер. голосование делегатов партийного съезда за кандидата, не имеющего шансов на победу, но которого делегаты не хотят обидеть и др.), «Типы выборов» (*absentee voting* – практика голосования по почте для лиц, находящихся вне своего округа; *contested election* – амер. выборы, правильность которых оспаривается; *reinstating elections* – амер. выборы, в результате которых к власти вновь приходит партия, находившаяся у власти в течение нескольких сроков, но потерпевшая поражение на предыдущих выборах и др.), «Результаты выборов» (*maintaining elections* – амер. выборы, сохраняющие соотношение политических сил; *tie-vote* – равное число голосов; *walk-in* – лёгкая победа на выборах и др.).

Помимо наличия эндемичных структурных единиц, в рассматриваемых группировках обращают на себя внимание и весьма существенные различия в номинативной плотности одноименных подгрупп. Так, подгруппа «Органы и территориальные образования, осуществляющие подготовку и проведение выборов» в русском языке представлена 4 лексемами, в английском – 13 единицами, подгруппа «Наименования понятий избирательного процесса» – соответственно четырьмя и десятью лексемами, подгруппа «Процедура проведения выборов» – двумя и двадцатью пятью. В подгруппу «Артефакты выборной деятельности» в русском языке входят всего 2 единицы, а в английском – 31, «Предвыборная борьба и политические махинации на выборах» – соответственно 2 и 47, «Наименования лиц по отношению к избирательному процессу» – 4 и 64. Лишь в подгруппе «Наименования выборных органов» сравнение номинативной плотности оказывается в пользу русского языка: в данной полугруппе в русском языке зафиксировано 3 лексемы (*Гордума, Госдума, Дума*), а в американском варианте английского языка – всего одна (*Congress*).

Остановимся более подробно на анализе подгрупп, проявляющих в русском языке и американском варианте английского языка наибольшие различия в номинативной плотности. Это подгруппы «Наименования лиц по отношению к

избирательному процессу» (4 и 64 лексические единицы соответственно) и «Предвыборная борьба и политические махинации на выборах» (2 и 47 единиц).

Подгруппа «Наименования лиц по отношению к избирательному процессу» в русском языке содержит всего 4 лексемы, три из которых (**избиратель, партвыдвиженцы, электорат**) являются однозначными, а одна (**паровоз**) имеет в своей семанте 2 семемы и входит в рассматриваемую подгруппу по семеме К1 «лидер или тройка лидеров партии» (*У нас сильный «паровоз» Эдуард Россель и именно на нем лежит вся ответственность за результат грядущих выборов.*).

В одноименной английской подгруппе из 64 единиц 30 входят в нее по семеме Д1, 16 – по семеме Д2, еще 4 – по двум семемам – Д1 и Д2, а 14 – по коннотативной семеме К1. В качестве примера лексемы, входящей в рассматриваемую подгруппу по двум семемам, приведем лексему **canvasser**, которая входит в нее по семеме Д1 «кандидат на выборах или его сторонник, обходящий дома для собирания голосов» (*I'd spend most of the day having to chat to political canvassers*) и Д2 «член комиссии, проверяющий правильность результатов выборов». В качестве примера лексем, входящих в данную группу по семеме К1, приведем следующие: **rabbit** (кандидат на выборный пост, возглавляющий марафон, но сходящий с дистанции в последний момент для обеспечения победы руководства партии), **switcher** (колеблющийся избиратель), **dream ticket** (комбинация двух популярных в партии и в стране политических деятелей, выдвигаемых на пост президента и вице-президента).

Отметим, что в составе английской подгруппы были зафиксированы две синонимические пары и один трехчленный синонимический ряд: **lame duck – sore-head** (провалившийся на выборах кандидат); **ringer – repeater** (незаконно голосующий несколько раз); **constituent – elector – poller** (избиратель), наличие которых свидетельствует о важности соответствующих понятий для носителей американского варианта английского языка.

Вторая из выбранных нами для анализа подгрупп «Предвыборная борьба и политические махинации на выборах» в русском языке представлена исключительно однозначными лексемами: **политтехнологи** и **паровозная компания**.

В английском языке из 47 лексем данной подгруппы 33 входят в нее по семеме Д1, десять – по семеме Д2, а еще 4 лексемы – по семеме К1. В качестве примера лексем, входящих в рассматриваемую подгруппу по семеме Д2, приведем следующие: **personation** – амер. незаконное голосование в нескольких избират. округах, выдача себя за другое лицо с целью воспользоваться его правом голоса; **pipe-laying** – предоставление права голоса, тем, кто не проживает в данном округе. Примером лексемы, входящей в данную группу по семемам К1, может служить лексема **challenge** – 1) недопущение избирателя к голосованию 2) требование об аннулировании избирательного бюллетеня или результатов голосования.

Девять лексем рассматриваемой подгруппы демонстрируют синонимические отношения, образуя при этом три синонимические пары и один трехчленный синонимический ряд: **doorbell ringing – walkathon** (обход домов перед выборами); **mudslinging – roorback** (клевета, порочащая кандидата на

выборах); *steamroller – still hunt* (обработка избирателей, проводимая скрытно); *gerrymander – football of politics – political jugglery* (политические махинации), наличие которых, как и в предыдущей рассмотренной группе, свидетельствует о важности обозначаемых понятий для носителей языка.

Анализ эмоционально-оценочного аспекта рассмотренных подгрупп русского языка показал, что абсолютное большинство изученных лексем относятся к нейтральной лексике, их значения не имеют эмоционально-оценочных характеристик.

Что касается одноименных английских подгрупп, нами было зафиксировано в них достаточно большое количество эмоционально-окрашенных лексем, выражающих пренебрежительное, неодобрительное отношение к объекту, который они номинируют: *captive candidate* (кандидат, являющийся послушным орудием в руках других), *tinhorn gambler* (политик, не имеющий влияния, за предвыборными обещаниями которого ничего не стоит), *fat cat* (бизнесмен, финансирующий избирательную кампанию) и др.

Использование разработанных в рамках сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2014) индексов и шкал (Деркач 2011) позволило выявить характер национально-специфических различий рассмотренных группировок. Проведенный анализ показал, что национальную специфику изученных группировок можно определить, как **ярко-выраженную**, а расхождения в номинативной плотности тематических подгрупп в русском языке и американском варианте английского языка могут быть охарактеризованы как **гипервыраженные**.

В заключение отметим, что подобные различия в номинативной плотности сравниваемых подгрупп дают возможность судить о культурных и исторических особенностях развития избирательной системы двух стран, а также о том, какое место занимают выборы в жизни их народов. Невысокая номинативная плотность рассмотренных группировок в русском языке позволяет охарактеризовать российскую избирательную систему как молодую, находящуюся в стадии формирования и, в связи с этим, не так сильно, как в США, подверженную различного рода политическим махинациям. Высокая же номинативная плотность данных группировок в американском варианте английского языка свидетельствует не только о давних, сложившихся в условиях политической демократии традициях выборов, но и, судя по анализу значений соответствующих лексем – о высокой степени коррумпированности выборного процесса и традиционно большом количестве махинаций на выборах, что нашло убедительное подтверждение в ходе последней избирательной кампании в США 2016 года.

Литература

1. Деркач С.И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках). дисс. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2011.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2014.

**Сопоставительный анализ
семантики топонимических вариантов
(Санкт-Петербург, Петроград, Питер, Ленинград
в языковом сознании носителей языка)**

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу семантики топонимических вариантов названия города *Санкт-Петербург: Санкт-Петербург, Петроград, Питер, Ленинград* в языковом сознании носителей языка. Анализ осуществлен на основании результатов проведенных автором свободного и направленного психолингвистических экспериментов.

Ключевые слова: Топонимы, варианты, языковое сознание.

Abstract: The paper is devoted to comparative semantic analysis of toponymical variants of the city name *Saint Petersburg: Saint Petersburg, Petrograd, Leningrad* and *Peter* in Russian native speakers' language consciousness. The analysis is based on the results of psycholinguistic experiments held by the author.

Key words: Toponym, variants, language consciousness.

В статье проводится сопоставительный анализ семантики топонимических вариантов названия города Санкт-Петербург: Санкт-Петербург, Петроград, Питер, Ленинград в языковом сознании носителей языка.

Эксперимент проводился в ноябре-декабре 2016 года. В эксперименте приняло участие 50 испытуемых – лиц мужского и женского пола в возрасте от 13 до 83 лет. Испытуемыми выступали жители г. Москвы и Московской области. Для проведения свободного и направленного психолингвистического экспериментов испытуемым были предложены слова « Санкт-Петербург», «Петроград», «Питер», «Ленинград».

Испытуемым была предложена следующая инструкция:

1. Свободный ассоциативный эксперимент:

Напишите любое слово или слова, которые ассоциируются у вас со словами « Санкт-Петербург», «Петроград», «Питер», «Ленинград».

2. Направленный ассоциативный эксперимент:

Ответьте на вопрос: « Санкт-Петербург – какой?», «Петроград – какой?», «Питер – какой?», «Ленинград – какой?».

В конце анкеты испытуемым было предложено указать возраст, пол и дату заполнения анкеты.

Некоторые испытуемые дали более одной реакции, как в свободном, так и в направленном ассоциативном экспериментах. Эти реакции включены в ассоциативное поле исследуемых стимулов.

На следующем этапе исследования полученные результаты были обработаны и составлены ассоциативные поля исследуемых стимулов.

Санкт Петербург 50

Свободный ассоциативный эксперимент:

Петр 1 – 6, Нева 4, балы 2, ветер 2, город 2, Зимний дворец 2, культура 2, Ленинград 2, медный всадник 2, мосты 2, столица 2, Эрмитаж 2, Адмиралтейская игла, академичность, белые ночи, вокзал, вторая столица, высокопарность, город Петра, город приветствия, город, который заложил Петр, гусары, дамы в кринолинах, дворец, Дворцовая площадь, декабристы, дождь,

Достоевский, заговоры, знание, император, империя, имперская Россия, интриги, кафе, классичность, культурная столица, культурный центр, мои предки, молодежь, музеи, музыка, Невский, памятник, Петергоф, Петр бурит город..., Петропавловка, Питер в официальных документах, погода, поребрик, простор, Пушкин, сан (бабушка), солнце, Спас-на-крови, спокойствие, «столица» для нынешней власти, столица, чопорная, культурная, флот, царь, церковь, чтение.

Направленный ассоциативный эксперимент:

красивый 7, культурный 5, величественный 4, спокойный 3, важный 2, гордый 2, интересный 2, любимый 2, неспешный 2, серый 2, современный 2, благородный, блестящий, богатый, влажный, дворцовый, дворянский, долгожданный, древний, древний, европейский, жеманный, зимний, имперский, интеллигентный, каменный, кукла наряженная, молодежный, монументальный, мудрый, мужские, сильные, надежные плечи..., музейный, надменный, неторопливый, отреставрированный, официальный, пасмурный, петровский, прекрасный, светлая, разумная голова мужчины, светлый, северный, строгий, стройный, теплый, торжественный, туристический, тяжелый, хрустящий, царский, чопорный, шикарный.

Ленинград 50

Свободный ассоциативный эксперимент:

блокада 10, СССР 5, Аврора 3, архитектура 3, культура 3, Ленин 3, мосты 3, Нева 3, революция 3, война 2, город-герой 2, «Ирония судьбы» 2, музеи 2, музыкальная группа 2, холод 2, Аничков мост, бывшая столица Российской Империи, Великая Отечественная война, вода, голод, город воинской славы, город на Неве, город-герой, переживший блокаду, град, Гребенщиков, дворцы, дождь, зима, история, камень, каналы, медный всадник, мороженое, московский вокзал, набережная, новый год, облака, памятники, Петергоф, Петр 1, победа во Второй мировой войне, приличный чистый советский город, рок-клуб, «Савой», советское время, советское название Санкт -Петербурга, финский залив, царь, Эрмитаж.

Направленный ассоциативный эксперимент:

красивый 6, советский 5, холодный 4, старый 3, блокадный 2, героический 2, культурный 2, пасмурный 2, серый 2, благородный, близкий, в дымке прошлого, важный, великий, величественный, ветреный, голодный, гордый, гостеприимный, добрый, древний, зимний, изысканный, классический, коммунальный, кто же теперь узнает правду..., мамин командировочный город, мирный, мокрый, молодежный, мрачный, незнакомый, пьяный, разный, серо-пасмурный, скрытно-аристократический,

спокойный, стоящий на воде, строгий, сырой, творческий, теплый, тихий, уже несуществующий, ушедший, уютный, черно-белый, чистенький, чувственный.

Петроград 50

Свободный ассоциативный эксперимент:

революция 14, Петр 1 - 6, Санкт - Петербург 4, «Аврора» 3, зима 3, история 3, Ленин 3, Ленинград 3, Нева 3, песня ДДТ «эй, Ленинград, Петербург, Петроградище...» 3, холод 3, Эрмитаж 3, белые ночи 2, большевики 2, град 2, дождь 2, Зимний дворец 2, крейсер «Аврора» 2, крепость 2, Медный всадник 2, мосты 2, Невский проспект 2, немцы 2, бал, бары, бежит матрос, бежит солдат, Блок, вдохновение, ветер, власть, все равно люблю этот город, гибель империи, голод, город, город Петра, город Петра великого, город, построенный Петром, городище, гулять, гулять и не спать, дизайн 20-х, железо, залив, император, императоры, императрицы, Исаакиевский собор, каналы, книжка с фотографиями начала века, кораблестроение, красный флаг, кунст-камера, люди, люди бегают по улицам и что-то воруют, но со смыслом, матрос с «Авроры» на картинке, матрос с револьвером, мощь, мрачная, ветреная погода, надежда, начало новой эры, небольшие каналы, ограда, ощущение напора и энергии, памятник Петру 1, парадная, Петербург, Петергоф, Петроград-Петербург, поезд, преобладает революционная тематика, т.к. родился в СССР, пронизывающий ветер, Пушкин, разводные мосты, разруха, ранее утро, мужик в кожанке с пистолетом идет, громко звучат

шаги..., ратуша, революционный драйв, ремесла, сила, сильный ветер, Смольный, Советы, солдаты с винтовками, смута, беда, как в «Собачем сердце»: зима, люди боятся, снег, голод, матросы на улицах, солнце, старина, статуи коней, статуя Петра бронзовая на холме, статья, строгая красивая архитектура, товарищ Ленин, учебник истории, хмурое небо, Царское село, царь, что-то короткое по времени, штурм Зимнего дворца, Юсупов.

Направленный ассоциативный эксперимент:

революционный 7, серый 7, холодный 6, великий 3, величественный 3, сырой 3, город-музей 2, дождливый 2, исторический 2, каменный 2, красивый 2, культурный 2, мощный 2, неудобный 2, пасмурный 2, поэтический 2, спокойный 2, старинный 2, старый 2, туманный 2, сразу, белый, беспокойный, большевистский, большой, в свете фонарей, ветреный, водный, военный, волнующий, волшебный, голодный, город белых ночей и теплых отношений, город рек и мостов, город, в котором все прекрасно, несмотря на любую погоду, грустный, давний, дореволюционный, доступный, душевный, жесткий, жестокий, живописный, завораживающий, закрытый, зимний,

из революционной литературы, известный, императорский, как гранит набережной, оставшейся без своего города, как отрезанный ломоть, крепкий, кровавый, любимый, матросский, матросы на улицах, костры, зима, меланхоличный, мелкий, многолюдный, мокрый, молодой, мрачно-могучий, мрачный, мрачный, холодный, серый город, музейный, надменный, непобедимый, низкий, один из самых красивых городов, опасный, очень близкий, пешкомходящий, победоносный, помпезный, простой, пышный, разный, разоренный, располагающий к общению, с криком ворон, самобытный, самоотверженный, северный, серьезный, сильный, синий, славный, снежный, советский, совковый, строгий, строгий и не очень, стройный, суровый, таинственный, твердый, творческий, торговый, тревожный, угрюмый, упорядоченный,

уютный, хмурый, черно-белый.

Питер 50

Свободный ассоциативный эксперимент:

мосты 5, Петр 1 – 4, дождь 2, музеи 2, Нева 2, отдых 2, рестораны 2, Шнур (певец) 2, анархия, архитектура, атмосфера, белые ночи, ветер, военное училище, ВЧК, высокая гора, гонимые и андеграунд 90-х, город, город Петра, гранит, Довлатов, друг на Морской, забастовки, зимний, история, канал, красивый, красота, Ленинград, летний дождь, модный, молодежный, молодость, морозная зима, надежный, не люблю это название в принципе, никакой, песня ДДТ, Петергоф, писатели, «питер-бока повытер», питерские ребята, поездка на выходные, поребрик, построен на болотах, революция, рок, роскошь, сильный, смех, собака, солнце, сплошные эмоции, сырость, туризм, тусовочный, ураааа!!!!, футбольный клуб «Зенит», холод, шаверма, шпиль, шум, электричка, Эрмитаж. 1 отказ

Направленный ассоциативный эксперимент:

красивый 4, веселый 3, каменный 2, мокрый 2, молодежный 2, серый 2, современный 2, большой, бурный, воздушно-водный, громкий, детский, дождливый, запущенный, золотой, исторический, классный, корабельный, красный, культурный, любимый, медленнее, чем Москва, модный, нищий, ночной, оживленный, осенний футбольный, отвязный, пасмурный, пафосный, пирует весь город, позитивный, промозглый, простонародный, просторный, рабочий, разный, разухабистый, революционный, романтический, с ароматом синей краски из баллончика, светлый, славный, студенческий, танцевальный, тусовочный, уютный, чистый, шоколадный, шумный, яркий.

Сопоставление полученных ассоциаций на 4 топонимических варианта названия города показывает следующее.

Отношения с другими топонимическими вариантами:

Санкт-Петербург - Ленинград 2, Питер в официальных документах.

Ленинград - Советское название Санкт Петербурга.

Петроград - Санкт Петербург 4, Ленинград 3, Петербург 2.

Питер - Ленинград

Топонимический вариант «Петроград» в гораздо большей степени ассоциируется со *всеми* топонимическими вариантами, по сравнению с другими вариантами названий.

Ассоциации, связанные с «аристократическим» дореволюционным прошлым

Санкт Петербург: балы 2, высокопарность, гусары, дамы в кринолинах, дворянский, жеманный, заговоры, император, империя, имперская россия, имперский, интриги, царский, царь, чопорный.

Ленинград: скрытно-аристократический, царь.

Петроград: бал, дореволюционный, император, императоры, императрицы, царь.

Питер: -

Единственный из топонимических вариантов, не имеющий ассоциаций, связанных с «аристократическим» дореволюционным прошлым, - «Питер». Возможно, это объясняется тем, что вариант «Питер» является *простонародным*.

Ассоциации, связанные с советским периодом

Санкт Петербург: -

Ленинград: советский 5, ссср 5, коммунальный, приличный, чистый, советский город, советское время, советское название Санкт Петербург.

Петроград: советский, совковый.

Питер: ВЧК

Вариант «Санкт Петербург» единственный, который не имеет ассоциаций с советским периодом, т.к. «Санкт Петербург» - единственный из четырех топонимических вариантов, официально *не существовавший* в советское время.

Великая Отечественная война (Вторая Мировая война)

Санкт Петербург: -

Ленинград: блокада 10, блокадный 2, война 2, героический 2, Великая Отечественная война, голод, город воинской славы, город-герой, переживший блокаду, победа во второй мировой войне.

Петроград: самоотверженный, военный, победоносный

Питер:-

Топонимический вариант «Ленинград» больше всего ассоциируется с *блокадой* и *Великой Отечественной войной*.

Отдых, туризм, развлечения

Санкт Петербург: кафе, туристический

Ленинград: -

Петроград: бары, гулять, гулять, не спать, пешкомходящий

Питер: веселый 3, рестораны 2, отдых 2, бурный, оживленный, отвязный, пирует весь город, поездка на выходные, смех, танцевальный, туризм, тусовочный, электричка

Наибольшее количество реакций, связанных с полем «Город отдыха, туризма, развлечений» вызвал стимул «Питер». Возможно, это связано с тем, что это

простонародное, *неофициальное* название города. Вероятно, с этим же связано использование в качестве реакций лексика, относящаяся к молодежному *слэнгу*: отвязный, тусовочный.

Государственный (политический) строй

Санкт Петербург: император, империя, имперская Россия, имперский, царский, царь.

Ленинград: советский 5, СССР 5, советское время, советское название Санкт-Петербурга, царь.

Петроград: большевики, большевицкий, власть, гибель империи, император, императорский, императоры, императрицы, советы, царь.

Питер:-

Топонимический вариант «Питер» является единственным, который не ассоциируется с каким-либо *государственным* строем. Возможно, это связано с тем, что Питер никогда не являлся *официальным* названием. Стимул «Санкт Петербург» ассоциируется не с современной формой государственного устройства России, а с *монархией*.

Достопримечательности и архитектура

Все четыре варианта ассоциируются с «достопримечательностями и архитектурой» примерно в *равной* степени.

Красота

Ассоциация с полем «Красивый город» присуща в *равной степени* всем четырем топонимическим вариантам.

Культура

Ассоциация с полем «Культура» присуща в *равной степени* стимулам «Санкт Петербург» и «Ленинград» и *не представлена* в реакциях на стимулы «Петербург» и «Питер».

Ленин

Ассоциация «Ленин» присуща в *равной степени* стимулам «Ленинград» «Петроград» и *не представлена* в реакциях на стимулы «Санкт Петербург» и «Питер».

Музыка

Ассоциация с полем «Музыка» присуща всем четырем топонимическим вариантам. Тем не менее, необходимо отметить, что стимулы «Ленинград», «Петроград» и «Питер» ассоциируются лишь с *рок-культурой*.

Петр I

Ассоциации с полем «Петр I» представлена у всех четырех топонимических вариантов, однако в значительной большей степени у стимулов «Санкт-Петербург» и «Петроград».

Погода, климатические особенности

Ассоциации с полем «Погода, климатические особенности» представлена у всех четырех топонимических вариантов. Необходимо отметить, что данное поле выглядит наиболее «мрачно» у варианта «Петроград».

Революция

Ассоциации с полем «Революция» представлена у трех топонимических вариантов: Петроград, Ленинград, Питер. У варианта Санкт-Петербург «революционные» ассоциации отсутствуют. Необходимо отметить, некоторые

факты, связанные с ассоциативным полем «революция» у топонимического варианта «Петроград»: большое количество реакций; значительное количество реакций имеют форму «картинок-зарисовок» - возможно, это связано с тем, что информацию эти ассоциации продиктованы чтением литературы, просмотром фильмов и спектаклей, воспоминанием об увиденных произведениях изобразительного искусства.

Негативные ассоциации

Негативные ассоциации имеются в реакциях на все четыре стимула, но их в значительной степени больше у стимула «Петроград». Возможно, это связано с тем, что этот топонимический вариант в значительной степени ассоциируется с «революционной» частью истории России.

Позитивные ассоциации

Позитивные ассоциации имеются в реакциях на все четыре стимула примерно в одинаковом количестве.

Могут быть выявлены и другие различия.

В целом можно отметить, что в современном языковом сознании носителей языка:

Санкт Петербург ассоциируется, прежде всего, со стариной, Аристократизмом, 19-ым веком, культурой, историческими достопримечательностями;

Ленинград: с советским временем, блокадой, победой в Войне, культурой,

Петроград: с царем и революцией;

Питер: с плохой погодой, современной рок-культурой

Топоним «Питер» наиболее деидеологизированный среди топонимических вариантов.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что топонимические варианты названия *одного и того же города* по-разному в содержательном отношении представлены в сознании носителей языка.

У.Д. Камбаралиева

Некоторые особенности паремиологических полей концептов «Время» и «Убакыт» в русском и киргизском языках

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые национально-специфические и структурно-семантические особенности экспликации темпоральных когнитивных признаков в паремиологических полях концептов «Время» и «Убакыт» русского и киргизского языков, приведены результаты метода верификации выражаемых смыслов пословиц.

Ключевые слова: Концепт, темпоральная лексика, паремии.

Abstract: The paper discusses some of the specific national, structural and semantic peculiarities of temporal cognitive features explication in the paremiological concepts fields «Time» and «Ubakyt» in the Russian and Kyrgyz language. The results of using the verification method of meanings expressed by proverbs are given.

Key words: Concept, temporal vocabulary, paremias.

Пословицы и поговорки занимают особое место в лексике любого языка, так как в паремическом богатстве наиболее отчетливо можно увидеть своеобразие

быта и характерные особенности жизни того или иного народа. Они выступают своеобразной формой концентрированного выражения опыта поколений и в полной мере дают возможность представить «застывшие осмысления того или иного концепта, складывавшиеся на протяжении длительного времени (Попова, Стернин 2007, с.183).

Паремии, являясь культурно-историческим показателем, дают возможность увидеть особенности восприятия времени, сложившиеся в двух культурах. Пословицы русского и киргизского народов по наличию в их семантической структуре когнитивного признака (КП) темпоральности можно разделить на две группы. К первой группе относятся пословицы, выражающие значение темпоральности эксплицитно, а ко второй группе - пословицы, имплицитно выражающие указанное значение.

Как показал анализ структур пословиц обоих языков, значение времени в пословицах, которое часто выражается синтаксическими конструкциями и формами глаголов, имеет вневременное значение, поэтому определение и дифференциация их временных значений носит условный характер. Например: *Время разум дает (гл. наст. вр., 3 л. ед. чис.). Күн батат, таң да атат* (букв.: *солнце сядет, наступит рассвет*), (гл. прост. буд. врем., 3л. ед.чис.). В пословицах обоих языков выражена безотносительность к определенному времени, по контексту передается значение – «всегда».

Первую группу составляют паремии обоих языков, имеющие в своем составе компоненты с темпоральными лексемами: *время/убакыт, день/күн, сегодня/бүгүн, и др. Эта группа также включает предложно-надежные формы русского языка, конструкции с послелогом киргизского языка и словосочетания.*

Вторая группа имплицитных темпоральных пословиц представлена паремическими конструкциями, имеющими дейксис на темпоральное значение, которое только по контексту может быть выявлено. Например: *Когда будет рожь, тогда и мера. Каково деревце, таковы и яблочки. Чырпыктан чынар жетилер, т.е. из прутика вырастет чинара. Ат туягын тай басар, т.е. по следу коня пойдет жеребенок.*

Большинство рассмотренных пословиц русского и киргизского языков содержит характеристику динамики времени, связанную с различными видами представлений человека. Эти представления существуют в виде лингвистических моделей времени: цикличная и линейная модели, которые отражаются в паремиях о смене отрезков времени, о движении времени с прошлого в будущее через настоящее. Поэтому КП *«время идет», т.е. «убакыт өтөт»* присутствует в большинстве пословиц и поговорок о времени - о прошлом и будущем, о непредсказуемости будущего, о необходимости использовать настоящий благоприятный момент и др. Он также образует отдельную группу пословиц и поговорок, являясь в них центральной, т. е. формирующей основу значения паремий: *времени не воротишь; время не дремлет; жыргап өткөргөн бир күндү, ыйлап бир ай таппассың, т.е. день, проведенный беззаботно, не воротишь и плача целый месяц.* С данной группой пословиц и поговорок тесно связана другая группа, в которой к КП *«время идет»* добавляется признак *«времена меняются» «убакыт/заман*

өзгөрөт». В некоторой части темпоральных пословиц изменение времени осознается как изменение самого порядка в окружающем мире, в котором время выступает как причина изменений и как активная сила, вызывающая изменения. Обобщенная ситуация изменения времени иллюстрируется в паремиях частными изменениями, происходящими в мире - вокруг человека и с человеком: *время не семя, а выведет племя, и др. Заманың түлкү болсо, түлкү бол, бөрү болсо, бөрү бол, (букв.: если твое время – лиса, стань лисой, а если волк – стань волком, т.е. нужно жить в соответствии со временем).* Иногда эти перемены сопровождаются негативными изменениями, событиями: *день да ночь и сутки прочь – так и отваливаем (а все к смерти поближе); день придет и заботу принесет, и др. В киргизском языке негативная характеристика времени почти отсутствует, из всего состава темпоральных паремий нам удалось обнаружить только одну: Жыл жыгыла мага келиптир, жыргабаганын ала келиптир (букв.: год, падая, дошел до меня, то, что не в радость, прихватил (с собой)).* Как видно из примеров, время наделяется качествами живого существа, т.е. время в пословицах обоих языков персонифицировано: оно может прийти, наказать, научить, помочь, и др. Для включения паремиологических КП в содержание концепта необходимо использовать метод верификации выражаемых смыслов. Ограниченное количество темпоральных паремий в киргизском и русском языках послужило причиной проведения верификации.

При верификации смыслов пословиц мы ставили перед собой такие цели: 1) проверить распространенность темпоральных пословиц и известность носителям русского и киргизского языков; 2) удостовериться в актуальности предлагаемых паремий для современного национального сознания; 3) проверить интерпретируемость этих паремий носителями современного языка; 4) степень принятия/непринятия утверждения, содержащегося в паремии, а также степень согласия с ним носителей русского и киргизского языков. Для получения наиболее конкретных результатов мы предложили участникам ознакомиться с паремиями и ответить на такие вопросы: Знакома ли Вам такая пословица? Знаете ли Вы ее? Какой смысл она передает? Можно ли ее использовать в наши дни? Согласны ли Вы с ее смыслом?

Верификация была проведена с участием 80 чел. разных возрастов – от 17 до 90 лет (40 носителей русского языка и столько же - киргизского языка). Им были предложены 30 паремий со значением времени и временных отношений. Паремиологические смыслы по результатам верификации могут быть упорядочены по принципу поля с учетом их яркости в когнитивном сознании. Поскольку данный пласт лексики может стать объектом отдельного когнитивного исследования, мы ограничились только констатацией присутствия или отсутствия паремий в сознании современного носителя языка для формирования структур исследуемых концептосфер.

Из 40 носителей русского языка 6 человек показали хорошее знание всех темпоральных паремий и их вариантов, 14 человек - знают большинство из предложенных, но не употребляют их, 15 человек - знают и употребляют только небольшую часть из предложенных пословиц, 3 человека - знают несколько пословиц, 2 человека – отказались от ответа.

Из носителей киргизского языка (преимущественно – жители сел разных регионов) 17 человек знают очень много темпоральных пословиц и их вариантов, поговорок, 11 человек – знают большинство из предложенных, но употребляют не часто, 8 человек – знают и употребляют только небольшую часть, 3 – знают несколько пословиц, 1 – отказался от ответа.

Таким образом, мы установили сравнительную актуальность отдельных темпоральных паремий для носителей сопоставляемых языков. Большинство паремий присутствуют в сознании современного носителя. С содержанием пословиц, если даже они не были ранее знакомы с ними, все участники опроса согласились.

В киргизском языке, как показали примеры, негативное отношение к отрезкам времени почти отсутствует, тогда как в русском можно отметить и отрицательную и положительную характеристику темпоральных явлений. В большинстве киргизских пословиц наличествует глубокая вера в завтрашний день: *Кудайдын куну келер, ырыскысын кошо берер*, т.е. Божий день придет, с собой хлеб насущный (или долю человека в мирских благах) принесет. *Айдын он беши караңгы болсо, он беши жарык*, т.е. если пятнадцать дней месяца темные, то пятнадцать – светлые. Часто в семантике пословиц имеется сентенция ценить то, что сегодня имеешь: *эртеңки куйруктан – бүгүнкү өпкө артык*, (букв.: *лучше сегодняшнее легкое на руках, чем завтрашний курдюк*), аналогичное в русском: *лучше синица в руках, чем журавль в небе*.

Рассматривая категорию времени в свете выражения интересующего нас противопоставления, мы, в частности, выявили, что для исследуемых языков наиболее характерным оказывается противопоставление неких временных отрезков, символизирующих чувство бессилия человека перед неумолимым ходом времени, его неуверенность в будущем. Наиболее широко распространенной оказалось оппозиция: **сегодня – завтра; бүгүн-эртең**. В лингвокультурологическом отношении данная оппозиция передает страх представителей данных лингвокультурных сообществ перед будущим, который символизируется «завтрашним днем». В свете этого, паремии передают народную мудрость и представляют собой советы сделать все, что можно, уже сегодня, возможно на следующий день такой возможности не будет, даже возможность увидеть наступление завтрашнего дня ставится под сомнение. Например: *до завтра откладывают только хлеба, а не дела. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня*. Аналогичное в киргизском: *бүгүнкүнүн ишин эртеңкиге калтырба*, т.е. *работу сегодняшнего дня не оставляй на завтра. Бүгүндүн эртеңи бар*, букв.: *у сегодняшнего дня есть завтра*; рус. *со дня на день* (сема: «скоро»), или: *утро вечера мудренее*.

Такие противопоставления светлого - темному, долгого – короткому, и др. в пословицах русского и киргизского языков часто наблюдаются. Это явление еще Ш. Балли называл «мысленным противопоставлением» (Балли 1961, с.192), а лексические единицы, участвующие в таком противопоставлении «подразумеваемыми антонимами» (там же).

В большей части паремий динамика времени связывается с крушением старого и зарождением нового. В пословицах второй группы, где семантика темпоральности передается имплицитно, часто можно заметить аналогии с

животным, растительным миром, предметами. Например, в русском языке: *Вянет и красный цвет; серенькое утро – красненький денек* (все проходит). В киргизском: *тамчылай-тамчылай көл болор, (капая-капая, образуется озеро), кызыл – оңор, жаш – картайар* (красное может выцвести, а молодой – состариться). (Все может измениться, все проходит).

Как показал анализ пословиц русского и киргизского языков, для паремий наиболее типичным является употребление фразы в настоящем времени, которое носит вневременной (панхроничный) характер. Наиболее употребительной грамматической формой времени в пословицах русского языка, имеющих значение сентенции, выступает настоящее неопределенное, поскольку в нем реализуется значение вневременной универсальной данности, вечной истины.

А в киргизском языке наряду с формами настоящего времени употребляются формы будущего определенного и неопределенного времени (айкын и арсар келер чак). Например: *Ата-энени сыйлаган - өз баласынан сый көрөт*, букв.: кто уважает своих родителей, тот увидит почет от своих детей; *эмнени эксең ошону оросуң* (Юсуф Баласагуни), аналогичное в русском: *что посеешь, то и пожнешь* (форма буд. опред. времени). *Ата-эненин кадырын балалуу болгондо билерсиң*, букв.: настоящую цену родителей узнаешь, когда у самого будут дети (форма буд. неопределенного времени).

Анализ пословиц русского и киргизского языков с темпоральным значением позволил сделать нам вывод о том, что в передаче сентенций и умозаключений посредством паремий реже употребляются формы прошедшего времени во всех его фазисных проявлениях. Это, видимо, связано с тем, что в значении прошедшего времени всегда присутствует семантика определенного вывода, результата деятельности человека до момента речи, о которых он передает в настоящем времени в момент речи. А паремии в большинстве своем имеют семантику предупреждения, нравоучения, в них говорится о явлениях обобщенного характера, воспринимающихся как закономерность. Отсюда и употребление грамматической формы настоящего времени, «как наиболее нейтральной, немаркированной формы, передающей нелокализованность во времени, панхроничность» (Тураева 1979, с. 89).

В целом, в паремиях русского и киргизского языков время предстает как промежуток, отрезок, данный свыше, для совершения чего-то полезного и важного. В них провозглашается ценность настоящего, необходимость использовать настоящее время, прошлое воспринимается как безвозвратно утраченное, дающее уроки для настоящего. Из локализации временной оси, будущее время в русской и киргизской языковой картине интерпретируется как отражение когнитивного признака «неизвестное», поскольку оно еще не наступило и поэтому не столь ценное. По сравнению с русским народом, у которого будущее имеет какие-то контуры и в некоторых случаях может быть распланировано заранее, киргизы в своей жизни в большинстве случаев полагаются только на волю всевышнего. Как показал анализ, в киргизском языке преобладают пословицы второй группы, имеющие имплицитный смысл темпоральности. Например, *төө кыядан өткөн соң, а дегениң курусун*; букв.: к чему говорить а, когда верблюд уже прошел через кособгор. *Болору болду, боёосу канды*, букв.: что должно было произойти, произошло, краска впиталась, и мн.

др. Следовательно, время необратимо, если человек не сможет воспользоваться им с пользой, то никогда не сможет исправить положение. О неизбежности наступления будней после праздников: *той да болор, тойдун эртеси да болор;* букв.: *будет и праздник, наступит и день после праздничного дня, и др.*

Таким образом, эксплицируемые в паремиях когнитивные темпоральные признаки концептов «Время» и «Убакыт» отражают процесс восприятия и отражения действительности народом и имеют этнокультурные особенности.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика: пер. с франц. – М., 1961.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
3. Тураева З. Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). – М.: Высшая школа, 1979.

У.Д. Камбаралиева

Ассоциативные поля концептов «Время» и «Убакыт» русского и киргизского языков

Аннотация: В статье дан анализ ассоциативных полей концептов «Время» и «Убакыт» русского и киргизского языков.

Ключевые слова: Ассоциативный эксперимент, когнитивные признаки, когнитивная интерпретация

Abstract: The paper analyzes the associative fields of concepts «Time» and «Ubakyt» in the Russian and Kyrgyz languages.

Keywords: Associative experiment, cognitive features, cognitive interpretation

Известно, что в результате применения экспериментальных методик для анализа концептов можно сформировать конкретно номинативное поле концепта, и вместе с этим можно также выявить его когнитивные признаки и проанализировать содержание концепта в целом (Попова, Стернин 2007, с.186).

Интерпретация результатов может быть осуществлена через этап определения психолингвистического значения, а может осуществляться напрямую – через определение когнитивных признаков (Попова, Стернин 2007, с. 203). Отдавая предпочтение второму пути, мы обобщили ассоциаты по выражаемым ими когнитивным признакам. Ассоциаты, которые выражают близкие значения, обобщаются в интегральный когнитивный признак и далее данный признак, определенный по рекуррентности, или частотности, формулируется словесно.

От 210 участников ассоциативного эксперимента (АЭ) носителей русского языка русской национальности были получены такие компоненты времени: ВРЕМЯ - промежуток (24 чел. 11, 4%), деньги (23 чел. 10, 9%), работа (20 чел. 9,5%), часы (19 чел. 9 %), возможность (18 чел. 8,5%), жизнь (14 чел. 6,6%), лечит (14 чел. 6,6%), ограничение (11 чел. 5,2%), летит (9 чел. 4,2%), движение (8 чел. 3,8%), проносится (6 чел. 2,8%), проходит (5 чел. 2,3%), срок (5 чел. 2,3%), учит (2 чел. 0,9%), надо ценить (2 чел. 0,9%), ценное, старость, молодость, количество человеческого времени, быстротечно, времена года, дар Божий, старит, пожирает все, старит, рассудит, жестокое, как пуля пролетает и иногда рикошетом убивает, старый дом, покоя не дает, учитель, семья, как вода течет,

все надо успеть, на себя не хватает, напряженное, воздух, требует отчета, воспоминания, хорошо бы остановить, мучает, заставляет двигаться, заставляет жить, работать, очень короткая штука, делу – время, потехе – час.

Эксперимент с участием носителей киргизского языка (265 человек) дал следующие результаты: УБАКЫТ - жашоо (жизнь) - 31 чел. (11,6%); тиричилик (быт) – 27 чел., (10,1%); үй-бүлө (семья)- 25 чел. (9,4%); балдардын чоңойгону (взросление детей) – 24 (9%); мүмкүнчүлүк (возможность)- 23 чел. (8,6%); жумуш, иш (работа, дело)- 21чел.(7,9%); өткөн көз ирмем (прошедшее мгновение)-19 чел. (7,1%), учкан куштай (как пролетевшая птица) -15 чел. (5,6%); жаштык менен карылык (молодость и старость) -13 чел. (4,9%); учат (летит) - 9 чел. (3,9%); мөөнөт (срок)- 9 чел. (3,9%); чексиздик (бесконечность) – 7 чел. (2,6%); кесиндилер (отрезки) - 5 (1,8%); суудай агат (течет как река) - 4 чел. (1,5%); баштан кечиргендер (все перенесенное)- 4 чел. (1,5%); Кудай берген ырыскы (дар Божий) 2 чел. (0,7%); үй-бүлө менен өткөрө турган аралык (промежуток, который проводишь с семьей), баалабайбыз (не ценим), акылдуу кылат (делает умным), акыл-эсти толтурат (наполняет человека мудростью), баалуу нерсе (ценное), артка кайтара албайсың (нельзя вернуть назад), чексиздик (бесконечность), ондоп коёт (исправляет), өткөн, азыркы, келерки нерселер (вещи, которые прошли, в настоящем и в будущем), саат (часы), учкан жебедей (как пролетевшая стрела), сатып ала албай турган (то, чего нельзя купить), дарылайт (лечит), ал жүктөйт (грузит), өлчөйт (измеряет), акча (деньги), жашоонун даамы (вкус жизни), сага кымбат адамдарды алып кетет (забирает дорогих тебе людей), агым (течение), боштук (пустота, вакуум), жазалайт (наказывает), өлтүрөт (убивает), окутуп коёт (научит), жараны айыктырат (затягивает раны), аны токтото албайсың (не можешь остановить), өмүрдү кыскартат (сокращает жизнь), тажрыйба берет (дает опыт), бардыгын өзгөртөт (все меняет), таблетка, окулуп жаткан китеп (книга, которую читаешь), жашоонду жазган калем (карандаш, которым пишешь свою жизнь).

1. После когнитивной интерпретации результатов данного эксперимента были выявлены следующие характеристики времени в русском языке: 1) промежуток (промежуток, срок); 2) ценное, имеющее цену (деньги, ценное, надо ценить); 3) измеряет все (часы, количество человеческого времени); 4) находится в движении (летит, быстротечно, как пуля пролетает, проносится, проходит, хорошо бы остановить, как вода течет); 5) период жизни человека (жизнь, старость, молодость); 6) регулирует все (ограничение, покоя не дает, заставляет двигаться, заставляет жить, требует отчета); 7) все приводит в движение (движение, работа, заставляет работать); 8) наказывает (старит, пожирает все, иногда рикошетом убивает, мучает); 9) может чему-то научить (учит, учитель); 10) может исцелить (лечит); 11) даровано Богом (Божий дар); 12) обладает плохими качествами (жестокое, напряженное); 13) циклическая сущность (времена года); 14) обладает малым количеством (все надо успеть, на себя не хватает, очень короткая штука); 15) что-то вещественное (воздух), материальное (старый дом).

2. Когнитивная интерпретация времени в ответах носителей киргизского языка дала следующие результаты: 1) жизнь (жизнь, быт); 2) семья (семья, взросление детей, промежуток, который проводишь с семьей); 3) дает

возможность сделать что-то хорошее (возможность); 4) короткие промежутки (прошедшее мгновение, отрезки, срок); 5) периоды жизни человека (молодость и старость); 6) работа (работа, дело); 7) всегда находится в движении (как пролетевшая птица, течет как река, как пролетевшая стрела, течение, летит); 8) оно необратимо (не можешь остановить, нельзя вернуть назад); 9) дар Божий (дар Божий); 10) может научить чему-то (делает умным, наполняет человека мудростью, дает опыт, научит); 11) регулирует все (исправляет, измеряет, все меняет); 12) имеет цену (то, чего нельзя купить, ценное, вкус жизни, не ценим, деньги); 13) может излечить (лечит, затягивает раны, таблетка); 14) обладает жестокостью (наказывает, убивает, забирает дорогих тебе людей, сокращает жизнь), материальное (книга, карандаш).

В результате анализа ассоциатов, в семантической структуре вербализованных единиц концептосфер «Время» и «Убакыт» выявлены признаки аксиологического характера. Следовательно, время может быть оценено при помощи трех качественных признаков: «положительно», «отрицательно» и «нейтрально».

1. Аксиологическая характеристика времени в русском языке.

- Когнитивные аксиологические признаки положительного качества: а) ценное, ценность; б) все регулирует; в) все приводит в движение; г) учитель, может чему-то научить; д) лекарь, может исцелить; е) даровано Богом.

- Когнитивные аксиологические признаки нейтрального качества: а) промежутки; б) измеряет все; в) находится в движении; г) период жизни человека; д) циклическая сущность; е) что-то вещественное.

- Когнитивные аксиологические признаки негативного качества: а) наказывает жестоко, лишает жизни; б) обладает плохими качествами, деструктивная сила; в) обладает малым количеством.

2. Аксиологическая характеристика времени в киргизском языке.

- Когнитивные аксиологические признаки положительного качества: а) возможность; б) дар Божий, в) учитель, наставник, может научить чему-то; г) регулирует все; д) имеет цену; е) лекарь, может излечить.

- Когнитивные аксиологические признаки нейтрального качества: а) жизнь, б) семья, в) короткие промежутки, г) периоды жизни человека, д) работа.

- Когнитивные аксиологические признаки негативного качества: а) оно необратимо, б) обладает жестокостью, в) деструктивная сила.

Верификация результатов АЭ показала степень актуальности выявленных когнитивных признаков для современного национального сознания, их интерпретируемость носителями современного русского и киргизского языков.

Как показал анализ, ассоциативные поля (АП), построенные в результате эксперимента, обладают как универсальными, так и специфическими свойствами. Поскольку значение темпоральности имеется почти во всех языках мира, отношение человека к нему и вербализация его в языке также может быть сходным. Как видно из когнитивной интерпретации, почти все когнитивные признаки и слова с этими признаками, которые представлены в результатах русского языка, имеются и в киргизском языке. С одной стороны, это можно объяснить универсальностью категории темпоральности, а с другой, экстралингвистическими причинами, в частности, социально-историческими

факторами, к которым можно отнести совместное проживание русских и киргизов на одной территории на протяжении нескольких веков, коммуникацию во всех сферах человеческой деятельности, функционирование русского языка в советское время, затем в статусе официального языка в Киргизской Республике на данном этапе и др.

АП, как и все другие виды полей, состоит из ядра и периферии. Когнитивные признаки, выявленные в результате АЭ, могут определить ядерную и периферийную части поля. Ядерную часть АП можно определить по частотности, или рекуррентности когнитивных признаков, выражаемых словами, сочетаниями слов, конструкциями. По структурам АП сопоставляемых языков составлены графические модели, в которых ярко представлены различия в восприятии и вербализации когнитивных признаков времени носителями двух языков. При подсчете результатов эксперимента выявлено, что для русского человека время – это в первую очередь, промежуток времени (24 чел.), за который человек живет, существует, совершает что-то хорошее для себя и для других. Именно хорошее воспринимается как короткий промежуток, потому что все хорошее, как отмечали участники верификации результатов, быстро кончается, а плохое, кажется, что тянется долго. Русский человек, который вел оседлый образ жизни на одной и той же земле, свою жизнь как бы делит на промежутки, отрезки, каждый из которых знаменателен, наполнен какими-то событиями. А для киргиза-горца, кочевника, жизнь которого часто зависела от природных условий, время – это, в первую очередь, сама жизнь - жашоо (31чел.), связанная с налаживанием быта (тиричилик - 27 чел.). Время также дается, чтобы оставить после себя след на земле – (үй-бүлө – семья-25 чел.), вырастить детей (балдардын чоңойгону - 24). (Поневоле приходит на ум широко известная притча о том, что человек должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына, т.е. оставить наследника). Время у киргизов также и мүмкүнчүлүк – возможность совершить что-то хорошее, познать все, поэтому киргиз свою жизнь не делит на промежутки, она вся воспринимается как одно целое, с общим содержанием. Информация о жизни человека, негативная или позитивная, в обязательном порядке передается из поколения в поколение, поэтому каждый киргиз, и в наши дни, обязан знать всех своих предков до седьмого колена – жети ата – семь отцов, чтобы «не испортиться». Киргизы говорят: *Жети атасын билбеген – кул*, букв.: *тот, кто не знает своих предков – раб*, т.е. раб живет одним днем. И не случайно по древнейшей традиции киргизов, которая неукоснительно соблюдается и в наши дни, каждый человек обязан знать свои корни, свой род и всех предков до седьмого колена, чтобы, во-первых, избежать инцеста, и во-вторых, как говорит устами Мальчика из произведения «Белый пароход» великий писатель Ч.Айтматов, - «люди не испортились». *«Если люди не будут помнить отцов, то тогда никто не будет стыдиться плохих дел, потому что дети и дети детей о нем не будут помнить. И никто не будет делать хорошие дела, потому что все равно дети об этом не будут знать»* (Айтматов 2008).

Когнитивный признак, выявленный в ассоциациях носителей русского языка - «ценное, имеющее цену», видимо, появился в результате влияния западной культуры, где ценность времени напрямую связывается с материальной

ценностью (Время - деньги). Все другие признаки в содержании АП почти эквивалентны и демонстрируют идентичность восприятия времени двумя народами, имеющих много общего.

Согласно данным характеристики Эдварда Холла, по способу организации времени русские и киргизы относятся к полихронной культуре (Холл: www.culttodey.ru). Для них большую роль играют межличностные отношения, поэтому они не придают большого значения пунктуальности и распорядку дня. Если сравнить с представителями монокронной культуры, например, с немцами, то полихронные народы отличаются более «равнодушным» отношением ко времени. Но следует отметить, что русский народ в наш век технологий становится менее полихронным по сравнению с киргизами, т.е. в нем начинают доминировать признаки монокронной культуры. Как показали результаты анализа экспериментов, русский более пунктуален и ценит время, чем киргиз, которому, например, встреча со старым другом намного важнее, чем собрание, на которое он опаздывает. Исходя из этого, можно говорить о том, что разница в количествах единиц, актуализирующих различные признаки, показывают прямую зависимость когний от этнокультурных особенностей. Следовательно, русская культура в целом является полихронной с ярко выраженными элементами монокронного поведения, а киргизская – чисто полихронной, хотя в последнее десятилетие киргизы также начинают меняться в сторону монокронности.

Таким образом, анализ субъективных дефиниций дал возможность выявить содержание концептов «Время» и «Убакыт» в когнитивном сознании носителей русского и киргизского языков и дифференцировать признаки, образующие указанные концепты.

Литература

1. Айтматов Ч.Т. Избранные произведения в 8-т. – Алма-Ата, 2008.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
3. Холл Э. Характеристика культуры по способу организации времени. – www.culttodey.ru

И.С. Карпенко

Сопоставительный анализ коммуникативной релевантности наиболее частотных адъективных малосемемных лексем русского и английского языков

Аннотация: Статья посвящена выявлению национальной специфики коммуникативной релевантности малосемемных адъективных лексем русского и английского языков.

Ключевые слова: Национальная специфика, коммуникативная релевантность.

Abstract: The paper studies national peculiarity of communicative relevance in the group of little sememe adjectival lexemes in the Russian and English languages.

Key words: National peculiarity, communicative relevance.

Целью нашей статьи является провести сопоставительный анализ коммуникативной релевантности (Кривенко 2013) семем наиболее частотных малосемемных (термин М.А. Стерниной – Стернина 1999, с. 42) адъективных лексем русского и английского языков. В ходе исследования были проанализированы 58 русских лексем (*национальный, небольшой, необходимый,*

нужный, огромный, определенный, особый, отдельный, поздний, правый, подобный, политический, равный, различный, ранний, реальный, русский, сложный, советский, современный и др.) и 44 английские лексемы (*individual, industrial, late, legal, likely, local, main, national, necessary, only, personal, political, possible, present, previous, recent, royal, serious, significant, similar, sorry, sure, total, various, whole* и др.), отобранные из ста наиболее частотных адъективных лексем по данным Частотного словаря русского языка С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и списка частотных глаголов Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk). Частотность семем исследованных лексем мы определяли путем рассмотрения примеров из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и Британского национального корпуса. Для каждой лексемы было отобрано по 1000 примеров употребления, каждый из примеров был соотнесен с конкретной семемой, входящей в соответствующую семантему.

Для определения национальной специфики коммуникативной релевантности мы использовали следующие разработанные в рамках сопоставительно-параметрического метода (Стернин, Стернина 2015; Стернина 2014, 2015) индексы: *индекс коммуникативной релевантности семемы* (Кривенко 2013), *индекс коммуникативного превалирования семем в группе* (Никитина 2013), *индекс плотности коммуникативно релевантных семем в семантеме* (Никитина 2013) и *индекс плотности коммуникативно релевантных семем в группе* (Никитина 2013). Для определения степени выраженности исследуемых параметров мы использовали введенную Л.А. Кривенко *шкалу ранжирования степени выраженности исследуемых параметров* (Кривенко 2013), а для оценки степени проявления национально-специфических различий была использована предложенная Н.А. Портнихиной и дополненная Л.А. Кривенко *шкала степени проявления национально-специфических различий* (Портнихина 2011, Кривенко 2013).

Как показало исследование, все рассмотренные нами семантемы малосемемных адъективных лексем демонстрируют разную степень плотности коммуникативно релевантных семем. Так, в русском языке были выявлены семантемы лексем с *абсолютной, высокой и значительной* степенью плотности. При этом сорок пять семантем демонстрируют *абсолютную* (100%) степень выраженности данного параметра, тринадцать семантем – *высокую* (75% – 80%) и шесть – *значительную* (66,6%). В качестве примера приведем семантему лексемы *единый* с индексом плотности коммуникативно релевантных семем 100%. Данная семантема содержит семему Д1 «целостный, сплоченный» (*Я слышал, что уже собираются внутри этого союза создать единую рублёвую зону*) с индексом коммуникативной релевантности семемы 45,9%, две семемы К1: «общий, одинаковый» (*К единому мнению о том, каким будет содержание предлагаемого документа, союзники пока также не пришли*) с индексом 21,1% и «один, единственный» (*Андрей Николаевич без единой пометки за полчаса написал язвительную статью*) с индексом 33%. На уровне группы индекс плотности коммуникативно релевантных семем составил 93%, что указывает на *гипервысокую* степень выраженности данного параметра.

Что касается английского языка, то у семантем данной группы были выявлены *абсолютная, высокая, значительная, яркая и заметная* степень плотности коммуникативно релевантных семем. *Абсолютная* степень была выявлена у двадцати двух семантем: их индекс равен 100%. *Высокая* степень плотности обнаружена у шести, о чем свидетельствуют показатели индексов (75% и 80%), *значительная* степень плотности выявлена у одиннадцати семантем, показатели индексов которых варьируются от 50% до 66,6%. *Яркая* степень (40%) была зафиксирована у четырех, а *заметная* (25%) – у одной семантемы. В качестве примера приведем семантему лексемы *financial* с индексом плотности коммуникативно релевантных семем 100%. Так, в состав данной семантемы входит одна семема Д1 «относящийся к финансам» (*Bank of England evolved as the regulator of banks largely through its operations in the financial markets*) с индексом коммуникативной релевантности 94,5% и две семемы К1: «имеющий дело с финансами» (*It is the duty of a financial adviser to know the client*) с индексом 2,9% и «денежный» (*Consequently, she was again in financial difficulties*), индекс которой составил 2,6%. Для всей группы индекс плотности коммуникативно релевантных семем составил 78%, что свидетельствует о *высокой* степени выраженности данного параметра.

Следует отметить, что в большинстве случаев в обеих группах наиболее коммуникативно востребованной является семема Д1. По данным нашего исследования, почти все малосемемные адъективные лексемы как в русском так и в английском языке демонстрируют наивысший индекс коммуникативной релевантности семемы Д1. Так, в группе русского языка индекс коммуникативного превалирования семем Д1 составил 98%, а в группе английского – 97,7%. Однако, как показал материал исследования, не все семемы Д1 рассмотренных лексем оказались наиболее частотными. В результате исследования как в русском языке, так и в английском было выявлено по одной семантеме с превалирующей коммуникативной релевантностью семемы К1. Так, в русском языке семема Д1 лексемы *бывший* «некогда существовавший» (*Там на бывшей обувной фабрике был развернут штаб сил быстрого реагирования.*) имеет индекс коммуникативной релевантности равный 32,1%, в то время как индекс коммуникативной релевантности семемы К1 данной лексемы «переставший занимать какую-либо должность, положение» (*После выступления делегаты аплодировали бывшему ректору стоя*) составляет 67,9%. В группе английского языка такое явление было зафиксировано у лексемы *personal*. Семема К1 данной лексемы «задевающий, затрагивающий личность кого-либо, относящийся к частной жизни кого-то» (*Any notion of correct or incorrect use of language is an affront to personal liberty*) имеет индекс коммуникативной релевантности 51,3%, который в 1,6 раза превышает показатель соответствующего индекса семемы Д1 «личный, персональный, относящийся или принадлежащий одному человеку по праву собственности» (*That's his little personal seal, the one he sometimes uses to give authority to his special messengers.*), составляющий 31,2%.

Для окончательного вывода о степени выраженности национальной специфики мы использовали уже упомянутую шкалу степени проявления национально-специфических различий, на основании которой мы можем

заклучить, что показатель интегрального индекса по аспекту коммуникативной релевантности, равный 7,6%, свидетельствует о *заметных* национально-специфических различиях в группе наиболее частотных малосемемных адъективных лексем русского и английского языков.

Литература

1. Британский национальный корпус – URL: www.natcorp.ox.ac.uk.
2. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
3. Национальный корпус русского языка – URL: www.ruscorp.ru
4. Никитина И.Н. Национальная специфика семантем русской и английской глагольной лексики: автореф.дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
5. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
6. Стернин И.А., Стернина М.А. Сопоставление как лингвистическая методология// Сопоставительные исследования 2015. – Воронеж, 2015. – С. 3–11.
7. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
8. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2014.
9. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: первые итоги // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – № 3. – С.92–94.
10. Частотный словарь С.А. Шарова – URL: www.artint.ru/projects/frqlist.asp.

В.Н. Картавец

Названия видов ручного стрелкового оружия в русском и английском языках: терминология и перевод

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу оружейных терминов и обиходных обозначений видов стрелкового оружия в русском и английском языках, а также историческому объяснению терминологических несоответствий.

Ключевые слова: Автоматическая винтовка, ручной пулемет, стрелковое оружие.

Abstract: The paper is devoted to comparative analysis of official and informal denominations of weapons in Russian and English as well as to the explanation of terminological differences.

Key words: Automatic rifle, light machine gun, small arms.

В связи с ростом потребности в качественном военно-техническом переводе необходимо проводить сопоставительные исследования для выяснения несоответствий в обиходных обозначениях и терминологии.

Для обозначения стрелкового оружия в целом в английском языке существует словосочетание *small arms*. Одновременно словом *gun* называют любое ствольное оружие, как стрелковое, так и артиллерийское (Longman). Важно отметить, что в английской терминологии ручное оружие называется *hand-held arms*, что необходимо отличать от американского слова *handgun*, обозначающего только пистолет (Longman).

Первое в историческом отношении автоматическое оружие, в котором используется пистолетный патрон, в русском языке получило название *пистолет-пулемет*. В английском языке этому обозначению соответствуют

submachine gun и *machine pistol*, в обоих словосочетаниях присутствует также компонент названия пулемета (*machine gun*), что, на наш взгляд, мотивировано общностью с пулеметом в плане функциональной возможности вести непрерывный огонь.

Следующий, более тяжелый и мощный вид стрелкового оружия обозначается в русской и английской традиции по-разному. Автоматическое оружие под более мощный, чем у пистолета-пулемета, промежуточный (между пистолетным и винтовочным) патрон в русском языке называется *автомат*. Само слово использовалось еще по отношению к пистолетам-пулеметам, в частности так обиходно называется ППШ-41. Классификационно автомат определяется как автоматический карабин (ГОСТ 28653-90). Напомним, что *карабином* называется облегченный и укороченный вариант винтовки. Для обозначения аналогичного оружия стран Запада используется калькированный термин *штурмовая винтовка* (Мураховский, Федосеев).

В английском языке для обозначения нарезного оружия используется слово *rifle*, что мотивировано наличием в стволе нарезов (*grooves*), заставляющих пулю вращаться (ср. русское *винтовка*). Автоматическая винтовка называется *automatic rifle*. Автоматические винтовки подразделяются далее на два подвида, имеющие неформальные названия 1) *battle rifles* (русскоязычный термин – автоматические винтовки 1 поколения, русск. перевод – «боевые», исторически более ранние и более тяжелые образцы, сконструированные под «полноразмерный» винтовочный патрон, или винтовочный патрон с пулей большой мощности – *full-rower rifle cartridge*) и 2) *assault rifles* (русскоязычный термин – автоматические винтовки 2 поколения, русск. перевод «штурмовые» – облегченные винтовки под промежуточный патрон (*intermediate cartridge*), для которых, в отличие от предыдущего класса, обязательна возможность выбора автоматического режима в качестве основного способа ведения огня. К карабинам (*carbines*) относят более короткий по сравнению с типичной штурмовой винтовкой M16 M4.

Существенные различия в терминологии могут объясняться принципиально разной историей использования стрелкового оружия данного класса. В СССР после Великой Отечественной войны была сделана ставка на автоматическое оружие под промежуточный патрон – разработан легендарный автомат Калашникова (определяемый в англоязычном дискурсе как *assault rifle*). В армиях западных стран долгое время концептуально господствующим оружием были винтовки под «полноразмерный» винтовочный патрон с ограниченной возможностью стрельбы очередями типа M14, на смену которым пришли более легкие штурмовые винтовки.

В отличие от русскоязычной отечественной классификации пулеметов, базирующейся на таких признаках, как «ручной», «станковый», англоязычная классификация основана на их «тяжести»: *light-medium-heavy*. В этой системе русскоязычному обозначению *ручной пулемет* соответствует *light machine gun*. Таким образом, терминология в сфере стрелкового вооружения в русском и английском языках не всегда «зеркально» симметрична.

Литература

1. ГОСТ 28653-90 Оружие стрелковое. Термины и определения – <http://www.protect.gost.ru>
2. Мураховский В.И., Федосеев С.Л. Оружие пехоты – <http://www.modernlib.ru>
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman, 2006.

И.В. Князев

Сопоставительный анализ семантики слова в темпоральном аспекте (30-ые гг. XX века - начало XXI века)

Аннотация: В статье рассматривается темпоральная дифференциация значения слова *большевик* в русском языке.

Ключевые слова: Значение, сема, темпоральная дифференциация.

Abstract: Temporal differentiation of the meaning of the word *bolshivik* in Russian is studied.

Key words: Meaning, seme, temporal differentiation

Семантика слова подвержена темпоральным изменениям – она меняется со временем. Это проявляется в следующих аспектах:

- появление новых значений;
- переход значений в категорию устаревших;
- исчезновение старых значений;
- изменения в составе семантических компонентов значений.

Это явление может быть прослежено на примере общественно-политической лексики – то есть лексики, наиболее подверженной влиянию изменений в обществе, отражающей эти изменения.

Для русского языка это может быть прослежено на материале имеющихся словарей XX – XXI веков. Например, в словаре Д.И.Ушакова отражена общественная ситуация 30-ых гг. XX века, период строительства социализма и идеологической борьбы с буржуазным наследием, буржуазной идеологией; Толковый словарь языка Совдепии создан в эпоху перестройки и поясняет значения периода развитого социализма; словарь С.А.Кузнецова отражает современное состояние российского языкового сознания.

Проследим изменения в значениях некоторых слов.

Большевик

Словарь Д.И.Ушакова:

1. Член революционной Российской социал-демократической партии, образовавшейся под руководством Ленина на 2-м съезде партии в 1903 г.
2. Член ВКП(б), член коммунистической партии всякой страны.
3. Стойкий, последовательный, не знающий колебаний революционный марксист – ленинец.

Словарь языка Совдепии:

1. Член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), коммунист.
2. Активный участник социалистического строительства, передовой человек социального общества.
3. Рабочий завода «Большевик».
4. Житель Весёлого поселка (от проспекта Большевиков).

5. Большевик – Остров в группе островов Северной земли

Словарь С.И.Кузнецова:

Член большевистской партии, сторонник большевизма (первоначально представитель революционного большинства Российской социал – демократической рабочей партии, возглавляемого В.И. Лениным).

Интеллигент

Словарь Д.И.Ушакова:

От латинского – *понимающий*.

1. Лицо, которое принадлежит к интеллигенции.
2. Человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презрительное).

Словарь языка Совдепии:

Советский интеллигент – молодой новый человек (Горький).

Рабочий интеллигент – представитель рабочего класса, который получил высшее образование и занимает руководящую должность.

Словарь С.А.Кузнецова:

1. Тот, кто принадлежит к интеллигенции.

Ударник

Словарь Д.И.Ушакова:

1. Часть затвора огнестрельного оружия, орудия, которое разбивает при выстреле капсюлю патрона.
2. Военнослужащий ударных частей в период февральской революции 1917 года.
3. Передовой работник социалистического производства, перевыполняющий нормы, дисциплинирован.
4. Музыкант, играющий на ударных инструментах

Словарь языка Совдепии:

1. Передовой работник социалистического производства, учёбы.
2. Почетное звание, которое присваивается передовому участнику массового движения за коммунистическое отношение к труду и воспитание человека коммунистического общества.

Словарь С.А.Кузнецова:

1. Часть затвора стрелкового орудия для разбивания капсюля гильзы при выстреле.
2. Деталь в музыкальных инструментах для извлечения звука ударом.
3. Музыкант, играющий на ударных инструментах.
4. В СССР с середины 20-х до конца 70-х - передовой работник социалистического производства.

Сопоставить значения трех временных периодов можно следующим методом:

1. Выписываются единым списком несовпадающие значения всех исследуемых временных периодов.
2. Отмечаются совпадающие значения в каждом из словарей.
3. Значения, совмещающие (обобщающие) в словаре несколько значений, разбиваются на отдельные значения и тоже расписываются.

4. Сопоставляются значения по представленности в разных временных периодах, выделяются несовпадающие (характерные только для отдельных периодов).

5. Выявляются устаревшие значения.

6. Выявляются вышедшие из употребления значения.

7. Выявляются появившиеся значения.

8. Совпадающие значения разных временных периодов сравниваются по составу семантических компонентов, выявляются появившиеся и ушедшие семантические компоненты.

Покажем методику на примере анализа темпоральной траектории развития слова *большевик*.

Список словарных значений	Представленность в языковом сознании 30-ых-80-ых гг. XX в.		Представленность в языковом сознании нулевых - гг. XXI в.
	В словаре Ушакова	В словаре Совдепии	В словаре Кузнецова
1.Член революционной Российской социал-демократической партии, образовавшейся под руководством Ленина на 2-м съезде партии в 1903 г.	Член революционной Российской социал-демократической партии, образовавшейся под руководством Ленина на 2-м съезде партии в 1903 г.	-	Первоначально представитель революционного большинства Российской социал – демократической рабочей партии, возглавляемого В.И. Лениным.
2.Член ВКП(б)	Член ВКП(б)	Член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)	Член большевистской партии
3.Член коммунистической партии всякой страны, коммунист	Член коммунистической партии всякой страны	Коммунист	-
4. Сторонник большевизма	-	-	Сторонник большевизма
5.Стойкий, последовательный, не знающий колебаний революционный марксист – ленинец.	Стойкий, последовательный, не знающий колебаний революционный марксист – ленинец	-	-
6.Член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), коммунист.	-	Член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), коммунист.	-
7.Активный участник социалистического строительства,	-	Активный участник социалистического строительства,	-

передовой человек социального общества.		передовой человек социального общества.	
8.Рабочий завода «Большевик».	-	Рабочий завода «Большевик».	-
9.Житель Весёлого поселка (от проспекта Большевиков).	-	Житель Весёлого поселка (от проспекта Большевиков).	-
10.Большевик – остров в группе островов Северной Земли	-	Большевик – остров в группе островов Северной Земли	-

30-ые годы XX века:

Значение 1 является актуальным.

Значение 2 является актуальным,

Значение 3 является актуальным

Значение 4 неактуально

Значение 5 актуально

Значение 6 актуально

Значение 7 актуально

Значение 8 актуально

Значение 9 актуально

Значение 10 актуально

Значения 8, 9 и 10 имеют явно региональный характер.

Нулевые годы 21-ого века:

Значение 1 актуально, но характеризуется как уже устаревшее, историзм («первоначально...»).

Значение 2 актуально

Значение 3 неактуально

Значение 4 актуально

Значения 5-10 неактуальны

Значения 8, 9 и 10 имеют явно региональный характер

Таким образом, для слова *большевик*:

- в 30-е 80-ые годы налицо высокая многозначность слова «большевик», актуальны значения 1- 3 и 5-10, хотя некоторые значения имеют чисто региональный характер;

- в нулевые годы сохраняются только значения 1 и 2, а также формируется обобщающее значение № 3 – «сторонник большевизма». При этом значение 1 имеет уже помету «устаревшее»,

В целом с 30-ых гг. до настоящего времени сохраняется в неизменном семном виде только одно значение – «Член большевистской партии».

Остальные значения выходят из употребления, а значение 1 – «Член революционной Российской социал-демократической партии, образовавшейся под руководством Ленина на 2-м съезде партии в 1903 г.» развивает сему «историзм».

Таким образом, наблюдается тенденция к сокращению количества значений и общему семантическому обеднению слова, появлению семы «историзм» у одного из сохранившихся значений, а также формированию на базе многочисленных значений слова обобщающего значения – «сторонник большевизма». Налицо яркая темпоральная динамика развития значения слова.

Аналогичным образом могут быть описаны темпоральные изменения в значениях слов *интеллигент* и *ударник*.

Литература

1. Толковый словарь русского языка/ Сост. Д.Н. Ушаков. – Москва: «Огиз», 1935.
2. Толковый словарь языка Совдепии/ Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Изд-во АСТ, Астрель, 2005.
3. Кузнецов С.А. Новейший толковый словарь русского языка. – М.-СПб.: Норинт, 2008.

С.В. Коваленко

Сопоставительный анализ семантики антропонимов ПОРОШЕНКО и ЯНУКОВИЧ (экспериментальное исследование)

Аннотация: В статье сопоставляются психолингвистические значения собственных имен политических деятелей Украины.

Ключевые слова: Ассоциативный эксперимент, психолингвистическое значение, сопоставление.

Abstract: The paper compares psycholinguistic meanings of Ukrainian politicians' proper names.

Key words: Associative experiment, psycholinguistic meaning, comparison.

Предметом нашего исследования является семантика антропонимов в психолингвистическом аспекте. В традиционной лингвистике именам собственным зачастую отказывают в наличии семантики, психолингвистика же признаёт наличие у онимов лексического значения.

В данном исследовании эта проблема рассматривается на примере имён современных политических деятелей.

Были проведены свободный и направленные ассоциативные эксперименты. Испытуемыми явились 200 студентов Воронежского государственного университета в возрасте 18-22 лет. Эксперимент проводился в сентябре-ноябре 2016 года.

Результаты экспериментов были обработаны и затем построены ассоциативные поля исследуемых онимов.

Приведём полученные ассоциативные поля по стимулам **Порошенко** и **Янукович**.

Свободный ассоциативный эксперимент

Порошенко 200: Украина 40, президент 32, политик 15, президент Украины 13, конфеты 8, политика, правитель, Рошен 3, Roshen, война, debil, дурак, кондитер, параша, Пётр, политический деятель, Потрошенко, свин, свинья, Украина, украинец, человек, Шарий 2, алкаш, бизнесмен, враг народа, двоечник, жёлтый, король (шоколадный), мужчина, не политик, неадекватен, недополитик, неправдивый политик, ни о чём, никто, овца, политота, Попрошенко, порошок, правит, правительство, предатель, презик, придурок, самый лучший человек, слава Украине, странное имя, торгаш, тупой, у власти, украинский политик, фабрика конфет, флаг, хохол, человек с Украины, чиновник, что-то из политики, что-то там с Украиной 1, отказ 17.

Янукович 200: Украина 26, президент 21, бывший президент Украины 13, бывший президент, политик 9, Майдан, политика, политический деятель, президент Украины, украинец, Якубович 4, беглец, бывший, человек, экс-президент 3, мужик, «Поле чудес», предатель, пугч, трус, экс-президент Украины 2, бегун, беженец, биа, бывший украинский президент, враг, глава, золото, золотой батон, как Лев Лещенко, копейка (машина), красавчик, кролик, круг, марионетка, мой герой, никто, он, оранжевая колонна, падение, плохо, плохой, плохой человек, политота, почти как Якубович, правит, правитель, правительство, президент бывший, прошлый, революция, Ростов, страна, странный человек, страх, телеведущий, тесть, Украина в 2004 г., украинский политик, украинский президент, управляет, уход, халва, хохол, чиновник, что-то там с Украиной, Яйнукович 1, отказ 28.

Направленный ассоциативный эксперимент (какой?)

Порошенко 200: плохой 13, толстый, украинский, хитрый 8, странный, тупой 7, глупый 5, неприятный, продажный 4, злой 3, алкоголик, жадный, конфетный, легитимный, лысый, правящий, президент Украины, своеобразный, седой, стиральный, так себе 2, алкоголезависимый, алчный, богатый, болтливый, бунтующий, властный, возглашающий, воинственный, гадкий, жёлто-синий, житель Украины, забавный, задумчивый, изворотливый, «интеллигентный», Иуда, «кажется, украинский», какой-то, козёл, конфеты «Roshen», крайний, кучерявый, лживый, лизущий, маленький, мерзкий, миллиардер, морщинистый, не стройный, невменяемый, неизвестный, неинтеллектуальный, ненормальный, ненужный, неоднозначный, непонятный, непорядочный, неразумный, нерациональный, неспособный, неудачник, неуравновешенный, никакой, ничтожный, новый, обычный, оголтелый, омерзительный, оппозиционный, отвратительный, подлый, политический, полненький, посредственный, прогибающийся, проигравший, пухлый, пьющий, пьяный, радикальный, Рошен, с плохой фамилией, самовлюблённый, седовласый, смешной, современный, старый, строптивый, сумасбродный, такой, типа правящий, трусливый, целеустремлённый, чудака, шоколадный 1, отказ 36.

Янукович 200: украинский 12, трусливый 9, слабый 6, толстый, тупой, хитрый 4, богатый, бывший, весёлый, легитимный, неприятный, никакой, нормальный, прошлый, трус 3, глупый, добрый, дряхлый, неразумный, оранжевый, плохой, противный, с усами и бородой, старый, умный 2, адекватный, бесхребетный, брюнет, быстрый, высокий, глупый по отношению к политике страны, громкий, грустный, жилистый, забавный, злой, играющий, известный, имеющий определённые политические взгляды, исчезнувший, коррупционный, коса на голове, не запоминающийся, не наш, неадекватный, недалёкий, недалёковидный, неинтересный, нейтральный, нелегитимно смещённый с поста президента, непреданный, непредсказуемый, непрофессиональный, неуверенный в себе, неудачный, неумный, нечестный, нулевой, обычный, очередной в этой таблице, политик, полненький, потерянный, правый, предатель, продажный, пустой, решительный, рябой, сбежавший, свергнутый, своеобразный, сидевший срок, симпатичный, слабовольный, слабохарактерный, странный, страшный, талантливый вор, тихий, трусоватый, убежавший, украинец, хохол, чуть лучше Порошенко, яблочный 1, отказ 53.

Направленный ассоциативный эксперимент (что делает?)

Порошенко 200: правит 14, ничего 8, ворует 7, политику, руководит 3, бегают, конфеты, болтает, много говорит, позорится, политика, правит Украиной, производит конфеты, пытается править, пытается управлять, разваливает, разваливает страну, разрушает страну, руководит страной, управляет, управляет страной 2, брешет, ведёт войну, владеет заводами Roshen, владеет фабрикой конфет, воспитывает детей, воюет, врёт, всё портит, вступает в дискуссии, выполняет функцию президента, глупости, говорит, грабит, грубит, губит, деньги гребёт, ест сало, ерундой страдает, живёт, занимает пост, зарабатывает, зарабатывает деньги, заявляет, идёт, интриги, интригует, конфетки, конфеты выпускает, конфеты производит, кушает жёлуди, лжёт, мечется, мечется меж двух огней, моросит, «не думает или, наоборот, слишком много», не любит Россию, несёт чушь, никого не интересует, ни фига, ничего не делает, ничего хорошего, обкрадывает народ, обманывает, ошибается, перевариваются, плохо, плохо правит, пляшет, пляшет под дудку США, подлизывается, покидает, преклоняется перед США, принимает решения, провоцирует, продаётся, продолжает врать, путает людей, пытается выглядеть президентом, пытается самоутвердиться, пытается управлять страной, пьёт, разваливает Украину, разрушает, рофлит, рушит, сидит, сидит в кресле президента, симулирует правление, скандалит, сколачивает капитал, слушает США, сматывается, смеётся, собственные интересы, стирает вещи, страдает фигнёй, тварит, теряет доверие, тушит, убивает, убивает людей, устраивает дебош на Украине, фигню, хитрит, ходит, хрюкает, что зря, что-то, «что-то, наверно, делает» 1, отказ 44.

Янукович 200: прячется 27, скрывается 14, ничего 12, отдыхает 5, говорит 4, бегают, бежит, ворует, живёт, сбегает 3, живёт в Ростове, правит, пропал, убегает 2, а кто его знает, бежал из страны, «бежит, как Форрест Гамп», боится, веселит, ворчит, воюет, вращает барабан, выиграл, гад ворует, говорит и ничего не делает, грабит, думает, дышит, живёт в России, зарабатывает миллион, заставляет, крутится, любит Украину, молчит, мутит воду, на пенсии, «ничего, ведь больше не правитель», ничего хорошего, орёт, отсиживается, отсиживается в России, позорится, пока ничего, политикой занимается, президентствует, премьер-министр бывший, приносит разруху, провоцирует, пропадает, пытается править, пытается править государством, пытается что-то говорить, пытается что-то делать, работает, разваливает страну, разрушает страну, рассказывает, сбегает из своей страны, сбежал, сваливает, светит, сидит в России, сидит в Ростове, скрывается от всех, служит, смывается, создаёт волнения в народе, спасает мир, существует, теряет президентство, торгуется, у власти на Украине, уже ничего, укрывается от ответственности, умничает, уходит отдыхать, участвует, ушёл с поста президента, фигню всякую делает, что-то 1, отказ 49.

Сформулируем методом семантической интерпретации интегральные психолингвистические значения данных имён собственных. Цифра означает яркость данного семантического признака, вычисляемую как отношение числа испытуемых, актуализировавших в экспериментах данный семантический компонент, к общему числу испытуемых.

Порошенко

600 ии

Президент Украины 0,14, украинец 0,10, основатель кондитерской корпорации «Roshen», политик 0,05, глупый, плохой 0,04, бездеятельный, вор, разрушает страну, странный, толстый, хитрый 0,02, алкоголик, богатый, ведёт войну, лжец, много говорит, не в полной мере правитель, похож на свинью, преклоняется перед США, продажный 0,01;

Менее 0,01: властный, возглашающий, воинственный, воспитывает детей, говорит: «Слава Украине!», грубый, двоечник, его осмеял журналист Шарий, жадный, живёт, задумчивый, заявляет, злой, идёт, имеет странное имя, интриган, корыстный, кучерявый, легитимный, лысый, маленький, мечется меж двух огней, морщинистый, мужчина, не в полной мере

политик, не в своём уме, не интеллигентный, не любит Россию, неизвестный, ненужный, неоднозначный, несёт чушь, неспособный, неудачник, неуравновешенный, никого не интересуется, ничего из себя не представляет, новый президент, обычный, овца, оголтелый, ошибается, оппозиционный, Пётр, пляшет, подлый, позорится, провокатор, проигравший, просит помощи у Запада, путает людей, радикальный, с плохой фамилией, самовлюблённый, самый лучший человек, своеобразный, седой, сидит, скандалист, смешной, смеющийся, современный, старый, строптивый, теряет доверие, торгаш, трусливый, тушит, убегает, ходит, целеустремлённый, человек, чиновник.

Неинтерпретируемые реакции 13: стиральный, параша 2, жёлтый, крайний, моросит, порошок, презик, рофлит, стирает вещи, флаг, что зря 1.

Фонетические реакции 2: Потрошенко 2.

Янукович

600 ии

1. Бежал из Украины в Россию, бывший президент Украины 0,13, украинец 0,08, отошёл от дел, политик 0,04, трусливый 0,03, был смещён с поста в результате переворота, глупый, плохой 0,02, богатый, вор, много говорит, слабый 0,01;

Менее 0,01: адекватный, брютет, бывший премьер-министр, быстрый, вводит в заблуждение, ворчливый, враг, выиграл, высокий, громкий, грустный, добрый, дышит, его победа на выборах привела к «оранжевой» революции, живёт, жилистый, забавный, заставляет, известный, иностранец, как Лев Лещенко, красавчик, кричит, крутится, легитимный, любит Украину, марионетка, молчит, мужчина, не запоминающийся, не преданный, неадекватный, недалёковидный, неинтересный, непредсказуемый, неприятный, неуверенный в себе, неудачник, неумелый политик, нечестный, ничего из себя не представляет, обычный, поддерживает правые взгляды, позорится, полный, потерянный, провокатор, продажный, пустой, пытается что-то делать, работает, разваливает Украину, решительный, рябой, с косой на голове, с усами и бородой, светит, своеобразный, сидел в тюрьме, симпатичный, слабохарактерный, спасает мир, старый, странный, страшный, существует, тихий, умничают, участвует, умный, хитрый, хороший, человек, чиновник, чуть лучше Порошенко.

2. Менее 0,01: ведёт телепередачу «Поле чудес», веселит, весёлый, Якубович.

Неинтерпретируемые реакции 9: биа, копейка (*машина*), кролик, круг, нулевой, очередной в этой таблице, тещь, халва, яблочный 1.

Фонетические реакции 2: почти как Якубович, Яйнукович.

Обработка результатов ассоциативных экспериментов методом обобщения трёх экспериментов и семной интерпретации ассоциаций (Попова, Стернин 2007) показывает, что оба имени имеют богатую семантику.

В именах выделяются общие семы, непосредственно связанные с политической деятельностью носителей: *президент Украины* и *политик*; больше реакций, в которых реализуются эти семы, было дано на стимул **Порошенко**. Также в именах совпадает сема *украинец* (**Порошенко** 0,10, **Янукович** 0,08). Реакции, которые актуализируют данную сему, чаще встречаются в ассоциативном поле, связанным с именем **Порошенко**. Совпадают также семы, связанные с личностными качествами носителей исследуемых имён: *глупый, плохой* (**Порошенко** 0,04, **Янукович** 0,02), *трусливый* (**Порошенко** менее 0,01, **Янукович** 0,03), *странный, хитрый* (**Порошенко** 0,02, **Янукович** менее 0,01), *продажный* (**Порошенко** 0,01, **Янукович** менее 0,01), *не в своём уме, своеобразный* (**Порошенко** менее 0,01, **Янукович** менее 0,01). Совпадают семы, связанные с особенностями деятельности носителей имён: *вор* (**Порошенко** 0,01, **Янукович** 0,01), *разрушает страну* (**Порошенко** 0,02, **Янукович** менее 0,01), *много говорит* (**Порошенко** 0,01, **Янукович** 0,01), *провокатор* (**Порошенко**

менее 0,01, **Янукович** менее 0,01). Совпадает оценка успешности деятельности: *неудачник, позорится* (**Порошенко** менее 0,01, **Янукович** менее 0,01). Общими являются «универсальные» семы, подходящие для описания множества людей: *живёт, мужчина* (**Порошенко** менее 0,01, **Янукович** менее 0,01). Сема *легитимный* (**Порошенко** менее 0,01, **Янукович** менее 0,01) присутствует в обоих именах.

Для определения семантической близости слов был использован коэффициент пересечения Диза: $K_{1,2} = N_{1,2} / \sqrt{2N_1 * 2N_2}$, где $N_{1,2}$ – число совпадающих реакций, N_1 — число реакций на первый стимул, N_2 — число реакций на второй стимул.

Для имён **Порошенко** и **Янукович** этот коэффициент составляет 0,56. Можно сказать, что имена достаточно близки по семантике.

Стоит отметить, что противостояние данных лиц не отражено в семантике имён собственных на значимом уровне. Таким образом, семантика данных имён собственных мало отражает взаимоотношения их носителей, она связана с каждым политиком изолировано, однако данные имена семантически близки.

Литература

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.:Восток-Запад, 2007.

Д.В. Козельская

Контрастивный анализ общих наименований школьных педагогических работников в русском и английском языках

Аннотация: В статье проводится контрастивный анализ общих наименований школьных педагогических работников в русском и английском языках.

Ключевые слова: Контрастивный анализ, контрастивная пара, индекс.

Abstract: The paper presents the results of comparative analysis of the general names of school employees in the Russian and English languages.

Key words: Contrastive analysis, contrastive pair, index.

В предлагаемой статье предпринимается попытка контрастивного анализа общих наименований школьных педагогических работников в русском и английском языках.

Как показало исследование, в русском языке в данную группу входят три наименования, в английском – 10.

Наибольший индекс множественности соответствий (Лукина 2008, с.37) зафиксирован у русской лексемы *учитель* (восемь соответствий). Для лексемы *учительница* индекс множественности соответствий оказался равен двум, лексемы *педагог* – трем.

Для определения национальной специфики контрастивных пар нами были использованы следующие введенные Л.В. Лукиной индексы:

Индекс денотативной идентичности лексем – отношение совпадающих денотативных сем в контрастивной паре к общему числу сем этой категории.

Индекс коннотативной идентичности лексем – отношение совпадающих коннотативных сем в контрастивной паре к общему числу сем этой категории.

Индекс функциональной идентичности лексем – отношение совпадающих функциональных сем в контрастивной паре к общему числу сем этой категории. (Лукина 2008, с. 38)

Вслед за Л.В. Лукиной при описании контрастивных пар мы для наглядности графически выделяем разные типы сем: денотативные семы не маркируются, коннотативные семы обозначаются прописными буквами, функциональные семы даются курсивом. При описании сем в контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексемы дается семный набор каждого переводного соответствия, несовпадающие семы при этом выделяются жирным шрифтом, а безэквивалентные обозначаются нулем. При полном совпадении семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае частичного совпадения семы – 0,5.

Рассмотрим выделенные контрастивные пары. Начнем с лексемы *учитель*, имеющей наибольший индекс множественности соответствий.

УЧИТЕЛЬ – teacher

• лицо, которое обучает чему-нибудь	• лицо, в обязанности которого входит обучение других
• мужского или женского пола	• мужского или женского пола
• в школе	• в школе
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 83%, индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 100%.

УЧИТЕЛЬ – schoolteacher

• лицо, которое обучает чему-нибудь	• лицо, в обязанности которого входит обучение других
• мужского или женского пола	• мужского или женского пола
• в школе	• в школе
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>редкое</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 83%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 80%.

УЧИТЕЛЬ – coach

• лицо, которое обучает чему-нибудь • мужского или женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• лицо, которое обучает чему-нибудь дополнительно • мужского или женского пола • частным образом • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>британское</i> • <i>малоупотребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 66%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 60%.

УЧИТЕЛЬ – educator

• лицо, которое обучает чему-нибудь • мужского или женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• лицо, ответственное за обучение и организацию учебного процесса • мужского или женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>официально-деловое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>американское</i> • <i>употребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 83%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 40%.

УЧИТЕЛЬ – tutor

• лицо, которое обучает чему-нибудь • мужского или женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• лицо, дающее частные уроки по какому-либо предмету • мужского или женского пола • на дому • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>употребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 33%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 80%.

УЧИТЕЛЬ - pedagogue

• лицо, которое обучает чему-нибудь • мужского или женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• строгий или педантичный
преподаватель • мужского или женского пола • в школе • НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>книжное</i> • <i>общенародное</i> • <i>устаревшее</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>редкое</i> |
|--|--|

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 83%, индекс коннотативной идентичности – 50%, а индекс функциональной идентичности – 40%.

УЧИТЕЛЬ – schoolmaster

• лицо, которое обучает чему-нибудь • мужского или женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• лицо, в обязанности которого входит
обучение других • мужского пола • в частной школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>устаревшее</i> • <i>британское</i> • <i>редкое</i> |
|---|---|

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 33%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 40%.

УЧИТЕЛЬ – beak

• лицо, которое обучает чему-нибудь • мужского или женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• лицо, в обязанности которого входит
обучение других • мужского пола • в частной школе • НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ • ПРЕЗРИТЕЛЬНОЕ • <i>просторечное</i> • <i>молодежное</i> • <i>устаревшее</i> • <i>британское</i> • <i>редкое</i> |
|---|--|

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 33%, индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 0.

Как показало исследование, наиболее высокий индекс денотативной идентичности, составляющий 83%, выявлен в парах *учитель* – *teacher*, *учитель* – *pedagogue*, *учитель* – *educator*, *учитель* – *schoolteacher*.

Коннотативно наиболее близкими парами оказались: *учитель* – *teacher*, *учитель* – *educator*, *учитель* – *coach*, *учитель* – *schoolmaster*, *учитель* – *tutor*, *учитель* – *schoolteacher*, индекс коннотативной идентичности которых оказался равен 100%.

Наибольшее совпадение функциональной идентичности прослеживается в паре *учитель* – *teacher*, индекс функциональной идентичности которой равен 100%.

Для того, чтобы сделать окончательный вывод о национальной специфике рассмотренных контрастивных пар и определить оптимальное переводческое соответствие нами был использован еще один введенный Л.В. Лукиной индекс – *интегральный индекс идентичности лексем*, вычисляемый как среднее арифметическое индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности (Лукина 2008, с. 38-39).

Для пары *учитель* – *teacher* интегральный индекс идентичности лексем составил 94%, для пары *учитель* – *schoolteacher* – 87%, для пары *учитель* – *coach* – 75 %, для пары *учитель* – *educator* – 74%, для пары *учитель* – *tutor* – 71%. Для пар *учитель* – *pedagogue* и *учитель* – *schoolteacher* интегральный индекс идентичности лексем оказался одинаковым, равным 57%. Наименьший индекс соответствия, равный всего 11%, выявлен у пары *учитель* – *beak*.

Таким образом, для лексемы *учитель* в русском языке оптимальным переводческим соответствием следует признать английскую лексему *teacher* как имеющую наибольший интегральный индекс идентичности.

Перейдем к рассмотрению контрастивных пар лексемы *педагог*.

ПЕДАГОГ – teacher

<ul style="list-style-type: none"> • лицо, в обязанности которого входит обучение и воспитание • мужского или женского пола • в образовательном и/или воспитательном учреждении • ОДОБРИТЕЛЬНОЕ • УВАЖИТЕЛЬНОЕ • <i>книжное</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>употребительное</i> 	<ul style="list-style-type: none"> • лицо, в обязанности которого входит обучение других • мужского или женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>
---	--

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 66%, индекс коннотативной идентичности – 0, а индекс функциональной идентичности – 60%.

ПЕДАГОГ – pedagogue

• лицо, в обязанности которого входит обучение и воспитание • мужского или женского пола • в образовательном и/или воспитательном учреждении • ОДОБРИТЕЛЬНОЕ • УВАЖИТЕЛЬНОЕ • <i>книжное</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>употребительное</i>	• строгий или педантичный преподаватель • мужского или женского пола • в школе • НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>книжное</i> • <i>общенародное</i> • <i>устаревшее</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>редкое</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 66%, индекс коннотативной идентичности – 0, а индекс функциональной идентичности – 60%.

ПЕДАГОГ – educator

• лицо, в обязанности которого входит обучение и воспитание • мужского или женского пола • в образовательном и/или воспитательном учреждении • ОДОБРИТЕЛЬНОЕ • УВАЖИТЕЛЬНОЕ • <i>книжное</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>употребительное</i>	• лицо, ответственное за обучение и организацию учебного процесса • мужского или женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>официально-деловое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>американское</i> • <i>употребительное</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 66%, индекс коннотативной идентичности – 0, а индекс функциональной идентичности – 60%.

Как показало исследование, во всех трех контрастивных парах индекс денотативной идентичности равен 60%, коннотативной – 0, а функциональной – 60%. Интегральный индекс во всех рассмотренных парах оказался одинаковым, равным 42%. Поэтому сделать вывод об оптимальном соответствии в этих парах не представляется возможным.

Рассмотрим контрастивные пары с лексемой *учительница*.

УЧИТЕЛЬНИЦА – schoolmistress

• лицо, которое обучает чему-нибудь • женского пола • в школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i>	• лицо, в обязанности которого входит обучение других • женского пола • в (частной) школе • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>книжное</i> • <i>общенародное</i>

• <i>современное</i>	• <i>устаревшее</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>британское</i>
• <i>употребительное</i>	• <i>редкое</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 66%, индекс коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 20%.

УЧИТЕЛЬНИЦА - schoolmarm

• лицо, которое обучает чему-нибудь	• лицо, в обязанности которого входит обучение других
• женского пола	• женского пола
• в школе	• в школе
• 0	• строгая и важная
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• ПРЕНЕБРЕЖИТЕЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>разговорное</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>школьное</i>
• <i>современное</i>	• <i>устаревашее</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>американское</i>
• <i>малоупотребительное</i>	• <i>редкое</i>

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 62,5, индексы коннотативной и функциональной идентичности равны 0.

Как показало исследование, в рассмотренных контрастивных парах и денотативно, и коннотативно, и функционально наиболее близки лексемы *учительница* – *schoolmistress*.

Для пары *учительница* – *schoolmistress* интегральный индекс идентичности лексем составил 62%, а для пары *учительница* – *schoolmarm* – 21%. Таким образом, оптимальным переводческим соответствием русской лексемы *учительница* следует признать лексему *schoolmistress*.

В целом, проведенный контрастивный анализ общих наименований школьных педагогических работников в русском и английском языках позволил выявить оптимальные переводческие соответствия для лексем *учитель* и *учительница*, каковыми являются соответственно *teacher* и *schoolmistress*. Для лексемы *педагог*, как показало исследование, оптимального переводческого соответствия не существует.

Литература

1. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.

Исследование гендерных особенностей семантики слова (на материале слова *старый* в мужском и женском языковом сознании)

Аннотация: Рассматриваются гендерные различия в семантике русского слова *старый*.

Ключевые слова: Семантика, гендер, семема, сема.

Abstract: Gender differentiation in semantics of the Russian word “stary” is studied.

Key words: Semantics, gender, sememe, seme.

Целью нашего исследования является выявление и сопоставление мужской и женской семантики слова *старый* по методике, изложенной в двенадцатом выпуске «Сопоставительных исследований» (Колесникова 2015).

СТАРЫЙ

Ассоциативные поля

Женщины

СТАРЫЙ 100: дед 24, дом 8, пень 7, молодой 6, мудрый 6, ветхий 4, бабушка 4, мудрец 4, пожилой 4, чемодан 4, ветеран 3, морщинки 3, человек 3, актер 2, Новый год 2, Оскол 2, фильм 2, вагон, воспоминания, диван, жалкий, замок, испорченный, надежда, плед, смерть, телевизор, холодильник, хрыч-1.

Мужчины

СТАРЫЙ 100: дом 7, дед 5, добрый 5, друг 5, пень 5, хрен 5, альбом 4, дуб 4, замок 4, молодой 4, новый 4, Оскол 4, сарай 4, хер 4, черт 3, башмак 2, больной 2, волк 2, диван 2, лес 2, малый 2, мельник 2, мудрый 2, Новый год 2, пожилой 2, седой 2, служака 2, хозяин 2, батя, велосипед, древний, преподаватель, роман, человек, шутка -1.

Методом обобщения словарных дефиниций были получены следующие интегрированные значения слова СТАРЫЙ:

1. Проживший много лет, достигший старости.
2. Давний, существующий с давнего времени, долго.
3. Давно находящийся в употреблении, давно сделанный и утративший от времени свои качества.
4. Уже не действительный, негодный.
5. Давно приготовленный и имеющий большую крепость, остроту (о некоторых напитках).
6. Старинный, древний.
7. Прежний, не современный, устаревший.
8. Бывший прежде чего-н. другого, предшествующий.
9. Не являющийся новичком, давно где-н. находящийся, живущий, работающий.

Приведем в сопоставительной таблице гендерную дифференциацию значений слова *старый*.

Интегрированное словарное значение	Женщины 100	Мужчины 100
Проживший много лет, достигший старости	дед 24, мудрый 6, бабушка 4, мудрец 4, пожилой 4, ветеран 3, морщинки 3, человек 3, актер 2, жалкий, смерть, хрыч-1.	дед 5, добрый 5, хрен 5, хер 4, черт 3, больной 2, волк 2, мудрый 2, пожилой 2, седой 2, батя, преподаватель, человек -1.

	Оппозиты: молодой 6. СИЯ 62	Оппозиты: молодой 4, малый 2. СИЯ 41
Давний, существующий с давнего времени, долго	дом 8, пень 7, ветхий 4, чемодан 4, фильм 2, вагон, воспоминания, диван, замок, надежда, плед, телевизор, холодильник -1. СИЯ 33	дом 7, друг 5, пень 5, альбом 4, дуб 4, замок 4, сарай 4, башмак 2, диван 2, лес 2, велосипед, роман, шутка -1. Оппозиты: новый 4. СИЯ 46
Давно находящийся в употреблении, давно сделанный и утративший от времени свои качества	дом 8, ветхий 4, чемодан 4, вагон, диван, замок, испорченный, плед, телевизор, холодильник -1. СИЯ 23	дом 7, альбом 4, замок 4, сарай 4, диван 2, велосипед-1. СИЯ 22
Уже не действительный, негодный	дом 8, чемодан 4, вагон, диван, замок, испорченный, плед, телевизор, холодильник-1. СИЯ 19	дом 7, замок 4, сарай 4, башмак 2, диван 2, велосипед- 1. СИЯ 20
Давно приготовленный и имеющий большую крепость, остроту (о некоторых напитках)	- СИЯ 0	- СИЯ 0
Старинный, древний	замок-1. СИЯ 1	замок 4, древний-1. СИЯ 5
Прежний, не современный, устаревший	- СИЯ 0	- СИЯ 0
Бывший прежде чего-н. другого, предшествующий	дом 8, вагон, диван, замок, плед, телевизор, холодильник-1. СИЯ 14	дом, замок 4, сарай 4, диван 2, хозяин 2, велосипед-1. СИЯ 20
Не являющийся новичком, давно где-н. находящийся, живущий, работающий	- СИЯ 0	служака 2. СИЯ 2

Устойчивые выражения: *Оскол 2* (женщины), *Оскол 4* (мужчины), *Новый год 2* (женщины), *Новый год 2* (мужчины), *добрый 5* (мужчины).

Актуализация прецедентных текстов: *мельник 2* (мужчины).

Отказов в эксперименте не зафиксировано, что свидетельствует о том, что значение слова *старый* актуально для языкового сознания современного носителя русского языка.

Не были актуализованы значения:

1. Давно приготовленный и имеющий большую крепость, остроту (о некоторых напитках).

2. Прежний, не современный, устаревший.

Следовательно, они не присутствуют в современном языковом сознании носителей языка.

В ходе обобщения материалов экспериментов не были сформулированы новые значения.

Гендерные психолингвистические значения

Значения выделены и сформулированы методом обобщения словарных дефиниций (значения 1-7).

1. Проживший много лет, достигший старости

Ж. Достигший старости 0,40 (дед 0,24, дедушка 0,04, пожилой 0,04, ветеран 0,03, человек 0,03, актер 0,02), мудрый 0,10 (мудрый 0,06, мудрец 0,04), противоположно молодому 0,06 (молодой 0,06), у него есть морщины 0,03 (морщинки 0,03), он вызывает жалость 0,01 (жалкий 0,01), ассоциируется со смертью 0,01 (смерть 0,01); неодобрительное 0,01 (хрыч 0,01). СИЯ 0,62	М. Достигший старости 0,12 (дед 0,05, волк 0,02, пожилой 0,02, батя, преподаватель, человек -0,01); неодобрительное 0,12 (хрен 0,05, хер 0,04, черт 0,03); противоположно молодому 0,06 (молодой 0,04, малый 0,02), добрый 0,05 (добрый 0,05), больной 0,02 (больной 0,02), мудрый 0,02 (мудрый 0,02), у него седые волосы 0,02 (седой 0,02). СИЯ 0,41
---	--

2. Давний, существующий с давнего времени, долго.

Ж. Давно существующий 0,29 (дом 0,08, пень 0,07, чемодан 0,04, фильм 0,02, вагон, воспоминания, диван, замок, надежда, плед, телевизор, холодильник -0,01), ветхий 0,04 (ветхий 0,04). СИЯ 0,33	М. Давно существующий 0,42 (дом 0,07, друг 0,05, пень 0,05, альбом 0,04, дуб 0,04, замок 0,04, сарай 0,04, башмак 0,02, диван 0,02, лес 0,02, велосипед, роман, шутка -1), противоположно новому 0,04 (новый 0,04). СИЯ 0,46
---	--

3. Давно находящийся в употреблении, давно сделанный и утративший от времени свои качества.

Ж. Давно построенный 0,12 (дом 0,08, ветхий 0,04), давно существующий 0,10 (чемодан 0,04, вагон, диван, замок, плед, телевизор, холодильник -0,01), утративший свои качества 0,01 (испорченный 0,01). СИЯ 0,23	М. Давно построенный 0,11 (дом 0,07, сарай 0,04), давно существующий 0,11 (альбом 0,04, замок 0,04, диван 0,02, велосипед-0,01). СИЯ 0,22
--	---

4. Уже не действительный, негодный.

Ж. Негодный 0,19 (дом 0,08, чемодан 0,04, вагон, диван, замок, испорченный, плед, телевизор, холодильник-0,01). СИЯ 0,19	М. Негодный 0,20 (дом 0,07, замок 0,04, сарай 0,04, башмак 0,02, диван 0,02, велосипед-0,01). СИЯ 0,20
--	--

5. Старинный, древний.

Ж. Старинный 0,01 (замок 0,01). СИЯ 0,01	М. Старинный 0,04 (замок 0,04), древний 0,01 (древний 0,01). СИЯ 0,05
--	---

6. Бывший прежде чего-н. другого, предшествующий.

Ж. Бывший раньше 0,14 (дом 0,08, вагон, диван, замок, плед, телевизор, холодильник-0,01) СИЯ 0,14	М. Бывший раньше 0,20 (дом 0,07, замок 0,04, сарай 0,04, диван 0,02, хозяин 0,02, велосипед-0,01) СИЯ 0,20
---	--

7. Не являющийся новичком, давно где-н. находящийся, живущий, работающий.

Ж. - СИЯ 0	М. Опытный служащий 0,02 (служака 0,02) СИЯ 0,02
------------------	--

Сопоставление гендерных значений лексемы *старый* показывает, что существенные различия в СИЯ демонстрируют следующие из них:

1. Не являющийся новичком, давно где-н. находящийся, живущий, работающий (в мужском сознании представлено, в женском нет).

2. Старинный, древний (в мужском сознании оно выражено на 66% ярче, чем в женском).

3. Бывший прежде чего-н. другого, предшествующий (в мужском сознании оно выражено на 30% ярче, чем в женском).

4. Проживший много лет, достигший старости (в женском сознании оно выражено на 18% ярче, чем в мужском).

5. Давний, существующий с давнего времени, долго (в мужском сознании оно выражено на 16% ярче, чем в женском).

Чисто мужскими ассоциациями на стимул *старый* являются: *служака* 2.

Несущественные различия в СИЯ демонстрируют значения:

1. Давно находящийся в употреблении, давно сделанный и утративший от времени свои качества.

2. Уже не действительный, негодный.

Эти значения практически не имеют гендерной дифференциации.

Анализируя полученные нами в ходе ассоциативного эксперимента результаты, мы приходим к выводу, что гендерная дифференциация семантики слова *старый* в современном языковом сознании достаточно ЯРКО выражена.

Литература

1. Колесникова Е. И. Опыт сопоставительного исследования гендерных особенностей семантики слова // Сопоставительные исследования 2015. – Вып. 12. – Воронеж: «Истоки», 2015. – С. 30-36.

Е.И. Корыпаева

Контрастивная ценность симптоматических выражений с лексемой «сердце» в русском и французском языках

Аннотация: Рассматриваются симптоматические выражения русского и французского языков с точки зрения совпадения их значения, образной основы и формы выражения.

Ключевые слова: Фразеология, семантика, национальная специфика.

Abstract: The paper studies symptomatic Russian and French expressions from the point of view of their meanings, image and forms of expression matching.

Key words: Phraseology, semantics, national specificity.

Фразеология справедливо считается одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Среди фразеологизмов в особую группу выделяются так называемые симптоматические выражения (Иорданская 1972, с. 5), которые определяются как стандартные/устойчивые выражения естественного языка, называющие физиологические реакции человеческого тела на те или иные внутренние состояния (физиологические, ментальные или эмоциональные), напр., рус. *дрожать от холода / страха; задыхаться от гнева; прыгать от радости, позеленеть от злости* и др. Подавляющее большинство таких выражений описывают симптомы эмоциональных состояний. К симптоматическим исследователи (Рудерман 2002, с.380) относят широкий спектр выражений: симптомы могут быть непосредственно наблюдаемыми или скрытыми от глаз наблюдателя (ср. *прыгать от радости – сердце екнуло от страха*); участвовать в проявлении этих симптомов могут реальные анатомические органы, «воображаемые» / нематериальные органы и некоторые субстанции человеческого организма (ср. *ноги подгибаются от страха – душа в пятки ушла от страха – кровь стынет в жилах от ужаса*). Симптоматические выражения могут обозначать некоторое реальное физическое изменение в организме, а могут быть и просто образными выражениями со значением некоторого сильного чувства.

Целью нашего исследования было выявление сходства и национальных различий симптоматических выражений с лексемой *сердце* в русском и французском языках с точки зрения межъязыковой эквивалентности на основе анализа их лексико-семантических особенностей.

Сердце является одним из наиболее ярко представленных в языке органов, о чём свидетельствует тот факт, что лексемы *сердце* в русском и *coeur* во французском языках широко распространены, они выражают разнообразные значения, входят в состав многих устойчивых выражений. Сердце – средоточие человеческих эмоций и чувств, именно поэтому оно включено во множество фразеологических единиц, передающих различные эмоционально-психологические состояния человека: страх, печаль, радость, спокойствие, любовь, и др. Такие фразеологизмы обычно возникают в результате переосмысления метафорических словосочетаний, описывающих ощущение необычного физического состояния органа, какое-то нарушение ритма деятельности (чувство тяжести, сжатия, замирания: *сердце падает, сердце кровью обливается*).

Сопоставление лексикографического значения лексемы «сердце» в русском и французском языках (БТС, Robert) показывает, что они совпадают в следующих значениях: 1. Центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости). 2. Внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т.п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму). В русском языке в этом значении *сердце* синонимично лексеме *душа*. 3. Важнейшая, центральная часть чего-л., имеющая существенное значение для чего-л.; средоточие чего-л. Лексемы *сердце* и *coeur* именно в

этих значениях наиболее активно используются в симптоматических выражениях.

В двух сравниваемых языках «сердце» является, прежде всего, символом эмоций и чувств, или, точнее будет сказать, вместилищем эмоций и чувств. К базовым эмоциям относятся «страх», «гнев», «радость-удовольствие», «горе», «печаль». В соответствии с этим мы выделили группы симптоматических выражений. Общими для русского и французского языков оказались следующие семантические группы:

1. Страх : рус. – *душа в пятки ушла; сердце падает; ужас леденит сердце; с упавшим сердцем; сердце дрогнуло; сердце оборвалось*; фр. – *l'âme est partie dans les talons; cœur défaillir; l'effroi glace le cœur*. Страх разрушает сердце, «сдвигает» его с места.

2. Горе, печаль: рус.– *сердце (душа) разрывается на части* – испытывать глубокую скорбь, печаль, тяжело переживать что-либо; фр. – *avoir le cœur arraché ; avoir le cœur percé; coeur se serrer* (сердце сжимается) *avoir le cœur dans un étau* (иметь сердце в тисках). «Горе» бьет по сердцу, разламывает, сжимает, его влияние разрушительно.

3. Тревога, волнение: рус. *сердце (душа) не на месте* – кто-либо встревожен, чувствует себя очень беспокойно; *хвататься за сердце; кошки на сердце сребут/скребет на сердце* –кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно; *сердце защемило, с тяжелым сердцем; сердце замирает, ёкает, сжимается*; фр. – *n'avoir pas le cœur bien chevillé; comprimer le cœur à deux mains* (сжимать сердце двумя руками). Очевидно, что влияние «тревоги» не такое разрушительное, как влияние «горя» или «печали» на сердце, хотя «тревога» деформирует его, «сжимает», «грызет», не дает ему покоя.

4. Сострадание, сочувствие: рус.– *сердце кровью обливается, принять близко к сердцу*; фр. – *le cœur saigne; avoir qch sur le coeur* (сожалеть о чем-либо, раскаиваться); *avoir (или porter) un coeur d'homme* (быть человечным); *prendre son coeur par autrui* (поставить себя на место другого).

5. Радость/ удовольствие: рус. – *с легким сердцем* – без тревоги, без опасения; *именины сердца* – (иноск.) большая радость ; *сердце радуется* – человек испытывает чувство радости, глубокого удовлетворения; фр.– *avoir le coeur léger, avoir le cœur gaie*.

6. Успокоение, облегчение: рус.– *отлегло от сердца* – испытывать чувство облегчения, успокоения; *отдыхать сердцем/душой* ; *камень с сердца/с души свалился* – обрета́ть душевный покой.

7. Чувства. В русском языке чувства наполняют «сердце»: *принимать близко к сердцу* ; *давать волю сердцу* –позволять расчувствоваться; *жить сердцем* – доверять чувствам, а не разуму; *от полноты сердца /души* – от избытка чувств; фр. – *de tout mon coeur, de bon coeur*.

8. Любовь : рус. – *отдать руку и сердце* –согласиться выйти замуж; *отдать свое сердце* – полюбить; *покорять чье-либо сердце* – внушать любовь к себе, заставлять любить себя; фр. – *n'avoir qu'un coeur, se ronger le coeur, ne former qu'un coeur et qu'une âme, deux coeurs dans la même culotte, avoir le coeur pris* .

9. Равнодушие, жестокость: рус. – *человек без сердца, бессердечный*; фр.– *avoir le coeur sec, être sans coeur; avoir le coeur dur; coeur d'acier/ de bronze/ de*

caillou/ de marbre –жестокое сердце (сердце из стали, бронзы, камня, мрамора).

10. Приятно/неприятно: рус. –*по сердцу* (душе), *сердце лежит к чему-либо* – нравится; *не по сердцу* (душе), *сердце не лежит к чему-либо* – не нравится; *как маслом по сердцу*; *брать за сердце*; *как ножом по сердцу*; фр.– *le coeur n'y est pas*; *avoir le poignard dans le cœur* (иметь кинжал в сердце).

11. Искренность: рус. – *открыть свое сердце* ; *положа руку на сердце*; фр. – *ouvrir son coeur à qn* (открыть свою душу), *avoir le coeur sur la main* разг. (а) быть великодушным б) быть искренним, откровенным); *faire voir son coeur à ni* (раскрыть, обнажить свою душу, свое сердце); *avoir le coeur sur les lèvres* (быть искренним, откровенным); *mettre la main sur son coeur* (положа руку на сердце) ; *avoir le coeur sur la bouche* (говорить искренне, откровенно).

В русском языке выделяется группа со значением «гнев» (сердце представляетсяместилищем гнева): *в сердцах* - в порыве гнева; *с сердцем* – в гневе, сердито; *держатъ сердце на кого-л.*, *срывать сердце*. Во французском языке есть одно выражение со значением недоброжелательности: *avoir la rage au coeur* – затаить злобу.

Заметим, что в русском языке слова *сердце* и *душа* часто используются как взаимозаменяемые, это происходит в силу того, что душа в России воспринимается как внутренний психический мир человека, в котором локализируются его переживания, чувства, настроения. Душа и сердце - "органы", ответственные за психические состояния человека, а духовность и сердечность - основополагающие черты русской нации. Сказанное подтверждают фразеологизмы *войти в сердце* (душу), *скребет на сердце* (на душе), *не по сердцу* (по душе), *сердце* (душа) *не на месте* и многие другие.

Во французском языке сочетаниями с лексемой *сердце* ярко представлены группы: 1) «отзывчивость»: *chauffer le coeur à qn* (подбодрить кого-либо, поднять чей-либо дух); *donner (или redonner) du coeur* (приободрить, воодушевить); *remettre (или remontrer) le coeur à qn* (ободрить, подбодрить кого-либо); 2) «трудолюбие» : *mettre le coeur à...* (проявлять усердие в...); *у aller de bon coeur* (делать что-нибудь охотно, с удовольствием); 3) «храбрость и мужественность»: *avoir du coeur* (быть благородным, быть мужественным); *faire contre (mauvaise) fortune bon coeur* (примириться с неизбежностью, мужественно принять неудачу).

И в русском, и во французском языках немало симптоматических выражений со словом «сердце», могущих означать симптомы не только радости, но и таких эмоций как волнение, возбуждение и даже страх: рус. *сердце затрепетало*, *сердце готово выскочить из груди*, *сердце вырывается из груди*, *сердце бьется / стучит / колотится*, *сердце подпрыгивает*. Значение таких выражений раскрывается в развернутом контексте: ***Сердце екнуло от недоброго предчувствия.*** - ***И тут же сердце екнуло радостно — оттого, что Яна легко запрыгнула на диван и сразу же юркнула под одеяло...***

В процессе контрастивного исследования мы рассмотрели симптоматические выражения двух языков с точки зрения совпадения их значения, образной основы и формы выражения. В результате были выявлены следующие типы межъязыковых соответствий.

Эквиваленты - единицы, совпадающие по всем трем аспектам, например:

ужас леденит сердце – l'effroi glace le cœur; сердце кровью обливается – le cœur saigne; положи руку на сердце – la main sur son cœur.

Неполные эквиваленты – сочетания, в которых есть небольшое расхождение в конкретном образе: сердце не на месте – n'avoir pas le cœur bien chevillé (не иметь хорошо укоренившегося сердца); сердце разрывается – avoir le cœur arraché (иметь рывок в сердце); сердце ушло в пятки – l'âme est partie dans les talons (душа ушла в пятки/каблуки).

Близкие соответствия – сочетания, в которых отличается образ и форма, например : сердце ушло в пятки – avoir le cœur dans les chaussettes (иметь сердце в носках); сердце упало, оборвалось – cœur défaillir (сердце слабеет/отказывает/изнемогает); сердце ёкнуло – qn cœur bondir (чьё-либо сердце подскакивает/вздрагивает); сердце замерло, зашлось- cœur se serrer (сердце сжимается); avoir le cœur dans un étau (иметь сердце в тисках); скрепя сердце – à contrecœur (букв.против сердца) переводится как «неохотно, нехотя»; хвататься за сердце – comprimer le cœur à deux mains (сжимать сердце двумя руками); отлегло от сердца – avoir le cœur plus léger; болью в сердце – la mort dans l'âme (смерть в душе). Национальная специфика данных сочетаний проявляется в выборе разных метафорических образов: в русском языке это «подвижность» сердца, а во французском – изменение его физической активности.

Были выявлены также **лакунарные** для французского языка симптоматические выражения с лексемой *сердце*, например: *сердце радуется, в сердцах, сорвать на ком-либо сердце*.

Выявленные аспекты сходства и национальных различий симптоматических выражений с лексемой *сердце* в русском и французском языках могут быть использованы для предупреждения ошибок в практике преподавания русского языка как неродного.

Литература

1. Le Nouveau Petit Robert : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris: Dictionnaires le Robert, 2003.
2. Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Бабенко Л. Г. – 2-е изд. М.: изд-во: АСТ-Пресс Книга, 2005.
3. Иорданская Л. Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – Вып. 16. – 1972. – С. 4-25.
4. Рудерман М.В. Русские и арабские симптоматические выражения, обозначающие радость // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара «ДИАЛОГ 2002». – М. : Наука. – Т. 1. – С. 380-389.

Н.В. Кочетова

Аспектный анализ семантем сопоставимых адвербиальных лексем *хорошо* и *well*

Аннотация: Статья посвящена аспектному анализу национальной специфики сопоставимых адвербиальных лексем *хорошо* и *well*.

Ключевые слова: Национальная специфика, сопоставительно-параметрический метод, индекс, шкала, лексическая полисемия, лексико-грамматическая полисемия, лексико-грамматическая вариантность, коммуникативная релевантность.

Abstract: The paper is devoted to the aspect analysis of national peculiarity of comparable adverbs *хорошо* and *well*.

Key words: National peculiarity, comparative-parametrical method, index, scale, lexical polysemy, lexical-grammatical polysemy, lexical-grammatical variancy, communicative relevance.

Цель данного исследования заключается в выявлении национальной специфики сопоставимых адвербиальных лексем *хорошо* и *well* с помощью формализованных параметров и шкал, разработанных в рамках сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2014, Стернина 2015).

Национальная специфика рассматриваемых лексем была изучена по четырем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии, под которой мы вслед за М.А. Стерниной понимаем полисемию на уровне частей речи (Стернина 1999), аспекту семемной представленности семантемы и аспекту коммуникативной релевантности семем.

Отметим, что исследуемые лексемы входят в число наиболее частотных адвербиальных лексем русского и английского языков по данным Частотного словаря С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и списка частотности Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

По данным исследования, обе лексемы относятся к разряду гиперсемемных (термин М.А. Стерниной – Стернина 1999, с. 42). В семантеме лексемы *хорошо* содержится 12 семем: семема Д1¹, семема Д2 и 10 семем К1. Семантема лексемы *well* включает в свой состав 15 семем: семему Д1, семему Д2 и 13 семем К1. Перейдем непосредственно к аспектному анализу.

Аспект развития лексической полисемии. Как показало исследование, лексема *хорошо* имеет *значительную* степень проявления лексической полисемии, показатель соответствующего индекса равен 64%. Лексема *well* демонстрирует *яркую* степень выраженности лексической полисемии, на что указывает показатель индекса, равный 47%. Обе лексемы характеризуются *абсолютной* коннотативной лексической полисемантической, о чем говорят показатели индекса, составившие 100%.

Аспект развития лексико-грамматической полисемии. По данным анализа, лексема *хорошо* лексико-грамматическую вариантность не развивает, при этом демонстрирует *яркую* степень проявления собственно лексико-грамматической полисемии, показатели соответствующих индексов равны 0 и 36% соответственно. В семантему данной лексемы входит субстантивная семема Д2п² «положительная оценка успеваемости в пятибалльной системе, равная четырём баллам» (*На самом видном месте от края до края был выведен яркими буквами лозунг: «Учиться только на хорошо и отлично»*), две семемы с семой частицы К1part: «указание на согласие» (*Идет? – Хорошо, Василий Иванович. Я постараюсь*), «указание на угрозу» и семема с семой модального слова К1mw «допустим, положим».

Лексема *хорошо* проявляет *заметную* степень развития денотативной лексико-грамматической полисемии и *значительную* степень выраженности коннотативной лексико-грамматической полисемии, о чем свидетельствуют

¹ Используется терминология М.М. Копыленко и З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989).

² Обозначается частеречная принадлежность семемы.

показатели соответствующих индексов, составившие 25% и 75% соответственно.

Что касается лексемы *well*, то она развивает как собственно лексико-грамматическую полисемию, так и лексико-грамматическую вариантность. Анализируемая лексема характеризуется *яркой* степенью выраженности лексико-грамматической полисемии, показатель индекса составил 33%. Так, семантема данной лексемы включает две семемы с семой междометия K1int: «итак» (*Well, all I came to tell you was that Matilda has a brilliant mind*), «выражение удивления, сомнения, согласия, чувства облегчения, удовлетворения и т.п.» (*'Well?' said Floy, sending a warning glance to the other two*), субстантивную семему K1n «добро, благо» (*We wish Mr. Holden well in the coming months*), а также две адъективные семемы K1a: «удачный» и «желательный, целесообразный».

Было установлено, что лексема *well* демонстрирует *абсолютную* коннотативную лексико-грамматическую полисемию, о чем говорит показатель индекса, составивший 100%.

Что касается лексико-грамматической вариантности, то семантема лексемы *well* характеризуется *заметной* степенью выраженности данного явления, о чем свидетельствует показатель соответствующего индекса, равный 20%.

Анализ показал, что лексема *well* проявляет *значительную* денотативную лексико-грамматическую вариантность и *яркую* коннотативную лексико-грамматическую вариантность, показатели соответствующих индексов составили 67% и 33% соответственно.

Лексема *хорошо* имеет *значительную* адвербиальную представленность, индекс частеречной представленности (ИЧП) равен 67%, *заметную* представленность семем с семой частицы (ИЧП – 17%), *низкую* субстантивную представленность и *низкую* представленность семем с семой модального слова (ИЧП – по 8%).

Лексема *well* демонстрирует *значительную* адвербиальную представленность (ИЧП – 60%), *яркую* адъективную представленность (ИЧП – 33%) и *заметную* представленность семем с семой междометия (ИЧП – 13%).

Аспект семемной представленности семантемы. По данным исследования, в семантемах рассматриваемой пары лексем содержится одна сопоставимая семема D1adv «качественно» (*Сейчас он в лазарете санитаром числится, его доктор при себе держит, потому что он хорошо латынь знает; The control system appeared to be designed well*). Следует отметить, что в английском языке данная семема включает также адъективный лексико-грамматический вариант (ЛГВ) D1a «качественный, хороший» (*Shortly after his arrival, I telephoned to make sure he had settled in and all was well*).

В семантеме лексемы *хорошо* выявлено 11 эндемичных семем: семема D2n «положительная оценка успеваемости в пятибалльной системе, равная четырём баллам» (*Четверть окончена удачно – даже исправил географию на хорошо*); семь семем K1adv: «радостно, удобно, комфортно» (*Я лежал, кутаясь в свой краешек одеяла, и мне было хорошо*), «близко, основательно» (– *Вы этих людей хорошо знаете? – спросил я*), «очень удачно, кстати» (– *Мама, мама! Как хорошо, что ты меня нашла!*), «много, значительно по количеству, величине, интенсивности» (*Ему хорошо платили, его любили коллеги и жена, и он никогда*

не испытывал потребности кому-то что-то доказывать), «положительно» (Ты хорошо поступил, Костенька, объяснив мне многое с самого начала), «приятно (об окружающей обстановке)» (Там было спокойно и очень хорошо), «недобросовестно, нечестно»; две семемы K1part: «указание на согласие» (– Ты иди, я позже догоню. – Хорошо, – согласился Кочуев), «указание на угрозу» (– Хорошо, – угрожающе произнес всклокоченный доктор, свирепо вгоняя ящик) и одна семема K1mw «допустим, положим» (Да я таких за один день могу десяток таких сочинить! – Ну хорошо, – сказал я. – Предположим, ты можешь за один день сочинить десяток песен).

Семантема лексемы *well* содержит 14 эндемичных семем: семь семем K1adv: «вполне» (*Yet the atmosphere may well be changing*), «значительно» (*The success rate is well below 10 percent*), «очень, весьма» (*I think they will be well pleased with that, to be honest*), «тщательно» (*Place all the sauce ingredients in a jug, mix together well*), «разумно» (*You'd do well to rid yourself of those kinds of notions, Deveraugh, or you could find yourself greatly disappointed*), «положительно, благоприятно» (*It is unlike of any politician, environmentalist or businessman, however committed and well intentioned they may be*), «совершенно, полностью» (*Now they take good care to live well out of sight of them*); две семемы K1int: «итак» (*Well, now you have to listen*), «выражение удивления, сомнения, согласия, чувства облегчения, удовлетворения и т.п.» (*Well I don't know much*); одну семему K1n «добро, благо» (*He might will well to her, and yet be too green to do her anything but harm*); две семемы K1a: «удачный», «желательный, целесообразный»; семему Д2a/n³ «здоровый, выздоровевший / здоровье » (*I'd been right in thinking that he wasn't seriously hurt, and they soon had him well again* – пример адъективного ЛГВ); семему K1adv/a «зажиточно / зажиточный, состоятельный» (*He was a handsome devil, clever and presumably extremely well off* – пример адъективного ЛГВ).

Таким образом, показатель индекса эндемичности у лексемы *хорошо* равен 92%, что свидетельствует о *гипервысокой* степени выраженности данного явления. Лексема *well* также демонстрирует *гипервысокую* эндемичность, о чем говорит показатель индекса, составивший 93%.

Что касается семемной плотности⁴ семантемы лексемы *хорошо* относительно лексемы *well*, то она оказалась *высокой*, на что указывает показатель индекса, равный 79%.

Аспект коммуникативной релевантности. В семантеме лексемы *хорошо* наивысшей коммуникативной релевантностью с ярким индексом коммуникативной релевантности (ИКР), составившим 46,2%, характеризуется семема Д1adv «качественно». У двух семем K1adv «радостно, удобно, комфортно» и «близко, основательно» выявлена *заметная* коммуникативная релевантность (ИКР – 17,2% и 10,6% соответственно). Восемь семем, входящие в состав исследуемой семантемы, обладают *низкой* коммуникативной релевантностью (ИКР – от 0,1% до 6,9%), одна семема оказалась

³ Обозначается лексико-грамматическая вариантность на уровне соответствующих частей речи (Стернина 1999).

⁴ При сравнении объема семантем за 100% принимается семемная плотность семантемы, включающей большее количество семем (Кривенко 2013).

коммуникативно нерелевантной.

В семанте лексемы *well* наивысшая коммуникативная релевантность с ярким ИКР (35,5%) отмечена у семемы Д1adv/a «качественно / качественный, хороший». У двух семем К1int «итак» и «выражение удивления, сомнения, согласия, чувства облегчения, удовлетворения и т.п.» констатируется заметная коммуникативная релевантность (ИКР – 28,8% и 13,8% соответственно). Десять семем, входящие в состав анализируемой семантемы, демонстрируют низкую степень выраженности коммуникативной релевантности (ИКР – от 0,2% до 9%), а две семемы оказались коммуникативно нерелевантными.

В целом у лексемы *хорошо* констатируется яркая денотативная коммуникативная релевантность (47,3%) и значительная коннотативная коммуникативная релевантность (52,7%). Лексема *well* проявляет яркую денотативную коммуникативную релевантность (37,5%) и значительную коннотативную коммуникативную релевантность (62,5%).

Как показал анализ, лексема *хорошо* характеризуется гипервысокой плотностью коммуникативно релевантных семем (92%). Лексема *well* демонстрирует высокую плотность коммуникативно релевантных семем (87%).

Отметим, что по аспекту развития лексической полисемии и аспекту коммуникативной релевантности в паре сопоставимых лексем *хорошо* – *well* национально-специфические различия являются заметными, о чем свидетельствуют показатели интегрального индекса (Портнихина 2011), равные 8,5% и 9,5% соответственно. По аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту семемной представленности семантемы национально-специфические различия оказались яркими, на что указывают показатели интегрального индекса, равные соответственно 21,6% и 10,5%.

В целом национальная специфика пары сопоставимых лексем *хорошо* – *well* является умеренно выраженной, что подтверждает показатель среднего интегрального индекса (Кривенко 2013) по рассмотренным аспектам, составивший 12,5%.

Литература

1. Британский национальный корпус – www.natcorp.ox.ac.uk.
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
3. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
4. Национальный корпус русского языка – www.ruscorpora.ru.
5. Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
6. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж: Истоки, 1999.
7. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж, 2014.
8. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: первые итоги // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – №3. – С. 92-94.
9. Частотный словарь С. А. Шарова – www.artint.ru/projects/frqlist.asp.

Национальная специфика семантем сопоставимых лексем *дом* и *house*

Аннотация: Статья посвящена аспектному анализу национальной специфики сопоставимых адвербиальных лексем *дом* и *house*.

Ключевые слова: Национальная специфика, сопоставительно-параметрический метод, индекс, шкала, лексическая полисемия, лексико-грамматическая полисемия, лексико-грамматическая вариантность, коммуникативная релевантность.

Abstract: The paper is devoted to the aspect analysis of national peculiarity of comparable adverbs *house* and *house*.

Key words: National peculiarity, comparative-parametrical method, index, scale, lexical polysemy, lexical-grammatical polysemy, lexical-grammatical variancy, communicative relevance.

В предлагаемой статье рассматривается национальная специфика семантем лексем *дом* и *house*, входящих в сто наиболее частотных субстантивных лексем по данным Частотного словаря С.А. Шарова и Списка частотности Британского национального корпуса.

Лексема *дом* относится к разряду многосемемных – в ее семантеме насчитывается семь семем: семема Д1 и шесть семем К1. Лексема *house* – сверхгиперсемемная, она включает 23 семемы: семему Д1, 10 семем Д2 и 12 семем К1 (терминология М.А. Стерниной – Стернина 1999, с. 42).

Исследование проводилось по четырем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии, аспекту семемной представленности семантемы и аспекту коммуникативной релевантности семем (Кривенко 2013, с.16). Под лексико-грамматической полисемией мы вслед за М.А. Стерниной понимаем полисемию, при которой каждому новому набору лексических сем соответствует отдельная лексико-грамматическая сема (Стернина 1999, с.25). Под коммуникативной релевантностью семемы мы понимаем ее востребованность на определенном этапе развития языка (Кривенко 2013, с.8). Отметим, что предлагаемое исследование проводилось с использованием разработанных в рамках сопоставительно-параметрического метода формализованных параметров и шкал (Стернина 2014).

Аспект развития лексической полисемии. Анализ показал, что семантема лексемы *дом* имеет *абсолютную* лексическую полисемантическую, о чем свидетельствует показатель индекса, равный 100%. Лексема *house* характеризуется *высокой* степенью лексической полисемии – ее индекс лексической полисемантической составляет 75%.

Лексема *дом* имеет *абсолютную* коннотативную лексическую полисемантическую, на что указывает показатель соответствующего индекса 100%. У лексемы *house* и денотативная, и коннотативная лексическая полисемантическая проявляются в *значительной* степени, о чем говорят показатели соответствующих индексов, равные 50%.

Аспект развития лексико-грамматической полисемии. По данным исследования, лексема *дом*, в отличие от лексемы *house*, ни лексико-грамматической полисемии, ни лексико-грамматической вариантности не

развивает, то есть характеризуются индексами лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности, равными 0. В состав семантемы лексемы *house* входят семема D1n/v⁵ «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий / жить в доме» (*I'm about to sell the house / The soldiers are now housed in five-man room*) и семема K1n/a «семья, домашние, домочадцы / домашний» (*They nearly beat me,' he said to the whole house, much pleased with what he had said / House cat*). Также в составе данной семантемы присутствуют пять глагольных семем. Это две семемы D2v: «убирать хлеб, загонять скот», «расквартировывать» и три семемы K1v: «вмещать(ся), помещать(ся)» (...*big enough to house a 15-storey building*), «загонять в дом» и «предоставлять жилище, приютить».

Таким образом, лексема *house* имеет *низкую* степень лексико-грамматической вариантности, что подтверждает показатель индекса 4%, и *заметную* степень лексико-грамматической полисемии, на что указывает показатель соответствующего индекса, равный 21%.

Анализ показал, что лексема *house* имеет *яркую* денотативную лексико-грамматическую полисемантичность (показатель соответствующего индекса составляет 43%) и *значительную* коннотативную лексико-грамматическую полисемантичность (показатель соответствующего индекса равен 57%).

По данным исследования, субстантивная представленность семантемы лексемы *дом* является *абсолютной* – ее показатель индекса субстантивной представленности равен 100%. Что касается частеречной представленности семантемы лексемы *house*, то можно констатировать *высокую* субстантивную представленность – показатель индекса субстантивной представленности равен 78,3%, *заметную* глагольную представленность – показатель индекса глагольной представленности равен 26,1% и *низкую* адъективную представленность – показатель индекса адъективной представленности составляет 4,3%.

Аспект семемной представленности семантемы. Анализ показал, что в семантемах рассматриваемой пары лексем присутствуют три сопоставимые семемы: семема D1n «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» (*Низенькие дома посёлка терялись среди больших тёмных елей / I'm about to sell the house*) и две семемы K1n: «семья, домашние, домочадцы» (*Тогда, покидая вас, они всегда уносили бы с собой хорошие воспоминания о вашем доме... / They nearly beat me,' he said to the whole house, much pleased with what he had said*), «род, дом, династия» (*Золотые времена Нескучного принято связывать с эпохой, когда здесь чудачествовал Алексей Орлов или когда садом владел правящий дом Романовых / House of Hanover*).

Исследование показало, что семантема лексемы *дом* включает четыре эндемичные семемы K1n: «дом, жилище, обиталище, местожительство» (*Мы дом купили*), «учреждение, заведение» (*И завтра в Доме Детского Творчества в 6 часов вечера будет их празднество, их концерт*), «учреждение для обслуживания разных категорий граждан» (*Ей уже три годика, а её не могут пристроить в детский дом, так как ни один не берёт детей с таким диагнозом*)

⁵ Обозначается лексико-грамматическая вариантность.

и «жильцы одного дома, строения» (*Дом спал*). В семантеме лексемы *house* выявлено 20 эндемичных семем: 10 семем Д2 и 10 семем К1. В качестве примера приведем несколько эндемичных семем К1n: «палата парламента» (*The next year Hayman was named in the House of Commons by Mr Geoffrey Dickens, the Conservative MP, in a Parliamentary question addressed to the Attorney-General, Sir Michael Havers*), «группа людей, участвующих в дебатах», «колледж университета» и др. Таким образом, семантема лексемы *дом* имеет *значительную* эндемичность – показатель соответствующего индекса составляет 57%, а семантема лексемы *house* характеризуется *высокой* степенью эндемичности – ее показатель индекса равен 87%.

Что касается семемной плотности семантем, у лексемы *дом* по отношению к лексеме *house* она составляет 30%.

Аспект коммуникативной релевантности. Исследование показало, что в семантеме лексемы *дом* все семемы оказались коммуникативно релевантными, причем наибольшей коммуникативной релевантностью характеризуется семема Д1n «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» с показателем индекса коммуникативной релевантности 62,5%, что говорит о *значительной* степени коммуникативной релевантности. *Заметная* коммуникативная релевантность отмечена у семемы К1n с показателем индекса коммуникативной релевантности 24,4%. *Низкая* коммуникативная релевантность выявлена у пяти семем – их показатели индекса находятся в диапазоне от 0,3% до 9,5%.

В целом семантема данной лексемы демонстрирует *значительную* денотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса составляет 62,5%) и *яркую* коннотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса равен 37,5%).

Анализ показал, что в семантеме лексемы *house* коммуникативно релевантными оказались четыре из 23 семем, при этом самой высокой коммуникативной релевантностью обладает семема Д1n «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» с показателем индекса коммуникативной релевантности 86,9%, что говорит о *высокой* коммуникативной релевантности. *Заметная* коммуникативная релевантность отмечена у семемы К1n с показателем индекса коммуникативной релевантности 10,5%. *Низкая* коммуникативная релевантность выявлена у двух семем К1n с показателями индекса коммуникативной релевантности 0,4% и 2,2%. Восемь семем Д2n, две семемы Д2v, семь семем К1n и две семемы К1v оказались коммуникативно нерелевантными.

В целом семантема данной лексемы демонстрирует *высокую* денотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса составляет 86,9%) и *заметную* коннотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса равен 13,1%).

Проведенный анализ показал, что по аспекту развития лексической полисемии и аспекту семемной представленности семантемы в паре сопоставимых лексем *дом* – *house* национально-специфические различия можно квалифицировать как *значительные*, исходя из показателей интегрального

индекса по данным аспектам, равных 31% и 50% соответственно. По аспекту развития лексико-грамматической полисемии и аспекту коммуникативной релевантности национально-специфические различия можно считать *существенными*, о чем свидетельствуют показатели соответствующего интегрального индекса – 67,7% и 72,9% соответственно.

В целом национальная специфика пары сопоставимых лексем *дом* – *house*, исходя из среднего интегрального индекса по рассмотренным аспектам – 55,4%, может квалифицироваться как *гипервыраженная*.

Литература

1. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореферат дис. ... канд. филологических наук. – Воронеж, 2013.
2. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
3. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2014.

Ю.А. Литвинова

Межъязыковая дифференциация синонимов русского и английского языков

Аннотация: В статье приводятся примеры словарных статей лексем, номинирующих городскую местность в русском и английском языке. На основе данных статей были выявлены близкие и приблизительные соответствия.

Ключевые слова: Национальная специфика, близкие соответствия, приблизительные соответствия, дифференциальные семы.

Abstract: The paper gives the examples of the dictionary entries of the lexemes naming urban areas in the Russian and the English languages. On the base of these dictionary entries close and approximate equivalences were revealed.

Key words: National specificity, close equivalences, approximate equivalences, differential semes.

Язык представляет собой очень сложную, неповторимую систему, по-своему отражающую и закрепляющую наше восприятие окружающего мира. Язык является не только средством общения, он также дает человеку возможность определенным образом организовать свой опыт, классифицировать и упорядочить его, причем каждый язык это делает по-своему, на основе присущих только ему специфических единиц, форм и категорий. Однако нельзя сказать, что один язык лучше отражает окружающий мир, а другой хуже. Языки имеют одинаковые номинативные возможности, поэтому любое значение может быть выражено в любом языке. В одном языке оно может быть представлено словом, а в другом – сочетанием слов, фразеологизмом или компонентом значения.

Национальная специфика семантики лексических единиц проявляется при переводе с одного языка на другой, при сравнении единиц разных языков. В результате обнаруживается, что сходные по смыслу слова двух языков далеко не всегда полностью совпадают по значению. Таким образом, *национальная специфика семантики* какой-либо лексической единицы – это ее отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения (Стернин 2006, с. 69).

В данной статье мы сопоставляем русские лексические единицы, номинирующие городскую местность, с их возможными переводными соответствиями в английском языке. В результате исследования наименований населенных пунктов в русском языке и их английских соответствий были выявлены близкие и приблизительные соответствия.

Близкие соответствия - лексические единицы, имеющие значительное число общих сем в ядре, ряд общих периферийных сем.

Приблизительные соответствия - единицы двух языков, которые совпадают по основным ядерным семам, но различаются некоторыми периферийными семами. Так, семантические компоненты, которые не совпадают у сравниваемых лексических единиц, будут свидетельствовать о наличии национальной специфики семантики исследуемых слов.

Приведем примеры словарных статей исследуемых слов, сформированные по результатам комплексных лексикографических, психолингвистических и контекстных исследований, где жирным шрифтом выделены дифференциальные (несовпадающие) семы.

ГОРОД – крупный населенный пункт 0,70, культурный центр 0,70, где есть промышленные объекты 0,70, **городская администрация 0,80**, развита торговля 0,60, население более 12 тыс. человек 0,30, не менее 85 % которого занято вне с\х 0,30, районный 0,20, окружной 0,20, областной 0,20, развито образование 0,20, наличие различных видов транспорта 0,20, проживает много людей 0,10, шумный 0,10, пыльный 0,10, наличие удобств для жизни 0,10, плохая экология 0,10, наличие оздоровительных учреждений 0,10, наличие парков, скверов, бульваров 0,10, экологически развитый 0,10, в нем много общения 0,10, является неподходящим местом для курортов 0,10, имеет богатое историко-архитектурное наследие 0,10, концентрация квалифицированной рабочей силы 0,10, развивается наука 0,10, здесь больше выбор товаров 0,10, наличие сети коммунально-бытовых учреждений 0,10, наличие людей различных профессий 0,10, легко распространяются болезни 0,10, наличие автостоянок 0,10, наличие авто- и жд вокзалов 0,10, может со временем потерять свое значение 0,10, играет важную роль в жизни страны 0,10, наличие экономической перегруженности 0,10, наличие социокультурной перегруженности 0,10, наличие жителей, не освоивших современной городской культуры 0,10, противостоит деревне 0,10.

Переводные соответствия:

city – 1) крупный населенный пункт 0,50, который больше деревни или п.г.т. 0,5, где живет много людей 0,25, есть промышленные объекты 0,25, развита культура 0,25, развита торговля 0,25, наличие множества фирм, офисов 0,25, играет важную роль в жизни страны 0,25, много домов 0,25, работает много людей 0,25, есть Кафедральный собор (брит.) 0,25, важнее п.г.т. и деревни 0,25, выделяется в штате 0,17,

2) местная самоуправляющаяся административно-территориальная единица 0,50, границы и права определяются уставом штата, где данный нас. пункт расположен 0,50, права самоуправления могут определяться уставом, разработанным непосредственно в городе и утвержденным его жителями 0,25

town- 1) населенный пункт 0,53, городская местность в отличие от сельской 0,50, маленькая 0,50, меньше крупного населенного пункта 0,75, есть жилье 0,50, имеет общину 0,08, выделяется в округе 0,05, есть деловой район 0,29, является местом жительства 0,50, проживают люди 0,50, есть частные и общественные здания 0,50, фирмы, офисы 0,50, занимает большую территорию 0,25, много улиц 0,25, работают люди 0,50,

2) обладает правами самоуправления (амер.) 0,50, может не обладать правами полного самоуправления (в Новой Англии и некот. др. штатах) 0,25, единица местного самоуправления 0,50, является частью штата 0,25.

МЕГАПОЛИС - крупный 0,80, населенный пункт 0,30, где проживает миллионное население 0,30, образовался в результате срастания большого числа соседних городских агломераций 0,50, шумный 0,26, нарушено экологическое равновесие между деятельностью человека и природной средой 0,20, происходит от названия древнегреческого города Мегалополь 0,20, характерен линейный характер застройки 0,20, вытянут вдоль транспортных магистралей 0,20, представляет общую полицентрическую структуру 0,20, обусловленную взаимодействием относительно близко расположенных друг к другу крупных городов 0,20, есть пляжи 0,10.

Переводные соответствия:

megalopolis – крупный 0,40, населенный пункт 0,50, где проживает много людей 0,40, есть высокие здания (небоскребы) 0,10, может быть городским комплексом с центром в мегаполисе 0,20, включать в себя несколько мегаполисов 0,20.

megacity - крупный 0,40, населенный пункт 0,45, население которого более 10 млн. 0,20, шумный 0,08, расположен в центральной части страны 0,09, является городской агломерацией 0,09, нужно строить 0,09.

burg - крупный населенный пункт (амер. неоф. или нем.) 0,40.

СТОЛИЦА - населенный пункт 0,70, который является главным городом государства 0,70, местопребыванием высших органов государственной власти 0,50, административно-политический центр страны 0,30, экономическим центром страны 0,20, высших органов государственного управления 0,20, высших судебных, военных и иных учреждений 0,20, самостоятельная административная единица 0,20, где особый режим управления 0,20, проживает много людей 0,13, угоняют машины 0,13, есть спальные районы 0,13, большой выбор товаров 0,13, наличие научных центров 0,13, агентств по проведению торжеств 0,13.

Переводные соответствия:

capital – является главным (центром) в государстве или штате 0,80, заседает главное правительство страны 0,60, штата или более мелкой политической единицы 0,20, важный 0,20.

metropolis –1) крупный 0,80, населенный пункт 0,50, важный 0,40, может быть столицей страны, региона 0,40, штата 0,20, проживет много людей 0,20, протекает быстрый ритм жизни 0,10, развита культура 0,14, все разнообразно 0,14, имеет историческое наследие 0,10, наличие зданий из стали и стекла 0,10, является центром к-л деятельности 0,20,

2) город или место рождения колонии (как др. Греции) 0,20.

ГОРОДОК – маленький 0,45, населенный пункт 0,30, тихий 0,24, развита торговля 0,30, промышленность 0,30, культура 0,30, есть администрации (самоуправление) 0,30.

Переводные соответствия:

borough - маленький 0,60, населенный пункт 0,08, обладает правами самоуправления (в Великобр. и в США) 0,60, связан с определенным местом 0,08, является сельской местностью 0,08 (деревенский).

ГОРОДИШКО – маленький 0,20, населенный пункт (город) 0,30, тихий 0,16, захолустный 0,20.

Переводные соответствия:

jerkwater town - маленький населенный пункт 0,40, здесь скучно (уныло) 0,16, имеет общину 0,14, бедный (захолустный) 0,14, деревенский 0,20, не является важным для страны 0,40, находится далеко 0,40, раньше здесь останавливались поезда для заправки паровоза водой (ист. ж/д) 0,20.

sleepy town - маленький 0,06, населенный пункт 0,16, тихий 0,40, сонный 0,40, мрачный 0,08, является провинцией 0,08, не происходит никаких событий 0,60, совершаются преступления 0,08.

burg - маленький (амер. неоф. или нем.) населенный пункт 0,26, тихий 0,06, нет ничего необыкновенного 0,06, жесткие внешние условия (суровый) 0,06.

ПОЛИС – город-государство 0,50, типичен для Древней Греции 0,30, Др. Италии и Др. Рима 0,20, мог быть демократическим государством 0,20, где характерна частная и государственная собственность 0,20, представляет особую форму экономической и политической организации общества 0,20, состоит из городской территории 0,30, и окружавших ее земледельческих поселений 0,20, населяли полноправные и неполноправные жители 0,20, проводилось народное собрание 0,20, где осуществлялось право гражданина управлять государством 0,20, мог быть олигархическим 0,20.

Переводные соответствия:

city-state – город с независимым правительством 0,20, прилегает территория 0,80, был в древнем мире 0,60, находятся административные органы власти 0,18, представляет собой автономное государство 0,60.

Таким образом, к близким соответствиям можно отнести лексемы 1) *город, city*, 2) *мегаполис, megalopolis, megacity*, 3) *столица, capital*, 4) *полис, city-state*. Отнести данные слова к близким соответствиям позволяет наличие нескольких общих сем в ядре, а также и в периферии.

К приблизительным соответствиям относятся *город, town; столица, metropolis; мегаполис, burg; городок, borough; городишко, jerkwater town, sleepy town, burg*. Данные лексические единицы относятся к приблизительным соответствиям, т.к. имеют одну или две общие семы как в ядре, так и в периферии.

Литература

1. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2006.

Л.В. Лукина

Особенности контрастивного анализа русско-английских лексических соответствий

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы контрастивного анализа лексических соответствий на материале русского и английского языков. Описывается использование представленные в виде индексов формализованных параметров для выявления степени сходства межъязыковых соответствий.

Ключевые слова: Межъязыковые соответствия, индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем, эквивалент, сопоставительно-параметрический метод.

Abstract: The paper is devoted to contrastive analysis of lexical correspondences in the Russian and English languages. The use of formalized parameters in the form of indices to identify the degree of similarity of language correspondences is described.

Key words: Language correspondences, indices of denotational, connotational and functional identity, equivalent, comparative-parametric method.

В настоящее время современная лингвистика все большее внимание уделяет сопоставительному анализу языков. И это закономерное явление: внимание общественного сознания обращено на те направления, которые позволяют дополнить или развить представление каждого народа о своем национальном и культурном своеобразии, определить ценность своей культуры, своеобразие языка.

Особую роль в этом надлежит сыграть контрастивной лингвистике, способной аргументировано показать как близкое, сходное, так и различное в языках и

культуре народов. Повышенный интерес к контрастивной лингвистике объясняется не только ее причастностью к решению теоретических проблем отдельных языков, но и тем, что она непосредственно связана с прагматикой: обучением иностранным языкам, теорией и практикой перевода, значима для практики составления двуязычных словарей.

В контрастивной лингвистике одним из методов выявления и описания как национальной специфики семантики слова, так и выявления лексических соответствий, является сопоставительный метод, т.е. традиционным является «бинарное сопоставление языков» (Реформатский 2003), а именно изучение проводится в направлении от единицы одного языка к ее соответствиям в другом.

Центральным понятием контрастивной лингвистики является понятие межъязыкового соответствия. Межъязыковые соответствия, по определению И.А. Стернина – это единицы разных языков, имеющие сходство в семном составе; это сходные по семантике единицы двух языков, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие независимо от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь теоретически, в некоторых специальных контекстах (Стернин 2007). Основным предметом контрастивного анализа является контрастивная пара, состоящая из двух лексических единиц сравниваемых языков, которые и выступают как межъязыковые соответствия.

Для контрастивного описания лексики и выявления их национальной специфики важным является количество лексических единиц языка сопоставления и количество соответствий в исходном языке.

В зависимости от количества лексических единиц, которые могут быть поставлены в соответствие исследуемой единице исходного языка, выделяются линейные и векторные соответствия, а если таковых не оказывается, то отмечается наличие лакун. В случае линейных соответствий единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления. Приведем примеры линейных и векторных соответствий на материале лексической группы наименований речевых событий.

Примерами линейных соответствий могут служить следующие контрастивные пары:

исповедь – *confession* (слово - слово),
полунамеки – *gentle hint* (слово - словосочетание),
разговор с глазу на глаз – *talk in private* (словосочетание - словосочетание),
пленарный доклад – *plenary* (словосочетание - слово).

При векторных соответствиях единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления. В качестве примера векторных соответствий приведем следующие:

выступление – *speech, address*;
изречение – *dictum, saying, maxim*;
расспрос – *cross-questioning, questionnaire*;
сплетня – *tittle-tattle, gossip, scandal, backbiting*;
разговорчики – *idle talk, empty talk, idle chatter*;
трескотня – *chatter, blether, twaddle, gabble, jabber*;

cnop – argument, argumentation, dispute, controversy, debate, discussion.

Отметим, что векторные соответствия, как правило, более многочисленны и представляют больший интерес для исследователя в плане выявления национальной специфики семантики. Как справедливо отмечал А.А. Реформатский, «гораздо интереснее такие случаи, когда одной лексической единице одного языка соответствуют в другом языке две или более единиц» (Реформатский 1987).

В качестве при мера лакун приведем следующие:

полилог - разговор многих участников; *предзащита* (диссертации, дипломной работы) – процедура предварительного рассмотрения полностью законченной научной работы в той организации, где она была выполнена. В английском языке соответствий данным русским лексическим единицам не выявлено.

В ходе контрастивного анализа лексики встает важный вопрос разграничения эквивалентов и соответствий, так как и те, и другие являются межъязыковыми соответствиями.

Степень эквивалентности может определяться национальной спецификой и своеобразием развития отдельного языка. А.И. Смирницкий приводит различную степень эквивалентности между русским словом *дерево* и английским *tree*: *дерево* и *tree* являются частичными эквивалентами, так как одним из значений русской лексемы *дерево* является значение «*строительный материал, древесина*» и этой лексеме соответствуют две английских лексемы *wood* и *timber*. С другой стороны, английской лексеме *wood* соответствуют две русские *лес* и *дрова*, а русская лексема *лес*, в свою очередь, соотносится не только с *wood* и *timber*, но также и со словом *forest* (Смирницкий 1959).

Следует отметить, что к единому мнению относительно того, что можно считать эквивалентами, ученые до сих пор не пришли. Часто под эквивалентом понимают любое правильно найденное соответствие.

В нашем понимании эквивалент – это полное соответствие, предусматривающее полную семную эквивалентность.

При установлении межъязыковых соответствий, необходимо выявить факторы, по которым осуществляется сопоставление. Такими факторами может быть сопоставление по денотативным, коннотативным и функциональным семам.

Для выявления степени сходства межъязыковых соответствий в рамках сопоставительно-параметрического (Стернина 2014) метода нами были предложены следующие формализованные параметры: *индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем*, под которыми понимается отношение совпадающих соответственно денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем (Лукина 2008). Отметим, что чем больше у конкретной контрастивной пары выявлено совпадающих сем соответствующей категории, т.е. чем больше у нее индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности, тем меньше у этой пары будет национально-специфических сем, тем меньше она будет демонстрировать национальную специфику семантики.

Приведем пример с русской лексемой *вопрос*, которая имеет два английских соответствия.

ВОПРОС – question

• запрос • устный или письменный • с целью получения разъяснения или информации • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• запрос • устный или письменный • с целью получения разъяснения или информации • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>

ВОПРОС – inquiry (enquiry)

• запрос • устный или письменный • с целью получения разъяснения или информации • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>высокоупотребительное</i>	• запрос • устный или письменный • с целью получения информации • НЕОЦЕНОЧНОЕ • НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ • <i>межстилевое</i> • <i>общенародное</i> • <i>современное</i> • <i>общераспространенное</i> • <i>употребительное</i>

Лексема *question* является полным соответствием, то есть эквивалентом, так как все семы данной контрастивной пары совпадают. У лексемы *inquiry* наблюдается семное расхождение, следовательно, она является только соответствием.

Таким образом, использование индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности лексем позволяет определить эквиваленты, межъязыковые соответствия, а также отсутствие соответствия, основываясь на объективных цифровых показателях.

Литература

1. Реформатский А.А. Введение в языкознание: учеб. для вузов. – М.: АспектПресс, 2003.
2. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
3. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М., 1987.
4. Смирницкий А.И. Курс лекций по лексикологии современного английского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1959.
5. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Истоки, 2014.
6. Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межъязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008.

Сопоставительное исследование денотативной и коннотативной полисемии сверхгиперсемемных глагольных лексем английского языка

Аннотация: В статье рассматривается сопоставление развития денотативной и коннотативной полисемии семантем сверхгиперсемемных английских глагольных лексем. Делается вывод о преобладании коннотативной полисемии над денотативной.

Ключевые слова: Полисемия, денотативная полисемия, коннотативная полисемия.

Abstract: The paper deals with comparison of denotative and connotative polysemy in the semantemes of superhypersememe English verbs. It is deduced that connotational polysemy prevails over denotational one.

Key words: Polysemy, denotative polysemy, connotative polysemy.

В данной статье нами проводится сопоставление развития денотативной и коннотативной полисемии семантем сверхгиперсемемных английских глагольных лексем, вошедших в состав двухсот наиболее частотных глаголов английского языка по данным списка частотности Британского Национального Корпуса (<http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html>).

Следуя терминологии М.А. Стерниной, под сверхгиперсемемными лексемами мы понимаем лексемы, содержащие в своих семантемах от 21 до 40 семем (Стернина 1999, с. 42).

Как показало проведенное исследование, группа сверхгиперсемемных лексем включает 31 лексическую единицу.

В ходе исследования было установлено, что рассматриваемые лексические единицы демонстрируют как лексическую, так и лексико-грамматическую полисемию в обоих ее видах – собственно лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности, которая, как отмечает М.А. Стернина, может рассматриваться как частный, более простой случай лексико-грамматической полисемии слова. «В случае лексико-грамматической вариантности одному набору лексических сем соответствуют две (а может быть и больше) лексико-грамматические семы. Эти лексико-грамматические (категориальные) семы находятся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции и реализуются в зависимости от контекста. При лексико-грамматической же полисемии слова каждому новому набору лексических сем соответствует отдельная лексико-грамматическая сема (Стернина 1999, с. 25-26).

Отметим, что как лексическая полисемия, так и лексико-грамматическая полисемия и лексико-грамматическая вариантность оказались характерны как для *денотативных*⁶, так и для *коннотативных* семем рассматриваемой группы.

Для характеристики развития денотативной / коннотативной полисемии исследуемых лексем представилось необходимым использовать введенные нами в рамках сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2014) индексы: **индекс денотативной / коннотативной лексической полисемантичности в группе; индекс**

⁶ Используется терминология семем М.М. Копыленко З.Д. Поповой (Копыленко, Попова 1989, с. 31-32).

денотативной/коннотативной лексико-грамматической полисемантичности /вариантности в группе (Малыхина 2013, с. 38-39).

Для ранжирования степени выраженности исследуемых параметров была использована **шкала**, предложенная Л.А. Кривенко, согласно которой, в зависимости от показателя индексов, степень развития рассматриваемого явления можно считать **отсутствующей, низкой, заметной, яркой, значительной, высокой, гипервысокой и абсолютной** (Кривенко 2013, с.60).

Как показало проведенное исследование, в целом в группе сверхгиперсемемных лексем наблюдается преобладание коннотативной лексической полисемии над денотативной. Индекс коннотативной лексической полисемантичности составляет 82%, что говорит о *высокой* степени выраженности, в то время как индекс денотативной лексической полисемантичности равен 18%, что свидетельствует о *заметной* степени её развития.

Что же касается развития денотативной лексико-грамматической полисемии, то анализ показал, что в группе сверхгиперсемемных лексем степень развития коннотативной лексико-грамматической полисемии квалифицируется как *значительная* (индекс коннотативной лексико-грамматической полисемантичности в группе составляет 62%), в то время как степень развития денотативной лексико-грамматической полисемии характеризуется как *яркая* (индекс денотативной лексико-грамматической полисемантичности в группе составляет 38%). Таким образом, мы можем говорить о преобладании в семантемах изученных лексем коннотативной лексико-грамматической полисемии над денотативной.

Исследованием также установлено доминирование в изученной группе коннотативной лексико-грамматической вариантности над денотативной. Степень развития коннотативной лексико-грамматической вариантности квалифицируется как *значительная* (индекс коннотативной лексико-грамматической вариантности в группе составляет 62%), в то время как степень развития денотативной лексико-грамматической вариантности характеризуется как *яркая* (индекс денотативной лексико-грамматической вариантности в группе составляет 38%).

Подводя итог, можно сказать, что на основании использованных формализованных параметров и шкалы ранжирования степени их выраженности можно сделать вывод о преобладании в семантемах наиболее частотных сверхгиперсемемных английских глагольных лексем *коннотативной* полисемии над *денотативной*.

Литература

1. Копыленко М.М. Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.
2. Кривенко Л.А. Из опыта описания коммуникативной релевантности сопоставимых лексем русского и английского языков // Сопоставительные исследования 2013. – Воронеж, 2013. – С.59-63.
3. Малыхина Н.И. Полисемия английского глагола (на материале наиболее частотных глагольных лексем английского языка): диссертация. канд. филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 2013.
4. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж: Истоки, 1999.

5. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Истоки, 2014.

6. Список частотности Британского Национального Корпуса: <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html>

И.Н. Никитина

Аспектный анализ семантем сопоставимых русских и английских глагольных лексем *купить* и *buy*

Аннотация: В статье представлен аспектный анализ национальной специфики русских и английских сопоставимых глагольных лексем *купить* и *buy*. Исследование выполнено в рамках сопоставительно-параметрического метода с использованием ряда формализованных параметров и шкал.

Ключевые слова: Национальная специфика, сопоставимые глагольные лексемы, семантема, аспект, семема, лексическая полисемия, лексико-грамматическая полисемия, лексико-грамматическая вариантность, коммуникативная релевантность, сопоставительно-параметрический метод, индекс, шкала.

Abstract: The paper deals with the aspect analysis of the national specificity of the Russian and English comparable verbal lexemes *купить* and *buy*. The research is conducted by means of the comparative-parametric method using a number of formalized parameters and scales.

Key words: National specificity, comparable verbal lexemes, semantheme, aspect, sememe, lexical polysemy, lexical-grammatical polysemy, lexical-grammatical variancy, communicative relevance, comparative-parametric method, index, scale.

В статье рассматривается аспектный анализ национальной специфики семантем сопоставимых русских и английских глагольных лексем *купить* и *buy*, входящих в сто наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков по данным Частотного словаря С.А. Шарова (www.artint.ru/projects/frqlist.asp) и списка частотных глаголов Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Исследование семантем данной пары сопоставимых лексем проводилось по четырем аспектам: аспекту развития лексической полисемии, аспекту развития лексико-грамматической полисемии, аспекту семемной представленности семантемы и аспекту коммуникативной релевантности семем (Кривенко 2013, с. 16). Отметим, что под лексико-грамматической полисемией мы вслед за М.А. Стерниной понимаем полисемию на уровне частей речи (Стернина 1999, с. 25). Представленный аспектный анализ осуществлен с помощью ряда формализованных параметров и шкал, разработанных в рамках сопоставительно-параметрического метода (Стернина 2014, Стернина 2015, Стернин, Стернина 2015).

По данным нашего исследования, обе лексемы оказались малосемемными (термин М.А. Стерниной – Стернина 1999, с. 42). В состав семантемы лексемы *купить* входят пять семем: семема Д1, семема Д2 и три семемы К1. В семантеме лексемы *buy* также отмечено пять семем: семема Д1 и четыре семемы К1.

Аспект развития лексической полисемии. Отметим, что семантема лексемы *купить* отличается абсолютной степенью развития лексической полисемии (показатель индекса равен 100%). Семантема лексемы *buy* имеет высокую степень лексической полисемии (показатель индекса составляет 80%).

Установлено, что семантема лексемы *купить* демонстрирует заметную денотативную лексическую полисемантичность, о чем говорит показатель соответствующего индекса, равный 25%, и высокую коннотативную лексическую полисемантичность, о чем свидетельствует показатель индекса – 75%. Семантема лексемы *buy* обладает абсолютной коннотативной лексической полисемантичностью с показателем соответствующего индекса 100%.

Аспект развития лексико-грамматической полисемии. По результатам исследования, лексема *купить* ни лексико-грамматической полисемии, ни лексико-грамматической вариантности не развивает, то есть характеризуется индексами лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности, равными 0.

Отметим, что лексема *buy* собственно лексико-грамматическую полисемию не проявляет, при этом развивает заметную степень лексико-грамматической вариантности, о чем свидетельствует показатель индекса 20%. Семантема данной лексемы содержит семему D1v/n /a «приобрести за деньги / покупка / покупательский» (*We bought an old Victorian house on the Isle of Wight / As Maureen Freeman, a GAPS director, points out, repossessed homes are a good buy / Some schools organize 'bulk buy clubs' where a member with a van or large car buys in bulk a variety of goods from a discount warehouse*).

Анализ показал, что семантема лексемы *buy* характеризуется абсолютной степенью денотативной лексико-грамматической вариантности (показатель соответствующего индекса равен 100%).

Что касается частеречной представленности, глагольная представленность семантемы лексемы *купить* является абсолютной (показатель индекса глагольной представленности составляет 100%). Семантема лексемы *buy* имеет абсолютную глагольную представленность (показатель индекса равен 100%) и заметную степень субстантивной и адъективной представленности (показатели соответствующего индекса равны 20%).

Аспект семемной представленности семантемы. Как показало исследование, в семантемах рассматриваемой пары лексем присутствуют две сопоставимые семемы. Это семема D1v «приобрести за деньги» (*Под вечер я вышла на улицу, чтобы купить в близлежащей лавочке немного кофе / He wanted to buy a red car*) и семема K1v «дать взятку, подкупить» (*Гражданское общество не купить за иностранные гранты*).

В семантеме лексемы *купить* выявлено три эндемичных семемы: семема D2v «взять в прикупе (в некоторых азартных карточных играх)», две семемы K1v «расположить чем-л. в свою пользу, вызвать симпатию» (*Ваня всем своим видом показывал, что лестью его не купишь*) и «обмануть, разыграть кого-л.».

Семантема лексемы *buy* включает три эндемичные семемы K1v: «добиться, достичь» (*You cannot buy happiness with that*), «выиграть (о времени)» (*When a business finds itself seriously short of cash it can often buy time by approaching its creditors and asking for a moratorium on payments*), «поверить, согласиться с чем-л.».

Таким образом, лексемы *купить* – *buy* характеризуются значительной эндемичностью – показатели индекса оказались по 60% у каждой лексемы.

Что касается семемной плотности семантем рассматриваемых сопоставимых лексем, то она составляет 100%.

Аспект коммуникативной релевантности. Установлено, что в семантеме лексемы *купить* наибольшую коммуникативную релевантность имеет семема D1v «приобрести за деньги» с *гипервысоким* показателем индекса коммуникативной релевантности – 98,7%. *Низкая* коммуникативная релевантность выявлена у двух семем K1v: «дать взятку, подкупить» и «расположить чем-л. в свою пользу, вызвать симпатию» - их показатели индекса равны 1% и 0,3% соответственно. Две семемы данной лексемы являются коммуникативно нерелевантными. Таким образом, семантема лексемы *купить* имеет *значительную* плотность коммуникативно релевантных семем, что подтверждает показатель соответствующего индекса 60%.

По данным исследования, семантема данной лексемы характеризуется *гипервысокой* денотативной коммуникативной релевантностью (показатель индекса равен 98,7%) и *низкой* коннотативной коммуникативной релевантностью (показатель индекса составляет 1,3%).

В семантеме лексемы *бю* наивысшей коммуникативной релевантностью также обладает семема D1v/n/a «приобрести за деньги / покупка / покупательский» с *гипервысоким* показателем индекса коммуникативной релевантности 98,1%. *Низкая* коммуникативная релевантность выявлена у двух семем K1v: «добиться, достичь» и «выиграть (о времени)» с показателями индекса 1,6% и 0,3% соответственно. Две семемы данной лексемы являются коммуникативно нерелевантными. Таким образом, семантема лексемы *бю* также характеризуется *значительной* плотностью коммуникативно релевантных семем, о чем говорит показатель соответствующего индекса 60%.

Установлено, что семантема данной лексемы имеет *гипервысокую* денотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса составляет 98,1%) и *низкую* коннотативную коммуникативную релевантность (показатель индекса равен 1,9%).

Проведенный анализ показал, что по аспекту развития лексической полисемии и аспекту развития лексико-грамматической полисемии в паре сопоставимых лексем *купить* – *бю* национально-специфические различия можно квалифицировать как *яркие*, основываясь на показателях интегрального индекса, равных 23,3% и 17,7% соответственно. По аспекту семемной представленности семантемы национально-специфические различия *отсутствуют*, что подтверждает показатель интегрального индекса, равный 0. По аспекту коммуникативной релевантности национально-специфические различия оказались *заметными*, о чем свидетельствует показатель интегрального индекса – 0,4%.

В целом национальная специфика пары сопоставимых лексем *купить* – *бю*, исходя из среднего интегрального индекса по рассмотренным аспектам (10,3%), может квалифицироваться как *умеренно выраженная*.

Литература

1. Британский национальный корпус – <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
2. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.

3. Стернин И.А., Стернина М.А. Сопоставление как лингвистическая методология// Сопоставительные исследования 2015. – Воронеж, 2015. – С. 3–11.
4. Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. – Воронеж, 1999.
5. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: «Истоки», 2014.
6. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: первые итоги // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 92-94.
7. Частотный словарь С.А. Шарова www.artint.ru/projects/frqlist.asp.

М.Е. Панкратова

Сопоставительно-параметрическое описание семантики наречного слова

Аннотация: Статья посвящена исследованию семантики коммуникативно сверхгиперрелевантных пространственных наречий английского языка с помощью сопоставительно-параметрического метода.

Ключевые слова: Сопоставительно-параметрический метод, индекс, коммуникативная релевантность, пространственные, временные, качественные, количественные семемы.

Abstract: The paper is devoted to the study of the semantics of English superhyperrelevant spatial adverbs with the help of the comparative-parametric method.

Key words: Comparative-parametric method, index, communicative relevance, spatial, temporal, qualitative, quantitative sememes.

На основе использования сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2014; Стернин, Стернина 2015) нами была предпринята попытка исследовать семантику английских пространственных наречий, которые, помимо собственно пространственных значений, развивают и семемы с семами времени, количества и качества. Рассмотрим результаты исследования на материале коммуникативно сверхгиперрелевантных лексем (Панкратова 2015), к которым относятся наречия *up* и *out*.

Исследование было осуществлено по двум аспектам: аспекту представленности сем пространства / времени / количества / качества в семантеме наречия и аспекту коммуникативной релевантности его семем. При проведении аспектного анализа представленности соответствующих сем в семантеме наречия нами были использован *индекс представленности семы пространства / времени / количества / качества в семантеме наречной лексемы* (Панкратова 2015, с. 38-39). Для аспектного анализа коммуникативной релевантности семем были использованы *индекс коммуникативной релевантности семемы (ИКР)* (Кривенко 2013, с. 8) и *совокупный индекс коммуникативной релевантности пространственных / временных / количественных / качественных семем* (Панкратова 2015, с.38-39). Степень представленности исследуемых параметров была оценена по шкале ранжирования (Кривенко 2013, Панкратова 2015).

В качестве примера приведем результаты анализа наречия *up*. Семантема данного наречия включает 15 семем, 11 из которых являются пространственными: «наверху, вверху / наверх, вверх» (*he's up in his bedroom / go up to his room*), «в вертикальное положение» (*help him up*), «на север» (*fly up*

to Scotland from London), « в важном месте / в важное место» (*he is up at the University / go up to London for the day*), «вверху реки, улицы / вверх по реке, улице» (*to be up in the side-street / sailing up the Thames*), «ближе к кому-либо» (*come up to me*), «наружу» (*dig carrots up*), «выше уровня горизонта» (*sun is up*), «против ветра (мор.)» (*bring the bow of the boat up into the wind*), «на более высокую ступень социальной лестницы» (*go up in the civil service*), «в сторону увеличения» (*pushing the number of unit sales up*). Помимо пространственных, в семантеме данного наречия выделяются одно временное значение «от точки временного отсчета и далее» (*from childhood up*), одно количественное значение «обозначение превышения определенных количественных характеристик» (*kids aged 12 and up*) и два качественных значения «в состоянии бодрствования, функционирования» (*to be up all night*) и «обозначение завершенности действия» (*drink up*).

Таким образом, индекс представленности семы пространства в семантеме наречия *up* оказался равен 73,3%, времени — 6,7%, количества — 6,7%, качества — 13,3%. На основании используемой нами шкалы ранжирования степени выраженности исследуемых параметров можно констатировать, что степень выраженности семы пространства в семантеме исследуемого наречия является *высокой*, семы качества — *заметной*, а сем времени и количества — *низкой*.

Перейдем к рассмотрению коммуникативной востребованности семем данного наречия. Как показало проведенное исследование, совокупный индекс коммуникативной релевантности пространственных семем лексемы *up* равен 82,8%, что говорит о *высокой* степени их коммуникативной релевантности. При этом значение «наверху, вверху / наверх, вверх» оказалось наиболее востребованным, о чем свидетельствует показатель индекса 52,6%, характеризуемый как *значительный*. Семема «в вертикальное положение» (*'It's all right, I was just leaving,' I said, and I stood up*) имеет индекс коммуникативной релевантности, равный 11,8%, что свидетельствует о *заметной* степени ее коммуникативной релевантности.

У шести семем выявлена *низкая* степень коммуникативной релевантности. Так, семема «в важном месте / в важное место» (*I was up in London / He has gone up to London for the day*) характеризуется ИКР, равным 4,6%. Пространственные значения «вверху реки, улицы / вверх по реке, улице» (*I decided to lay the boat up / I kept walking, past the old mill, right up around the bend to where the council property starts...*) и «ближе к кому-либо» (*Come up here and wipe that filth off*) имеют одинаковые показатели ИКР — 3,2%. ИКР семемы «наружу» (*Ever dug up a bed of apparently flourishing potatoes*) равен 2%, семем «выше уровня горизонта» (*And when the sun came up it was hot*) и «на более высокую ступень социальной лестницы» (*She faced discrimination when trying to move from the kitchens up into management*) — 1,8%. Семема «на север» (*... travelling up from the south ...*) имеет ИКР, равный 1%.

Сверхнизкую степень коммуникативной релевантности проявляет пространственная семема «в сторону увеличения» (*Research estimate that the measure could push youth turnout up by two points*) — ее показатель ИКР равен 0,8%. Также *сверхнизкую* степень коммуникативной релевантности проявляет

выявленная нами незафиксированная в словарях семема «выше в турнирной таблице» (*Lakers are 30 points up*), индекс коммуникативной релевантности которой равен 0,6%.

Семема «против ветра (мор.)» в выборке не встретилась, вследствие чего ее следует признать коммуникативно нерелевантной.

Установлено, что временная семема «от точки временного отсчета и далее» (*Since the middle ages up*) и количественная семема «обозначение превышения определенных количественных характеристик» (*Children aged 12 and up*) характеризуются одинаковым ИКР, равным 0,8%, что свидетельствует о *сверхнизкой* степени их коммуникативной релевантности.

Совокупный индекс коммуникативной релевантности качественных значений свидетельствует об их *заметной* степени коммуникативной востребованности (совокупный ИКР равен 15,6%), на долю значения «в состоянии бодрствования, функционирования» (*But when you are a pilot, it is surprisingly easy to stay up!*) приходится 9,6%, а на долю семемы «обозначение завершенности действия» (*Eat up your sandwich*) – 6%.

Для окончательного вывода о степени выраженности сем пространства / времени / количества / качества в семанте рассматриваемого наречия нами был введен и использован индекс локативности / темпоральности / квантитативности / квалитативности лексемы (Панкратова 2015, с.38-39). Для наречия *up* индекс локативности оказался равен 78%, что свидетельствует о *высокой* степени выраженности данного параметра. Индекс квалитативности оказался равен 14,4%, что говорит о *заметной* степени проявления данного признака. Индексы темпоральности и квантитативности имеют одинаковый показатель 3,8%, что позволяет признать степень выраженности по соответствующим параметрам *низкой*. Таким образом, на основе показателей вышеприведенных индексов можно признать наречие *up* локативно-квалитативно-темпорально-квантитативным с *высокой* степенью выраженности пространственной семантики.

Аналогичным образом нами было исследовано наречие *out*. Пространственные семемы наречия *out* обладают *высокой* степенью представленности в семанте (ИПС – 81,8%) и *гипервысокой* степенью коммуникативной востребованности (совокупный ИКР – 98,2%), качественные семемы демонстрируют *заметную* степень представленности в семанте (ИПС – 18,2%) и *низкую* степень коммуникативной релевантности (совокупный ИКР – 1,8%).

В целом индекс локативности наречия *out* составляет, по результатам исследования, 90%, что дает основание признать степень выраженности по данному параметру *гипервысокой*. Показатель индекса квалитативности равен 10%, следовательно, степень выраженности данного параметра является *заметной*. Поскольку временные и количественные значения в семанте изучаемого наречия не представлены, индексы темпоральности и квантитативности равны нулю, и степень выраженности по данным параметрам является *нулевой*. Таким образом, на основании значений полученных индексов наречие *out* является локативно-квалитативным с *гипервысокой* степенью выраженности пространственной семантики.

Перейдем к рассмотрению результатов анализа коммуникативно сверхгиперрелевантных наречий как группы. Для объективной характеристики полученных нами данных были введены и использованы два индекса: *индекс представленности пространственных / временных / количественных / качественных семем в группе* и *индекс коммуникативной релевантности пространственных / временных / количественных / качественных семем в группе* (Панкратова 2015, с.38-39).

Для рассматриваемой группы индекс представленности пространственных семем в группе равен 76,9%, что свидетельствует о *высокой* степени выраженности данного параметра, временные и количественные семемы характеризуются одинаковым показателем индекса представленности в группе – 3,8%, на основании чего степень представленности соответствующих сем характеризуется как *низкая*, качественные семемы обладают показателем 15,5%, что говорит о *заметной* степени проявления данного признака.

Индекс коммуникативной релевантности пространственных семем в группе имеет показатель 90,5%, что свидетельствует о *гипервысокой* степени выраженности данного параметра. Временные и количественные семемы имеют показатель индекса коммуникативной релевантности в группе 0,4%, таким образом, степень выраженности коммуникативной релевантности данных семем рассматриваемой группы является *сверхнизкой*. Качественные семемы характеризуются показателем 8,7% и проявляют *низкую* степень коммуникативной востребованности.

Сводные данные, характеризующие степень выраженности пространственной, временной, количественной и качественной семантики у лексем исследуемой группы отражены в Таблице 1:

Таблица 1.

Сводные данные о степени выраженности сем пространства, времени, количества и качества у коммуникативно сверхгиперрелевантных наречий

Параметр Тип семемы	Степень представленности семем в группе	Степень коммуникативной релевантности семем в группе
Пространственные семемы	<i>Высокая</i>	<i>Гипервысокая</i>
Временные семемы	<i>Низкая</i>	<i>Сверхнизкая</i>
Количественные семемы	<i>Низкая</i>	<i>Сверхнизкая</i>
Качественные семемы	<i>Заметная</i>	<i>Низкая</i>

Как видно из таблицы, в семантемах коммуникативно сверхгиперрелевантных пространственных наречий английского языка существенным образом преобладает пространственная семантика, о чем одновременно свидетельствуют как индекс представленности семем в группе, так и индекс коммуникативной релевантности семем в группе. На втором месте по степени выраженности находится семантика квалитативности. Темпоральные и квантитативные семемы являются одинаково слабо выраженными.

Литература

1. Британский Национальный корпус — <http://bncweb.lancs.ac.uk>.

2. Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
3. Панкратова М.Е. Семантика наречного слова в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2015.
4. Стернин И.А., Стернина М.А. Сопоставление как лингвистическая методология // Сопоставительные исследования 2015. – Воронеж, 2015. – С. 3–11.
5. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований – Воронеж, 2014.

В.В. Смирнова

Грамматика и семантика слова *очевидно*: сопоставительно-диахронический анализ

Аннотация: В работе проводится сопоставительный анализ употребления слова *очевидно* в русском языке с 1800 г. по настоящее время. На основе анализа конкорданса из 1800 контекстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка, делается вывод о незавершенности процесса прагматикализации данного дискурсивного маркера.

Ключевые слова: Дискурсивный маркер, корпус, прагматикализация, семантика, часть речи.

Abstract: The paper offers a comparative analysis of the usage of the word *ochevidno* (*apparently / evidently*) by the speakers of Russian from 1800 until present time. The research is based on the data from the Russian National Corpus. The analysis of 1800 contexts demonstrates that the process of pragmaticalization of the word *ochevidno* is not completed.

Key words: Discourse marker, language corpus, pragmaticalization, semantics, part of speech.

Тема функционирования дискурсивных маркеров активно обсуждается в современной лингвистике. Внимание исследователей к этому классу языковых единиц объясняется той важной ролью, которую дискурсивные маркеры играют в организации процесса коммуникации.

В данной работе проводится сопоставительный диахронический анализ словоформы *очевидно*, которая в современном русском языке функционирует и как полнозначная языковая единица, и как дискурсивный маркер, роль которого – показать адресату высказывания или текста, что с точки зрения говорящего сообщаемая информация является предположением, а не объективным фактом.

Дискурсивные маркеры с корнем *-вид-* уже становились предметом лингвистического анализа (Дискурсивные слова 2003), однако в центре внимания оказывалось преимущественно их современное употребление. На наш взгляд, потребность в диахроническом описании объясняется прежде всего недостаточной изученностью процесса формирования данного класса языковых единиц, что отражается и на качестве их лексикографического описания, и на подборе переводных эквивалентов.

Толковые словари русского языка описывают семантику слова *очевидно* следующим образом:

ОЧЕВИДНО – вводное слово. Вероятно, по-видимому (Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова).

ОЧЕВИДНО. I. нареч. к Очевидный. **II. в функц. безл. сказ.** Ясно, понятно. *Было о., что ребёнок болен.* **III. вводн. сл.** Вероятно, по-видимому. *О., вечер состоится. О., молодые люди не знакомы* (Большой толковый словарь под ред. С.А. Кузнецова).

Словарные дефиниции слова *очевидно* представляют собой перечисление его синонимов без объяснения условий, которыми определяется значение этого слова в конкретном контексте.

Что касается проблемы выбора переводного эквивалента, то ее хорошо иллюстрируют примеры 1-3 из параллельного подкорпуса НКРЯ:

[1] Это **очевидно** можно считать последствием крупных инвестиций, которые направлялись в край в эти годы, а также работ по подготовке к подаче заявки на проведение Олимпийских Игр в г. Сочи.

Apparently, the trend was brought about by large investment in this period as well as by the preparation for applying for holding the Olympics in Sochi.

[2] **Очевидно**, степень влияния и роль акторов в процессе воздействия на создание и развитие олимпийской инфраструктуры находятся в сильной зависимости от многочисленных объективных и субъективных факторов.

Evidently, the extent of influence and the role of actors in creating and developing the Olympic infrastructure depend significantly on numerous objective and subjective factors.

[3] Предлагаемые заработные платы начинаются от 12 тыс. руб., а среднеотраслевая зарплата этой сферы деятельности по модельному расчету 14 тыс. руб., что является, **очевидно**, главным фактором не востребоваваемости данных рабочих мест.

Offered wages start at 12, 000 roubles, and average wages for this industry is 14, 000 roubles, which is the main reason for the lack of interest in these jobs.

Ситуация, представленная контекстами 1-3, является достаточно распространенной (Шилихина 2015): наряду с использованием нескольких переводных эквивалентов (в данном случае – *apparently* и *evidently*) нередки ситуации, когда данная единица в тексте перевода просто опускается, при этом важный компонент значения высказывания (в данном случае – значение предположительности) оказывается утраченным (пример 3).

Описание процесса формирования дискурсивных свойств слова *очевидно* становится возможным благодаря языковому корпусу: именно этот источник позволяет проводить и хронологическое, и жанрово-стилистическое сопоставление использования данной словоформы.

Исторический подкорпус НКРЯ предлагает единственный контекст, в котором *очевидно* является наречием:

[4] Мало же словеси глаголаше, вѣщѣе же дѣлы учѣше; на молитвѣ же стоащу ему, бѣси же завидяще ему, овогда въ звѣри, овогда же въ змѣи преображахуся, **очевидно хотяще устрашити его**, и въ кѣльѣ и въ лѣсъ ходящу ему, или дрѣвѣа стѣкущу, или дрова збирающу на монастырскую потребу; онъ же молитвою и силою крестною сихъ побѣждаше. [Никоновская летопись (1362–1424 гг.) (1526-1530)]

По данным основного подкорпуса НКРЯ, средняя относительная частота вхождения словоформы *очевидно* – 110 раз на 1 млн. словоупотреблений, что позволяет говорить о ее востребованности в речи. Однако сопоставление двух хронологических срезов показывает явное увеличение ее функциональной нагрузки: если в период с 1800 по 1850 гг. ее относительная частота была 24 вхождения на 1 млн. словоупотреблений, то в настоящее время *очевидно*

употребляется уже в среднем 102 раза на 1 млн. слов. Изменения, произошедшие за последние два века, касаются не только количественной стороны, но и качественного (т.е. семантического и прагматического) аспекта функционирования наречия *очевидно*.

Для анализа функционирования словоформы *очевидно* важно учитывать её синтаксическую функцию, а также частеречную принадлежность и позицию в предложении. Дальнейшее хронологическое сопоставление будет проводиться на контекстах, относящихся к раннему и современному периодам развития современного русского литературного языка.

Контексты периода 1800-1850 гг. распределились следующим образом:

Таблица 1. Грамматические характеристики словоформы *очевидно* с 1800 по 1850 гг.

Частеречная принадлежность словоформы <i>очевидно</i> и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие, синтаксически связанное с глаголом или прилагательным	79	29,9%
Краткое прилагательное в функции сказуемого	23	8,7%
Безличный предикат с зависимым придаточным	101	38,3%
Дискурсивный маркер (вводное слово)	61	23,1%

Наибольшее количество примеров приходится на употребление слова *очевидно* в качестве безличного предиката с зависимым придаточным:

[5] *Очевидно, что идея Грибоедова была сбивчива и неясна самому ему, а потому и осуществилась каким-то недоноском.* [В.Г. Белинский. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова (1839)].

Почти так же активно в этот период *очевидно* используется как наречие:

[6] *Впрочем, в этом ежедневном приветствии очевидно обнаружилось только предисловие.* [В.А. Соллогуб. Старушка (1850)]

В качестве вводного слова *очевидно* используется в 23% контекстов, относящихся к периоду 1800-1850 гг. Уже в этот период *очевидно* в функции дискурсивного маркера (вводного слова) занимает «внутреннюю» позицию между подлежащим и сказуемым:

[7] *Такова была, очевидно, мысль государя: наследник во всем цвете молодости, с душою, еще не тронутою никакою заботою житейскою, никаким болезненным опытом, мешающим вере в человечество, был отдан им, так сказать, с рук на руки России, и она приняла его на руки с неописанною любовью.* [В.А. Жуковский. Пожар Зимнего дворца (1838)].

Наконец, наиболее редки случаи использования *очевидно* как краткого прилагательного в функции сказуемого:

[8] *Это отношение очевидно как в отдельном животном, так и в одном образующемся животном, так и в целых рядах различных существ.* [К.Ф. Рулье. Общая зоология (1850)]

Различия в грамматических свойствах словоформы *очевидно* тесно связаны с семантическими и прагматическими различиями: если *очевидно*-наречие и

очевидно-краткое прилагательное обозначают процессы понимания (что напрямую соотносится с исходной семантикой зрительного восприятия корня - *вид-*), то использование *очевидно* в качестве безличного предиката с бессоюзным придаточным или дискурсивного маркера связано с желанием говорящего выразить неуверенность в достоверности сказанного, показать предположительный характер сообщаемой информации.

Поскольку в современном русском языке слово *очевидно* используется почти в 4 раза чаще, чем два столетия назад, для периода 2000-2015 гг. было проанализировано 1570 контекстов, которые распределились по группам следующим образом:

Таблица 2. Грамматические характеристики словоформы *очевидно* с 2000 по 2015 гг.

Частеречная принадлежность словоформы <i>очевидно</i> и ее синтаксические связи в предложении	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Наречие, синтаксически связанное с глаголом или прилагательным	52	3,3%
Краткое прилагательное в функции сказуемого	185	11,8%
Безличный предикат с зависимым придаточным	869	55,3%
Дискурсивный маркер (вводное слово)	464	29,6%

Обращает на себя внимание перераспределение функциональной нагрузки слова *очевидно* в пользу его употребления в качестве безличного предиката (пример 9) или дискурсивного маркера (пример 10):

[9] *Очевидно, если мы хотим снабдить каждого пользователя своей СУБД, то необходимо обеспечить ему доступ на равных правах с другими пользователями* [А. Б. Барский. Применение SPMD-технологии при построении сетевых баз данных с циркулирующей информацией // «Информационные технологии», 2004].

[10] *Чувствуя возросшую конкуренцию, MG и WU самым кардинальным образом – почти на 50% снижали стоимость своих услуг, что, очевидно, свидетельствует о явно нерыночных масштабах цен, действовавших до недавнего времени* [Денежные переводы мигрантов – фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // «Вопросы статистики», 2004].

Использование слова *очевидно* в качестве бессоюзного предиката требует отдельного пояснения. В этой функции оно может выражать два противоположных значения: если его зависимым является изъяснительное придаточное с союзом *что*, то *очевидно* сохраняет семантику знания / понимания и маркирует полную уверенность говорящего в сообщаемой информации:

[11] *Совершенно очевидно, что сегодня на международный терроризм и организацию противодействия этой угрозе необходимо смотреть широко* [А.В. Конузин. Интервью по вопросам КТК // «Дипломатический вестник», 2004]

Если в качестве зависимого выступает бессоюзное придаточное, то *очевидно* является маркером предположительности информации:

[12] *Очевидно, в семье существует какая-то тайна – она связана с загадочным исчезновением матери молодого человека...* [Анонс спектакля (2003)]

Среди имеющихся в нашем корпусе 869 примеров использования слова *очевидно* в качестве безличного предиката 541 контекст – это высказывания, выражающие уверенность говорящего, и 328 контекста – это случаи, когда говорящий указывает на вероятностный характер сообщения. Таким образом, можно говорить об энантиосемии словоформы *очевидно* в функции безличного предиката.

Обозначая предположительный характер информации, *очевидно*-безличный предикат и *очевидно*-дискурсивный маркер различаются прагматической сферой действия: в первом случае значение предположительности распространяется на всю пропозицию (пример 13), во втором – только на ее часть (пример 14):

[13] *Очевидно, в связи с этим разительным контрастом между новостройкой и старым вокзалом и обеспокоились горожане.* [Юрий Красавин. Город начинается с вокзала (2013.05.26) // «Новгородские ведомости», 2013]

[14] *Партия власти, очевидно, не преминет воспользоваться опытом прежних выборов, задействовав весь имеющийся ресурс для дискредитации коммунистов* [Евгений Жеребенков. Учитесь властвовать... (2003) // «Итоги», 2003.03.04].

Таким образом, словоформа *очевидно* в современном русском языке сохраняет грамматическую и семантическую многозначность: с одной стороны, функционируя как наречие, краткое прилагательное или безличный предикат с зависимым изъяснительным придаточным, оно может указывать на полную уверенность говорящего в сообщаемой информации. С другой стороны, *очевидно*-безличный предикат с зависимым бессоюзным придаточным и *очевидно*-дискурсивный маркер указывают на сомнение говорящего в достоверности сказанного. В первом случае его значение можно объяснить сохранением семантики зрительного восприятия, во втором – ее постепенной утратой. Возможно, в словарях необходимо описывать семантику данной языковой единицы не в единой словарной статье, а в двух разных, как это принято делать для лексем-омонимов.

Прагматикализация, т.е. процесс, сопровождающийся разрывом синтаксических связей между словоформами и развитием дискурсивного значения (в данном случае – значения предположительности), для слова *очевидно* далек от завершения. Однако сопоставительный хронологический анализ показывает, что частота использования данной словоформы в качестве показателя предположительности растет, что позволяет говорить о постепенном закреплении за словом *очевидно* функции дискурсивного маркера.

Литература

1. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Сост. К. Киселева, Д. Пайар. – Москва: Азбуковник, 2003.

А.А. Соснина

Каравашка и корявый: сопоставительный анализ в русском литературном языке и диалектах

Аннотация: В статье делается попытка проследить словообразовательные и семантические связи уникального нижеиндигирского существительного *каравашка*, а также дать объяснение особенностям правописания через сопоставление данного слова с предположительно однокоренным *корявый*.

Ключевые слова: Диалекты, словообразовательное гнездо, славянские языки, аканье, диалектные варианты слов.

Abstract: The paper is an attempt to trace word-formation and semantic links of *karavashka*, a unique noun of Russkoe Ustje and to offer an explanation of some specific features of this word spelling through comparison with a presumably cognate word *корявый*.

Key words: Dialects, family of words, Slavic languages, akanje, local words.

Нижеиндигирский (русскоутынский) диалект сформировался в XII веке, когда выходцы из северной Руси обосновались в устьях сибирских рек – Лены, Енисея, Индигирки и других. Спецификой диалекта являются хорошо сохранившиеся великорусские черты, иногда весьма архаичные и, с другой стороны, специфические, свойственные только данному диалекту слова и формы, происхождение которых зачастую неясно, например, *шипленок* ‘детеныш любого зверя’, *детница* ‘самка с детенышем’, *утопель* – ‘сырое дерево’ и ряд других слов (Чикачев 2005, с. 8).

Согласно Диалектному словарю Русского Устья, *каравашка* – это твердая кожа (там же, с. 29). По приведенному толкованию не вполне ясно, идет ли речь о грубой, шершавой человеческой либо обработанной искусственной коже. По всей видимости, именно в таком виде и с тем же значением это слово не находит отражения в других словарях русского языка, в том числе, этимологических. Можно, однако предположить, что это слово происходит от того же корня, что и прилагательное *корявый*.

По данным этимологического словаря славянских языков прилагательное *koravъ(jь)* произведено с помощью суффикса *-(a)vъ* от существительного **kor-a* с основным значением ‘кора, корка’. В разных славянских языках представлены варианты прилагательного как с твердым, так и мягким сонорным в корне: болг. *кóрав*, ‘упорный, неподатливый, твердый’, макед. *карав* ‘крепкий, твердый’ сербохорв. *kòrav*, прилаг. ‘покрытый корой’; чешск. *koravy* ‘затвердевший, покрытый коркой’, др.-русс., русск.-церковносл. *коравый*, русск. *корявый* ‘искривленный, узловатый, с наростами (о деревьях)’, диал. *коравый* ‘шершавый’, ‘не большого роста, маленький’ также *корявый*, *карявый* (перм., ряз.), ‘заскорузлый, жесткий, сухой’ ‘грязный’ и др. (ЭССЯ 1974, с.51). Приведенные примеры дают основание предположить, что исходным вариантом является все же твердый согласный *-p-*.

В диалектах русского языка сохранилось существенно большее количество слов, предположительно относящихся к рассматриваемому словообразовательному гнезду. Среди этих слов присутствуют как

соответствующее литературному аналогу *корявый*, так и фонетические (ср. *коравый*), словообразовательные и лексико-семантические диалектные варианты (напр., *корява* – ‘каша из толченой сосновой коры с небольшой примесью муки или без нее’; *коряветь* – ‘подвергаться кожным заболеваниям’, *коравка* – ‘бревно с неочищенной корой’ (СРНГ, вып. 14, с. 309). При этом, если рассматривать словообразовательное гнездо с историко-этимологической точки зрения, его состав значительно расширяется за счет слов, принадлежащих к тому же корню, но на синхронном этапе не связанных в сознании носителей языка с прилагательным *корявый*, таких, как *кора*, *корень корабль*, *корыто*, *скорняк*, *скорлупа корь* и множество других (Цыганенко, 1989, с.189) с еще более многочисленными диалектными вариантами.

Некоторые слова, напр., *кор* – ‘лед, образующийся в осеннее половодье либо лес, затопляемый во время разлива’, *каравай*, *каравашек*, *каравашка*, в ряде диалектов обозначающие различные виды хлеба, также *караванка* – ‘круглое корыто’, не могут быть отнесены к рассматриваемому словообразовательному гнезду без дополнительного анализа. П. П. Черных отмечает, что слово *каравай* является достаточно сложным для этимологизирования, и его происхождение часто связывается с *корова* – возможно, первоначально это был ритуальный хлебец в форме коровы (Черных 1999, том 1, с. 378). При этом *-а-* в корне может быть результатом фиксации на письме акающего южнорусского произношения, как в слове *калач*. Однако в некоторых диалектах отмечено и слово *корявка* – ‘горбуша хлеба’ (СРНГ 2002, вып. 15, с. 40), которое, обозначая хлеб, как и *каравай*, легче может быть связано с прилагательным *корявый*, чем с существительным *корова*. Кроме того, в говорах в словарной дефиниции слов *каравашка*, *коровашка* в диалектах часто присутствует уточнение – «быстро твердеет», что теоретически позволяет выделить общую сему ‘твердость, жесткость’ для данного слова и нижеиндигирского *каравашка*. Это, в свою очередь, дает основание предположить возможное родство между *каравай* и его вариантами в диалектах и *корявый*, а также между этими группами слов и нижеиндигирским *каравашка* – ‘твердая кожа’.

Следующую сложность представляет твердый сонорный *-р-* в корне. Как было видно из приведенных выше примеров, твердый согласный отмечен в корне во многих славянских языках: в южных (болгарский, македонский), в западных (сербохорватский, чешский); встречается подобная форма и в говорах русского языка, однако преимущественно на юге – в пермских, рязанских и некоторых других говорах. В то же время в северных говорах и в литературном языке мы наблюдаем мягкий *р’*. В рязанских и некоторых говорах зафиксировано слово *коравый*, *коравеньки*: ‘шершавый’ – ‘заскорузлый, загрубевший’ (о теле, руках и т. п.) (СРНГ 2002, вып. 14, с. 309). Ранее уже приводилось слово *коравка* – ‘бревно с неочищенной корой’ Хотя форма *коравый* и объясняется отвердением *р* в корне, как подтверждает, например, М. Фасмер (Фасмер 2003, т. 2, с. 190), но невозможно объяснить ее появление в нижнеиндигирском говоре с отчетливой северно-русской основой непосредственно из южных говоров. Логичнее предположить, что слово *корявый* (с мягким *р’*) было воспринято именно в таком виде, и согласный отвердел позднее. Нижеиндигирское же *каравашка* могло, в таком случае, произойти не от диалектного южнорусского *коравый*, а от

северного *корявый*, либо, что вероятнее от *коряв(к)а*. Однако об этом речь далее. По свидетельству А.М. Селищева, «говоры восточной и северо-восточной Сибири имеют плавный *р* вместо *р'*. Таковы говоры на Анадыре (с. Марково), на Колыме, на Индигирке (Русское Устье): цар, зора, горацка и др. (Селищев 1968, с. 246).

Следующая проблема носит морфологический характер. Согласно словарю морфем русского языка, суффикс *-ашк-* не очень продуктивен. Он чаще всего встречается в словах со следующими корнями: *баб-*, *дур-*, *колоб-*, *рюм-*, а также в словах *старикашка* и *мальчугашка* (Кузнецова, Ефремова 1986, с. 607, 822). Большинство этих слов является разговорными. Сам же суффикс, как уже было сказано, достаточно редкий и входит в относительно небольшое число слов. Из приведенных выше примеров видно, что *-ашк-* обычно присоединяется к именам существительным. В диалектах, так как для них вообще характерны уменьшительные либо уничижительные форманты, дистрибуция морфемы *-ашк-* шире, чем в литературном языке. Однако образование слов с помощью этого суффикса или с суффикса *-яшк-* непосредственно от основы прилагательных нетипично и для диалектов. Можно привести не так много слов, где он встречается (*деревяшка*, *костяшка* и несколько других), но и в данном случае это в основном имена существительные. Поэтому можно с большой долей вероятности предположить, что исследуемое нами слово *каравашка* происходит от некоего существительного, которое должно, вероятнее всего, звучать как *корава* либо *корява*. Подобные слова мы действительно находим в диалектах, ср. *коравка*, *корявка* – ‘грубая грязная тряпка, рогожа, мочалка’, ‘замарашка’ или ‘женщина с испорченным оспой лицом’. (СРНГ, 2002, вып.14, с.309).

Есть и еще один спорный вопрос – *а* в корне слова. Если наше предположение верно, и слово *каравашка* действительно происходит от *корявый*, а последнее, в свою очередь, от *кора*, то в корне должен быть *о*. Конечно, в русском языке есть случаи лексикализации произношения *а* на месте *о*. Однако аканье является нормой русского литературного языка, в то время как нижеиндигирсий диалект и северные говоры, от которых он произошел, являются окающими. Селищев свидетельствует, однако, что в говорах востока и северо-востока страны спорадически возможно аканье, правда, лишь в определенных случаях: «Сочетания с *а* вместо *о* в отдельных случаях (формах), встречающиеся в тех или иных говорах, могут не находиться в связи с фонетическим аканьем, представляя явление морфическое.

Например, «тапер’», встречающиеся и в несомненно окающих говорах: в Красноярском уезде, в Русском Устье на р. Индигирке (в 80 верстах от Ледовитого океана). Здесь *та-* в связи с *та-* в наречии «втапоры», известном говорам Сибири. Не представляет фонетического явления (в области окающих говоров) и окончание *-а* (*-ва*) в форме род. п. муж. и ср. р. ед. ч.: *слѣпова*, *доброва*, *у которова* (Селищев 1968, с. 226-227). Как видим, это не совсем тот случай, который наблюдается в слове *каравашка*.

В новгородском диалекте, который является лингвистической основой для нижнеиндигирского, также отмечаются отдельные случаи аканья: «Аканье и яканье отражаются в берестяных грамотах лишь в очень незначительной

степени; очевидно, это связано с тем, что эти явления были известны лишь в некоторых периферийных частях древненовгородской зоны. Вполне заслуживает доверия здесь в сущности всего один пример: въ Здраве~ 'в деревне Здравье' 580 (сер. XIV). Ранний пример *оу Даброжира* 228 (XII²), возможно, представляет собой лишь описку..., сочетание с *посто* 411 (кон. XIII), по-видимому, равносильно с *проста* 'сразу же'; но окончание -*о* может здесь объясняться и морфологически. Все прочие примеры, где *а* стоит вместо *о* или наоборот непоказательны: одни из них являются описками, другие объясняются морфологически (Зализняк 1995, с. 60).

Автор также отмечает возможность начального *а* вместо *о*: *к атцеви, сарати* 'с пахать' и др. (Там же). Но и данные случаи не вполне подходят к нашему слову *каравашка*. В языке Русского Устья зафиксированы и другие случаи, которые можно рассматривать как аканье. Это, например, произношение *а* вместо *о* в приставках: *абеишениеться* – 'посчитаться, обмануться', *апризорить* 'сглазить' и некоторые другие лексические диалектные варианты. Тем не менее, едва ли приходится сомневаться, что все они начинаются с приставки, которой в литературном языке соответствует приставка *о*. Других случаев аканья, кроме названных, в нижеиндигирском диалекте, видимо, нет. Все немногочисленные ситуации замены *о* на *а* требуют специального рассмотрения и дальнейшего объяснения. Что же касается слова *каравашка*, можно сделать предположение относительно причин изменения корневой гласной. Придя на северо-восток России, русские поселенцы вступили в тесный контакт с туземными народами, в том числе тюркоязычными, например, с якутами. Причем это взаимодействие распространяется на все сферы жизни, в том числе и на язык. В русский язык заимствуется множество слов из языков местных жителей. В основном, как это обычно и бывает в таких случаях, заимствовались обозначения реальных, с которыми русские были прежде незнакомы. Таких слов в языке Русского Устья относительно немного, по свидетельству авторов Диалектного словаря Русского Устья, около полусотни. (Чикачев, 2005, с. 11).

Однако поселенцы могли испытывать влияние языков соседей и не прибегая к прямым заимствованиям. В данном случае мы имеем ввиду широко используемый в тюркских языках корень **qara* с общим значением «черный». Вообще спектр значений корня чрезвычайно широк и включает как положительные, так и *сугубо* отрицательные коннотации. В числе последних чув. *грязь*, тат. *грязный, чумазый*, также *мрачный, безотрадный, печальный, несчастный* и др. (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1997, с. 592). Для нас особенно интересно значение «грязный», а также еще одно, реализуемое в киргизском языке: «сухой хлеб без масла или молока». Оба значения, как мы помним, присущи и славянскому слову *коравый (корявый)*. Можно предположить, что контаминация значений славянского и тюркского корней, в сочетании с похожим звучанием и привело к появлению нижеиндигирского *каравашка*. Это, разумеется, лишь гипотеза, но не лишняя, как нам кажется основания.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Уникальное нижеиндигирское слово *каравашка*, которое, по-видимому, не отмечается том

же виде и значении в других диалектах русского языка, скорее всего принадлежит к тому же словообразовательному гнезду, что и русское литературное *корявый*, а также целый ряд диалектных производных, восходящих к тому же корню *кор-*. В результате анализа диалектного материала можно объяснить некоторые странности в написании и словообразовательной структуре слова. Гласный *-а-* в основе может оказаться результатом влияния тюрского корня **qara* с общим значением ‘черный’, но также ‘сухой, грязный’. Кроме того, можно предположить, что первоначально согласный *-р-* был мягким и отвердел уже в процессе развития слова *каравашка* в районе Русского Устья. Не самый частотный для русского языка суффикс *-ашк-* позволяет предположить, что производящей основой для *карвашка* выступает основа не прилагательного *корявый*, а некое существительное, предположительно диал. *корявка*.

Литература

1. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект/ Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики. – Москва: Языки рус. культуры, 1995.
2. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. – М.: Русский язык, 1986.
3. Селищев А.М. Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968.
4. Словарь русских народных говоров. – Санкт-Петербург, 2002. – Вып. 14: Кобзарик – Корточки.
5. Словарь русских народных говоров. – Санкт-Петербург, 2002. – Вып. 15: Кортусы – Куделюшки.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., 1997.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем.: В 4 т. – Москва, 2003. – Т. 2: Е – Муж.
8. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – М.: Радянська школа, 1989.
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – Москва : Русский язык, 1999. – Т. 1: А – Пантомима.
10. Чикачев А.Г. Диалектный словарь Русского Устья. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 2005.
11. Этимологический словарь славянских языков. – М.: Наука, 1974 – 1999. – Вып. 11: **копьсь – копьна(ја)*.

И.А. Стернин

Сопоставительный анализ траектории развития значения слова **МЯЧ** в возрастных группах 3-4 года и 6-7 лет

Аннотация: Рассматривается проблема изменения структуры значения слова с возрастом ребенка, сопоставляются значения возрастной группы 3-4 года и 6-7 лет.

Ключевые слова: Траектория развития значения, структура значения, возраст.

Abstract: The problem of change of the structure of meaning with the child's age is studied, the meanings are compared in age group of 3-4 and 6-7 year olds.

Key words: The trajectory of meaning development, meaning structure, age.

Исследование проведено по материалам словаря Т.В. Соколовой (Соколова 1996). Сбор материала осуществлялся в 1994-1996 г. Стимулы предъявлялись

устно, в группе 3-4 года давалось 30 секунд на ответ, в остальных группах - 15 секунд.

Ассоциативные поля, явившиеся предметом исследования, сформированы И.А.Стерниным по материалам Соколовой Т.В. путем объединения реакций мальчиков и девочек. По материалам ассоциативных полей сформулировано психолингвистическое значение слова МЯЧ в исследуемых возрастных группах по методике И.А.Стернина и А.В.Рудаковой (Стернин, Рудакова 2011). Для каждого семантического компонента вычисляется индекс яркости семы (ИЯ) – как отношение количества ИИ, актуализировавших данную сему в эксперименте, к числу ИИ, давших реакции.

Возрастная группа 3-4 года Психолингвистическое значение МЯЧ 297

круглый - 0,16, им играют – 0,16, красный 0,10 (синий 0,03, желтый 0,02, белый 0,01, голубой 0,01, зеленый 0,01, розовый 0,003), большой 0,06 (маленький 0,03); его пинают 0,05, катается 0,04, это игрушка 0,04, прыгает 0,03, красивый 0,03 им играют в футбол 0,03, резиновый 0,02, его бросают 0,02, играют дома 0,02, у меня есть 0,02, играют на воздухе 0,01, его не едят 0,01, мягкий 0,003, твердый 0,003, его надувают 0,003

грязный 0,003, совсем не хочу 0,003.

Идентификация – 0,01 (рибук («Рибок»), вон, этот 1).

Не интерпретируемые: пач, читать, спят, кофта, репка, ручка, нет мяса, стихотворение, конфетка, чай, змея, кошка, лошадка, петух 1 (0,05)

Отказ – 24 + не знаю 3 = 27

Возрастная группа 6-7 лет МЯЧ 314

круглый 0,17, прыгает 0,12, им играют 0,11, им играют в футбол 0,04 (в баскетбол 1), катается 0,04, это игрушка 0,03, резиновый 0,03, маленький 0,03 (большой 0,03), играют дома 0,03 (на природе 5, школе 1), его бросают 0,01, пинают 0,01, отбивают 0,003, им стучат 0,01, красный 0,01, желтый 0,01, синий 0,01 (белый 0,01, разноцветный 0,01, в полоску 0,003, зеленый 0,003, оранжевый 0,003), мягкий 0,01, звонкий 0,01, летит 0,01, дырявый 0,003, играют в ботинках 0,003, вещь 0,003, спортивный инвентарь 0,01, красивый 0,01, хороший 0,003.

СИЯ 0,88

Не интерпретируемые 0,12: кошка 3, болото, Волга, волк, гиря, елка, звездочка, капуста, Катя, коробка, матрац, пружина, репка, секунды, светофор, ситко, солдат, толстый, шоколадка, зима, кукуруза, ласточка, лиса, лошадь, мама, морковь, мята, один, рот, самолет, слово, танцы, цветок

Реакции дали 299 ии.

Обсуждение результатов Ассоциативные реакции (характер ассоциирования)

	3-4 г.	6-7 л.
Синтагматические	70%	48%
Парадигматические	30 %	52%

Количество синтагматических реакций с возрастом существенно сокращается, количество парадигматических ассоциаций увеличивается, они начинают преобладать. Теоретическая тенденция подтверждается.

Категориальные ассоциации

Определяется относительная яркость категориальных ассоциаций как соотношение количества категориальных ассоциаций к числу ИИ, давших реакции.

3-4 г.	игрушка 0,04, футбол 0,01, резина 0,01, игра 0,003, круг 0,003, кружок 0,003 - 0,07
6-7 л.	игрушка 0,03, футбол 0,03, шар 0,03, резинка 0,03, баскетбол 0,003, вещь 0,003, круг 0,003 шайба 0,003, обруч 0,003, скакалка 0,003 - 0,14

Частотность категориальных ассоциаций увеличилась в два раза, а также увеличилось число категорий, к которым относится слово (с 6 до 10). Теоретическая тенденция подтверждается.

Сопоставление значения слова в двух возрастных группах

Соотношение конкретных отражательных и аффективных признаков

В значении обеих возрастных групп доминируют семантические компоненты, отражающие *внешние признаки* денотата – как в 3-4 г., так и в 6-7 лет, а также отражающие *функции* денотата:

Внешние признаки:

3-4: круглый - 0,16, красный 0,10, синий 0,03, желтый 0,02, белый 0,01, голубой 0,01, зеленый 0,01, большой 0,06, маленький 0,03, катается 0,04, летит 0,01, дырявый 0,003, розовый 0,003- 0,486

6-7: круглый 0,17, прыгает 0,12, маленький 0,03, большой 0,03, прыгает 0,03, красный 0,01, желтый 0,01, синий 0,01, белый 0,01, разноцветный 0,01, в полоску 0,003, зеленый 0,003, оранжевый 0,003, грязный 0,003, - 0,442

Функция:

3-4: им играют – 0,16, его пинают 0,05, им играют в футбол 0,03, его бросают 0,02, его не едят 0,0 - 0,27,

6-7: им играют 0,11, им играют в футбол 0,04, его бросают 0,01, пинают 0,01, им стучат 0,01 отбивают 0,003, играют в баскетбол 0,003- 0,186

Внешние признаки в основном сохраняют свою яркость, функциональные признаки в возрастной группе 6-7 лет оказываются в 2 раза менее яркими, чем в 3-4 года.

С примерно одинаковой яркостью в структуре значения представлены следующие семантические параметры:

Тактильное восприятие:

3-4 мягкий 0,003, твердый 0,003

6-7 мягкий 0,01

Место использования

3-4 играют дома 0,02, играют на воздухе 0,01

6-7 играют дома 0,03, на воздухе 0,02 школе 0,003

Конструктивные особенности

3-4 его надувают 0,003 резиновый 0,02

6-7 резиновый 0,03, играют в ботинках 0,003

В группе 6-7 лет в значении исчезает параметр *Личная принадлежность* (у меня есть 0,02, совсем не хочу 0,003), а также параметр *Идентификация* (0,01 (рибук («Рибок»)), вон, этот 1).

В группе 6-7 лет появился параметр *Звуковое восприятие* (Звонкий 0,01), которого нет в 3-4 г.

Оценка в структуре значения в 6-7 л. ослабла в 4 раза: 0,03 – 0,013

Оценка:

красивый 0,03

красивый 0,01, хороший 0,003 -0,013

Аспектное соотношение семантических компонентов

	Конкретные отражательные семы (образ и функция)	Аффективные семы
3-4 г.	СИЯ 0,756	СИЯ 0,03
6-7 л.	СИЯ 0,628	СИЯ 0,013

Совокупная яркость конкретных сем с возрастом уменьшается, что требует объяснения.

Совокупная яркость аффективных компонентов уменьшается с 0,03 до 0,013, в 2 раза, тенденция к ослаблению аффективной составляющей семантики слова подтверждается. Однако аффективная семантика не доминирует в структуре значения в раннем возрасте (3-4 г.)

В возрастной группе 6-7 лет появились:

фонетические реакции 4: грач, калач, пач, скач 1,

эхо-реакции 9: мяч 1, мячи 1, не мяч 5, мячик 4,

Сем несколько больше, значение образуют более разнообразные признаки: 3-4 - 29 сем, 7-8 - 34 семы.

Следует также отметить, что в группе 3-4 года количество неинтерпретируемых реакций - 5% , а в возрастной группе 6-7 лет число неинтерпретируемых реакций – 12%, что свидетельствует о возрастании субъективного восприятия значения, об умножении с возрастом индивидуальных семантических компонентов.

Таким образом, в возрастной траектории развития значения слова МЯЧ в двух возрастных группах (3-4 года и 6-7 лет) обнаруживаются следующие тенденции:

- Количество синтагматических реакций с возрастом существенно сокращается, количество парадигматических ассоциаций увеличивается, они начинают преобладать. К 6-7 годам парадигматические реакции составляют большую часть реакций, более 50%.

- Относительная частотность категориальных ассоциаций увеличивается к 6-7 годам в два раза, а также заметно увеличивается число категорий, к которым испытуемыми относится исследуемое слово (с 6 до 10).

- В значении обеих возрастных групп сохраняют доминантное положение семантические компоненты, отражающие *внешние признаки* денотата – как в 3-4 г., так и в 6-7 лет, а также отражающие *функции* денотата. Внешние признаки примерно сохраняют свою яркость, функциональные признаки в возрастной группе 6-7 лет оказываются в 2 раза менее яркими, чем в 3-4 года.

- Сохраняют яркость в структуре значения семантические параметры
- *тактильное восприятие, место использования, конструктивные особенности*

- В группе 6-7 лет в значении исчезает параметр *Личная принадлежность*, а также параметр *Идентификация* , зато появляется параметр *Звуковое восприятие*, которого нет в 3-4 г.

- Оценка в структуре значения в 6-7 л. ослабевает по яркости в 4 раза
- Совокупная яркость конкретных отражательных сем в более старшей возрастной группе уменьшается.

- Совокупная яркость аффективных компонентов уменьшается с возрастом в 2 раза, тенденция к ослаблению аффективной составляющей семантики слова подтверждается. Однако аффективная семантика не доминирует в структуре значения в раннем возрасте (3-4 г.)

- В возрастной группе 6-7 лет появились:
- фонетические реакции : грач, калач, пях, скач 1, эхо-реакции 9: мяч 1, мячи 1, не мяч 5, мячик 4.

- Сем в значении более старшей возрастной группы несколько больше (34 против 29), при этом семы отражают более разнообразные признаки денотата.

- К 6-7 годам увеличивается число индивидуальных неинтерпретируемых реакций.

Литература

1. Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребенка. Часть 1. От стимула к реакции. – Изд. Поморского международного педагогического университета им. М.В. Ломоносова, 1996.
2. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. - LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011.

Е.А.Тарновская

Сопоставительный анализ понимания слова «порядок» мальчиками и девочками

Аннотация: В статье рассматриваются гендерные различия в семантике слова *порядок*.

Ключевые слова: Значение, гендер, лингвистическое интервьюирование.

Abstract: The paper examines the gender differences in the semantics of the word «order».

Key words: Meaning, gender, linguistic interviews.

Известно, что в процессе коммуникации восприятие информации у мальчиков и девочек различается во многих аспектах.

Мальчики при получении информации обычно мало реагируют на эмоциональную окраску голоса (модуляцию, интонацию), зато быстрее воспринимают и осмысливают любую информацию о действиях (глагольные формы). Если мальчики задают вопрос, то, в отличие от девочек, преимущественно затем, чтобы получить конкретный ответ.

Полученную информацию мальчики обычно лучше, чем девочки, соотносят с ранее имеющейся и воспринимают ее аналитически. У мальчиков хорошо формируются в мозгу связи между знаками, словами и образами и создаются однозначные, в отличие от девочек, контексты.

При получении информации у мальчиков избирательно включаются то левое, то правое полушария. У мальчиков, по сравнению с девочками, более активно работает передний мозг (лобные доли), который отвечает за смыслообразование, и, следовательно, мышление мальчиков более творческое, что способствует повышению самореализации. Мальчики более возбудимы, несдержанны, раздражительны, агрессивны, "демонстративны", но более откровенны и искренни, чем девочки.

Многие из названных различий подтверждает проведенный нами эксперимент.

Нами было проведено психолингвистическое исследование среди подростков в возрасте 13-15 лет - учащихся 8-9 классов средней образовательной школы города Старый Оскол. Было опрошено 32 человека.

В качестве стимула было предложено слово *порядок*. Заданием было написать краткое толкование значения в опоре на собственное понимание. Этот метод называется методом лингвистического интервьюирования.

Результаты эксперимента таковы.

Порядок

Мальчики, 13 испытуемых

Для глупцов, гении господствуют Хаосом, вещи в шкафу, а не на стуле лежат, добротно, понятие, в котором заключается то, что всегда на своём месте, система, систематизированная во всём, то чего у меня в комнате не существует, добро; когда, наверное, всё убрано, порядок в

тюрьме, в сознании, душевное равновесие, гармоничное, ожидаемое, предсказуемое, состояние или расположение чего-либо.

Девочки, 19 испытуемых

Когда дома все чисто и убрано, когда порядок дома, когда все на своем месте, когда порядок дома, чистота, когда твоя душа добра, распорядочность действий, когда всё дома хорошо, вещи на своих местах, когда всё лежит на своих местах, вещи на правильных местах, правильное положение вещей, когда чисто; когда все убрано, все чисто, нет грязи, все на своих местах, чистота.

Таким образом, значение слова *порядок* у мальчиков:

1. Вещи на своих местах - 3 (вещи в шкафу, а не на стуле лежат, когда, наверное, всё убрано, понятие, в котором заключается то, что всегда на своём месте)

2. Общая упорядоченность - 2 (система, систематизированная во всём, в сознании)

3. Душевное равновесие 2 (душевное равновесие, гармоничное, ожидаемое, предсказуемое, состояние или расположение чего-либо).

4. Оценка:

Пренебрежительная - 4 (для глупцов, гении господствуют Хаосом, то чего у меня в комнате не существует, порядок в тюрьме)

Положительная 2 (добродно, добро)

Значение слова *порядок* у девочек:

1. Чистота - 7 (когда дома все чисто и убрано, чистота, когда чисто; когда все убрано, все чисто, нет грязи чистота)

2. Вещи на своих местах - 10 (когда порядок дома, когда порядок дома, когда все на своем месте, когда всё дома хорошо, вещи на своих местах, когда всё лежит на своих местах, вещи на правильных местах, правильное положение вещей, все на своих местах, распорядочность)

3. Добрая душа - 1 (когда твоя душа добра)

4. Последовательность 1 (порядок действий 1).

Сопоставим выявившиеся значения в таблице:

Мальчики	Девочки
1. Вещи на своих местах - 3 (вещи в шкафу, а не на стуле лежат, когда, наверное, всё убрано, понятие, в котором заключается то, что всегда на своём месте)	1. Вещи на своих местах - 10 (когда порядок дома, когда порядок дома, когда все на своем месте, когда всё дома хорошо, вещи на своих местах, когда всё лежит на своих местах, вещи на правильных местах, правильное положение вещей, все на своих местах, распорядочность),
2. Общая упорядоченность - 2 (система, систематизированная во всём, в сознании)	—
—	2. Чистота - 7 (когда дома все чисто и убрано, чистота, когда чисто; когда все убрано, все чисто, нет грязи чистота)

<p>3. Душевное равновесие 2 (душевное равновесие, гармоничное, ожидаемое, предсказуемое, состояние или расположение чего-либо).</p> <p>—</p> <p>4. Оценка:</p> <p>пренебрежительная - 4 (для глупцов, гении господствуют Хаосом, то чего у меня в комнате не существует, порядок в тюрьме)</p> <p>положительная 2 (добродно, добро)</p> <p>—</p>	<p>—</p> <p>3. Добрая душа - 1 (когда твоя душа добра)</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>4. Последовательность - 1 (порядок действий)</p>
--	--

Таким образом, как у мальчиков, так и у девочек выделились по 4 значения слова порядок, но совпадает у мальчиков и девочек лишь первое значение - "вещи на своих местах", при этом оно высокочастотно в ответах девочек, но гораздо менее частотно в ответах мальчиков.

Значения, представленные только в языковом сознании мальчиков:

2. Общая упорядоченность - 2 (система, систематизированная во всём, в сознании).

3. Душевное равновесие 2 (душевное равновесие, гармоничное, ожидаемое, предсказуемое, состояние или расположение чего-либо).

4. Оценка:

пренебрежительная - 4 (для глупцов, гении господствуют Хаосом, то чего у меня в комнате не существует, порядок в тюрьме);

положительная 2 (добродно, добро).

Значения, представленные только в языковом сознании девочек:

2. Чистота - 7 (чистота 2, когда дома все чисто и убрано, когда чисто; когда все убрано, все чисто, нет грязи)

3. Добрая душа - 1 (когда твоя душа добра)

4. Последовательность - 1 (порядок действий)

Любопытно, что у мальчиков совсем отсутствует значение «чистота», занимающее второе место по яркости в сознании девочек: мальчики не отождествляют порядок с чистотой; зато у них самые яркие признаки - оценочные, причем доминирует демонстративно пренебрежительное отношение к порядку.

Кроме того, обращает на себя внимание низкая согласованность ответов мальчиков - не более 3-4, и гораздо более высокая согласованность наиболее

частотных ответов девочек (10 и 7), что свидетельствует о том, что их сознание более солидарно в гендерном отношении.

Таким образом, выявляется очень яркая гендерная специфика значения слова *порядок* в языковом сознании мальчиков и девочек. Фактически слово *порядок* мальчики и девочки понимают и употребляют просто в разном смысле.

В.И. Федосова

Сравнительный анализ наименований родственных лиц по прямому родству в русском и английском языках

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ наименований родственных лиц по прямому родству в русском и английском языках. Делаются выводы о характере национальной специфики данных группировок по количественно-структурному аспекту.

Ключевые слова: Наименования родственных лиц, номинативная плотность, структурная сложность, количественно-структурный аспект.

Abstract: The paper presents the comparative analysis of the names of direct relatives in English and Russian. National specificity of the quantity-structural aspect of the groups in question is considered.

Key words: Names of relatives, nominative density, structural complexity, quantity-structural aspect.

Предметом исследования данной статьи является сравнительный анализ наименований родственных лиц по прямому родству в русском и английском языках. Лексический материал был получен методом сплошной выборки из Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Большого англо-русского словаря под редакцией Ю.Д. Апресяна, Longman Dictionary of Contemporary English.

В результате анализа словарных статей в вышеперечисленных словарях было установлено, что в группу наименований родственных лиц по прямому родству в русском языке вошло 112 лексических единиц, а в английском – 63 лексемы.

В обоих языках лексические единицы были поделены на две подгруппы:

1. Наименования родителей
2. Наименования детей

В каждой из этих групп были выделены одноименные подподгруппы: «Общие наименования», «Мужские наименования», «Женские наименования».

В русском языке в подгруппу наименований «Родители» входит 52 единицы. Из них в подподгруппу «Общие наименования» входят 6 наименований (*деды, отцы, праотцы, прародители, предки, родители*). В подподгруппу «Женские наименования» входят 20 лексем: *бабушка (бабуля, бабулька, бабуленька, бабуся), мама (маменька, мамуля, маманя, мамуся, мамаша, мамка, мамочка, мамушка), мать (матушка), прабабушка, прапрабабушка, родительница, родоначальница*. В подподгруппу «Мужские наименования» входят 26 единиц: *батьа, батюшка (батенька), дед (дедок, дедуля, дедка, дедушка), отец, папа (папка, папенька, папаша, папуля, папус, папаня, папка, папочка), прадедушка, праотец, прапрадедушка, родитель, родоначальник, тятя (тятенька, тятка)*.

В английском языке к подгруппе наименований «Родители» относятся 32 лексемы, из которых 3 входят в подподгруппу «Общие наименования» (*grandparents, great grandparent, parents*), 11 лексем относятся к подподгруппе «Женские наименования» (*genetrix, grandma, grandmother, granny, great grandma, great grandmother, mater, mother, nan, progenitress, venter*) и 19 лексем – к подподгруппе «Мужские наименования» относятся (*dad, daddy, father, grand-dad, grand-father, grandpa, great-grand father, great grandpa, grandsire, great-great grandfather, house-father, papa, pappy, pater, paterfamilias, patriarch, progenitor, propositus, root*).

Подгруппа наименований «Дети» в русском языке включает в себя 60 наименований. Из них в подподгруппу «Общие наименования» входят 22 наименования: *близнецы, близняшка, внуки (внучата), двойня, двойняшки, детки (деточки), дети (детушки, детишки), дитя (детка, деточка), последние, правнуки, праправнуки, ребенок (ребяенок, ребеночек), сыны (сынки)*. В подподгруппу «Женские наименования» входят 17 наименований: *внучка (внученька), дочь (дочка, доченька, дочурка, дочурочка, дочушка), правнучка, праправнучка, сестра (сестренка, сестрица, сестричка, сеструха, сеструшка, сестрица*. В подподгруппу «Мужские наименования» входит 21 наименование: *брат (братан, брательник, братец, братик, братишка, браток, братушка), внук (внучек, внучок, внучонок), пацан (пацанчик), правнук, праправнук, сын (сынок, сыночек, сынишка, сынуля)*.

Номинативная плотность (Карасик 2004) подгруппы английских наименований «Дети» составляет 30 лексем, из которых в подподгруппу «Общие наименования» входят 11 наименований (*baby, child, children, great-grandchild, kid, оу(шотл.), reckling, sib, sibling(s), sibship, twin*), в подподгруппу «Женские наименования» входят 7 лексем (*daughter, full sister, girl, granddaughter, great-grand daughter, sis, sister*), а в подподгруппу «Мужские наименования» – 12 наименований (*boy, bro, brother, brother-german, brother-uterine, eldest, grand child, great-grandson, grandson, junior, son, sonnie*).

Обращает на себя внимание значительно большая, чем в английском языке, номинативная плотность русской группы: 112 единиц по сравнению с 63 в английском языке. Представляется, что данное явление может быть объяснено наличием в русском языке большого количества уменьшительно-ласкательных наименований. Так, для обозначения сестры в английском языке используется два наименования: *sister* и *sis*, а в русском языке – семь: *сестра, сестренка, сестрица, сестричка, сеструха, сеструшка, сестрица*. Точно также для обозначения брата в английском языке используется два наименования: *brother* и *bro*, а в русском языке – восемь: *брат, братан, брательник, братец, братик, братишка, браток, братушка*. Для обозначения матери в английском языке также существует две лексемы: *mother* и *mater*, а в русском – одиннадцать: *мама, маменька, мамуля, маманя, мамуся, мамаша, мамка, мамочка, мамушка, мать, матушка*. Отец в английском языке обозначается шестью лексемами: *dad, daddy, father, рара, рарру, pater*, а в русском – шестнадцатью: *отец, папа, папка, папенька, папаша, папуля, папуся, папаня, папка, папочка, батя, батюшка, батенька, тятя, тятенька, тятка*.

Чтобы сделать объективный вывод о национальной специфике

рассматриваемых группировок мы прибегли к использованию сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернин, Стернина 2015; Стернина 2014, 2015). Нами были проведен количественно-структурный анализ полученных группировок, для которого вслед за Деркач С.И. (Деркач 2011) мы использовали два параметра: *номинативную плотность*, под которой понимается количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (Карасик 2004), *структурную сложность лексической группировки* (количество структурных единиц группы), а также предложенный С.В. Колтаковой в данном выпуске «Сопоставительных исследований» *индекс структурной сложности лексической группировки*, вычисляемый через отношение структурной сложности лексической группировки к номинативной плотности (Колтакова 2017).

Как показал проведенный анализ, структурная сложность рассматриваемых группировок в обоих языках оказалась одинаковой: и в русском, и в английском языке в рассматриваемой группе выделено по две подгруппы, каждая из которых, в свою очередь, делится на три подподгруппы. Таким образом, и в русском, и в английском языках структурная сложность рассматриваемых лексических группировок составляет 5 единиц. Номинативная плотность, как уже было отмечено, составляет 112 лексем в группе русского языка и 63 – в группе английского языка.

На основании полученных результатов было определено, что относительная номинативная плотность рассматриваемых группировок составляет 1,8, индекс же структурной сложности лексической группировки для группы русского языка составил – 0,04%, а английского языка – 0,08%. С помощью предложенных в рамках сопоставительно-параметрического метода шкал определения степени проявления национальной специфики по отдельным параметрам для параметров, выраженных в процентах (Колтакова 2008) и параметров, выраженных в абсолютных числах (Колтакова 2008, Деркач 2011) нами был сделан вывод, что по номинативной плотности расхождения между изученными группами могут быть охарактеризованы как существенные, а по индексу структурной сложности – как несущественные.

Литература

1. Деркач С. И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках) : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук – Воронеж, 2008.
4. Колтакова С.В. К вопросу о количественно-структурном аспекте национальной специфики лексических группировок // Сопоставительные исследования 2017. – Воронеж, 2017. – С. 12–14.
5. Стернин И.А., Стернина М.А. Сопоставление как лингвистическая методология// Сопоставительные исследования 2015. – Воронеж, 2015. – С. 3–11.
6. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2014.
7. Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: первые итоги // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – № 3. – С. 92–94.

Флороним «ромашка» в русском и вьетнамском языках

Аннотация: В статье рассматриваются флороним «ромашка» в русском и вьетнамском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте, что позволяет установить сходства и различия в номинации растений разными народами и выявить специфические черты народного характера, культурные и исторические традиции двух народов.

Ключевые слова: Флороним, лексема, лингвокультурология, символ.

Abstract: The paper discusses the floronim "daisy" in Vietnamese and Russian in comparative aspect. Special attention is paid to identification of similarities and differences in plants nomination by different nations. Specific features of the national character, cultural and historical traditions of the two peoples are discussed.

Key words: Floronim; lexeme, cultural linguistics, symbol.

Главной функцией лингвокультурного символа признаётся его способность воссоздавать в своей семантике характерные черты национального менталитета представителей определённого лингвокультурного пространства.

Цветок *ромашка* - лингвокультурный символ, Русские воспринимают *ромашку* как национальный символ, данный цветок связан с некоторыми обычаями (например, гадания) и упоминается в фольклорных текстах. Не случайно лексемы *Россия* и *ромашка* часто находятся рядом: *В Победу она солнце, и звезда, и месяц, и Россия, и ромашка, и матушка, и доченька, и мы с тобой в Победеникогда не умрем* [Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)].

Ромашка связана со скромностью, красотой, молодостью девушки: Например: *Румянец ей явно шел. Этакая рдеющая ромашка — Какой фирмы?* (Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)).

Ромашка в сознании русских ассоциируется с неброской девичьей красотой, в отличие от розы, на которую сразу же обращают внимание. Например: *В самом деле, может ли ромашка жаловаться на то, что рядом с ней благоухают розы?* (Елизавета Алканская. Кредитная история (2003) // «Вестник США», 2003.09.03]; *Она завистливо осмотрела новое облачение Панкратовой — Ух вы, круто, ромашка! Слышала, что резко демаскировались* (Петр Акимов. Плата за страх (2000)).

Ромашка сравнивается с худенькой девушкой. Например: *Худенькая, беленькая, как ромашка, она словно бы иставала светом, вот-вот миг — и останутся только лучи* (Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000)).

Ромашка – солнце. Летом тепло и светло, и жар, и тень, и прохлада и все зелено; каждый цветок старается нарядиться как можно лучше: кашка всю свою головку уберет в розовые или белые колпачки, гвоздики так-таки и смотрят розовыми звездочками, а дикая белая ромашка просто хочет быть солнцем (Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872) .

Ромашка стереотипно ассоциируется с любовью и чаще - с любовными страданиями и мучениями. Например:

Русая девушка в кофточке белой, Где ты, ромашка моя? С «цветочком» из песни А. Фатьянова и А. Лепина из фильма «Солдат Иван Бровкин» могут поспорить в этом году лишь ландыши — «светлого мая привет» из песни О.Фельцмана на стихи О. Фадеевой (Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга

века (2000); *Ромашка, например, для крестьянина — сорняк, а для влюбленного — талмуд* (Сергей Довлатов. Литература продолжается. После конференции в Лос-Анжелесе (1982)).

Кроме того, в русском языковом сознании ромашка ассоциируется с такими понятиями, как **«скромность» и «простота»**, которые являются важными для русского менталитета. В некоторых фольклорных текстах девушка сравнивается с ромашкой. В русском языке существует устойчивое выражение «девочка-ромашка», которое характеризует скромную, простую, милую девушку: *Не хотел физкультурой завоевывать жизненную безопасность, не хотел отличаться от Малины только мышцами и образованием, потому что это не спасет от Малины, и не успеешь оглянуться, как сам станешь Малиной и будешь давить слабого и улыбаться сильному, как ромашка.* (Михаил Анчаров. Этот синий апрель (1967); *Улыбка искристая, веселая, простая, как белая ромашка на меже.* (С.Н. Сергеев-Ценский. Бабаев (1906-1907)).

Ромашка / hoa cúc - один из самых популярных цветов во Вьетнаме. **Ромашка / hoa cúc** имеет культурное значение. Она воспринимается носителями языка как символ любви, красоты, женщины и возвышенности.

Образованию выражений, содержащих флороним *Hoà Cúc*, способствовали его качественные характеристики. Во вьетнамском языке ромашка ассоциируется с **любовью**:

Bốn mùa bông cúc nở hoa. Chờ xem trời định duyên này về đâu - букв. Весь год ромашки расцветают, Смотри любовь куда пойдёт.

Gió đưa bông cúc bông cà, gió đưa chị bảy về nhà anh ba - букв. Ветер шевелит ромашки, ветер ему принесет девушку.

Không phải nhân duyên cây cúc mọc vườn hồng cũng chẳng ham - если это не любовь, тогда неважно, что есть ромашка в саду роз.

Во вьетнамском языке ромашка ассоциируется с **красивой девушкой**. Например: *Bông cúc ngã ngang, con bướm vàng nhận nhụy, thấy miếng em cười hời hợt, anh thương.* – букв.: ромашка склонилась, бабочка получает пестик, здесь ромашка - красивая девушка;

Bốn o trong tỉnh mới ra nước da trắng toát như hoa cúc tần. - У четырех девушек белая кожа, как у ромашек.

Được như hoa cúc hoa quỳ. - Красива, как ромашка.

В отличие от русского языка, во вьетнамском языке **ромашка связана с долголетием**:

Tùng cúc trúc mai. - Букв. Кедр, ромашка, бамбук. Май. Это ценные деревья во Вьетнаме.

Еще одна не свойственная русскому языку коннотация вьетнамского языка – ромашка ассоциируется с **почтительностью к родителям**:

Để coi bông cúc ngã nhàn về đâu – букв. смотрите, куда быстро падают ромашки - в любой ситуации дети всегда должны думать о родителях.

В поэзии **ромашка обозначает счастье и упорство**.

Как и в русском языке, во вьетнамском ромашка ассоциируется с **простотой**:

«*Hoà Cúc Vàng đơn sơ / Nhưng thuỷ chung bền bỉ / Hoà Cúc Vàng giản dị*». Букв. - Ромашка красивая, простая и привязчивая.

Итак, мы проанализировали функционирование флоронима *hoa Cúc / ромашка* в русском и вьетнамском языках и пришли к выводу, что в отличие от русского языка, во вьетнамском языке лексема *ромашка* используется шире. В русском языке отсутствуют некоторые выражения, такие, как долголетние, и почтительность к родителям. Оба концепта часто связываются с образом красоты, девушки, любви; названия этих флоронимов — самые популярные и частотные наименования цветов в соответствующих языках.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Ценностно-смысловая природа языкового знания // Языковая личность: проблемы когнитивной и коммуникативной. Сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2001. – С. 3-11.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. — М.: Русский язык, 1986. — 169 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://searchbeta.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&eq=%F0%E7%E0 (дата обращения: 25.9.2015).
4. Hoàng Văn Hành Kể chuyện thành ngữ Việt Nam.- Hà Nội: Nhà xuất bản khoa học – xã hội. Hà Nội, 2002.
5. Lương Văn Đang, Nguyễn Lực. Thành ngữ tiếng việt. – Hà Nội: Nhà xuất bản khoa học - xã hội. Hà Nội, – 2009.

Т.В.Чвягина

Сопоставительный анализ семантики лексических единиц НАБИТАТ/СРЕДА ОБИТАНИЯ

Аннотация: Настоящее исследование было предпринято с целью сопоставления значений английского экологического термина «*habitat*» и соответствующего ему в русском языке термина «*среда обитания*».

Ключевые слова: Сопоставительный анализ, экологическая лексика, среда обитания.

Abstract: The present study was undertaken to compare the meanings of the ecological term «*habitat*» in the English and Russian languages.

Key words: Comparative analysis, ecological vocabulary, habitat.

Сопоставительный анализ русской и английской экологической лексики показывает, что английская лексема *habitat* соответствует в русской экологической лексике устойчивому словосочетанию *среда обитания*. При этом обе единицы весьма употребительны и многозначны в каждом из языков.

Проанализируем смысловую структуру обеих лексических единиц на предмет выявления сходств и различий.

Смысловая структура английской лексики *habitat* описывается путем обобщения словарных дефиниций следующих словарей: Большой англо-русский словарь В.К. Мюллера, Longman Language Activator, Linguee (англо-русский словарь), и формулирования значений из контекстов употребления в NOW Corpus (News on the Web) (103 рассмотренных примера).

Обобщение словарных статей позволяет следующим образом представить смысловую структуры данного слова (приводятся примеры употребления слова в данном значении из словарей, научных и публицистических текстов):

HABITAT

1. Среда/место обитания (животного, растения), ареал – 49,5%.⁷

*Further, the human-caused global warming is causing the Arctic sea, the bears' **habitat** and hunting ground, to melt and decline. If the trend of sea ice decline continues as it has done, at the rate of about 13 per cent a decade, then polar bears would suffer a loss of **habitat**, and consequently food.*

2. Относящийся к среде/месту обитания – 21,4%.

*Studies show that **habitat** restoration is an effective way to increase bee and other pollinator populations. Restoration work involves planting flowers and shrubs on marginal land, typically narrow strips and edges that border crop fields.*

3. Естественная/природная среда – 11,7%.

*As towns and cities grow, human beings live together in higher densities, and natural **habitat** is removed and replaced with hard, impermeable structures such as roads and buildings.*

4. Социальное сообщество – 9,7%.

*The Women's Community Based Savings Group in Sri Lanka's Northern Province (NP) has launched a reconciliation programme for war-affected families through women empowerment. The programme, funded by the Government of Japan and administered by the **UN Habitat**, helps women make a living through self entrepreneurship.*

*If you have pipes or other building materials you no longer need, as well as furniture in good condition, pack it up and donate it to one of **Habitat for Humanity's** local ReStores.*

5. Социальная среда – 2,9%.

*They should become more socially engaged and be more concerned about service to the community, the human **habitat**, and the environment in general. Buddhists need to broaden their spiritual practices to include both family and community and the social and environmental concerns of the broader world.*

6. Место – 1,9%.

*Dam removal is predicted to benefit migratory fish species and other organisms that need stronger flowing water. Walleye, in particular, will have access to additional upstream spawning **habitat**.*

7. Убежище, «дом» - 1,9%.

*Take just about any old stuff you have around the garage and build a **habitat** for beneficial insects and small animals, such as toads, frogs, snakes and salamanders.*

8. Позиция на игровом поле (в спорте) – 1%.

*At this time of the year, it's all about building a squad, not just a team, so that you have options and reliable cover in all positions. Over the three seasons I've been manager, we've been unfortunate in suffering a number of injuries to key players. That's the reason why, for example, we had a right-winger playing at full-back for the league and cup run-in. Now, Steven Beattie did a great job for us there but he could also have done a great job for us in his natural **habitat** further up the pitch.*

Смысловая структура русской лексической единицы **среда обитания** описывается путем обобщения словарных дефиниций следующих словарей: Словарь русского языка С.И. Ожегова, Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, *Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой*, и формулирования значений из контекстов употребления в Национальном корпусе русского языка (93 рассмотренных примера).

Обобщение словарных статей позволяет следующим образом представить смысловую структуру данной лексической единицы данного слова (приводятся примеры употребления из словарей, научных и публицистических текстов):

⁷ Процент употребления в этом значении от всех случаев, зафиксированных в корпусе.

СРЕДА ОБИТАНИЯ

1. Социальная среда – 46,2%.⁸

В настоящее время человек существует в пространстве компьютеров, телевидения, радио, мобильной связи и электронной почты, с их помощью познавая мир и общаясь с другими людьми. Такие устройства быстро входят в сферу обыденного опыта, делаются само собой разумеющимися, естественными, рожают новые возможности, формы понимания и чувствования, свободы и зависимости. Эта среда обитания для человека постепенно становится всеобъемлющей.

2. Естественная/природная среда – 27,9%.

Десятилетиями уничтожалась естественная среда обитания якутов, энцев, эвенов, юкагиров и других коренных народов, для которых традиционно иное, неиндустриальное, хозяйство, связанное в первую очередь с природными условиями территории. В результате появилось немало районов, где коренное население находится на грани вымирания... Выходит, это плохо, когда имеешь богатые недра. Подчас смертельно плохо...

3. Среда/место обитания (животного, растения), ареал – 12,9%.

Конечно, гораздо более серьезную угрозу местной популяции представляют не машины, а растущее день ото дня население штата. Что случится, если естественная среда обитания пум будет разрушена? Этот вопрос задают сегодня многие специалисты, обеспокоенные дальнейшей судьбой животных. Нельзя же заставить диких животных жить в городских кварталах или апельсиновых рощах...

4. Окружающее пространство – 4,3%.

Дело в том, что местные ТСЖ управляют не только своими домами, подъездами и «трубами», но и окрестной дворовой территорией. Создавая ассоциации домовладельцев, они берут под свою опеку целые кварталы и микрорайоны, сами определяют, как должна выглядеть их среда обитания, заботятся о поддержании порядка близ жилищ, строят детские и спортивные площадки — словом, по своему усмотрению распоряжаются собственностью.

5. Способ существования – 3,2%.

Что делать и куда тебе деться, если готовишь сына для общества, где ложь не только среда обитания, но больше того — тот самый воздух, которым стало дышать привычно, — настолько привычно, что без него можно, пожалуй, и задохнуться?

Помните, что скандал для такого человека — привычная среда обитания, он им питается, а вот милая улыбка полностью выбьет у него почву из-под ног...

6. Место распространения – 2,2%.

Автобусы семейства 3205 во многих городах используют в качестве маршрутных такси. Машина дешевая, хорошо известная, в меру надежная, но... Среда обитания «пазика» — не улицы мегаполисов, а линии село-город, во всяком случае, таким его создавали.

7. Родина, родная земля, «дом» - 2,2%.

Один из самых ценных даров, данных человеку от рождения, — цельность натуры. Младенчество, детство, обретение профессии, первая любовь, семья, дети, зрелость — все это ступени естественного роста человека. Но когда ты покидаешь родину — нарушаешь эту естественность, по сути, рвешь связь времен внутри себя. Ведь всех нас формирует определенная среда обитания. В том числе — географическая.

8. Окружение – 1,1%.

Моя бабушка говорила мне после моего замужества: «если ты хочешь опереться на мужчину — обопрись лучше на воду». Хорошо, что Вы совладелица квартиры. Вы умница, что не согласились на «добрые» схемы свекрови. Ну а на мужа (как, собственно и на Вас) всегда что-то или кто-то будут влиять (друзья, мама, не дай Бог, любовница — короче, среда обитания).

Следовательно, совпадают значения: *среда/место обитания, естественная/природная среда, социальная среда.*

⁸ Процент употребления в этом значении от всех случаев, зафиксированных в корпусе.

Только в английском языке фиксируются значения: *относящийся к среде/месту обитания, место, убежище, социальное сообщество, позиция на поле*.

Только в русском языке фиксируются значения: *окружающее пространство, место распространения, родина/родная земля, окружение, способ существования*.

Таким образом, в отличие от английского термина «*habitat*», сохранившего в основном своё первоначальное естественно-научное значение, русский экологический термин «*среда обитания*» получил широкое метафорическое развитие и приобрёл яркий социальный характер.

Литература

1. Linguee. Англо-русский словарь. – <http://www.linguee.ru/>
2. Longman Language Activator. The World's First Production Dictionary. – Longman Group UK Limited, 1999.
3. NOW Corpus – <http://corpus.byu.edu/now/>
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000.
6. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь / сост. В.К. Мюллер, А.Б. Шевнин, М.Ю. Бродский. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
7. Национальный корпус русского языка – <http://www.ruscorpora.ru/>
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка, около 57 000 слов / Под. ред. Н.Ю. Шведовой. – 11-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1975.

С.Н. Черникова

Сопоставительный анализ фразеологического развития наименований компонентов природного ландшафта в русском и английском языках

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу национальной специфики фразеологического развития наименований *компонентов природного ландшафта* в русском и английском языках. Исследование выполнено в рамках сопоставительно-параметрического метода с использованием ряда формализованных параметров.

Ключевые слова: Национальная специфика, фразеологизм, лексема, семантический признак, сопоставительно-параметрический метод, индексализация, шкалирование.

Abstract: The paper is devoted to the comparative analysis of the national specificity of phraseological development of Russian and English lexemes including *the natural landscape* component. The research is done on the basis of comparative-parametric method. A range of formalized parameters is used.

Key words: National specificity, phraseological unit, lexeme, semantic feature, comparative-parametric method, indexalization, scaling.

На основе сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований (Стернина 2014) нами была предпринята попытка сопоставительного анализа национальной специфики фразеологического развития наименований *компонентов природного ландшафта* в русском и английском языках.

Фразеологические единицы, содержащие наименования *биотических* и

абиотических компонентов ландшафта в обоих языках были извлечены методом сплошной выборки из наиболее авторитетных отечественных и зарубежных фразеографических источников. В целом нами было рассмотрено фразеологическое развитие 287 лексем наименований компонентов природного ландшафта: 121 лексемы в русском языке и 166 лексем в английском. Данные лексем входят в состав 1263 фразеологических единиц: 529 фразеологизмов в русском языке и 734 – в английском.

Исследование показало, что в целом группа наименований компонентов природного ландшафта в английском языке характеризуется *большей* лексемной и фразеологической продуктивностью по сравнению с русским языком.

При сравнении наименований компонентов природного ландшафта нами были определены *эндемичные источники фразеологизации* (Черникова 2016, с. 9). В русском языке нами было зафиксировано 50 эндемичных источников фразеологизации, в том числе 13 эндемичных источников фразеологизации в подгруппах абиотических компонентов ландшафта (**водопад, омут, ручей, бездна, пропасть, риф, бор, роща, степь, гранит** и др.) и 37 – в подгруппе биотических компонентов ландшафта (**амеба, дрозд, журавль, коршун, тетерев (тетеря), хорек, щука, елка (елочка), липка, мох**, и др.) В английском языке было выявлено 85 эндемичных источников фразеологизации, включающих 18 эндемичных источников фразеологизации в подгруппе абиотических компонентов ландшафта (**bay, ditchwater, gulf, jungle, clay, grit, marble, ground, sod, turf** и др.) и 67 – в подгруппе биотических компонентов ландшафта (**adder, cockroach, dodo, oyster, possum, stag, vulture, wallaby, daisy, herb, mahogany** и др.).

Национальные особенности развития семантики слова на фразеологическом уровне представляется возможным проследить и описать при помощи выявления и анализа семантических признаков, лежащих в основе фразеологического переноса наименований компонентов природного ландшафта.

В качестве примера рассмотрим фразеологическое развитие семантики лексемы **гора**, которая входит в подгруппу абиотических компонентов природного ландшафта. Данная лексема была зафиксирована в составе 19 фразеологизмов. Семантическими признаками фразеологического переноса данной лексемы являются: **высота** (*идти/катиться/покатиться и т.п. под гору; под гору идти/пойти и т.п.; горы волн/воды; горой нагружать/накладывать и т.п.; плевать с высокой горы на кого-, что-л.*), **большой размер** (*пир горой; кто-л. гора горой; горы/горами ворочать/двигать и т.п.; горы/гору воротить/своротить/свернуть и т.п.; сулить/обещать и т.п. золотые/златые горы*), **расстояние** (*не за горами/горой; за горами, за долами; славны бубны за горами; На/за кудыкину/кудыкины гору/горы*), **защита** (*горой за кого-, что-л. встать/подняться/стоять и т.п.; ровно за каменной горой; как на каменную гору надеяться/полагаться на кого-, что-л.*), **тяжесть** (*гора на душе/на сердце лежит; (как) гора с плеч свалилась/упала*), **протяженность** (*по горам, по долам*).

В качестве примера фразеологического развития наименования биотического компонента ландшафта приведем английскую лексему **lion**. Данная лексема

была зафиксирована в составе 14 фразеологизмов. Семантическими признаками, мотивирующими фразеологическое развитие данной лексемы, являются: *агрессивность* (*fight like a lion; bold/brave as a lion; the lion is not so fierce as he is painted; march comes in like a lion and goes out like a lamb*), *опасность* (*twist the lion's tail; the lion's mouth; a lion in the path; throw smb to the lions*), *большой размер* (*a great lion; the lion's share; better be the head of a dog than the tail of a lion*), *уникальность* (*see the lions; show the lions*) и *объект охоты* (*beard the lion in his den*).

В ходе исследования в обоих языках были выявлены наиболее продуктивные семантические признаки фразеологического развития лексем в группе.

Как показало исследование, наиболее продуктивным семантическим признаком фразеологизации наименований компонентов природного ландшафта в русском языке оказался семантический признак *опасность*. Данный признак мотивировал фразеологический перенос 13 лексем (*бездна, вулкан, пропасть, яма, вода, омут, болото, лес, камень, волк, змея (змея), жук, ястреб*), входящих в состав 33 фразеологических единиц.

В английском языке наиболее продуктивным семантическим признаком является признак *повадки*. Данный признак оказался релевантным для фразеологизации 41 лексемы (*animal, ape, bandicoot, beast, beaver, bee, beetle, bedbug, bird (birdie), bug, clam, pecker, petrel, possum, snake, swan, toad, vulture, wallaby, whale, wolf* и др.), образующих 81 фразеологизм.

Исследование показало, что в основе фразеологического переноса лексем могут быть как *одноименные*, так и *эндемичные* семантические признаки (Портнихина 2011, с. 6). Общее число одноименных семантических признаков составляет 70 признаков, среди них: *преграда, укрытие, форма, источник пищи, внешняя привлекательность, вкусовые качества, цвет, место произрастания/обитания, водное пространство, источник физического воздействия, расстояние, низкая температура, большое количество, территориальная принадлежность, транспортный путь, глубина, территория* и др.

Общее число эндемичных семантических признаков в русском языке составило 30, среди них: *жидкость, бесшумность, интенсивность, движение, место гибели, углубление, защита, протяженность, блеск, влажность, воспламеняемость* и т.д. Количество эндемичных семантических признаков в английском языке - 29, к их числу относятся: *скорость роста, уникальность, приманка, положительный образ, гладкая поверхность, неподвижность* и др.

При сравнении списков одноименных семантических признаков в русском и английском языках, были выявлены *универсальные семантические признаки*, послужившие основой фразеологизации наименований как абиотических, так и биотических компонентов ландшафта в обоих языках. Так, универсальными для фразеологизации лексем рассматриваемой группы наименований компонентов природного ландшафта русского и английского языков являются следующие десять признаков: *опасность, цвет, высота, большое количество, преграда, твердость, большой размер, место произрастания/место обитания, укрытие, материал*.

Для определения характера национально-специфических различий нами фразеологического развития слова в русском и английском языках нами в рамках сопоставительно-параметрического метода был применен алгоритм, предусматривающий два этапа: этап *индексализации* и этап *шкалирования* (Стернин, Стернина 2015, с.22-29).

На этапе индексализации использовались уже введенные в рамках сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований, а также предложенные нами формализованные параметры, позволяющие дать характеристику фразеологизации лексем. В общей сложности к анализу было привлечено семь формализованных параметров: *индекс эндемичности источников фразеологизации* (Черникова 2016, с. 9), *индекс продуктивности семантического признака развития слова* (Портнихина 2011, с.8), *индекс продуктивности семантического признака развития лексем в группе* (Портнихина 2011, с.8); *средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков* (Черникова 2013, с. 94); *средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков* (Черникова 2013, с. 93); *средний индекс продуктивности семантического признака* (Черникова 2013, с. 94), *относительная фразеологическая плотность* (Черникова 2014, с. 86).

На этапе шкалирования с помощью уже введенных шкал: *шкалы оценки степени проявления национальной специфики лексики С.В. Колтаковой – С.И.Деркач* (Деркач 2011, с. 18), согласно которой национально-специфические различия могут быть охарактеризованы как **несущественные, видимые, заметные, существенные, гиперсущественные** и **сверхгиперсущественные** в зависимости от расхождений в показателях индексов и уточненной и дополненной нами в ходе исследования *шкалы степени выраженности национальной специфики лексической группировки С.В. Колтаковой – С.И.Деркач* (Деркач 2013, с. 22), позволяющей охарактеризовать степень выраженности национальной специфики как **неярко выраженную, умеренно выраженную, ярко выраженную** и **гипервыраженную**, была осуществлена интерпретация полученных количественных результатов.

Для общего вывода о характере национальной специфики релевантными оказались пять использованных нами индексов, при этом по двум (*средний индекс продуктивности семантического признака* и *средний индекс продуктивности одноименных семантических признаков*) были зафиксированы **видимые** национально-специфические различия, по двум (*относительная фразеологическая плотность* и *индекс эндемичности источников фразеологизации*) – **существенные**, а по одному (*средний индекс продуктивности эндемичных семантических признаков*) – **несущественные**.

Согласно дополненной нами *шкале степени выраженности национальной специфики лексической группировки*, если при сравнении двух лексических группировок преобладают **существенные** и **видимые** расхождения в показателях сопоставляемых индексов, то национальную специфику данных групп можно охарактеризовать как **умеренно выраженную**.

Таким образом, национальная специфика фразеологического развития наименований природных компонентов природного ландшафта в русском и английском языках может быть охарактеризована как **умеренно выраженная**.

Литература

- 1 Деркач С. И. Аспекты национальной специфики языка (на материале тематических групп «Политика» в русском и английском языках): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
- 2 Портнихина Н.А. Национальная специфика семантического развития слова (на материале наименований природных явлений и небесных тел в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
- 3 Стернин И.А., Стернина М.А. Методики индексализации и шкалирования в рамках сопоставительно-параметрического метода // Сопоставительные исследования 2016. – Воронеж: Истоки, 2016. – с. 22-29.
- 4 Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Истоки, 2014.
- 5 Черникова С.Н. Фразеологизмы, включающие наименования природных комплексов в русском и английском языках // Сопоставительные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – с. 86-95.
- 6 Черникова С.Н. К вопросу об определении национальной специфики фразеологизмов в русском и английском языках // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. №3 – Воронеж, 2014. – с. 86-89.
- 7 Черникова С.Н. Национальная специфика фразеологической картины мира (на материале наименований компонентов природного ландшафта в русском и английском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2016.

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области грамматики, фонетики и текста

Л. М. Борисова

Функционально-прагматические аспекты перевода комментирующих метакоммуникативных речевых действий в художественном дискурсе

Аннотация: В данной статье анализируются структурно-семантические и функционально-прагматические особенности перевода метакоммуникативных комментирующих речевых действий в художественном дискурсе.

Ключевые слова: Художественный дискурс, метакоммуникативные комментирующие речевые действия, оптимизация коммуникации.

Abstract: The paper analyzes structural-semantic and functional-pragmatic peculiarities of metacommunicative commenting speech acts translation in feature discourse.

Key words: Fiction discourse, metacommunicative commenting speech acts, communication optimization.

В статье рассматриваются метакоммуникативные комментирующие речевые действия повествователя, тематизирующие уже предпринятые повествователем формулировки, его коммуникативные намерения, а также речевые действия, предваряющие само повествование и репрезентирующие соответствующие категории повествования в письменном художественном дискурсе, особое внимание обращается на переводческие аспекты соответствующих структур в контексте речевых действий повествователя.

Спонтанное рассказывание истории является по мнению ван Дейка, «одним из результатов, достигаемых в процессе коммуникативного взаимодействия между говорящим и слушающим» (ван Дейк 1989, с.196). Таким образом, рассказывание какой-либо истории представляет собой осуществляющийся в оперативном режиме интеракциональный процесс, в котором используется ряд стратегий, направленных на адекватное приспособление рассказа к ситуации, его представление, ведение, развитие, организацию и завершение описания случая из личной жизни (ван Дейк 1989, с.197). Таким образом, представляется целесообразным рассматривать метакоммуникативные комментирующие речевые действия в контексте художественного дискурсивного события (Кубрякова 2004, с. 527). Рассмотрим ситуации информационного расширения при переводе указанных метакоммуникативных речевых действий в тексте перевода.

В следующем примере с помощью метакоммуникативных речевых действий эксплицитно манифестированны дискурсивные стратегии повествователя, а также обозначены повествовательные намерения рассказчика, который делает экскурс в будущее, опережая время повествования:

1. Verzeiht, wenn ich schon ein Stückchen in die Zukunft meines ältesten Sohnes hineingriff, wenn ich überhaupt mit der Zeit so verfare, als wäre sie ein Nichts. **Ich gestehe,** dass ich mir mit diesen Vorgriffen ein wenig Freude mache, dass ich mir vorkomme wie ein Kleingott, der das Ende einer Geschichte oder das, was so aussieht wie deren Ende, schon kennt, wenn diese Geschichte noch mittendrin ist, sich zu ereignen, oder wenn sie noch nicht zu erkennen gibt, wohin sie gehen wird, und wenn als Gottchen vielleicht sogar weiß, dass sie noch weiter, wenn das vorüber ist, was wie ihr Ende aussieht. Dieses kleine Wissen scheint mir zu den Freuden der Kleingötter zu gehören. **Kurzum,** bei dieser literarischen Verfahrensweise handelt es sich um eine Freude, die ich in der Mitte meines Lebens noch nicht kannte, **aber jetzt beschreibe ich meine Lebensmitte, wie ich euch schon bekanntgab,** vom Ende her, und das ist es, was es ist (Strittmatter 2002, с. 131).

2. Простите, если я снова забежал вперёд, говоря о будущем своего старшего сына. *Если я обхожусь с временем, словно это пустяк. Признаюсь вам честно,* такими забежками я немного тешу себя самого. Кажусь себе маленьким божком, которому уже известен конец истории или то, что можно принять за её конец, когда сама история ещё не дошла до середины либо еще не дала понять, как она будет развиваться дальше. Мне же на правах божка известно даже, что она ещё продлится, когда минет то, что сейчас можно принять за её конец. Это маленькое знание, как мне кажется, принадлежит к набору радостей для маленьких божков. Ну, **короче говоря,** при этом литературном методе речь идет о радости, которая ещё была мне неведома на середине моей жизни, теперь же я описываю середину своей жизни, **как сообщал ранее, уже миновал эту середину - другими словами,** с конца, и как оно есть, так и есть (Штритматтер 1989, с.114).

Анализ текстовых фрагментов показывает наличие элементов, расширяющих структурно-семантическую основу текста оригинала, а именно – включение переводчиком самоинициированной парафрастической индикации: *другими словами*, отсутствующей в исходном тексте и влекущей за собой соответствующее графическое оформление. Появление текстоорганизующего речевого действия *парафразирование* обусловлено на наш взгляд необходимостью дополнительной аспектуализации включенной повествователем дополнительной информации о временном отрезке, уточняющей информацию текста оригинала: *vom Ende her- уже миновал эту середину - другими словами, с конца.*

В следующем примере содержится пространное комментирующее

метакоммуникативное речевое действие, имеющее иронический характер, касающееся начала истории. Излагаемая в рассказе Германа Канта история представляется ее повествователю значимой и актуальной.

3. Es handelte sich dann um einen komischen Auftakt, um einen Auftritt, fast burlesken Charakters und freilich auch voll der Trivialitäten, die Kennzeichen flachster Lustspiele sind. **Es handelte sich so aber zugleich um eine Erzählsache** mit lang schon abgeschmacktem Dreh, denn, nicht wahr, fröhlicher Beginn, das hat uns die Welt gelehrt, verheißt düsteren Ausgang. Aber weil ich weiß, **dass mein Publikum ob solcher theoretischer Skrupel bereits im Begriffe ist, sich von meinem Bericht gelangweilt abzuwenden, schiebe ich ihm rasch ein paar Buntworte unter die Augen:**... (Kant 1975, с. 91).

4. А коли так, **история открывается комическим зачином, вступлением** чуть ли не шутовского характера, насыщенным, правда, еще и тривиальностями, коими так примечательны пошленькие комедии. Таким образом, выходит, что **история эта начинается с изряднейше затасканного трюка**, ибо, согласитесь, радужное начало всегда, как учит нас житейский опыт, предвещает мрачный финал. Зная, однако, что такого рода сугубо теоретические сомнения способны вызвать у моих читателей зевоту и желание отложить мой рассказ в сторону, я загодя приготовил пару-другую красочно-зазывных фраз (Кант 1984, с.148).

Данное речевое действие носит и ярко выраженный интеракциональный характер за счет присутствия в нем прямого обращения к читателю: ср. *nicht wahr* и *согласитесь*.

В этом примере в русскоязычном переводе присутствует дополнительный текст, не имеющий экспликации в тексте оригинала: *такого рода сугубо теоретические сомнения способны вызвать у моих читателей зевоту и желание отложить мой рассказ в сторону*; ср.: *Aber weil ich weiß, dass mein Publikum ob solcher theoretischer Skrupel bereits im Begriffe ist, sich von meinem Bericht gelangweilt abzuwenden.* (ср. *langweilen*- скучать; *gelangweilt*- причастие второе от глагола, переводчик же прибегает к более пространным выражению: *способны вызвать у моих читателей зевоту*).

Расширение информационного блока в структуре комментирующего метакоммуникативного речевого действия наблюдается и в следующем примере (5), в котором фраза: *und ich versuche stets, spezifische Gegebenheiten in die Rede einzutun* в тексте оригинала расширяется дополнительной информацией в тексте перевода: *поэтому я всегда стремлюсь насытить свои речи специфической информацией, вкратить в них факты, касающиеся...; обязательно упомянуть о представленной в ней личности; рассказать о...* То есть, если в тексте оригинала имеются однородные дополнения, конкретизирующие абстрактное понятие *Gegebenheiten*, то в тексте перевода вместо номинализаций представлена множественная вербализация, подчеркивающая активную роль повествователя в процессе манифестации своих намерений, что на наш взгляд усиливает интеракциональность подобного рода метакоммуникативного дискурса и повышает уровень кооперативности читателя в восприятии данной информации. В тексте перевода эксплицитно подчеркнута причинно-следственная связь между двумя начальными речевыми действиями за счет использования местоименного наречия *поэтому* (ср. *und* в тексте оригинала):

5. Ich mag die Standardtexte nicht, und **ich versuche stets, spezifische Gegebenheiten in die Rede einzutun**, Ortsgeschichte, in ihr vertretene Persönlichkeit, derzeitiges Geschehen auf dem größeren Welttheater, nur kein Versprechen kommenden Zuckerleckens, und da und hier den angemessenen Spaß (Kant 1975, с. 93).

6. Мне претят шаблоны, поэтому я всегда стремлюсь насытить свои речи специфической информацией, вкратить в них факты, касающиеся местной истории, обязательно упомянуть о представленной в ней личности, рассказать о современных событиях на мировой арене, в меру расцветить свою речь бисером шуток и ни в коем разе не сулить каких бы то ни было будущих благ (Кант 1984, с.150).

В тексте перевода наблюдается также изменение порядка следования завершающих данный метакоммуникативный комментарий речевых действий, причем в тексте перевода в отличие от текста оригинала сначала перечисляются коммуникативные намерения повествователя, в данном случае он подчиняется уже выполненной синтаксической вербализации: я **стремлюсь насытить** свои речи..., **вкратить в них** факты..., **обязательно упомянуть о...**, **рассказать о ...событиях...**, **расцветить свою речь** бисером шуток. Ярko выраженная акциональность в тексте перевода приводит и к некоторому смещению смысловых акцентов, поскольку в тексте оригинала, на наш взгляд, речевое действие *nur kein Versprechen kommenden Zuckerleckens* соотносится приоритетно с формулировкой *spezifische Gegebenheiten*, а с помощью союза *und* вводится информация о шутках, соотносящаяся со всеми предыдущими формулировками, характеризующая уже не так пропозициональное содержание текстов, а форму презентации всех выше указанных пропозиций, содержащих местами в умеренном количестве шуток.

Проведенный анализ показал, что метакоммуникативные речевые действия в данном дискурсе используются для создания определенного напряжения при восприятии потенциальным читателем излагаемой повествователем истории, с целью управления восприятием читателя, активизации его внимания и заинтересованности, манифестации конкретных намерений рассказчика относительно дальнейшего хода повествования, с целью актуализации уже полученного читателем ранее в ходе повествования знания, в результате антиципации нежелательной реакции читателя и предложения противоречащей ожидаемой оценки, для эксплицитной характеристики стиля повествования, с целью создания фиктивной ситуации непосредственной устной коммуникации, с целью манифестации экскурса в будущее в процессе повествования.

Сложности в процессе формулирования для оптимального обозначения чувств, эмоций репрезентированы в следующем примере, в котором текст перевода и текст оригинала различаются по своему синтаксическому объему и оформлению:

7. Und vielleicht war das der Grund, warum sie immer wieder darüber nachsinnen mußte, wie denn nun das Meer war: riesig, groß, unendlich. Wahrscheinlich wußte es Alain selbst nicht, oder er wußte es, **und es gab kein Wort dafür wie für so vieles, dem sie begegnet war.** (Heiduczek 1986, с. 108).

8. Но может, именно поэтому она снова и снова задумывалась о том, какое же оно, море, на самом деле: огромное, большое, бесконечное. Может, Ален и сам этого не знал, а может, и знал, **но не было таких слов, чтоб описать море, как нет их для многого, с чем она встречалась на своем веку.** (Хайдучек 1989, с.102-103).

В данном случае имеет место экспансия информационного блока за счет тематизации использованного в тексте оригинала указательного местоименного наречия *dafür* (для этого) и повторного использования глагольной конструкции: *как нет их (слов) для многого, ...*

В результате переводчик пытается достичь более точного описания

психологического состояния героини, акцентировать внимание читателя на глубине переживаний своей героини.

Анализ комментирующих метакоммуникативных речевых действий показал, что расширение информационного блока в тексте перевода обусловлено преимущественно антиципацией возможных нарушений коммуникации и стремлением её оптимизации.

Комментирующие метакоммуникативные речевые действия с элементами расширения пропозиционального содержания репрезентируют иерархическую структуру нарративного повествования, ориентируя читателя на локальном уровне и на уровне глобального понимания истории, создают напряжение и дополнительный интерес в восприятии повествования, придавая ему ироничный характер и совмещая несколько повествовательных функций: оценки, апелляции к предыдущему опыту, ориентации читателя, комментирования манеры повествования, что в свою очередь придает письменному художественному дискурсу интеракциональность и характер устного повествования.

Литература

1. Kant Hermann. Eine Übertretung. Erzählungen. Rütten & Loening. – Berlin 1975.
2. Heiduczek Werner. Reise nach Beirut. Verfehlung. Zwei Novellen. 2. Auflage. Mitteldeutscher Verlag. – Halle Leipzig, 1986.
3. Strittmatter Erwin. Grüner Juni. Eine Nachtigall – Geschichte. Aufbau Taschenbuch Verlag GmbH, Berlin. 4. Auflage 2002.
4. Кант Г. Рассказы и размышления: Сборник / Пер. с нем. – М.: Радуга, 1984.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
6. Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989.
7. Хайдучек Вернер. Прегрешение. Повесть (перевод с нем. С. Фридлянд). // Иностранная литература – Изд-во «Известия Советов народных депутатов СССР». – М., 1989.
8. Штритматтер Эрвин. Зеленый июнь. / Перевод С. Фридлянд. // Современная повесть ГДР: Сборник. Пер. с нем.- М.: Радуга, 1989.

Е.Ю. Дьякова

Сопоставительный анализ стилистических особенностей англоязычных, италияязычных и русскоязычных рекламных слоганов

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ рекламных слоганов продуктов питания на материале рекламных текстов из трёх лингвокультур. Делаются выводы относительно общих характеристик и стилистической специфики создания рекламного слогана на данных трёх языках.

Ключевые слова: Рекламный слоган, стилистические особенности.

Abstract: The paper presents a comparative analysis of advertising slogans taken from food advertising texts in three linguocultures. The author makes conclusions on the common characteristics and stylistic peculiarities of advertising slogans in the three languages.

Key words: Advertising slogan, stylistic features.

Как известно, рекламный слоган призван вызывать положительные ассоциации у потребителя по отношению к имиджу компании, продукту или

услуге и впоследствии привлекать его как клиента (Кошелева). А. Клендар выделяет следующие функции слогана: 1) привлечение внимания целевой аудитории к рекламируемому продукту; 2) формирование соответствующего эмоционального образа, ассоциирующегося с товаром/услугой; 3) обеспечение запоминания информации; 4) подчеркивание преимуществ продукта/фирмы (Клендар).

Особый исследовательский интерес представляют способы создания эффективного слогана. Нами было проведено сопоставительное исследование фонетических, лексических, лексико-синтаксических, синтаксических и графических стилистических приёмов, используемых в англоязычных, италияязычных и русскоязычных рекламных слоганах. Материалом послужили 375 слоганов: 125 английских, 125 итальянских и 125 русских, созданных для продуктов питания. Данные слоганы были собраны методом сплошной выборки из англо-, итало- и русскоязычных интернет-изданий, а также из базы данных SloganBase (<http://www.sloganbase.ru>).

В ходе проведённого исследования удалось выявить как общие черты, так и различия в создании слоганов на данных трёх языках. Мы выяснили, что самыми распространёнными стилистическими средствами создания слоганов в данных языках являются метафора, рифма, каламбур, гипербола, эпитет, параллельные конструкции, противопоставление, а также графические стилистические средства.

Отличительной чертой англоязычных слоганов является широкое использование средств фонетической компрессии, суть которой в редукции вспомогательных глаголов. В англоязычных слоганах фонетическая компрессия используется в целях экономии речевых средств. Эти краткие формы способствуют ритмической организации слоганов, приближению письменной рекламной речи к разговорной речи, что, в свою очередь, благоприятствует созданию коммуникативной близости и подчеркивает ориентацию рекламного сообщения на массовое восприятие.

It won't slow you down (Coors Beer Light)

It's what your right arm's for. Take Courage. (Courage Beer)

Кроме того, для англоязычных слоганов характерно использование анафоры, или повторения начальных частей отрезков речи.

Pure by Name. Pure by Nature. (Pure Harvest brand (soy, rice, oat, dairy milk))

Nestle. Good Food. Good Life. (Nestle Food Company)

My Goodness. My Guinness. (алкогольный напиток Guinness)

Any time, any place, anywhere. (Martini)

Другой характерной чертой англоязычных слоганов является использование эллиптических конструкций (сознательный пропуск подлежащего, частей сказуемого и т.п.):

Tastes like fun. (Tony's frozen pizza products)

Keeps you moving. (Al Ain drinking water)

Serving the planet. (Heineken, пиво)

и парцелляции (синтаксическое выделение отдельных слов фразы в качестве отдельных предложений):

All natural. Local. Quality. Delicious. (Spring Hill Jersey cheese)

Fresh. Smooth. Real. It's all here. (Bud Light)

Evamor. Know. Better. Water. (Evamor natural alkaline artesian water)

Отличительной чертой русскоязычных слоганов является использование паронимии:

*В любом **месте** веселее **вместе**.* (M&Ms)

*В хорошем **чае** души не **чаю**.* (МАЙСКИЙ, чай)

и изменение графической оболочки слова:

*Red Bull **окрыляяяяяяяяяя*** (Red Bull)

*От**ЧА**Янная бодрость!* (БОДРОСТЬ, чай)

*у**ГО**Стя себя **настоящим**.* (продукция СЕРГИЕВО-ПОСАДСКОГО МЯСОКОМБИНАТА)

Другим частотным средством построения русскоязычных слоганов является такая разновидность языковой игры, как обыгрывание фразеологизмов.

Утоли жажду вкусенького. (Чудо-Коктейль)

*Всё гениальное – **Holsten**.* (Holsten, пиво) (все гениальное - просто)

***Big Bon** приходит во время еды.* (Аппетит приходит во время еды) (BIG BON, лапша быстрого приготовления.)

Один на всех иль весь на одного! (торт Французский Крепвиль)

Осторожно! Открывается легко! (Клинское, пиво)

*На старт! Внимание! **MARS!*** (Mars)

Что немцу дорого, то русскому подарок. (пиво Holsten)

С добрым годом! С новым утром! (кофе Nescafe. Рекламный слоган к новогодним праздникам, 2009)

Слоганам на итальянском языке в большей степени характерны ассонанс и аллитерация. Это можно объяснить отсутствием редукции гласных в этом языке – все произносится в соответствии с написанием. Ассонанс и аллитерация являются средством дополнительного эмоционального воздействия, своего рода музыкальным сопровождением основной мысли высказывания, опосредованно выявляющим настроение автора.

***RIO MARE** **cosi tenero che si taglia con un grissino**.* (консервы)

***BELTE'** – "Belte, Belte, piu buono al mondo non ce n'e"*

Ba-ra ba-ra ba-ba-ba ba-ba, ba-baciamoci con Bauli... (BAULI PANETTONI)

TUBORG** **Farei tutto per tu (Tuborg)

***Prosciutti cotti e firmati**.* (Rovagnati, salumi)

***Pizzettine** **catari sazano la fame, stuzzicano l'appetito**.* (Pizzettine.)

*"Si ve-de, si sen-te, l'olio **Berio** è **differente**".* (Berio Olio)

Fiesta ti tenta tre volte tanto! (Ferrero, snack e dolci)

Il gusto che si vede , la qualita' che si sente (ritter sport).

La patatina tira! (Amica chips)

Рекламная коммуникация использует в своих целях весь арсенал стилистических средств. При этом сопоставительные исследования позволяют проследить и выявить определённую культурную специфику создания рекламного сообщения и, в частности, рекламного слогана в разных лингвокультурах.

Литература

1. Клендар А. Место слогана в PR-деятельности компании [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pr-club.com/PRLib/klendar.doc>.
2. Кошелева Н. А. Рекламный слоган как особый жанр рекламных текстов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/marketing/00033310_0.html

В.Ю. Копров

Семантико-функциональное поле «Субъект и его качество» в русском и английском языках

Аннотация: В статье с позиций семантико-функциональной грамматики сопоставляются средства выражения типового значения «Субъект и его качество» в русском и английском языках.

Ключевые слова: Семантико-функциональная грамматика, семантико-функциональное поле, субъект и его качество, личность / безличность.

Abstract: The paper deals with the results of comparison of means of expressing the typical semantic structure “Subject and its quality” in Russian and English in terms of semantic-functional grammar.

Key words: Semantic-functional grammar, semantic-functional field, subject and its quality, personal / impersonal.

Предлагаемая нами модель семантико-функциональной грамматики разноструктурных языков имеет прямой выход в практику перевода и преподавания языков как иностранных, поскольку овладение навыками создания высказываний и текстов на иностранном языке путем усвоения семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при изучении отдельных форм, категорий и конструкций.

Такая практически ориентированная грамматика должна использовать результаты сопоставления родного и изучаемого языков, которые должны рассматриваться не прямолинейно, а в нескольких планах: 1) в плане описания способов и особенностей выражения того или иного общего грамматического значения; 2) в плане содержания, когда рассматриваются случаи передачи семантики той или иной грамматической категории или формы, отсутствующей в одном из сопоставляемых языков; 3) в плане функционирования, когда единицы с одинаковым значением по-разному используются в сравниваемых языках.

Семантико-функциональный синтаксис простого предложения в русском и английском языках включает 16 семантико-функциональных полей (Копров 2016), причем некоторые из них объединяются в макрополя. Так, поля «Субъект и его качественный признак», «Окружающая среда и ее состояние», «Состояние (ощущение) человека» входят в макрополе «Субъект и его качество», описание которого и составляет предмет настоящей статьи.

Субъект и его качественный признак

Данная семантическая структура выражается адъективными предложениями, в которых субъект представлен как грамматически определенный носитель признака; в русском предложении прилагательное может быть в полной (в именительном / творительном падеже) или в краткой форме: N – (cop) Adj 1 / 5 /

sh: *Море было спокойное / спокойным* → *The sea was smooth*; *Море спокойное / спокойно* → *The sea is smooth*.

Как видим, три русские вариантные конструкции переводятся одной английской: *Море было спокойное / спокойным / спокойно* → *The sea was smooth*.

В русском языке связка в форме настоящего времени не употребляется. В английском языке употребление связки обязательно. Ср.: *Она симпатичная* → *She's pretty*. Встречающиеся иногда в английских текстах высказывания без связочной формы мы относим к числу речевых (эллиптированных) реализаций рассматриваемой адъективной конструкции: *Матрац какой-то вздутый* (Д. Гранин) → *The mattress, too big somehow*.

В признаковой позиции русского предложения **полная и краткая** формы прилагательного являются вариантами: они выражают разные компоненты лексического и грамматического значения и имеют разную стилистическую окрашенность. Перечислим основные дифференцирующие признаки этих форм.

Лексические различия:

а) некоторые прилагательные в полной и краткой формах выражают разные значения, например: *Эта девушка очень **хорошая*** (добрая, умная, приветливая, отзывчивая и т. п. – качества характера) – *Эта девушка очень **хороша*** (красива, стройна и т. п. – внешние качества);

б) в устойчивых словосочетаниях в одних случаях закрепилась полная форма, а в других – краткая, сравните: *Это трудное задание мы поручаем тебе. Все знают, что рука у тебя **легкая*** (т. е. всё, что ты делаешь, получается хорошо) – *Ты **легка** на помине!* (Мы только что говорили о тебе, и вот ты здесь);

в) отдельные значения передаются только полной формой прилагательного: *Одна стена дома, стоящего на перекрёстке, **глухая*** (стена без окон и дверей) – **глуха*; *Все эти прекрасные цветы **живые*** (не искусственные) – **живы*;

г) ряд прилагательных в современном литературном языке используется только в краткой форме: *Я очень **рад** снова видеть тебя*; *Я **согласен** с твоим предложением*.

Грамматические различия между формами, выражающими одно и то же лексическое значение, можно представить в виде трех оппозиций:

1) временные (темпоральные) различия: полной формой обозначается более постоянный признак предмета, его вневременное качество: *Дети в моей группе **спокойные*** (с ними легко и приятно работать); краткая форма представляет этот признак как непостоянный, временный: *Кажется, что они совершенно **спокойны*** (но я знаю, что внутри у них все кипит и бурлит);

2) характеристика качественного признака субъекта как независимого / зависимого от других ситуаций: полная форма обозначает признак как абсолютный, независимый, не ограниченный другой ситуацией: *Все эти куртки **короткие***; краткая форма реализует тот же признак как относительный, ограниченный компонентами других ситуаций, связанных с выражаемой ситуацией: *Эта куртка **коротка** мне*;

3) интенсивность проявления признака: по сравнению с полной формой краткая форма прилагательного передает большую, излишнюю, по мнению говорящего, степень выражаемого признака, и часто передает иронию. Сравните: *Она очень **умная*** – *Она очень **умна*** (слишком умная).

Стилистические различия между вариантными формами состоят в «разговорности» и даже в ряде случаев «просторечности» полной формы и «книжности» краткой. Сравните: *Достаточно, твой ответ ясный и точный, ставлю пять* (разг.) – *Умозаключения и выводы, сделанные автором рецензируемой работы, ясны и точны; само диссертационное исследование заслуживает высокой оценки* (кн.); *Не виноватая я!* (прост.).

Что касается употребления в предложении именительного / творительного падежа полной формы прилагательного, то, по разделяемому нами мнению многих исследователей, в современном русском языке эти варианты превратились в **дублеты**: *Мы были молодые / Мы были молодыми*.

Русские адъективные предложения с вариантными формами обычно недифференцированно передаются адъективными английскими:

Ваша статья неактуальна (Д. Гранин) → *Your article is not topical*; *Не все юноши так робки* (Д. Гранин) → *Not all young men are so shy*; *Условия были трудные* (Д. Гранин) → *The conditions were difficult*; *И Борисов, и Виктор были правы* (Д. Гранин) → *Both Borisov and Victor were right*.

Отмечаются также следующие переводческие параллели:

1) русский язык → английский язык:

а) адъективное предложение – предложение с *it* в позиции подлежащего и с атрибутивным прилагательным: *Вечер стоял безветренный, морозный* (Д. Гранин) → *It was a windless frosty evening*; *Время было послеобеденное, сонное* (Ю. Герман) → *It was a drowsy after-dinner hour*; *Задача была трудная* (Д. Гранин) → *It was a difficult task*; *Да, квартира была прекрасная* (Д. Гранин) → *Yes, it was a very nice flat*;

б) адъективное предложение → вербальное посессивное предложение: *Консультант у тебя опытный* (Д. Гранин) → *You've got an experienced adviser here*; *Оказывается, зрачки у тебя рыженькие* (Д. Гранин) → *You've got coppery eyes*;

в) адъективное предложение → предложения других частеречных типов: *Варя была еще совсем маленькой* (Ю. Герман) → *Varya was still a baby*; *Совесть ее была спокойна* (Д. Гранин) → *Her conscience was smoothed*;

2) английский язык → русский язык:

а) адъективное предложение → адъективное предложение: при переводе на русский язык следует учитывать изложенные выше различия между полной и краткой формами прилагательного; см. переводы, выполненные профессиональными переводчиками: *I'm not hungry, really* (M. Spark) → *Нет, я не голодна*; *The house had been smelly and dirty* (M. Spark) → *Квартира была вонючей и грязной*; *Only the animals remain natural* (M. Spark) → *Натуральны только животные*;

б) адъективное предложение → вербальное предложение: предложения со связкой в форме Present Continuous, придающей качественному признаку семантику процессуальности, часто переводятся русскими вербальными предложениями с глаголами, образованными от соответствующих прилагательных: *He is being clever* → *Он умничают*; ср. английское и русское эквивалентные предложения: *He is clever* → *Он умный*; *He is being rude* → *Он грубит*.

Окружающая среда и ее состояние

В русском безличном предложении субъект состояния не лексикализуется и интерпретируется обобщенно как «окружающая среда»: (N) – (cop 3 s) Adj sh 3 s: *Туманно*. В английском языке данной конструкции соответствует личное предложение с формальным *it* в позиции подлежащего: *It's foggy* (о категории личности / безличности в разноструктурных языках см. (Копров 2005)).

При переводе русское предикативное прилагательное может также трансформироваться в атрибутивное в составе предложения номинативного частеречного типа: *Было холодно, ветрено* (А. Бек) → *It was a cold, windy day*.

Иногда в английском адъективном предложении в позицию подлежащего ставится определенное (восстановленное из контекста) обозначение среды. Ср.: *Тихо и страшно сделалось за столом* (Ю. Герман) → *The room grew still and frightening*.

Кроме того, в английском предложении определенным субъектом в позиции подлежащего иногда становится локатив русского предложения: *Тихо стало в доме* (Ю. Герман) → *The house grew still*. См. примеры обратного соответствия: *But the shop's so dark* (М. Spark) → *А там темно*.

Локатив, находящийся в русском предложении, в английском предложении с *it* обычно сохраняется: *Зимой там чудесно* (Д. Гранин) → *In winter it's delightful*; *Тихо было в аудитории, тихо и напряженно* (Ю. Герман) → *It was quiet in the lecture hall, quiet and tense*.

См. также пример использования при переводе английской конструкции с *there*: *В лаборатории было шумно* (Д. Гранин) → *There was a lot of noise in the laboratory*.

Состояние (ощущение) человека

Субъект-антропоним может быть представлен в русском предложении двумя способами.

1) Субъект-антропоним представлен имплицитно, т. е. как человек вообще (обобщенно): (cop 3 s) Adj sh 3 s: *Холодно*.

В английском языке русским предложениям с имплицитным субъектом регулярно соответствуют:

а) адъективные конструкции с формальным *it*: *Холодно что-то* (Ю. Герман) → *It's rather chilly*; *Уютно* → *It's cosy*;

б) адъективные предложения с субъектом, восстановленным из ситуации или контекста: *С ней было просто и легко* (Д. Гранин) → *Everything had been easy and simple with her*; *Снова стало шумно и весело* (Д. Гранин) → *Once more they were gay and noisy*; *Было весело, шумно и вкусно* (Ю. Герман) → *The dinner was jolly, noisy and delicious*.

2) Субъект-антропоним представлен эксплицитно – словоформой в дательном падеже: N 3 – (cop 3 s) Adj sh 3 s: *Мне тепло* → *(I am warm)*.

Русским безличным предложениям с определенным субъектом в форме дательного падежа, как правило, соответствуют английские подлежащие конструкции двух частеречных типов:

а) адъективные: *Мне интересно* (Ю. Герман) → *I'm curious*; *Им вдруг стало грустно* (Д. Гранин) → *Suddenly they were both sad*;

б) вербальные с полусвязочными глаголами: *Андрею стало грустно* (Д.

Гранин) → *Andrei felt sad*; Ему было **стыдно** (Д. Гранин) → *He felt ashamed*.

Встречающиеся иногда в текстах «бесподлежащие» английские высказывания являются речевыми эллипсисами обычного подлежащего предложения, например: – *How do you feel, Annabel?* – **Chilly. Cold** (M. Spark).

В русском языке среди адъективных предложений имеются близкие по значению, но, тем не менее, отличающиеся по семантике и по форме конструкции. Ср. следующие предложения: (1) *Я грустен* – (2) *Мне грустно*. Предложения (1-2) семантически различаются: в (1) говорящий просто сообщает о своем состоянии, в (2) – дополнительно подразумевается существование известной или неизвестной говорящему причины этого состояния. В своей ответной реплике на высказывание (2) адресат скорее всего спросит: «Почему?».

От данной пары синонимов следует отличать предложения типов (3) *Кошка теплая* – (4) *Кошке тепло*. В предложении (3) сообщается о качественном признаке самого субъекта-зоонима, в то время как в (4) говорится об ощущении субъекта-зоонима в окружающей (нелексикализованной) среде. Следовательно, конструкции (3) и (4) не являются синонимами.

В английском языке все эти грамматические различия нивелируются, поскольку передаются адъективной конструкцией одного типа. Ср.: (1) *Я грустен* → *I am sad*; (2) *Мне грустно* → *I am sad*; (3) *Кошка теплая* → *The cat is warm*; (4) *Кошке тепло* → *The cat is warm*.

Таким образом, сопоставительный анализ семантико-функционального поля «Субъект и его качество» в русском и английском языках показал, что русское поле включает в себя большее количество семантико-структурных типов простых предложений. Выявленные межъязыковые сходства и расхождения позволяют предвидеть и наиболее эффективным образом преодолеть типичные трудности, которые возникают у студентов в процессе овладения грамматикой английского языка.

Литература

1. Копров В.Ю. Личность и безличность в лингвокультурологии и в грамматике разноструктурных языков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 79–85.
2. Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016.

В.В. Корнева

Испанские фразовые знаки препинания на фоне русских

Аннотация: В статье на материале испанского и русского языков рассматриваются основные случаи употребления фразовых знаков препинания, таких, как точка, вопросительный знак и восклицательный знак. Выявляются сходство и различия в их использовании в сравниваемых языках.

Ключевые слова: Пунктуация, знаки препинания, точка, вопросительный знак, восклицательный знак, испанский язык, русский язык, интонация, визуально-графические средства.

Abstract: The paper reviews the usage of Spanish and Russian sentence punctuation signs, such as a point, an interrogative sign and an exclamatory sign. The facts of similarity and difference of their usage in both languages are analyzed.

Key words: Punctuation, punctuation signs, point, interrogative sign, exclamatory sign, Spanish language, Russian language, intonation, visual and graphic means.

Роль знаков препинания в оформлении письменной речи неоспорима. Ставшие хрестоматийными русское выражение «*казнить нельзя миловать*», равно как и испанское «*perdón imposible*» в зависимости от расстановки знаков препинания получают принципиально иную интерпретацию. Ср.: *Казнить. Нельзя миловать.* и *Казнить нельзя. Миловать.*; *Perdón imposible.* и *Perdón. Imposible.* Доказано, что от постановки знаков препинания может зависеть не только прямой смысл высказывания, как в данных примерах, но и его смысловая и психологическая глубина, а также напряженность проявления признака и его выделенность.

Вместе с тем знаки препинания членят текст на структурно значимые части, помогают установить соотнесенность частей текста, указывают на конец изложения одной мысли и начало другой (Валгина 2003, с. 389). В связи с этим мы предлагаем различать фразовые и внутрифразовые знаки препинания, тем более что набор этих знаков зачастую оказывается различным. Фразовые знаки препинания в нашем понимании – это те знаки, которые разграничивают предложения-высказывания и служат для обозначения на письме интонационного членения речи (Корнева 2016). К ним относятся точка, вопросительный и восклицательный знаки, а также многоточие.

Как известно, точка, вопросительный и восклицательный знаки в разных языках мира являются формальными визуально-графическими средствами обозначения на письме разных типов предложений по цели высказывания – повествовательного, вопросительного и восклицательного. Однако сам по себе универсальный набор этих знаков вовсе не означает полного совпадения их семиотической нагрузки. Выявление особенностей использования фразовых знаков препинания в испанском языке на фоне русского является целью нашей статьи.

Справедливости ради отметим, что в отличие от внутрифразовых знаков употребление фразовых знаков в испанском и русском языках в целом совпадает. В частности, лингвисты единодушны в том, что точка выполняет делимитативную функцию, она указывает на законченность предложения и разграничивает их (см., например, Розенталь 2005, с. 563; Виноградов 2005, с. 355; Alonso 1968, с. 264; Martín Vivaldi 1970, с. 24). Наряду с этим испанские ученые также отмечают роль точки в организации структуры текста, в его когерентности. По их мнению, точка как лингвистический знак имеет три варианта, а именно: точка и продолжение (*el punto y seguido*); точка и абзац (*el punto y aparte*); финальная точка (*el punto final*) (Torrego 2009, с. 138).

Первая разновидность – точка и продолжение разделяет предложения в пределах одного параграфа, причем семантическая связь таких предложений меньше, чем при их разделении точкой с запятой. Вторая разновидность – точка и абзац разделяет параграфы, как правило, при переходе к новой теме или идее. Третья разновидность – финальная точка закрывает текст (*Ibidem*). Как вытекает из сказанного, во всех этих случаях точка относится к фразовым знакам препинания, однако ее строевая функция – роль в организации структуры текста обязательно уточняется с помощью визуально-графических средств.

Общим для сравниваемых языков является также то, что вопросительный и восклицательный знаки ставятся во всех типах вопросительных и восклицательных предложений, однако в испанском языке их графическое оформление имеет свои особенности. Во-первых, в испанском языке при пунктуационном оформлении одного и того же предложения-высказывания используются два вопросительных и два восклицательных знака. В отличие от других языков, которые пользуются только одним знаком в конце предложения (так называемый закрывающий знак), в испанском языке вопросительный или восклицательный знак ставится также в начале предложения (так называемый открывающий знак).

Во-вторых, открывающий и закрывающий знаки оформлены по-разному: открывающий вопросительный (¿) и восклицательный (!) знаки перевернуты, тогда как закрывающие знаки имеют обычное начертание (?, !). Ср.: ¿*Hace calor hoy?* ¡*Qué calor hace!*

Сами испанцы объясняют наличие двойных знаков тем, что в других языках, в частности, в английском языке, существуют специальные формальные средства – порядок слов и вспомогательные глаголы, благодаря которым структура повествовательного предложения меняется и выражается вопрос или восклицание. Испанский же язык, в котором, как и в русском языке, с одной стороны, отсутствуют подобные средства, а с другой стороны, только интонация и пунктуационные знаки как средства ее репрезентации на письме способны дифференцировать повествование, вопрос или восклицание при неизменности структуры предложения, прибегает к двойному знаку – вопросительному или восклицательному.

Кроме того, открывающий знак заранее однозначно сигнализирует о вопросительной или восклицательной интонации высказывания (Torrego 2009; Paredes García 2009; Корнева 2015; Корнева 2016). Видимо, поэтому в зарубежной испанистике вопросительный и восклицательный знаки относятся к числу интонационных знаков препинания (см., например, Martínez de Sousa 1995, с. 228; Ezquerro, Guerra 1995, с. 213).

В-третьих, в испанском языке возможно сочетание разных знаков в функции открывающего и закрывающего знака. В частности, в начале предложения встречается вопросительный знак, а в конце того же предложения – восклицательный знак и наоборот, в зависимости от интонации высказывания. Например:

¿*Qué esté negado al hombre saber cuándo será la hora de su muerte?* (1)

¿*Qué persecución es ésta, Dios mío!* (2)

¿*Acaso no tengo dos manos para trabajar?* (3)

Согласно нашим наблюдениям, примеры такого рода представляют собой либо сложные (1), либо осложненные конструкции (2). Так, в сложноподчиненном предложении (1) придаточное дополнительное выражает вопрос ¿*cuándo será la hora de su muerte?*, тогда как главное предложение является восклицательным, о чем свидетельствуют следующие трансформации: ¿*Cuándo será la hora de su muerte?* ¡*Qué esté negado al hombre saberlo!* В примере (2) вопрос ¿*Qué persecución es ésta?* заканчивается восклицательным междометием ¡*Dios mío!* В примере (3) общий вопрос ¿*No tengo dos manos para*

trabajar? в форме отрицательной конструкции осложняется наречием сомнения, благодаря чему все высказывание приобретает утвердительный смысл, который усиливается за счет восклицательной интонации.

В русском языке интонации также может одновременно придаваться вопросительный и восклицательный характер, что выражается сочетанием соответствующих знаков. Однако в отличие от испанского языка, в котором, как было показано выше, возможны разные комбинации открывающих и закрывающих знаков (*¿...!* или *¡...?*), в русском языке закреплена определенная последовательность этих знаков: сначала ставится вопросительный знак, который считается основным при квалификации предложения по цели высказывания, а затем уже восклицательный знак как знак интонационный (?!). Например:

Да разве можно так говорить о близком человеке?!

Да когда же все это закончится?!

Отличительной особенностью испанского языка является также то, что вопросительный и восклицательный знаки могут употребляться внутри предложения в роли внутрифразовых единиц: открывающий вопросительный или восклицательный знаки ставятся там, где начинается вопрос или восклицание, даже если это и не является началом фразы, что является еще одним доказательством важности интонационного принципа испанской пунктуации.

Ной hace calor ¿verdad? Pero ¿qué haces! Pobre Mario ¡tan joven!

Закрывающие знаки также могут быть не в конце, в середине предложения-высказывания. Особенно это характерно для восклицательных знаков, с помощью которых выделяются произносимые с восклицательной интонацией слова и группы слов, которые включаются в состав предложений.

Juan se fue al teatro, pero ¡qué estupidez! no había tomado consigo las entradas (Виноградов 2005, с. 356).

Нетрудно заметить, что в случаях такого рода восклицательные знаки служат для выражения отношения автора к содержанию либо всего высказывания, либо отдельной его части. Отношение автора нередко эксплицируется словами оценочной семантики. Ср.: *Juan se fue al teatro, pero no había tomado consigo las entradas* и *Juan se fue al teatro, pero no había tomado consigo las entradas. ¡Qué estupidez!*

Этой же цели – выражению отношения автора к отдельным смысловым компонентам высказывания служит использование вопросительных и восклицательных знаков в скобках, что характерно как для русского, так и испанского языка:

«...уже веселые и шумные вином,

Уже невучие (?) и светлые (!) кругами

Сидели у стола». (Белинский) (цит. по Розенталь 2005, с. 69-70).

Tardó en llegar media hora (!) en coche a Madrid desde Segovia.

El profesor alabó (?) en público este engendro (Torrego 2009, с. 143).

Подобные примеры – убедительное доказательство того, что фразовые знаки пунктуации, особенно вопросительный и восклицательный знаки, обладают большим функционально-прагматическим потенциалом. Диапазон их

использования в испанском языке значительно шире, чем в русском языке. Наряду с графической репрезентацией на письме вопросительной и восклицательной интонации они передают эмоционально-экспрессивное состояние автора, а также его отношение к содержанию как целого высказывания, так и отдельных его частей. В последнем случае происходит понижение ранга данных пунктуационных знаков и из разряда фразовых знаков они переходят в разряд внутрифразовых.

Литература

1. Ezquerria A.M., Guerra Medina A. Manual de ortografía de la lengua española. – Barcelona: Vox, 1995.
2. Martín Vivaldi G. Curso de redacción. – La Habana : Instituto del libro, 1970.
3. Martínez de Sousa J. Diccionario de ortografía de la lengua española. – Madrid: Paraninfo, 1995.
4. Paredes García F., García A.S., Paredes Zurdo L. – Las 500 dudas más frecuentes del español. – Madrid: Editorial Espasa Calpe, S.A. – 2009.
5. Torrego L.G. Ortografía práctica del español. – Madrid : Editorial Espasa Calpe, S.A. – 2009.
6. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высш. школа, 2003.
7. Виноградов В.С. Грамматика испанского языка : Практический курс. – Изд. 7-е. – М.: Высш. школа, 2005.
8. Корнева В.В. Категория определенности в грамматике испанского языка // Лингвистика без границ. Сб. статей памяти доктора филол. наук, профессора В.Б. Кашкина. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 447-456.
9. Корнева В.В. Категория определенности: история и перспективы изучения // Романистика в современном мире: Традиции и новации: Сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конф. (Воронеж, 24-25 апреля 2015 г.). – Воронеж : Издат. дом Воронеж. гос. ун-та, 2015. – С.145-152.
10. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. – Изд. 10-е. – М.: Айрис-пресс, 2005.

П.Б.Кузьменко

Сопоставление различных средств топикации в научном тексте

Аннотация: В статье рассматривается топикация как одно из средств реализации стратегий объективации, лежащей в основе архиструктуры текста.

Ключевые слова: Архиструктура, топикация, научный текст.

Abstract: The paper deals with the topic introduction in the light of its role of objectivation strategies.

Key words: Archistrukture, topic introduction, scientific text.

Лингвистика на протяжении длительного периода интересовалась вопросами теории текста: обширные исследования и наблюдения за процессами создания текста и его восприятия дали значительные результаты

Интересуясь проблемами структуры текста, отметим, что исследовательские попытки в основном концентрируются вокруг изучения уже известных структурных единиц – абзацы, сферхфразовые единства (Чернухина 1974, Ломов 2004, Дымарский 2006, Папуша 2011, Рогожина 2011 и др.), а также характеризуются выделением новых элементов структурной организации – блоки, единства (Ракитина 2007, Хомутова 2010).

Наши наблюдения за текстами англоязычных научных статей привели нас к необходимости рассмотрения текста как результата реализации определённых инвариантных черт, лежащих в основании текстообразующей деятельности пишущего. Представляется, что такие черты можно представить в виде модифицирующих компонентов текста: констатирующего, аргументирующего и операционального.

В фокусе нашего исследования находится модифицирующий компонент констатирующего типа. Осуществляя его детализованное описание, мы усматриваем в нём функции, суть которых состоит в реализации текстовых стратегий объективации и субъективации. Цель первой состоит в убеждении читателя в достоверности приводимой информации, посредством второй выражается отношение к ней пишущего.

Каждая из стратегий имеет собственные средства реализации. В данной работе рассмотрим топикацию (установление темы) как одно из таких средств. Выбор темы и то, как он осуществляется, даёт нам узнать, каким образом автор конструирует для себя проблемное поле и что влияет на его выбор темы.

Разнообразные средства воплощения топикации в научном тексте выводят на его поверхность определённые срезы познавательной деятельности учёного – с чем он подходит к написанию статьи при ознакомлении с проблемным полем. Соответственно, при обращении к конкретной теме автор выделяет какой-либо аспект (или их совмещение) эпистемологического акта и помещает в текст. Суть этих аспектов состоит в следующем. Исследованию и, тем более, описанию проблемы предшествует разнообразная деятельность автора: учёт предыдущих исследований и, возможно, их оценка, общее состояние изучаемых феноменов, краткое описание собственных результатов как достройки проблемного поля и т. д. Отсутствие подобных свойств в тексте делало бы статью отстоящей от направления, в рамках которого происходит научные разработки; сходным образом и текст будет воспринят получателем в рамках *уже* сделанного в той или иной отрасли научного знания.

Так, объективированный в тексте срез можно рассматривать в качестве сопутствующего фактора выбора темы.

Процесс топикации проявляется на двух уровнях, связанных с различными ходами автора при создании текста. Так, первый заключается в объективации действий, направленных на вхождение автора в тему, пройденный им путь к изучаемой проблеме и причины, побудившие его обратиться к проблеме. В свою очередь, второй уровень представляет то, что именно сделал автор в данной теме. Если рассматривать их отношения к теме, то действия каждого уровня имеют своеобразный внешний и внутренний характер.

Обратимся к примерам, демонстрирующим эти различия.

Рассмотрим особенности авторской деятельности при анализе темы исследования.

1. При «вхождении» в тему в фокусе автора может оказаться актуальность разрабатываемых идей. Соответственно, обращение автора к теме обусловливается актуальностью исследуемых вопросов:

The 'return to beauty' raises a number of questions for feminism.

The concept of communicative competence and its implications have come under increasing scrutiny over the past few years.

2. «Вхождение» в тему связывается со следованием разрабатываемому направлению (под его влиянием) или с развитием идей исследователей, работавших в этой сфере:

The current study coincides with the work of these scholars to include a comparative dimension, further discussion of the territorial aspects of passportisation, and an examination of the evolution of passport laws.

This study is a further contribution to such studies through its emphasis on the study of phraseological variation.

Аналогичная связь с другими исследованиями реализуется при обращении к идеям конкретных исследователей:

Our focus in this essay springs from Martin's argument that, when juxtaposed in data-gathering and analysis, theories can be evaluated by their power to provide insights that might be overlooked.

3. Внимание к какому-либо вопросу обусловлено недостаточностью исследования:

There have been few such studies, even though historians have demonstrated some awareness of the importance of knowing how this system operated in practice.

Although increasingly apparent, political coalitions in the international system are understudied.

4. Выбор темы обусловлен личным отношением автора к изучаемому вопросу:

The research evolved from the personal experience of my return to the foreign language classroom as an adult.

Таким образом, во «внешних» операциях автор устанавливает связь со сложившимся положением дел.

В действиях «внутреннего» характера стержнем является автор, так как описывается его деятельность, направленная на исследование чего-либо в рамках отобранной темы. Это уже есть следствие выбора, описание поставленных целей. Здесь мы имеем дело с активной авторской деятельностью, указывающей на то, что конкретно было им предпринято.

1. Цель введения в статью таких элементов заключается в спецификации действий при изучении чего-либо, с помощью которых автор показывает свои конкретные действия:

It is impossible to separate from each other these deep-rooted themes in describing such an archive, but it is hoped that this report will indicate and illustrate the full breadth and interest of Berlin's papers.

In this article I contend that the expectations of Turkey can be explained using a language game analysis approach.

2. Разработка темы связывается с возможными особенностями восприятия получателями положения дел, автор намерен их скорректировать в своей статье:

This article cautions against equating the self-interests of participants in fiscal and political negotiations with revenue maximization.

3. Способ раскрытия материала, новый угол зрения, под которым изучается проблема можно рассматривать как «внутренние» действия, тем не менее, они связываются автором с предыдущими исследованиями (подчёркнуто в

примерах). Это легко объясняется стремлением автора показать, чем отличается его подход от остальных.

In his comprehensive study Skyrme devoted a chapter to the transformation Of the JP from administrator to judge between 1888 and 1945. Divided into subsections, his chapter deals with all these developments in isolation from one another. In contrast, this article will argue that discourses of gender went to the heart of the project of designing the juvenile courts.

*I intend in what follows to **pull apart** the stages that Warnock has concertinaed together.*

Рассмотрим аналогичный пример. В основании «нового угла зрения» может находиться несогласие автора с предыдущими исследованиями. Таким образом, «внешние» сведения, восходящие к положению дел (оценка теорий), и «внутренние» (авторские задачи в связи с указанным ПД) обнаруживаются в тесной зависимости. Объяснить довольно частотное соположение гетерогенных элементов можно стремлением автора показать свой замысел на фоне обнаруженных противоречий:

*...I reply that intentionalist non-reproduction **theories fail to satisfy** their first desideratum. This suggests that the list of desiderata may well be inconsistent, and that ultimately we may have to decide to give up the first desideratum or the fourth one. **I recommend giving up the fourth** one on the grounds that this choice preserves the phenomenologically salient social aspects of artifact function.*

*This paper offers a **new** answer to an old question.*

4. Побуждением к исследованию может быть новая квалификация какого-либо явления, его особенностей:

*The intention would be to show that a certain kind of actual infinity was incoherent in a hypothetical objective universe, **but because of** the mathematical nature of infinity, **not because of** the nature of any particular set of physical laws.*

This paper raises an additional consideration.

Влиять на выбор может желание автора полностью отказаться от старых представлений в разрабатываемом направлении:

*I think Kershner's arguments **can be shown to be mistaken**, and this is the purpose of this paper.*

5. Работа автора в рамках темы обусловлена его интересом выявления релевантности новых феноменов к устоявшемуся положению дел:

*In this essay I want to ask **whether Lewis Carroll's Alice books fit into this category**.*

*This article **will relate the concept of distance to** recent theorizing in cultivation research.*

Таким образом, топикация как средство реализации стратегии объективации предусматривает выведение на поверхность текста различных участков авторской деятельности: отбор темы для исследования и отбор сделанного в теме для опубликования.

Литература

1. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX - XX вв.). – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2006.

2. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник. – Воронеж, 2004.
3. Папуша И.С. Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование: диссертация ... д-ра филол. н. – Москва, 2011.
4. Ракитина С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: диссертация ... д-ра филол. н. – Волгоград, 2007.
5. Рогожина Т.А. Диалогическое единство и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный аспект: на материале русского и английского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2011.
6. Хомутова Т.Н. Научный текст: интегральный подход – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010.
7. Чернухина И. Я. К вопросу о единицах связного текста // Лингвистика текста. В 2-х ч. Ч.2 – М., 1974. – С. 155-158.

Е.А. Скаврон

Сопоставительный анализ типов восприятия художественного текста

Аннотация: Статья содержит результаты экспериментального исследования понимания текста на материале произведения Даниеля Хармса «Оптический обман». Выявляются различные группы реципиентов в соответствии с уровнями восприятия текста.

Ключевые слова: Текст, идея, эксперимент, уровень понимания, тип восприятия.

Abstract: The paper presents the results of experimental study of understanding the text "Optical Illusion" by Daniel Kharms. Different groups of recipients are established.

Key words: Text, idea, experiment, level of understanding, type of perception.

В процессе чтения художественного произведения оно может восприниматься реципиентами по-разному. Восприятие может быть оценочным, смысловым, или и тем и другим одновременно. Актуализация того или иного типа восприятия текста зависит от многих факторов, которые подлежат выявлению.

Порой читающий художественное произведение способен испытывать только *эмоциональное восприятие*, то есть испытывать изменение эмоционального фона от момента начала чтения. В этом случае человек довольно часто выносит оценку произведению – как форме, так и содержанию. «Оценка может носить положительный или отрицательный характер. В случае, если человек выносит оценку со знаком минус: *непонятно, неинтересно, неактуально* и так далее - это можно рассматривать как барьер восприятия» (Стернин 2009), то есть такая оценка может препятствовать дальнейшему смысловому восприятию и осмыслению.

Или же при восприятии текста может присутствовать чисто *когнитивное восприятие* – логически понимается содержание, упоминаемые факты, их последовательность основной сюжет, но без оценки как формы, так и содержания.

Если при прочтении текста у реципиента возникают либо только эмоции, либо только логические выводы, то такую форму восприятия текста можно называть **доминирующей**, так как в этом случае один аспект восприятия подавляет другой. Схема такого восприятия: «...или Э или Л.....», где «Э» - эмоция, а «Л» - логический вывод. Здесь имеет смысл упомянуть о таком явлении как функциональная асимметрия головного мозга. «Функциональная асимметрия

мозга - сложное свойство мозга, отражающее различие в распределении нервно-психических функций между его правым и левым полушариями» (Данилова 2001). Именно доминирование одного из полушарий может привести к доминирующему типу восприятия.

Однако во время прочтения у реципиентов далеко не всегда возникает доминирующее восприятие. Порой когнитивное понимание содержания сопровождается также появившимися от прочтения эмоциями, такими как удовлетворение фактом понимания, удивление, восхищение авторской гениальностью и чувство удовольствия от состояния так называемого мыслетворчества. То есть наблюдается механизм восприятия, при котором, например, первоначально конституированные смыслы породили эмоции, а те в свою очередь явились толчком для образования дополнительных смыслов, за которыми также последовали эмоции. Так, например, читающий восхитился красивым языком автора (оценка формы), что явилось основанием продолжить чтение, за которым последовало смыслообразование, которое в свою очередь принесло чувство удовлетворения от содержания произведения (оценка содержания).

При этом следует оговориться, что когнитивные сферы двух субъектов (автора и реципиента), внутри которых и происходит конструирование смысла, у каждого индивидуальны и уникальны, что может привести к пониманию текста, не совпадающему со смыслом, который заложил в произведение автор.

Форму взаимодействия разных типов восприятия можно обозначить как **синергетическую**, в связи с последовательным взаимным усилением смыслов и эмоций в процессе восприятия. Схема такого восприятия: Э → Л → Э...

Но существует еще один аспект восприятия, когда читающий способен выйти за рамки текстовой действительности и помыслить о тексте на уровне общекультурных прецедентов, коллективных мнений, интегрировать порожденный им смысл в ранее полученный опыт прочтений. Такой аспект восприятия можно называть **интегральным**, где присутствует взаимодействие всех трех типов понимания – эмоционального, когнитивного и синергетического. Схема такого восприятия: Э → Л → о^{эл}, где о^{эл} - эмоция и логика обогащаются в результате сопряжения с полем коллективных содержаний.

С целью проверки подтверждения выделенных нами типов понимания нами был проведено экспериментальное исследование.

Эксперимент проводился в форме анкетирования студентов Московской государственной академии водного транспорта. Было опрошено тридцать студентов, учащихся второго курса в возрасте от 18 до 20 лет. Студенты ранее не имели достаточного опыта прочтения и анализа художественной литературы, за плечами у них только опыт средней школы.

Для эксперимента было выбрано произведение Д. Хармса «Оптический обман» (Хармс):

Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак. Семен Семенович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит. Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему

кулак. Семен Семенович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит. Семен Семенович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак. Семен Семенович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

Испытуемым нужно было ответить на следующие вопросы:

1. Как вы считаете, поняли ли вы текст?
2. Сформулируйте основную идею текста одним предложением.
3. Как вы считаете, содержатся ли в данном тексте скрытые смыслы, если да, то какие скрытые смыслы вы могли бы назвать?
4. Какие эмоции вызвал у вас текст, когда вы его прочитали?
5. Дайте оценку текста при помощи одного слова.

Результаты эксперимента

У 18-ти респондентов после прочтения предложенного отрывка выражено доминировал один аспект понимания.

На вопрос – «Как вы считаете, поняли ли вы текст?» испытуемые в данной группе ответили: *Нет. Не совсем.*

На вопрос о формулировании идеи произведения испытуемые в основном передавали отдельные факты содержания: *Семен Семенович надевает очки и снимает; Мужик смотрит на сосну; Мужик не понимает, что происходит...*

На вопрос о скрытых смыслах все испытуемые дали отрицательный ответ.

На вопрос «Какие эмоции вызвал у вас текст, когда вы его прочитали?» ответы были следующие: *Никаких; Скуку; Разочарование...* и под.

Общая оценка текста, данная ими, в основном носила негативный характер: *Отстой; Фигня и т.д.*

Таким образом, реципиенты демонстрировали **доминирующее** понимание – **эмоциональное**. Читающий не смог (или не захотел) активировать режим когнитивного восприятия левостороннего полушария головного мозга и остался на уровне эмоционального правополушарного восприятия - преимущественно негативного, что само по себе создает барьер когнитивному восприятию.

Кроме того, респонденты могли пойти и по такому пути – когнитивное восприятие оказалось для них в силу тех или иных причин (в данном случае – в связи с абстрактностью и сложностью текста) невозможным, и тогда активизировалось и стало доминирующим эмоциональное неприятие текста.

«Следует отметить, что имеет место быть неравнозначность функциональных структур правого и левого полушарий мозга, выраженная в их специализации, то есть доминировании в осуществлении какой-либо функции. Ученые показали, что правое полушарие здоровых людей «схватывает» любую информацию чуть-чуть быстрее, чем левое» (<http://www.telenir.net/psihologija.p4.php>). Таким образом, эмоциональный тип понимания – наиболее быстрый и, видимо, более легкий. Большинство респондентов идут по этому пути.

У 11 испытуемых наблюдалось **синергетическое понимание**.

На вопрос «Как вы считаете, поняли ли вы текст?» у всех испытуемых в данной группе был утвердительный ответ - *Да*.

На вопрос о формулировании идеи произведения все испытуемые в данной группе смогли выделить основную идею: *Порой зрение подводит нас и поэтому нужно мыслить; Когда ты не веришь своим глазам, спроси соседа; Чтобы адекватно видеть вещи, пользуйся очками....*

При этом на вопрос о содержании скрытых смыслов все испытуемые дали отрицательный ответ.

На вопрос «Какие эмоции вызвал у вас текст, когда вы его прочитали?» испытуемые ответили: *Восторг; Удивление; Замешательство...*

Общая оценка текста, данная ими, в основном имела положительный характер: *Интересно; Забавно...*

Любопытно, что у этой группы респондентов текст, по их оценке, понят, основная мысль выявлена, и на этой основе текст оценен как *забавный по содержанию (интересно, забавно)* и сформированы положительные эмоции (*Восторг; Удивление; Замешательство*), хотя скрытые смыслы и не выявлены. Положительные эмоции и положительная оценка возникают на базе понимания смысла текста. Таким образом, синергетическое понимание возможно при достаточно поверхностном восприятии текста, без выявления скрытых смыслов.

И только 1 испытуемый продемонстрировал интегральный уровень понимания:

На вопрос «Как вы считаете, поняли ли вы текст?» он ответил: *Да.*

На вопрос о формулировании идеи произведения ответом было: *Мир не то, на что смотришь, а то, чем ты смотришь!*

На вопрос о содержании скрытых смыслов испытуемый дал утвердительный ответ: *Семен Семенович - это метафора сознания.*

На вопрос «Какие эмоции вызвал у вас текст, когда вы его прочитали?» был дан ответ: *Чувство удовольствия.*

Оценка текста одним словом была такова: *Философский.*

Таким образом, проведенный эксперимент подтвердил выделенные нами типы понимания текста (доминирующий, синергетический, интегральный) и продемонстрировал, что преобладает доминирующий тип, ему заметно уступает синергетический и крайне редко актуализируется интегральный.

Важной задачей исследования является выявление демонстрируемых реципиентами типов понимания текста в зависимости, с одной стороны, от типа текста, с другой стороны – от качеств реципиентов (возраст, пол, образование и др.).

Если будет выявлена взаимосвязь типов понимания с социальными, психологическими, физическими характеристиками реципиентов и зависимость актуализируемых аспектов восприятия от типов воспринимаемого текста, можно будет, возможно, говорить об уровнях восприятия соответствующими типами реципиентов художественного текста.

Литература

1. Данилова Н.Н. Психофизиологическая диагностика функциональных состояний: Учебн. пособие – М.: Изд-во МГУ, 1992.
2. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. – Воронеж: «Истоки», 2012.
3. Хармс Д. Оптический Обман [Электронный ресурс] – <http://harms.ouc.ru/opticheskiy-obman.html>

Вербальные средства гендерной ориентированности текста в мужских и женских журналах

Аннотация: Статья посвящена анализу языковых особенностей мужской и женской журнальной рекламы.

Ключевые слова: Реклама, гендер, лексика.

Abstract: The paper is devoted to the analysis of language means of male and female advertising texts.

Key words: Advertising, advertisement, gender.

Для того, чтобы рекламное послание дошло до конечного адреса, автор должен учитывать многие параметры, включая психологические, в частности, гендерные особенности восприятия рекламного текста (Кафтанджиев 2005).

Под словом «гендер» принято понимать социальный пол человека. Безусловно, биологический пол способен предопределить специфику социальных статусов и социальных ролей мужчин и женщин в обществе. Восприятие женского или мужского пола зависит от совокупности господствующих общественных представлений о поведенческих и личностных особенностях того или иного пола. Взятые по отдельности, эти представления формируют понятие женственности (или фемининности) и мужественности (или маскулинности). Таким образом, гендер – это представления о маскулинности и фемининности, которые соотнесены с системой статусов и ролей, принятых в обществе (Кирилина 1999). Мы анализируем мужские и женские вербальные маркеры рекламных текстов в мужских и женских англоязычных журналах.

В качестве источника эмпирического материала мы выбрали самые популярные среди развлекательных изданий британские журналы *Cosmopolitan* и *Men's Health* (см. Таблицу 1) (<http://www.hearst.co.uk/brands/>, <http://www.theguardian.com/media/2000/dec/18/mondaymediasection1>, <http://www.pacificmagazines.com.au/pages/magazines/Magazine.aspx>).

*Таблица 1. Статистические характеристики источника
эмпирического материала*

Журнал	Статистика тиража, тыс. экз. в год	Целевая аудитория	Возраст целевой аудитории
Cosmopolitan	405,308	женщины	от 18 до 35 лет
Men's Health	193,901	мужчины	от 18 до 40 лет

Представим относительную частотность употребления гендерно маркированной лексики в текстах рекламы парфюмерных средств.

Отметим, что в следующую ниже таблицу вошли как гендерно ориентированные лексемы эксплицитного характера, так и лексические единицы с высокой степенью актуализации оценочного компонента, которым, на наш взгляд, присущи гендерные имплицитные характеристики в контексте данной рекламы (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Частотность употребления гендерно маркированной лексики в текстах рекламы товаров категории «реклама парфюмерных средств», ориентированных на женскую целевую аудиторию

Гендерно маркированная лексическая единица\ сочетание	Количественная представленность употреблений в тексте	%
1. Fragrance(s)	9	23,07
2. Your, you	5	12,8
3. New	4	10,2
4. (For) women, woman	3	7,7
5. Eau de parfum, Le parfum	3	7,7
6. Miss, lady	2	5,12
7. For her	2	5,12
8. Scent	2	5,12
9. Pour femme	1	2,56
10. Feminine	1	2,56
11. Bright	1	2,56
12. Strong	1	2,56
13. Original	1	2,56
14. Crystal	1	2,56
15. Independent	1	2,56
16. Sexy	1	2,56
17. Guilty	1	2,56
Всего		100,00%

Анализ англоязычной женской и мужской печатной потребительской рекламы в выделенной нами категории «реклама парфюмерных средств» показал, что в рекламе женских духов лексемы, обозначающие и называющие женщину (“woman”, “women”, “feminine”, “for her”, “Miss”), составляют 25,7%; слова, передающие значение “парфюмерное средство”, – 39,8%; лексемы, номинирующие новизну, – 14,2%, и другие прилагательные по 2,9%. Таким образом, большинство рекламных текстов «женской» рекламы не содержат компонентов, вербально маркирующих женскую целевую аудиторию напрямую, но такие компоненты имеют имплицитный характер, выраженный посредством ряда оценочных прилагательных (evaluative adjectives, по Robin Lakoff, статья «Language and Woman’s place»), имеющих прямую или косвенную ассоциацию с женским полом (*independent, sexy, strong, guilty*).

Относительная частотность употребления гендерно маркированной лексики в текстах рекламы парфюмерных средств, адресованных мужской целевой аудитории представлена в таблице (см. Таблицу 3). Отметим, что в нее вошли, также как и в рекламе женских парфюмерных средств, гендерно ориентированные лексемы эксплицитного характера и лексические единицы с высокой степенью актуализации «мужского» оценочного компонента.

Таблица 3. Частотность употребления гендерно маркированной лексики в текстах рекламы товаров категории «реклама парфюмерных средств», ориентированных на мужскую целевую аудиторию

Гендерно маркированная лексическая единица\ сочетание	Количественная представленность употреблений в тексте	%
1. Fragrance	15	24,6
2. New	11	18
3. For man, for men	6	9,8
4. Eau de toilette, EDT	6	9,8
5. Freshness, fresh	4	6,5
6. The one	3	4,8
7. You, your	3	4,8
8. Classic	2	3,3
9. Sport	2	3,3
10. Scent	2	3,3
11. Smell	1	1,7
12. Gentlemen	1	1,7
13. Power	1	1,7
14. Unforgettable	1	1,7
15. Smell	1	1,7
16. Contemporary	1	1,7
17. Modern	1	1,7
Всего		100%

Данные «мужской» рекламы показывают, что концепт мужчины, выраженный вербально (*masculine, for man, for men*), составляет 14,5%; лексемы, попадающие в синонимический ряд «ароматов», составляют 36,3%; новизна, а именно использование слова *new* - 20%; лексические единицы *the one* и *freshness* имеют по 5,5%, *sport* и *classic* по 3,6%; и остальные слова по 1,7%. Таким образом, передача идеи аромата превалирует над гендерным аспектом в рекламе. Парфюмерный продукт выходит на первый план, план субъекта, роль мужчины оказывается в тексте не главной, не доминирующей, несмотря на то, что данная реклама нацелена на мужскую аудиторию.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что на вербальном уровне номинация *продукт* имеет большее значение для создателей рекламы, чем номинация *гендерный маркер*. Именно поэтому количественная представленность слов, номинирующих рекламируемый парфюмерный продукт, доминирует над гендерно ориентированными лексемами. Побуждение интереса читателя к самому товару, а не к его гендерным особенностям является определяющим критерием при выборе лексических единиц при создании рекламного текста. Таким образом, авторы рекламы для мужской и женской целевой аудитории в первую очередь ставят задачу рекламы самого продукта, гендерная ориентированность уходит на второй план (в женских журналах – слова, номинирующие понятие «парфюмерное средство», 39,8% и обозначающие «женщину» - 25,7%; в мужских журналах - 36,3% и 14,5% соответственно).

«Обслуживание» концепта «рекламируемый продукт» вербально практически совпадает в равном процентном соотношении в женских журналах и мужских журналах (39,8% и 36,3% соответственно). При этом вербализация гендерных маркеров, эксплицитно номинирующие направленность текста, составляют 25,7% в рекламе женских парфюмерных средств и 14,5% в рекламе мужских, что заметно меньше. Очевидно, рекламисты полагают, что подчеркивание гендерных признаков текста для женщин важнее, чем для мужчин, является более эффективным.

Вербализация концепта «парфюмерный аромат», то есть признака рекламируемого продукта, также превалирует над гендерным аспектом. Идея о товаре в проанализированных рекламных текстах выходит на первый план, обозначение роли женщины и мужчины оказывается второстепенной, не доминирующей.

С помощью же лексем, имплицитно передающих характеристики женщины и мужчины, создается образность рекламного текста.

Из проанализированного следует, что в целом рекламисты полагают, что внимание потребителя в большей степени привлекают лексические единицы, указывающие на рекламируемый товар, характеризующие и выделяющие его особенности (например, *new, original, classic, bright*), нежели гендерная «ориентированность» товара. Возможно, это связано с тем, что гендерная ориентация текста уже задана самим журналом, в котором текст публикуется.

Литература

1. Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации. – М.: Эксмо, 2005.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты: монография. – М.: Институт социологии РАН, 1999.

С.В. Стейн

Сопоставительный анализ фонологических оппозиций гласных фонем английского и русского языков

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу фонологических оппозиций гласных фонем английского и русского языков.

Ключевые слова: Сопоставительный анализ, гласные фонемы, оппозиция, нейтрализация.

Abstract: The paper is devoted to the comparative analysis of phonological oppositions of vowel phonemes in the English and Russian Languages.

Key words: Comparative analysis, vowel phonemes, opposition, neutralization.

Каждый язык имеет свои собственные дифференциальные признаки, устанавливаемые на наличии противопоставления фонем в данном языке. Фонема, будучи минимальной единицей языка, обладает рядом признаков, отличающих ее от другой фонемы. Само содержание фонемы зависит от того, какие другие фонемы ей противопоставлены, и какое место она занимает в системе фонем в общем (Бодуэн де Куртенэ 1963).

Трубецкой Н.С. отмечает, что «оппозиция предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции» (Трубецкой 2000, с. 72).

Другими словами, члены оппозиции, которые не имеют основания для сравнения, не могут быть друг другу противопоставлены.

Существует несколько типов фонологических оппозиций:

- по признаку отношения к системе в целом;
- на основе критерия логических отношений между членами оппозиции;
- по объему их смысловозначительной силы или действительности в различных позициях.

Критерий отношения фонологических оппозиций **к системе в целом** интересен, прежде всего, в структурном аспекте. В фонологической системе следует различать несколько типов оппозиций: одномерные и многомерные. «В одномерных оппозициях основание для сравнения, то есть совокупность признаков, которыми обладают в равной мере оба члена оппозиции, присуще только этим двум членам оппозиции и не присуще никакому другому члену той же системы. В противоположность этому в многомерных оппозициях совокупность общих признаков (основание для сравнения) не ограничивается только членами данной оппозиции, а распространяется также и на другие члены той же системы» (Трубецкой 2000, с. 72).

В английском языке одномерные оппозиции образуют пропорцию, это значит, что они представляют собой корреляцию: /u:/ - /u/ = /ɔ:/ - /ɔ/ = /i:/ - /i/ = /ə:/ - /ə/ (долгота-краткость).

Существуют и другие одномерные оппозиции, которые пропорции не составляют: 1) /i/ - /e/ - краткие, передний ряд, верхний – средний подъем; 2) /u/ - /ʌ/ - краткие, задний ряд, верхний – нижний подъем; 3) /a:/ - /u:/ - долгие, задний ряд, нижний – верхний подъем.

Трубецкой далее выделяет типы однородных многомерных оппозиций: прямолинейные и непрямолинейные. В прямолинейной оппозиции такая реакция возможна с помощью только одной «цепочки», а в непрямолинейной – с помощью ряда «цепочек». В английском языке в системе вокализма есть примеры однородных многомерных оппозиций: 1) /e/ - /i/, /i/ - /u/, /u/ - /ʌ/ => /e/ - /ʌ/; 2) /u/ - /u:/, /u:/ - /ɔ:/, /ɔ:/ - /ɔ/ => /u/ - /ɔ/.

Примером непрямолинейной однородной многомерной оппозиции является оппозиция /i/ - /u/, так как ее можно представить в виде двух «цепочек»: /i/ - /e/ - /ʌ/ - /u/ => /i/ - /u/ или /i/ - /i:/ - /u:/ - /u/ => /i/ - /u/.

Фонемы /i:/ - /u:/, /i/ - /u/, /e/ - /ʌ/ образуют пропорцию, и отношения внутри оппозиций являются тождественными друг другу. В то время как одномерная оппозиция /a:/ - /u:/ и многомерная /ɔ:/ - /ə:/ в английском языке классифицируются как изолированные.

Таким образом, в результате фонологическую систему гласных фонем английского языка можно представить в виде пересекающихся друг друга параллельных рядов:

/i:/	–	/i/	–	/e/		
/a:/	–	/u:/	–	/u/	–	/ʌ/
/æ/	–	/ɔ:/	–	/ɔ/		

/ə:/ – /ə/

В русском языке, так же как и в английском, есть одномерные оппозиции, которые составляют пропорцию: /и/ - /э/ = /у/ - /о/ (верхний – средний подъем).

Изолированных оппозиций в русском языке не наблюдается.

Примерами однородной многомерной оппозиции могут быть оппозиции: 1) /э/ - /и/ - /у/ - /о/ => /э/ - /о/ (прямолинейная); 2) /у/ - /ы/ - /а/ - /о/ => /у/ - /о/, или /у/ - /и/ - /э/ - /о/ => /у/ - /о/ (непрямолинейная).

Фонологическую систему гласных фонем русского языка можно представить следующим образом:

/ы/ – /а/
| |
/у/ – /о/
| |
/и/ – /э/

В классификации на основе критерия логических отношений между членами оппозиции Н.С. Трубецкой выделяет три типа оппозиций: привативные, градуальные и эквиолентные.

1. «Привативными называются оппозиции, один член которых характеризуется наличием, а другой – отсутствием признака» (Трубецкой 2000, с. 80).

В английском языке существуют следующие 17 привативных оппозиций:

1) на основании различия признака ряда: /i:/ - /u:/, /i/ - /u/, /e/ - /ə:/, /æ/ - /a:/, /a:/ - /ɔ:/, /ʌ/ - /ɔ:/;

2) на основании различия признака подъема: /i:/ - /æ/, /i:/ - /e/, /a:/ - /u/, /u/ - /ʌ/, /u:/ - /ɔ:/, /i/ - /e/, /u:/ - /ɔ:/;

3) на основании различия долготы: /u:/ - /u/, /ɔ:/ - /ɔ/, /i:/ - /i/, /ə:/ - /ə/.

В фонологической системе русского языка, в свою очередь, существуют следующие 10 привативных оппозиций:

1) на основании различия признака ряда: /и/ - /у/, /ы/ - /у/, /э/ - /о/, /и/ - /ы/;

2) на основании различия признака подъема: /и/ - /э/, /э/ - /а/, /у/ - /а/, /у/ - /о/, /о/ - /а/, /у/ - /э/;

Оппозиции по признаку долгота-краткость в русском языке отсутствуют.

2. «Градуальными называются оппозиции, члены которых характеризуются различной степенью или градацией одного и того же признака» (Трубецкой 2000, с. 80).

Градуальные оппозиции сравнительно редки. Примером градуальной оппозиции в английском языке может быть оппозиция по признаку подъема /i/ – /e/ - /ʌ/, а в русском языке – оппозиция по степени раствора /а/ - /о/ - /и/.

3. «Эквиолентными называются такие оппозиции, оба члена которых логически равноправны, то есть не являются ни двумя степенями какого-либо признака, ни его утверждением или отрицанием» (Трубецкой 2000, с. 80). Этот тип оппозиций является самым распространенным в любом языке.

В качестве примера эквиолентных оппозиций можно привести те оппозиции, в которые вступает фонема /i/ в фонологической системе английского языка и фонема /и/ в русском языке:

/i/ - /i:/, /i/ - /e/, /i/ - /ʌ/, /i/ - /u/;
/и/ - /y/, /и/ - /ы/, /и/ - /э/.

При анализе фонологических оппозиций по объему их смысловозначительной силы или действенности в различных позициях следует отметить, что функционирование фонологической системы есть допустимая сочетаемость фонем в том или ином языке и условия их фонологической действенности. Однако, «роль отдельных оппозиций в любом языке весьма различна и зависит от объема различительной силы, которой они обладают во всех положениях» (Трубецкой 2000, с. 83).

В любом языке существуют фонемы, которые образуют постоянную фонологическую оппозицию, члены которой являются самостоятельными фонемами. Такие фонемы в большинстве позиций не реализуют комбинаторные варианты. Это значит, что в остальных положениях фонологические противоположения фонем нейтрализуются. Положения, при которых оппозиция сохраняет свою значимость, называются позициями релевантности.

В русском языке, происходит нейтрализация оппозиции /и/ - /э/ и /о/ - /а/ после твердого согласного (в безударном положении). Например: *автомобиль, молоко* (оппозиция /о/ - /а/), *пример, держать* (оппозиция /и/ - /э/) (Аванесов 1956, с. 47). В английском языке – происходит нейтрализация оппозиции /e/ - /ə/, /i/ - /ə/. Например, *different, evitable, important, visible*.

Таким образом, на основе проведенного сопоставительного анализа фонологических оппозиций английского и русского языков мы пришли к выводу, что обе системы достаточно упорядочены, а различие в функциональной нагруженности фонологических оппозиций может быть существенно для методики обучения произношению.

Литература

1. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / пер. с нем. А.А.Холодовича. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Н.Ч.Хиеп

Особенности делового и политического интервью в разных культурах

Аннотация: В работе обсуждаются различия в коммуникативной организации теле- и радиointerview в российской, американской и вьетнамской культурах. Основное внимание уделяется этапу представления собеседника, а также ситуациям конфликта в интервью. Наиболее характерным конфликт как коммуникативная стратегия является для американских интервью, в то время как вьетнамское общение настроено на максимальное избегание конфликта.

Ключевые слова: Интервью, коммуникативная культура, конфликт, комплимент.

Abstract: The paper discusses cultural differences of TV and radio interviews with businessmen and politicians in Russian, American and Vietnamese cultures. Special attention is given to the introductory stage of the interview and to conflicts as a strategy which is most likely to be used by American interlocutors, whereas Vietnamese culture tends to avoid conflicts in public interviews.

Key words: Interview, communicative culture, conflict, compliment.

Сегодня интервью стало неотделимой частью современного публичного делового дискурса. Интервью является тем жанром, который позволяет экспертам обсуждать проблемы, актуальные для общественной жизни. Интервью на телевидении или радио можно считать примером спонтанной либо частично подготовленной коммуникации (в отличие от интервью, опубликованных в газете: такие тексты обычно проходят этап редактирования и согласования с интервьюируемым). В данной работе мы рассмотрим особенности телевизионного и радиоинтервью в разных культурах, а именно – в русской, вьетнамской и американской.

1. Представление темы дискурсии, собеседников и постановка вопросов

Представление темы и собеседника – это этап, на котором устанавливается первичный контакт и создается общая положительная атмосфера для дальнейшего диалога. Уже на этом этапе можно обнаружить различия в речевых действиях журналистов. Во вьетнамских интервью в самом начале диалога журналист часто высоко оценивает профессиональную квалификацию гостей в определенной сфере, одновременно недооценивая собственный уровень знаний по обсуждаемой теме. В качестве примера посмотрим на начало интервью, посвященного теме «Трудовая расточительность» на канале VTV3:

<p>Reporter VTV3: Tôi rất may mắn có cơ hội được tiếp xúc với nhiều người trong nhiều lĩnh vực khác nhau. Một điều may mắn với tôi được tiếp xúc với người tôi ngưỡng mộ như chị Nguyễn Chi Lan... Chị rất đẹp. Chúng tôi rất ngưỡng mộ chị và rất hân hạnh được tiếp chị trong chương trình khách vtv3. Chị được mệnh danh là người đồng hành cùng các doanh nhân, là các doanh nghiệp nhỏ và vừa... Chủ đề của chúng tôi hôm nay nói về lãng phí công. Đây là một chủ đề đối với cá nhân tôi rất là xa lạ và có nhiều khái niệm tôi rất là mơ hồ. Cho nên bây giờ chúng tôi chuẩn bị một số Clip, hình ảnh muốn chị xem và sau đó sẽ cùng chị trao đổi về vấn đề này. Chị thấy có được không ạ? (https://www.youtube.com/watch?v=wG_yJb9eijk&spfreload=10)</p>	<p>Журналист ВТВ3: Мне очень повезло, так как я общаюсь с людьми, которые работают в различных областях. К счастью, сегодня я могу общаться с вами, Нгуен Чи Лан ... Вы очень красивая. Мы восхищаемся вами и очень рады приветствовать вас в программе «Гости VTV3». Вы являетесь чиновником, который сопровождает работу малых и средних предприятий... Сегодня наша тема – трудовая расточительность. Для меня это тема совершенно новая, и есть понятия, которые я не до конца понимаю. Поэтому сейчас мы посмотрим несколько видеосюжетов, а затем обсудим этот вопрос. Вы согласны?</p>
--	--

В приведенном выше примере в начале интервью ведущий телеканала делает комплимент собеседнице, при этом оценивая свое знание темы дискуссии как плохое. Так журналист выражает уважение к собеседнику. В то же время статус интервьюируемого повышается, что является дополнительным стимулом для активного участия в коммуникации.

В американской культуре профессиональная квалификация и социальная позиция интервьюируемого тоже часто указываются в начале беседы. Фрагмент интервью с известным американским бизнесменом Уорреном Баффетом в программе The Economic Club of Washington, DC (05.06.2012) иллюстрирует данную стратегию:

<p>Repoter: I guess we'll say that I think it's fair to say that you are the most respected investor in the</p>	<p>Журналист: Я думаю, будет справедливым сказать что вы самый</p>
--	---

<i>world and the most respected businessman in the world not just because you've made a great deal of money but because you've done it with enormous integrity and humility...</i> (http://economicclub.org/events/warren-e-buffett)	<i>уважаемый инвестор в мире и самый уважаемый бизнесмен в мире не только потому что вы заработали много денег, а сделали это потрясающе честно и скромно...</i>
---	--

В приведенном примере журналист дает высокую оценку деловой репутации собеседника. В отличие от вьетнамской и американской культур, российские журналисты часто называют имя и должность собеседника, но не делают ему комплиментов, например: *У нас в студии появился наш гость. Это Андрей Илларионов, старший научный сотрудник Института Катона, президент Института экономического анализа. Андрей Николаевич, здравствуйте!*

(<http://echo.msk.ru/programs/personalno/1795752-echo/>)

Существуют различия и в том, как задаются «неудобные» вопросы. Если русские и американские журналисты задают вопросы прямо, то вьетнамские корреспонденты, задавая такой вопрос, пытаются избежать прямой критики собеседника:

<i>Lester: Beginning with you, Secretary Clinton. Why are you a better choice than your opponent to create the kinds of jobs that will put more money into the pockets of American workers?</i> (https://www.youtube.com/watch?v=7BGYYaaLrTc&spfreload=10)	<i>Лестер: Начнем с вас, госсекретарь Клинтон, почему вы – лучший выбор по сравнению с вашим соперником, человек, который может создать такие рабочие места, которые принесут больший доход американским трудящимся?</i>
<i>Journalist: Vâng, dưới góc nhìn của một chuyên gia sinh vật học thì ông có thể cho biết cái việc thay đổi vậy, chặt hạ cây như vậy có phù hợp với điều kiện hiện nay, thay đổi bóng mát, thay đổi cây xanh để làm sao cho đô thị phát triển mạnh hơn?</i> (https://www.youtube.com/watch?v=EKirkDjE0Kc&spfreload=10)	<i>Да, с точки зрения биолога-специалиста, скажите, вырубка деревьев на улицах Ханоя является уместной и играет важную роль в развитии города?</i>

2. Ответы на вопросы и выражение личного мнения

Хотя деловое интервью предполагает обсуждение конкретной темы, беседа не всегда протекает гладко. Если обсуждаемая проблема является дискуссионной, интервью из кооперативного диалога может превратиться в конфликт. Считается, что конфликт снижает эффективность коммуникации, однако в рамках медиапространства конфликт может стать способом привлечения внимания зрительской аудитории.

В любом интервью на возможность выражения мнения собеседников влияют многие факторы: индивидуальные черты характера, социальная позиция, квалификация, связь с обсуждаемой темой/событиями, и т.д. Во вьетнамской культуре коммуниканты стремятся выражать свои мнения мягко. Они не любят конфликты и стараются избегать их. Отвечая на острые вопросы, вьетнамские бизнесмены мягче крикируют что-то или кого-то и выражают свои мнения на основе взглядов или интересов коллектива, народа или общества, например:

когда получили вопрос в связи с событием срезанных деревьев (6500 деревьев) в Ханое, кандидат биологических наук, Нгуен Лан Зунг выражает свое мнение так:

<p>Nguyễn Lâm Dũng: <i>Mấy ngày hôm nay tôi nhận được vài chục cuộc điện thoại của những người bức xúc. Họ bức xúc lắm, họ nói gậy gắt lắm, bởi chính tổ họ không thể chấp nhận được, kể cái việc chặt cây ở đường Nguyễn Trãi vào Hà Đông. Họ bảo không biết làm cái đường tàu nhanh ở Hà Đông để làm gì?... Chặt hàng loạt cây ở đường Nguyễn Trãi người ta xót xa lắm rồi, bây giờ nghe tin chặt hàng nghìn cây nữa, người ta xót xa, gọi điện cho tôi gay gắt lắm. Thậm chí có người nói, ông ơi liệu có vấn đề lợi ích nhóm ở đây không? Tôi nghĩ là không có nhưng người ta thắc mắc đến mức đấy. Cho nên tôi nghĩ, với chuyện với thủ đô Hà Nội nó khác với các thành phố khác... Hà Nội đâu phải đẹp vì nhà cửa, mà đẹp về cây cối (http://www.sgvisa.org/su-khac-biet-trong-van-hoa-giao-tiep-giua-nguoi-viet-va-nguoi-my.aspx).</i></p>	<p>Нгуен Лан Зунг: <i>В последние дни мне звонили рассерженные люди. Жители очень рассержены, потому что они не согласны с тем, что вырубili деревья на улице Нгуен Трай в Ха Донге. Люди говорят, что не знают, зачем строят высокоскоростную трассу в ХаДонге... Они критиковали вырубку деревьев на улице Нгуен Чай, а теперь снова услышали, что вырубают тысячи деревьев. Многие сомниваются в том, что это отвечает интересам людей. Но я думаю, что они не существуют. По моему, Ханой – это столица, не похожая на другие города страны... Ханой красив и домами и деревьями.</i></p>
--	--

В данном примере эксперт отвечает на вопрос, не выражая собственной точки зрения, а опираясь на общественное мнение. Можно говорить о том, что взгляд собеседника косвенно выражает мнение общества. Критика не выражается напрямую, наоборот, говорящий смягчает ее при помощи похвалы городу.

В русских интервью нами зафиксированы как ситуации, в которых говорящие не выражают критику прямо, так и случаи, когда ответ на острый вопрос дается прямо. Рассмотрим следующий пример:

И.Воробьева: *Почему в конце концов не купить себе квартиру, пока ты находишься у власти и у тебя просто есть деньги свои собственные?*

А.Илларионов: *Вы знаете, мне кажется, ответ на ваш вопрос и на многие сопутствующие вопросы, которые задают и которые сейчас обсуждаются в нашем обществе, зависит от ответа на другой, главный вопрос: как мы воспринимаем наш сегодняшний режим, нашу политическую систему, наше государство и наше российское общество?..* (<http://echo.msk.ru/programs/personalno/1795752-echo/>)

В этом эпизоде А.Илларионов намеренно не дает прямого ответа на вопрос ведущего. Вместо этого он максимально расширяет тему и, таким образом, уходит от необходимости напрямую выразить свою точку зрения.

В американской культуре люди предпочитают прямо отвечать на вопросы или выражать свое личное мнение, несмотря на то, что это может вызвать неудовольствие или обидеть собеседника. Они высоко оценивают индивидуальные точки зрения. В качестве примера таких прямых ответов ниже приведены два примера ответа Дональда Трампа на вопрос о безработице и способах борьбы с ней:

<p>Trump: <i>Our jobs are fleeing the country. They're going to Mexico. They're going to many</i></p>	<p>Трам: <i>Наши рабочие места уходят из страны. Они идут в Мексику и в другие</i></p>
--	---

<p>other countries. You look at what China is doing to our country in terms of making our product. They're devaluing thier currency, and there's nobody in our government to fight them. And we have a very good fight. And we have a winning fight. Becauce they're using our country as a piggy bank to rebuild China, and many other countries are doing the same thing. So we're losing our good jobs, so many of them...</p> <p>Trump: Under my plan, I'll be reducing taxes tremendously, from 35% to 15% for companies, small and big businesses. That's going to be a job creator like we haven't seen since Ronald Reagan.....(https://www.youtube.com/watch?v=7BGYYaaLrTc)</p>	<p>страны. Посмотрите, что Китай делает с нашей страной с точки зрения создания нашего (национального валового) продукта. Они обесценивают свою валюту, а в нашем правительстве нет никого, кто мог бы им противостоять. А мы сможем это сделать, потому что китайцы используют нашу страну как свинью-копилку, чтобы восстановить их страну, и многие другие страны делают то же самое. Мы теряем рабочие места, так много рабочих мест...</p> <p>Трам: По моему плану, я буду значительно снижать налоги, с 35% до 15% для компаний, для малых и средних предприятий. Это будет создавать рабочие места, ничего подобного мы не видели со времен Рональда Рейгана ...</p>
---	--

Трамп прямо дает свои оценки причинам снижения количества рабочих мест в США, открыто называя виновников этого процесса (*Our jobs are fleeing the country. They're going to Mexico; they're using our country as a piggy bank to rebuild China, and many other countries are doing the same thing*). Также он косвенно критикует своих предшественников, которые со времен президентства Рональда Рейгана не смогли добиться успехов в создании новых рабочих мест.

Таким образом, даже отдельные элементы теле- и радиоинтервью могут значительно различаться с точки зрения коммуникативных стратегий и тактик. Представление собеседника в американских и вьетнамских деловых интервью часто сопровождается его похвалой. Данный элемент не является обязательным для интервью на российском телевидении и радио. Еще одно различие касается конфликтной коммуникации в ходе интервью: в то время как американская культура поощряет конфликт, вьетнамская культура стремится максимально избежать разногласий: коммуниканты предпочитают использовать косвенные способы выражения критики. Российская культура по этому показателю находится между двумя полюсами: участники интервью могут как вступить в конфликт, так и избежать его, используя тактику ухода от прямого ответа на «неудобный» вопрос.

Э.В. Шаламова

Сопоставительный анализ автомобильной рекламы

Аннотация: Исследуются особенности русской, китайской и американской автомобильной рекламы.

Ключевые слова: Слоган, реклама, национальные особенности.

Abstract: Peculiarities of Russsian, Chinese and American car advertising are studied.

Key words: Slogan, advertising, national peculiarities.

В настоящее время интенсивность рекламы автомобилей резко возросла, возросла частотность и разнообразие упоминания в рекламе качеств автомобилей.

Яркость и необычность, высокая креативность текстов автомобильной рекламы, их высокая запоминаемость формируют автомобильную рекламу как особый рекламный жанр. Многие рекламные тексты становятся стали прецедентными – *Превосходя ожидания!*(«Nissan»), *Управляй мечтой* («Toyota») и др.

Сравним автомобильную рекламу в разных культурах.

Обратимся к исследованию Ван Нина (Вань Нин 2015). Автор считает, что для русских важнейшей рекламной информацией об автомобилях по результатам, выступает (по убыванию): цена, технические характеристики, мощность двигателя и комфорт салона (в то время как для китайцев на первом месте безопасность, на втором экономичность расхода топлива и на третьем – технические характеристики машины.

Из этих результатов Вань Нин делает вывод, что российская автомобильная реклама на современном этапе делает ставку на эмоционально-образный фактор, а не на реальные качества автомобиля, что не соответствует установкам русского потребителя.

Проведенное нами исследование подтверждает этот вывод – характеристики рекламируемого автомобиля в российской телевизионной и печатной рекламе носят преимущественно эмоционально-образный характер (это относится как к названиям марок автомобилей, так и собственно к слоганам автомобильной рекламы).

А.Ю. Жданова (Жданова 2014) установила, что для российских покупателей наиболее эффективно при продаже автомобилей упоминание таких их качеств, как: *марка, цена, год выпуска, цвет, объем двигателя, см3, пробег (без пробега), тип коробки передач (АКП, механическая, парктроник/типтроник/мультиплекс), общая характеристика состояния (отличное, хорошее, удовлетворительное, на ходу, бит, после ДТП, царапины по кузову).*

Воспользуемся для описания классификацией основных метафорических моделей, используемых в рекламе автомобилей, выявленных в исследовании О.С. Иссерс (Иссерс 2014).

Всего нами были рассмотрены около 200 примеров слоганов. Здесь мы помещаем примеры только 3 групп:

- Автомобиль – это минерал, драгоценный камень, химический элемент. *Шевроле Кобальт. Фиат Хрома. Мицубиши Диаманте. Шевроле Санфир.*
- Автомобиль – это мечта, сон.

Форд Эспаейр (сильно желать). Мицубиши Мираж. Тойота Уиш (желание). Тойота. Управляй мечтой. Создан из ваших желаний (автомобили MERCEDES-BENZ, S-Класса). Volkswagen Polo. Я так хочу (автомобили VOLKSWAGEN Polo).

- Автомобиль – это праздник.

КИА Карнавал. ПЕЖО. Создан для удовольствия. Ниссан Лафеста (праздник). Порви будни! (Volkswagen Scirocco) и т.д.

Особенность современной автомобильной рекламы в том, что в ней очень часто содержится реклама качеств владельца, которые он приобретет как обладатель автомобиля соответствующей марки:

обеспечивает ваш престиж, символ успеха (*Когда в семье есть Logan, это значит – все отлично!*);

дает возможность испытать особые чувства от обладания автомобилем (*Новый BMW 3 серии Седан. Что делает атлета чемпионом? Техника сильных чувств*);

придает уверенность в себе (*Lexus GS. Полный контроль над зимней дорогой*);

удовлетворяет ваше желания (*Land Rover Freelander. Желания исполняются*);

дает возможность полноценной, яркой жизни (*«Хендай – живи ярко здесь и сейчас»*);

осуществляет ваши планы (*Land Cruiser. Покоряй мир вместе с ним!*) и т.д.

Автомобиль часто одушевляется, получает одушевленную характеристику: *надежный друг/партнер; у него (автомобиля) особый характер; она (машина) может быть очень злой; седан, который внушает уважение и под.*

Любопытно, что автомобильной лексики в автомобильной рекламе практически нет, кроме названия марки автомобиля.

Большой опыт в автомобильной рекламе имеют американцы. Формирование «автомобильной культуры» является важной частью американской национальной культуры. Любовь американцев к автомобилю начинается еще с фордовской «Модели Т». Разнообразные приемы, использовавшиеся в рекламе этого автомобиля, воплощены в небольших книжечках с анекдотами и шутками самого Г. Форда. Большую роль сыграли также лозунги, которые были размещены на бортах упомянутой модели.

И.Э. Коротаева (Коротаева 2003) в своем исследовании «Культурные особенности рекламы автомобиля в США» замечает, что автомобиль в США выступает не только в роли объекта и средства рекламы, но и является носителем рекламы. На примерах в данной работе рассмотрены различные виды рекламы автомобиля в США и способы, использующиеся в рекламных целях для воздействия на покупателей:

1. Появление «товар-мобилей (product-mobile) – имитируют рекламируемый товар формами и раскрасками своего кузова (Zippo Car – «зажигалко-мобиль», Hershey's Kissmobile – «киссмобиль» BTI Phone Car – «телефоно-мобиль», Wienermobile – «сосиско-мобиль».

2. Размещение рекламы на автомобилях: автомобили как бы упаковывают в рекламную пленку.

3. Появление виртуального тест-драйва – имитация загородной поездки (спецэффекты запаха, например, свежескошенной травы).

4. Использование специальных технологий при фотографировании автомобиля.

5. Реклама автомобилей в кинофильмах («Форд модели Т» в киноверсии «Трех мушкетеров», «Тандерберд» (T-bird) – «Горец», «Эльвира – покровительница тьмы».

6. Роль использования эмблемы, в которой отражена суть товара, положительные качества товара («Тандерберд» (Thunderbird, T-bird) – «Гром-птица» – сила и процветание владельца автомобиля).

7. Продвижение автомобильного бренда с помощью известных людей (Packard Twin Six – первый президентский автомобиль в Америке, Lincoln Ford

V8 «The Sunshine Special» с открытым верхом – автомобиль Франклина Рузвельта, Lincoln – синий лимузин с откидным верхом Джона Кеннеди).

Среди способов представления рекламы автомобиля (мотоцикла) автор статьи выделяет сравнение и словообразовательный способ сокращения названия (сокращение длинных слов до одно- или двусложных и / или прибавление уменьшительно-ласкательного суффикса «-у» – Caddy < Cadillac, Chevy < Chevrolet, limo < limousine).

Таким образом, китайская реклама автомобилей сосредоточена преимущественно на подчеркивании безопасности, экономичности и технических характеристик машины, российская – на подчеркивании положительных эмоций покупателя в случае приобретения автомобилей и обретении им престижа, хотя для россиян в реальности важна прежде всего марка, цена, год выпуска, цвет машины; американская реклама наиболее разнообразна и многофакторна.

Литература

1. Вань Нин. Слоган русской автомобильной рекламы в структурно-содержательном аспекте (на фоне китайской рекламы): диссертация...кандидата филологических наук: 10.02.01. – Пермь, 2015.
2. Жданова А. Ю. Коммуникативная эффективность частных рекламных объявлений в современном русском дискурсе: диссертация...кандидата филологических наук. – Воронеж, 2014.
3. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. – Изд. 2. М.: URSS, 2014.
4. Коротаева И.Э. Культурные особенности рекламы автомобиля в США // Вопр. гуманитар. наук. – М., 2003. – № 3. – С.102-109.

К.М. Шилихина

Метаязыковая оценка смысла слова носителями русского и английского языков

Аннотация: В работе описывается функционирование метаязыковых комментариев *в хорошем / плохом смысле слова* и *in the best / worst sense of the word* в русском и английском языках.

Ключевые слова: Металингвистический комментарий, оценка, значение слова, языковой корпус, норма, узус.

Abstract: The paper describes functions of metalinguistic comments *v khoroshem / plokhom smysle slova* and *in the best / worst sense of the word* in the Russian and English languages respectively.

Key words: Metalinguistic comment, evaluation, lexical meaning, language corpus, norm, usage.

Язык и речь играют особую роль в человеческой деятельности. Неудивительно, что не только лингвисты, но и обычные носители языка размышляют о свойствах языка и о собственной речевой деятельности. Такие размышления «второго порядка», «... спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как *язык, речь, слово, смысл, значение, говорить, молчать* и др.» (Арутюнова 2000, с.7) принято называть метаязыковыми или металингвистическими (Кашкин 2013, Шилихина 2014).

Исследователи указывают на уникальное свойство естественного языка как знаковой системы: это свойство заключается в возможности говорить об «устройстве» языка на этом же самом языке. В повседневной коммуникации это свойство реализуется в рассуждениях о «правильном» и «неправильном» употреблении слов, «порче языка» и т.д. (Стернин 2016).

Рядовые носители языка уделяют много внимания не только формальным, но и содержательным аспектам коммуникации. В данной работе речь пойдет о спонтанных метаязыковых действиях, которые можно назвать (мета)семантической рефлексией: это выражение отношения говорящего к содержательной стороне высказывания, а именно – оценки смысла слов по шкале «хорошо-плохо». В русском и английском языках такая рефлексия выражается в речи с помощью комментариев *в хорошем / плохом смысле слова* и *in the best / worst sense of the word*. Эти фразы позволяют говорящему, во-первых, обратить внимание адресата на нетривиальный выбор языковых средств, с помощью которых описывается ситуация; во-вторых, такие комментарии необходимы для того, чтобы управлять процессом понимания в тех случаях, когда потенциально оказываются возможными несколько вариантов понимания сказанного.

Для анализа того, как эти комментарии функционируют в различных модусах коммуникации, для русского языка использовались данные основного, газетного и устного подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), для английского – контексты, извлеченные из The Corpus of Historical American English и NOW Corpus.

1. Метаязыковые комментарии *в хорошем / плохом смысле слова*

В русском языке эти комментарии появляются рядом со словами, в семантике которых важную роль играет коннотативный оценочный компонент. Можно выделить несколько типов коммуникативных ситуаций, в которых используются такие комментарии.

Ситуация 1. С помощью комментария *в хорошем смысле слова* говорящий обращает внимание адресата на то, что слово, в значении которого закреплена негативная оценка, в новом контексте меняет ее на положительную:

[1] *Лившиц был теоретик, мыслитель, и я думаю, что он **навязал, в хорошем смысле** этого слова, Ельцину много важных экономических решений, которые определили облик эпохи 1990-х годов.*

[2] *Но что же он помнит об Илье? Что это был очень **упрямый – в хорошем смысле** – паренек. И очень порядочный. Что-то не получалось на тренировке – идет переделывать. Сто, двести раз.*

[3] *Знаешь, чему **завидую, в хорошем смысле**? Когда я услышал, что фильм «Горько!» стоит полтора миллиона, а заработал – 25.*

В современном русском языке негативная коннотация, закрепленная за словами *навязывать*, *упрямый*, *завидовать*, фиксируется словарями: так, одно из значений глагола **навязать** – *заставить кого-нибудь принять что-нибудь, обременить кого-нибудь чем-нибудь против воли*, **упрямый** – *крайне неуступчивый, не поддающийся уговорам, настаивающий только на своем*, **завидовать** – *испытывать чувство зависти, жалеть, что у самого нет того, что есть у другого*. Однако в приведенных выше контекстах благодаря

метаязыковому комментарию все эти слова теряют негативную оценку при том, что суть дела остается без изменений.

Ситуация 2. Реже наблюдается ситуация, когда положительная оценка заменяется на отрицательную, (примеры 4 и 5):

[4] *Есть ощущение, что у ЦСКА разлад не на поле, а за его пределами. Иными словами, проблема неигрового плана. Очень много **появилось звезд в плохом смысле** этого слова.*

[5] *По сравнению с иномарками наши машины, конечно, **вне конкуренции** – в плохом смысле* этого слова.

Ср. контексты, содержащие те же лексические единицы, без окказиональной смены оценки:

[6] *Жаль, что на сей раз Денис не пробился в финал. Ничего, со всеми бывает... У меня часто спрашивают, когда же у нас в мужской сборной **появится звезда** уровня Мустафиной в женской. Но разве Аблязин не звезда?!*

[7] *«В это Рождество iPad будет **вне конкуренции**», – заявил на телеконференции с аналитиками гендиректор Apple Тим Кук.*

Ситуация 3. Третий вариант – это ситуации, когда слово может приобретать как положительную, так и отрицательную оценку в зависимости от контекста. В таком случае с помощью комментария говорящий снимает неоднозначность:

[8] *Приходится признать, что игра у железнодорожников не выстроена. Команда **в плохом смысле этого слова непредсказуема** – непонятно, как она проведет следующий матч.*

[9] *И если вы прослывете **в хорошем смысле непредсказуемым** человеком, то с вами всегда будет интересно [А. Новак. Другая книга, которое нет. 20 наиболее эффективных инструментов саморазвития].*

Поскольку **непредсказуемый** – такой, что невозможно предсказать, или (о человеке) такой, поступки которого невозможно предугадать, предвидеть, для правильного понимания того смысла, который вкладывает в свои слова говорящий, необходимо дополнительное пояснение, как именно оценивается данное качество в конкретной коммуникативной ситуации.

Есть случаи, когда одно и то же слово регулярно употребляется для выражения как положительной, так и отрицательной оценки, т.е. такое употребление языковых единиц можно считать не окказиональным, но уже закрепленным в узусе. Примером такой регулярной «коннотативной энантиосемии» может служить прилагательное *консервативный*:

[10] *Наш театр **в хорошем смысле консервативен**, то есть, мы не распахиваем двери всему тому, что окружает нас на сегодняшний момент.*

[11] *Более **консервативными (в плохом смысле этого слова)** оказались только сербы, алжирцы и жители республики Бурунди*

Особенно интересны ситуации, когда говорящие отмечают саму возможность использования слов как с положительной, так и с отрицательной коннотацией:

[12] *Сократите до необходимого минимума общение с теми, к кому вы **неравнодушны** – и в хорошем, и в плохом смысле этого слова.*

[13] *Пока наши шансы на первое место можно расценить как 5-процентные. На второе – 50 на 50. Впрочем, наша команда **всегда умела удивить**. Как в хорошем, так и в плохом смысле.*

Такие случаи употребления комментариев *в хорошем / плохом смысле* отражают интуитивные представления носителей русского языка, во-первых, о том, что нейтральная лексика может приобретать коннотации в контексте; во-вторых, об изменчивости оценочного компонента значения слова. Несмотря на то, что в лексической системе за словом может быть закреплен только один вариант оценки, в узуальном или окказиональном употреблении оценка может «менять знак».

2. Метаязыковые комментарии *in the best / worst sense of the word*

В англоязычном дискурсе металингвистическими комментариями, с помощью которых говорящие маркируют коннотативный компонент, являются фразы *in the best / worst sense of the word*. Их использование объясняется теми же причинами: потребностью временно «сменить» или «отменить» коннотацию, снять многозначность там, где есть возможность двоякой интерпретации, обратить внимание адресата на необычный способ выражения мысли. Приведем несколько примеров:

[14] *Both movies – about a murderous man-size possum – are **amateur in the best sense**: goofy and lacking in professional polish, but well structured, made with love and highly watchable.*

[15] *Worse off, still, it would seem would be the brands who don't make the hardware, the Dells of the world. They're **a middleman in the worst sense** – their brand is squeezed, and they're passing on guts made by another company entirely. It's almost like, "Why do you even exist?"*

Обратим внимание на то, что комментарии *in the best / worst sense of the word* сопровождаются комментариями, в которых раскрываются причины, по которым в данном контексте слово меняет имеющуюся коннотацию или приобретает новую. Так, в примере 14 характеристика *amature*, которую дает фильмам говорящий, – это не только «глуповатый и сделанный без профессионального лоска», но и «хорошо структурированный, сделанный с любовью, такой, который приятно смотреть». В примере 15 стилистически нейтральное слово *middleman* приобретает негативную оценку, поскольку для говорящего важно, что компания, о которой идет речь, пользуется чужой славой, ничего не создавая самостоятельно. Такие пояснения – это пример дескриптивного развертывания оценки (Арутюнова 1999).

Интересны случаи, когда комментарий усиливает уже имеющуюся положительную или отрицательную оценку:

[16] *I realise that there are people whose life circumstances, through no or little fault of their own, have been so calamitous that they will require **a great deal of help and charity (in the best sense of the word)** to improve their condition.*

[17] *Maybe because Tioté is **the most ruthless (in the worst sense of the word)** player in the league at present and despite his record number of yellow cards, he often gets spared by incompetent refereeing.*

Такое использование комментариев *in the best / worst sense of the word* можно объяснить желанием говорящего обратить внимание адресата именно на оценочный компонент значения слова. Отметим, что в русском конкордансе использование комментариев для усиления оценки не зафиксировано.

Наконец, как и в русскоязычной коммуникации, есть случаи, когда говорящий

указывает на возможность использования слова для выражения как положительной, так и отрицательной оценки:

[18] *Fry said he was not arguing that all television should be pompous, academic or intellectual. "But they ought to surprise and to astonish and to make us feel perhaps the possibility there is a world outside that we know nothing of to provoke us, to provoke in the best sense of the word, sometimes in the worst sense," he said. "To surprise us, to outrage us."*

Как и в приведенных выше примерах, говорящий объясняет, почему глагол *to provoke* может выражать как положительную, так и отрицательную оценку: *провоцировать* может иметь следствием удивление, но также реакцией на провокационное воздействие телевидения может быть и эмоция ярости.

Материал двух языков показывает, что смена «знака» оценочного компонента значения – это регулярный коммуникативный процесс, причем количественно изменение отрицательной коннотации на положительную происходит гораздо чаще. Так, по данным НКРЯ, на 630 вхождений комментария «в хорошем смысле» из основного, газетного и устного подкорпусов встречается только 40 примеров употребления комментария *в плохом смысле*.

Комментарии *в хорошем / плохом смысле слова* и *in the best / worst sense of the word* хорошо иллюстрируют интуитивно ощущаемую носителями языка разницу между *значением* – т.е. конвенциональной информацией, которую слово кодирует как знак, и *смыслом* – индивидуально воспринимаемой информацией, связанной с конкретной ситуацией и контекстом (Кобозева 2000): металингвистические комментарии указывают на то, что в дискурсе происходит изменение смысла, при том, что значение остается неизменным.

Литература

1. NOW Corpus (News on the Web). – URL: <http://corpus.byu.edu/now/>
2. The Corpus of Historical American English (COHA). – URL: <http://corpus.byu.edu/coha/>
3. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // *Язык о языке*. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 7-19.
4. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. – Москва: Языки русской культуры, 1999.
5. Кашкин В.Б. Обыденные представления о языке и научная лингвистика // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2013. – № 15. – С. 34-38.
6. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // *Язык о языке*. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 303-359.
7. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>
8. Стернин И.А. Лингвистическая мифология в обыденном языковом сознании // *Лингвистика без границ. Сб-к статей памяти В.Б. Кашкина*. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. – С. 106-130.
9. Шилихина К.М. Семантика и прагматика вербальной иронии. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014.

В.А. Шкунников

Распределительная множественность в системе русского и английского глагола

Аннотация: В статье анализируется один из вариантов глагольной множественности в русском и английском языке – распределительная плюральность. Раскрывается механизм воспроизведения распределительной семантики и сопутствующих ей значений в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: Акциональные модификаторы, базисные лексические средства, видовая соотносительность.

Abstract: The paper analyzes one of the variants of verbal plurality in the Russian and English languages – the distributional one. The mechanism of reproduction of distributive semantics and concomitant meanings in comparable languages is revealed.

Key words: Actional modifiers, basic lexical means, aspect correlation.

Среди наиболее важных концептов, получивших закрепление в системе языка, едва ли не важнейшим является концепт количества, поскольку человеческое существование немыслимо без исчисления количественной стороны мира. Обыкновенно его понимание связывается с представлением о так называемой вещественной количественности, к средствам выражения которой относятся грамматические и неграмматические явления, помогающие осуществлять количественную квалификацию предметов. Это, в частности, морфологическая категория числа имен существительных, грамматический класс числительных, неглагольные слова с количественной семантикой, отдельные синтаксические конструкции. Непосредственно к ним примыкают грамматические средства, выполняющие чисто согласовательную функцию, т.е. сообщающие количественную характеристику не обозначаемым ими реалиям, а реалиям смежным (ср. категорию числа имен и глаголов). Еще одну разновидность образуют неграмматические средства количественной квалификации глагольных процессов, иначе говоря – глагольные действия, измеряемые с количественной точки зрения. С полным основанием сюда могут быть причислены глаголы типа *стащить, снести, сбежаться, съехаться, слететься, сползтись* и т.п. И хотя рассматриваемый здесь тип глаголов не был обойдён вниманием исследователей, многие вопросы, касающиеся их функционально-семантической специфики, до сего времени не имеют однозначного решения. Одни исследователи склонны полагать, что анализируемые глаголы представляют один из вариантов накопительно-суммарного значения (Русская грамматика 1980, с. 603). Другие считают, что они не имеют никакого отношения к накопительности, подчёркивая, что накопительно-суммарное значение представляет собой «достижение итогового значительного количества одних и тех же результатов путём многократного осуществления действия одного глагола» (Шелякин 2008, с. 183). При некотором отвлечении от указанных точек зрения следует заметить, что глаголы этой разновидности семантики, т. е. маркированные приставкой *с-*, (*со-*), указывают на накопление множества объектов или субъектов в определённом пространстве, причём признак множественной распределённости действия, присущий едва ли не большинству глаголов с количественной семантикой, оказывается у них выраженным нечётко. Сходство рассматриваемых глаголов с многократными, образованными посредством различных аффиксальных морфем, проявляется и ещё в одном отношении: для указания на множество субъектов используются только глаголы с постфиксом *-ся* (*съехаться, сбежаться, слететься*). Если говорить об отношениях данного структурно-семантического разряда глаголов с морфологической категорией вида, то следует указать на то, что анализируемые лексемы более или менее свободно употребляются в обеих видовых формах: *свезти / свозить, согнать/сгонять, стащить/стаскивать, свести/сводить, сне-*

сти / сносить, съехаться / съезжаться, слететься / слетаться, сбежаться / сбежаться. Факты языка свидетельствуют о том, что возможность реализации этих форм практически допустима во всех частных значениях как совершенного, так и несовершенного вида. Ср.: Тоннель был набит людьми... Оказалось, что сюда сбежалась целая деревня, спасаясь от авиации (В. Катаев); Голод согнал сюда представителей чуть ли не всех охваченных несчастьем губерний (М. Горький); Теперь осень наступает, – прибавила она, – съедутся все в город (И. Гончаров); Скоро вся дворня мало-помалу начала сходиться на кухню (Н. Гоголь), К священнику после обедни сходились пить чай все русские среднего сословия (В. Соловьев); Окрестные и дальние рыбаки свозили в город рыбу (А. Куприн).

Круг производящих основ анализируемых глаголов с приставкой с-(со-) очень узок. Это исключительно глаголы перемещения, ядро которых образуют лексические единицы со значением однонаправленного и неоднаправленного движения (да и то далеко не все): *ехать – ездить, везти – возить, таскать – тащить, гнать – гонять, вести – водить, нести – носить, лететь – летать, бежать – бегать*. Остальные основы не поддаются сколько-нибудь последовательной систематизации. Общим для них является, как уже отмечалось, лишь то, что их реализация не обходится без указания на пространственный признак.

Весьма малой продуктивностью характеризуются и распределительные глаголы с приставкой о- (*об-, обо-*), которые ориентируют обозначаемые ими действия либо на совокупность тех или иных объектов, либо на части одного и того же вещественного объекта (но не на совокупность субъектов). При этом стабильно выражаемый ими признак распределённости несколько трансформируется. Эта трансформация обнаруживается в том, что данные глаголы фиксируют распространение действия на все без исключения однородные элементы одного предмета (*обстирать ребёнка, обшарить карманы куртки, обвязать внучку, обломать все ветки дерева, обрыскать весь свет* и т. п.) или же на охват действием по одному (нескольким) параметрам всей массы элементов, составляющих данное множество (*объехать все прииски, обшить всех, многих, детей, одарить всех победителей, опросить всех свидетелей, обзвонить всех сотрудников и т. п.*).

Надо, однако, иметь в виду, что границы между двумя указанными разновидностями распределительных глаголов условны и поэтому весьма подвижны. Простейший эксперимент показывает, что при элиминации имени предмета, которому принадлежат осваиваемые действием однородные элементы, распределительные глаголы первой группы ничем уже не отличаются от глаголов второй группы. Ср.: *облазить все помещения корабля — облазить все помещения, обшарить карманы куртки – обшарить карманы* и т.д. Наоборот, ввод дополнительного распространителя в объектный комплекс словосочетаний второй группы делает их тождественными словосочетаниям первой группы. Ср. *объехать все прииски – объехать все прииски Магадана, обзвонить всех сотрудников – обзвонить всех сотрудников редакции*. И более того, в случае употребления имени предмета, которому принадлежат освоенные действием однородные элементы во множественном числе, распределительные глаголы с

приставкой (*о-* *об-*) фиксируют одновременно распространение действий и на все предметы данного вида, и на все их однородные составляющие. Ср. *обшарить карманы куртки* — *обшарить карманы курток*.

У отдельных глаголов этого типа значение распределённости может получать внешнюю поддержку со стороны вторичного префикса *по-*, который вступает в контакт с глагольными основами и совершенного (*по-оббить*, *по-обтрясти*) и несовершенного вида (*по-обламывать*, *по-оббивать*). Однако такого рода полипрефиксальные глаголы малочисленны. Малый Академический словарь русского языка (МАС 1987, с. 258) фиксирует лишь единичные факты. Однако вне рамок литературного языка возможности функционирования рассматриваемых полипрефиксальных глаголов несколько расширяются за счёт просторечных, диалектных, народно-поэтических и окказиональных образований.

Употребление некоторых из полипрефиксальных глаголов со временем стало фразеологически связанным. Так, в предложениях: *Прежде чем она получила комнату, много ей пришлось пооббивать порогов* и *Жизнь пообломала ему бока* глаголы *пооббивать*, *пообломать* соответственно имеют значения «выступать в роли просителя во многих местах» и «претерпевать сильные изменения в характере под влиянием горьких жизненных уроков».

В отличие от распределительных глаголов с другими специализированными приставками глаголы данного структурно-семантического типа более или менее свободно употребляются в обеих видовых формах: *обойти* / *обходить*, *обзвонить* / *обзванивать*, *обшить* / *обшивать*, *обстирать* / *обстирывать*, *одарить* / *одаривать*, *опросить* / *опрашивать*, *облететь*/ *облетать*, *обнести*/ *обносить*, *оклеить*/ *оклеивать*, *оббегать* / *оббегать*, *обобратить* / *обирать*, *объехать* / *объезжать*, *обскакать*/ *обскакивать* и т.п. Однако возможности реализации этих форм отнюдь не одинаковы. Глаголы совершенного вила легко реализуются во всех допустимых частных значениях данного вида – конкретно- фактическом: *Он прослужил целое полстолетие и обвешался всякими орденами и знаками различия* (А. Железняков); потенциальном: *Хотели послать лошадей, говорят – на машине все цветы обобьёшь, сделаешь из них зелёную кашу* (К. Паустовский); суммарном: *С наступлением праздников дважды он одарил всех детей подарками. Без каких-либо ограничений данный тип лексики употребляется также в конкретно- процессном частном значении несовершенного вида, однако лишь в сфере прошедшего времени: В пяти шагах от меня девица в розовой шляпке одаривала толпившихся около неё крестьянских девушек перстеньками и серёжками* (В. Даль). Вместе с тем только единичные из них могут выражать это же значение, в частности, в настоящем актуальном времени: *Он обзванивает сотрудников; Следователь опрашивает очевидцев произошедшего, хотя, как нетрудно заметить, глаголы и в этих случаях с трудом укладываются в схему ответа на вопрос «Что он сейчас делает?»*. Более обычно их употребление в кратном частном значении: *Над обрывом, там, где кончались развалины замка, сидели Вольф и Хлынов. Они ещё раз облазили все закоулки, поднялись на квадратную башню* (А.Н. Толстой). К тому же, глаголы несовершенного вида очень часто (гораздо чаще, чем перфективы) употребляются в других

(нераспределительных) значениях.

К числу глагольных основ, на базе которых образуются глаголы данного структурно-семантического типа относятся:

а) глаголы со значением получения объекта: *брать – обобрать всех вредителей с растений, воровать – обворовать всё население и т.д.*;

б) деструктивные глаголы: *бить – оббить всю эмаль с кружки, колоть – обколоть все пальцы иглой, ломать – обломать все ветки с куста и т. д.*;

в) глаголы со значением восприятия: *нюхать – обнюхать все цветы, щупать – ощупать больного и т.д.*;

г) глаголы со значением скрепления, соединения: *клеить – обклеить все стены, вязать – обвязать всех близких и т.д.*

Исключение составляют только бесприставочные глаголы однонаправленного и реже – ненаправленного движения, которые с другими распределительными приставками не взаимодействуют: *бегать – обегать все аптеки, ездить – объездить все страны, лететь – облететь все поля, идти – обойти все аудитории, лазить – облазить все закоулки и т.д.*

В итоге оказывается, что несмотря на относительную малочисленность распределительных глаголов с приставкой *о-* (*об-*, *обо-*), они обладают обширной словообразовательной базой, будучи связаны по этой линии с другими подклассами количественно характеризованной лексики.

Анализ английской глагольной лексики с точки зрения её способности к передаче распределительной семантики свидетельствует о том, что механизм реализации такого значения в английском языке проявляет заметные признаки системности. Как правило, имена действия – носители соответствующего признака, представляют собой комплекс семантических показателей, связанных между собой системой иерархических отношений. Однако общее для русского и английского языков понятие распределительной множественности, положенное в основу настоящего анализа, не исключает наличие между ними различий частного порядка. Частные особенности сопоставляемых языков обнаруживаются, прежде всего, в том, что в системе английского глагола полностью отсутствуют специализированные акциональные морфемы, ответственные за реализацию распределительной семантики в русском языке. В большинстве случаев английский глагол, взятый в изолированном виде, т.е. без соответствующей актуализирующей поддержки, оказывается не в состоянии передать соответствующее значение, опираясь для этого на сопутствующие языковые средства. По этой причине английский глагол никак не реализует признак количественной распределённости, зачастую представленный в содержательной структуре русских глаголов данного структурно-семантического типа.

Нередко в содержательной структуре указанных глаголов признак распределённости действия совмещается с равнозначным ему в функциональном отношении признаком разовости. При переводе таких глаголов на английский язык обыкновенно передаётся признак разовости, тогда как признак количественной распределённости действия никак не репрезентируется и обычно домысливается участниками коммуникации, как в случаях: сносить/снести – bring together, pile up; сбегаться/сбежаться – gather,

collect, to gather around; съезжаться/съехаться – assemble, come together; слететься/слетаться – fly together; сползаться/сползтись – slip together; сходитьсь/сойтись – gather, come together; свозить/свезти – bring together; сгонять/согнать – drive together; объехать/объезжать – travel over; обходить/обойти – go, make one's rounds; обшить/обшивать – make clothes for, “she does all the sewing for the family”; обстирать/обстирывать – do all the washing for the family; одаривать/одарить – give presents; опрашивать/опросить – interrogate, examine the witnesses; облетать/облететь – fly all over; обирать/обобрать – to pick “gather berries”, etc.

Отмечаемое обстоятельство в полной мере соответствует так называемому интерпретационному способу распределительной характеристики глагольного действия, когда значение многоактности и разовости разграничивается лишь с помощью знания соответствующей ситуации. Обязательное участие контекстной поддержки и различного рода ситуативных сведений в выражении распределительной семантики в английском языке подкрепляется повышением роли грамматических средств, акцентирующем внимание либо на достигнутой степени действия, либо на его длительности и развитии во времени.

Литература

1. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 1. – М.: Наука 1980.
2. Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. – М.: ЛКИ, 2008.
3. Малый академический словарь русского языка. – М., 1985 – 1988.

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в области концептологии и культурологии

И.Л. Бузук

Оязыковление малагасийской действительности во французской и русской двуязычной лексикографии

Аннотация: Статья посвящена процессу оязыковления малагасийской действительности в малагасийско-французском словаре А. Абиналя и В. Мальзака и малагасийско-русском словаре Л.А. Корнеева. Рассматривается проблема взаимодействия малагасийского и французского, малагасийского и русского языков через R, C и L-реалии.

Ключевые слова: Реалия, оязыковление, действительность, R-реалии, C-реалии, L-реалии.

Abstract: The paper is devoted to the process of verbalization of Malagasy reality in A. Abinal and B. Malzac's Malagasy-French dictionary and L.A. Korneev's Malagasy-Russian dictionary. The problem of interaction between the Malagasy and French, Malagasy and Russian languages through the R, C and L-realias is studied.

Key words: Realia, verbalization, reality, R-realias, C-realias, L-realias.

«Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, развития их общественного сознания» (Тер-Минасова 2000, с. 40). В этом контексте особую

актуальность приобретают те исследования, которые обращены к проблеме диалога культур, языковых контактов, взаимодействия и взаимовлияния языков и культур.

В фокусе нашего внимания находятся слова-реалии малагасийского лингвокультурного пространства и их оязыковление средствами французского и русского языков. *Реалия* понимается (вслед за Н.А. Фененко) как «парная лакуне категория контрастивной лингвистики, обозначающая наличие в одном языке готовой номинации для обозначения сигнификата (а для денотатной лексики – и денотата) языковой единицы соответствующей лингвокультуре, на фоне отсутствия такой номинации в другом языке» (Фененко 2013, с. 22).

Материалом для исследования послужили двуязычные словари: «Малагасийско-французский словарь» А. Абиналя и В. Мальзака и «Малагасийско-русский словарь» Л.А. Корнеева, из которых было выделено по 416 лексических единиц. Как отмечает Л.А. Карташова, словарь А. Абиналя и В. Мальзака является одним из лучших словарей малагасийского языка своего времени, данными которого пользуется и русский лексикограф Л.А. Корнеев при составлении «Малагасийско-русского словаря» (Карташова 2011, с. 206).

Упомянем, что при анализе процесса оязыковления малагасийской действительности мы исходили из лингвистической теории реалий, разработанной Н.А. Фененко и А.А. Кретовым. Рассматривая реалии в триаде «семантического треугольника» («предмет-понятие-слово») ими была введена система терминов для обозначения каждой из этих сторон реалий: R-реалии (от французского *réalité* – действительность) – для обозначения предметов реальной действительности (артефактов, натурфактов); С-реалии (от французского *concept* – понятие, концепт) – для обозначения культурных концептов и L-реалии (от французского *lexème* – слово) – для обозначения языковой номинации (Фененко 2013, с. 5).

Анализ эмпирического материала показал, что и французский, и русский языки при оязыковлении малагасийских реалий прибегают к различным типам реноминации. Первое, что приходится констатировать – это использование русским языком только лишь комплексных типов реноминации, предполагающих введение в русскую дефиницию двух и более видов реалий. При этом ему же свойственно меньшее разнообразие типов реноминации: во французском языке зарегистрировано – 11 типов, а в русском – 8.

Сопоставительное изучение приемов семантизации различных лексических единиц выявило, что при передаче малагасийских реалий на французский язык в малагасийско-французском словаре А. Абиналя и В. Мальзака предпочтение отдается введению С-реалий во французскую концептосферу. При освоении малагасийских R и С-реалий французская С-реалия была введена в 375 случаях. Данный факт свидетельствует о стремлении французского языка избежать заимствования слова путем увеличения длины текста. Рассмотрим это явление на конкретном примере.

Tapabátana - Herbe qui empoisonne; à petite dose, c'est un purgatif; *Tachiadenus longiflorus*. C'est aussi le nom d'une plante excessivement amère; *Rhodocodon madagascariensis* (отравляющая трава; в малых дозах является слабительным

средством. Также это название очень горького растения⁹) (Abinal, Malzac 1955).

В приведенном примере можно наблюдать простой тип реноминации, схематически отображаемый следующим образом: «чужая» R-реалия → «своя» C-реалия. Мы видим, что для объяснения малагасийской R-реалии в дефиницию вводится достаточно развернутая французская C-реалия, формирующая новое понятие во французской концептосфере, но оставляющая L-лакуну.

Для сравнения рассмотрим семантизацию представленной реалии в малагасийско-русском словаре: «*tapabátana* - тапабатана (растение *Tachadenus longiflorus* или *Rhodocodon madagascariensis*) (Корнеев 1987). Оязыковление малагасийской реалии в русском языке происходит путем введения L-реалии, т.е. заимствования слова с последующим введением русской R-реалии, суть которой заключается в подборе эквивалента «своей» культуры для реалий «чужой» культуры через гипероним – *растение*. Схематически данный тип реноминации можно изобразить так: «чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия.

Сравнение дефиниций, представленных во французском и русском словарях, показывает, что французский язык дает более широкое представление о малагасийском фитониме, сообщая его свойства, тем самым частично закрывая концептуальную лакуну у носителей французского языка. В русской же дефиниции наблюдается существенное изменение сигнификата, поскольку слово *растение* не сообщает носителю русского ментально-лингвального комплекса практически ничего, что заполнило бы C-лакуну и расширило его концептосферу. В этом случае наблюдается нивелирование мужкультурных различий и создание ложного представления о том, что «везде все так же» (Гарбовский 2007, с. 403).

Что касается латинских идентификаторов, присутствующих в определениях двух словарей и отсылающих к ботанической классификации растений, их можно рассматривать как элемент потенциальной экспликации, не выполняющей своей уточняющей, конкретизирующей функции расширения концептосферы читателя перевода.

По частоте употребления следующей после C-реалии является введение французской R-реалии. Общее количество примеров с ее использованием составляет 55.

Например, описание малагасийской реалии *Lahiròà* во французском словаре выглядит так: «Arbuste» (кустарник) (Abinal, Malzac 1955). Простой тип реноминации «чужая» R-реалия → «своя» R-реалия сводится к подмене малагасийской R-реалии французской R-реалией путем сближения «чужого» денотата со «своим».

Проследим описание этой же реалии в русской лексикографии: «*lahiròà* - лахируа (вид кустарника)» (Корнеев 1987). Из примера видно, что из языка-источника русским языком заимствуется L-реалия (новая лексическая единица), переданная при помощи транслитерации. За ней следует французская C-реалия, которая приблизительно передает семантику малагасийской R-реалии. Формальным показателем приблизительности выступает слово *вид*. Оязыковление малагасийского слова в представленном примере можно

⁹ Здесь и далее перевод с французского наш. – И.Б.

схематически представить следующим образом: «чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» C-реалия.

Создание французской R-реалии при описании малагасийской действительности пусть и значительно реже, но возможно и в комплексных типах реноминации. К примеру: «*NÈNY* - Maman; nom adressé à la mère, à la tante, à la nourrice, aux femmes plus âgées» (мама; обращение к матери, тете, кормилице, к женщинам старшим по возрасту) (Abinal, Malzac 1955). В данном случае для воссоздания «чужого» (в нашем случае малагасийского) культурного концепта французский язык ищет соответствующий эквивалент в «своей» культуре и находит его в «своей» R-реалии - *taman*, за которой следует экспликация средствами «своего» языка (C-реалия). Схематически процесс видится следующим: «чужая» C-реалия → «своя» R-реалия + «своя» C-реалия.

В русском словаре значение слова *nèny* описывается следующим образом: «нени (уважительное обращение к тетке, кормилице или старшей по возрасту женщине)» (Корнеев 1987). В русском языке процесс реноминации осуществляется путем использования чужой транслитерированной лексической единицы, т.е. L-реалии с последующей ее экспликацией через «свою» C-реалию.

И, наконец, наименее частотными для французского словаря являются случаи введения «чужой» L-реалии. Нами было зафиксировано 40 подобных случаев. Здесь следует отметить, что при описании малагасийского лингвокультурного пространства появление малагасийских L-реалий в простых типах реноминации является достаточно редким явлением (всего 4 примера из 416). Куда чаще L-реалии вводятся в комплексе с французскими C и R-реалиями. Рассмотрим примеры.

NÀTO - Natte, arbre dont l'écorce sert à faire une teinture rouge. *Imbricaria madagascariensis* (дерево нату, кора которого используется для изготовления красного красителя) (Abinal, Malzac 1955). Данный пример иллюстрирует введение во французскую дефиницию L-реалии, где можно наблюдать орфографическое освоение слова: передачу малагасийского слова средствами французской графики. Слово *NÀTO*, обозначающее инокультурную реалию, не вызывает никаких ассоциаций во французском сознании без введения «своей» C-реалии, конкретизирующей, о чем идет речь – *дерево*, и указывающей на предназначение данного предмета. Процесс выглядит так: «чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» C-реалия.

Малагасийско-русский словарь дает следующее описание анализируемого слова: «*nàto* - нату (дерево *Imbricaria madagascariensis*; из коры приготавливают красный краситель)» (Корнеев 1987). Способы семантизации совпадают: появление L-реалии, за которой следует «своя» C-реалия, эксплицирующая те же релевантные черты малагасийской R-реалии.

Довольно часто при толковании малагасийских реалий можно наблюдать введение L-реалии, являющейся составной частью C-реалии. Например: «*DÀBO* - Variété de l'Ambolo» (разновидность **амбулу**) (Abinal, Malzac 1955). Введение французской C-реалии, составной частью которой является незаимствованная лексическая единица (L-реалия), не раскрывает сущности описываемого явления и не способствует расширению концептосферы носителей французского языка. Лишь дальнейшее обращение к словарю и поиск слова *амбулу* поясняет: «*Ambolo*

– nom de la sauterelle verte» (название зеленого кузнечика) (Abinal, Malzac 1955).

Русский язык в отличие от французского заимствует малагасийскую лексическую единицу, сопровождая заимствование введением «своей» С-реалии: «*dàbo* - дабу (вид кузнечика)» (Корнеев 1987).

Для тех случаев, которые попадают под такой тип реноминации, как «чужая» R,С-реалия → «своя» С-реалия + L-реалия (малагасизм в С-реалии), мы предлагаем (вслед за А.А. Кретовым) использовать термин *криптомалагасизм* (Кретов 2006, с. 82).

Таким образом, реалии, являясь важнейшим источником информации о «чужой» культуре, передаются в двух языках тремя основными способами: путем замены «чужой» реалии «своей» (R-реалия), путем воссоздания «чужого» культурного концепта средствами «своего» языка (С-реалия) и путем заимствования «чужой» лексической единицы, передающей «чужой» культурный концепт.

В ходе сопоставительного анализа возможных способов оязыковлени малагасийских реалий во французской и русской лексикографии было выявлено, что двум языкам свойственны две совершенно разные стратегии. Французский язык отдает предпочтение простым типам реноминации, а важнейшим приемом оязыковлени малагасийской действительности является создание С-реалии. Авторы французского словаря довольно часто прибегают к объемистым экспликациям, свидетельствующим об отсутствии аналогичного концепта в их языке, и делают все возможное, чтобы избежать заимствования чужой лексической единицы.

В сравнении с русским языком, где введение L-реалии – это норма, так как заимствование произошло во всех 416 случаях, складывается впечатление, что представители французской культуры готовы сложить головы на коммуникативных баррикадах, лишь бы уберечь свой язык от вторжения «инородных» слов. Представители же русской культуры проявляют отзывчивость и открытость другим культурам.

Введение «чужой» L-реалии в русском языке сопровождается довольно часто созданием С-реалии, что делает ее вторым по частоте употребления приемом при оязыковлени малагасийской действительности. Тот факт, что введение R-реалии является наименее частотным приемом оязыковлени малагасийской действительности, говорит о трудностях установления эквивалентности между малагасийскими и русскими реалиями, связанных с различием двух лингвокультур.

Литература

1. Abinal A., Malzac V. Dictionnaire malgache-français: Mission catholique de Tananarive, Madagascar. – Ed. Maritimes et d'Ourte-Mer, 1955.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
3. Карташова Л. МАДАГАСКАР и Я. – Москва: Экон-Информ, 2011.
4. Корнеев Л.А. Малагасийско-русский словарь / Под ред. Ф. Ракутусона. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1987.
5. Кретов А.А. Малагасизмы в русском языке // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. № 2. – С. 80—91.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово / Slovo, 2000.

7. Фененко Н.А. и др. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации / под ред. Н. А. Фененко, А. А. Кретьева. – Воронеж: Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2013.

Н.Г. Закутская

Некоторые вопросы развития гендерной лингвистики в английской и итальянской лингвокультурах

Ключевые слова: Гендерная лингвистика, женский род, гендер.

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу жизнеспособности некоторых гендерно маркированных форм в английском и итальянском языках.

Abstract: The paper is devoted to the comparative analysis of the viability of certain gender-marked forms in English and Italian.

Key words: Gender linguistics, feminine gender, gender.

Последние десятилетия в лингвистической науке характеризуются повышенным интересом к проблеме взаимоотношения языка и пола. Начало активным исследованиям в этой области положила статья Робин Лакофф «Language and Woman's Place» (Lakoff R. 1973, с. 45-80), открыв горячие споры между сторонниками и противниками изложенных в ней идей. В результате появилось новое направление – гендерная лингвистика, занимающееся изучением взаимосвязи гендера, или социального пола, со всем многообразием традиционно выделяемых лингвистических единиц.

В англоамериканской культуре развернулась целая кампания по реформированию языка в связи с появлением новых общественно-политических реалий, в рамках которой предлагается заменять «сексистские» формы гендерно-нейтральными или гендерно-равными, реформировать некоторые ключевые слова и подчеркнуть присутствие женщин посредством иного написания или произношения.

Среди гендерных новшеств на морфологическом уровне языка особо выделяется вопрос об инклюзивности/специфичности личного местоимения третьего лица единственного числа *he*. Например, в новейших пособиях по грамматике и узусу современного английского языка находит отражение изменившийся в обществе взгляд на не/нормативность некоторых высказываний, как, например: *Everybody should get their hat when they leave this room/ Everybody should get his hat when he leaves this room*. Представляется, что именно первый вариант сегодня является нормой. Таким образом, можно отметить, что нормативное для традиционной классической грамматики использование личного местоимения мужского рода третьего лица единственного числа в качестве инклюзивного, гендерно-нейтрального перестало быть общеприемлемым (Григорян 2005). Или другой пример: “*A good judge takes his job seriously*”. Ведь судья может быть и женщиной, тогда следует использовать написание “*his/her*” или вообще обойти данное препятствие, например, с помощью герундия: “*A good judge takes judging very seriously*”. Может, фраза будет звучать не очень изящно, зато равенство полов будет соблюдено. Однако ЛГБТ сообщества пошли еще дальше и предложили новую, нейтральную, форму местоимения для тех, кто не ощущает себя ни мужчиной, ни женщиной. Вместо

“he/she” предлагается использовать “ze”, а вместо прямого дополнения “him/her” нейтральное “hir”, притяжательное местоимение “hirs”. Таким образом, привычное предложение “She went to her bedroom” становится: “Ze went to hir bedroom” или во множественном числе: “E went to eir bedroom”.

Лексику также рекомендуется адаптировать к новым общественным реалиям, например, заменить “chairman” на нейтральное “chairperson”, “spokesman” на “spokesperson”, “fisherman” на “fisher”, а также использовать нейтральные *police officer, firefighter*, и др. Вместе с тем следует отметить, что гендерная специфичность, а не инклюзивность слова *man* хорошо видна на примере многочисленных устойчивых выражений с этим словом: *to be man enough, to be one's own man, to be the right man for the job* и т.д. Изменить эти сочетания на гендерно-нейтральные, заменив, например, слово *man* на слово *person*, довольно трудно, т. к. словосочетания *to be person enough, to be one's own person* не имеют тех же оттенков значения, что и выражения, которые они призваны заменить.

В Италии вопрос о представлении женщины посредством языка впервые систематически и критически был осмыслен в известной работе Альмы Сабатини «Il sessismo nella lingua italiana» (Sabatini 1993) в то время, когда вопрос равенства мужчин и женщин был на гребне волны прежде всего в социальной и политической сфере. Лингвисты, разрабатывающие данную проблему, озабочены не ассимиляцией ролей женщины и мужчины, не утверждением равенства между ними, а, наоборот, признанием различий. А для этого нужны и языковые средства, способные выразить данный концепт в языке и увести его от андроцентричного подхода в сторону признания женской роли.

Средства массовой информации после публикации Альмы Сабатини привлекли внимание широкой публики к следующим проявлениям грамматической асимметрии:

- использование «обобщающего», немаркированного мужского рода, напр. *rapporto uomo-macchina* – мужской инклюзивный;
- согласование в мужском роде, напр. *gli studenti entrino uno alla volta*;
- использование мужского рода для обозначения должности, занимаемой женщиной, с целью подчеркивания престижности, напр. *il ministro Fornero si è recato in aula*;
- использование суффикса *-essa*, напр. *la presidentessa dell'associazione Iride*. Рекомендуется заменять суффикс *-essa* суффиксом *-ora*, соответствующим суффиксу мужского рода *-ore* (*professore – professoressa*).

Кроме грамматической, лингвисты указывают и на семантическую асимметрию:

- *Uomo libero* – свободный человек vs. *donna libera* – женщина легкого поведения; *governante uomo* – губернатор, правитель vs. *governante donna* – домоправительница, экономка.
- Представление женщины в роли жены статусного мужчины: *il prof. Baldini e signora* – профессор Бальдини с супругой; *la moglie di, la donna di...* (Robustelli 2012, с. 21).

В то время как прагматические нормы вежливости предписывают подчеркивание статуса собеседника независимо от его пола, и при обращении к мужчинам используются наименования их профессий или должностей

(*ingegnere, professore, architetto, magistrato*), в отношении женщин это не принято. Установилось правило называть женщину по имени супруга, забывая о ее собственных достижениях.

Франческо Сабатини, известный итальянский лингвист, почетный президент итальянской Академии делла Круска, утверждает, что следует идти в ногу со временем и употреблять новые формы, ранее не свойственные итальянскому языку, но обозначающие новые явления в итальянской социокультурной и политической реальности, такие, например, как "*sindaca*", "*prefetta*", "*ingegnera*", в том числе в связи с тем, что подобные должности теперь все чаще занимают и женщины, например, Вирджиния Раджи, мэр Рима, и Кьяра Аппендино, мэр Турина.

Однако часто их выбирают сами женщины, их занимающие. Так, например, Мария Елена Боски, итальянский политик, министр конституционных реформ и по связям с парламентом в правительстве Маттео Ренци, предпочитает называться *ministro*, а не *ministra*. Также продолжают существовать формы *il ministro Elsa Fornero, il magistrato Ilda Bocassini, l'avvocato Giulia Bongiorno, il rettore Stefania Giannini*. Однако часто такие формы обращения к женщине, как, например, *signor questore*, кажутся просто неприемлемыми, и тогда простые итальянцы обращаются с вопросами и замечаниями в газеты или на сайт Академии. Иногда в случае сомнений в правильности формы, например, *prefetta*, итальянцы выбирают нейтральную форму обращения *signora*, в то время как в официальных документах указывается *prefetto*. Лингвисты замечают проявление андроцентричности итальянского языка в обращении к женщине *signora / signorina*, что акцентирует статус замужней либо незамужней женщины, но в отношении женатого или неженатого мужчины это не уточняется, существует единственная форма *signore*, и нет формы *signorino*. Но ведь в англоязычной культуре приняли нейтральную форму обращения *Ms* вместо *Miss* и *Mrs*, напоминают исследователи, значит, это возможно и в итальянском языке.

Но если в процессе адаптации итальянского языка к новым общественно-политическим реалиям были одобрены и даже рекомендованы к использованию новые формы женского рода, такие, как *assessora, sindaca, segretaria / direttrice generale* и артикль *la* перед *dirigente, la vigile*, то рекомендация избегать употребление формы мужского инклюзивного рода (например, *i diritti della persona* о *diritti umani* вместо *i diritti dell'uomo*) оказалась гораздо более трудновыполнимой.

Оказалось также, что суффиксы *-essa* и *-trice*, привычные итальянцам в наименовании таких сугубо «женских» профессий, как *dottoressa, professoressa, badessa, studentessa, poetessa; levatrice, ricamatrice, pittrice, scrittrice*, придают весьма напыщенный и потому смешной оттенок более высоким должностям, таким как *avvocatessa, presidentessa*.

Альма Сабатини предлагает также согласовывать окончания причастий в сложных формах глаголов при наличии нескольких субъектов как мужского, так и женского пола, с формами того рода, представители которого составляют большинство (*Liliana, Elvira, Gianni e Ida sono arrivate*, вместо *arrivati*) или, при одинаковом их количестве, с тем субъектом, который упоминается последним (*Marco, Ugo, Luana e Sandra sono partite*, а не *partiti*). Однако в бюрократических

документах по-прежнему распространен немаркированный мужской род: *Il sottoscritto ... , nato a ...* и т.д., также мало распространены формы с варьирующимся окончанием, обозначающие присутствие женщин: *bambina/o, studente/essa*, и еще более редки формы со знаком астериска *car* amic*, siete invitat*...* (*care/i amiche/amici siete invitate/i ...*). Подобные формы затрудняют чтение и понимание текстов и усложняют согласование форм причастий, прилагательных и местоимений.

В Италии сформировались два противоборствующих лагеря: сторонников реформ, активно выступающих за признание существующей общественно-политической реальности и за приведение языка в соответствие с ней, и, с другой стороны, противников изменения языка в угоду современным политическим воззрениям. Последние, например, замечают, что если слово *architetto* кажется ущемляющим права женщин, то слово *persona*, женского рода, ущемляет права мужчин. Кроме того, в итальянском языке есть наименования мужских профессий *la guardia* (сторож, охранник), *la guida* (гид), *la sentinella* (часовой), и они никому не кажутся дискриминирующими. В итальянском языке также существует форма вежливого обращения на Вы – *Lei* (букв. «она», «Ваша милость»), и согласование осуществляется в женском роде (“*Dottore, vorrei dirle una cosa*” (а не **dirgli*); “*Caro Rossi, continuerò a stimarla come prima*” (а не **stimarlo*)).

Многие итальянские лингвисты сходятся в том, что любые попытки искусственного изменения языка не приводят к успеху. Рекомендуемые формы остаются в языке в том случае, если его носители ощущают необходимость данных изменений. Если же ситуация их устраивает и не кажется дискриминирующей чьи-то права, то новые формы, навязываемые извне, воспринимаются как чужие, инородные и носят временный характер в языке. Для успешности языковых реформ важно не только изменение общественно-политической реальности, но и менталитета народа, а это процесс постепенный. Нам же остается только ждать, ведь время все расставит на свои места.

Литература

1. Григорян А.А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на западе в конце XX - начале XXI веков: Автореф. дис. ...доктора филол. наук, 2005.
2. Lakoff R. Language and women's Place // Language in Society. – Cambridge University Press, 1973. – Vol. 2, No. 1. – С. 45-80.
3. Robustelli C. Linee guida per l'uso del genere nel linguaggio amministrativo, con Prefazione di Nicoletta Maraschio. – Accademia della Crusca e Comune di Firenze, 2012.
4. Sabatini A. Il sessismo nella lingua italiana. – Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1993.

Е.А. Калгина

Контрастивный анализ симптоматических выражений концепта «страх» в русском и английском языках

Аннотация: В статье проводится контрастивный анализ симптоматических выражений концепта «страх» в русском и английском языках.

Ключевые слова: Концепт, страх, эмоция, лексема, симптоматические выражения.

Abstract: The paper presents the contrastive analysis of symptomatic expressions of the concept "fear" in the Russian and English languages.

Key words: Concept, fear, emotion, lexeme, symptomatic expressions.

Одними из первостепенных вопросов изучения науки во все времена были фундаментальные вопросы, касающиеся основ человеческого бытия. Одним из таких аспектов было исследование понятия *страх*. В рамках данной научной статьи рассматривается концепт «страх», выраженного в русском и английском языках.

Согласно Ю.С. Степанову, концепт – это пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово (Степанов 2004, с.46). Исходя из такого понимания концепта, следует отметить, что лингво-психологические и лингво-культурные представления как определенная система взглядов и подходов к осмыслению действительности, весьма существенны в формировании мировосприятия и картины мира.

В связи с этим необходимо уделить внимание этимологии слова, называющего концепт, а также философски-психологическому пониманию страха.

Согласно философскому словарю, страх – глубинное человеческое состояние, порождаемое способностью человека осознавать несовершенство мира, его коллизии и угрозу человеческому существованию (Философский словарь 2001).

Мы рассматриваем эмоциональный концепт «страх» как многоаспектное явление, имеющее отношение к психологии, социологии и лингвистике. Страх является одной из доминантных эмоций человека. Страх первобытного человека перед явлениями природы, страх войны, страх за свою жизнь, за жизнь близких и дорогих людей, страх перед неизвестным будущим - все это может являться примерами, подтверждающими универсальность этой эмоции. Страх войны психологи и социологи относят к наиболее распространенным (массовым) страхам, имеющим глубинную природу. И в то же время страх войны имеет достаточно четкую предметную направленность, обычно указывая на источник опасности.

В зависимости от причины возникновения страха различают внешний и внутренний страхи, по соответствию норме – нормальные и патологические. В зависимости от продолжительности различают страх как кратковременное состояние, именуемое испугом, и как устойчивую черту характера, которая известна как боязнь или трусость. По критерию интенсивности человеческий страх может варьироваться от испуга до паники и ужаса. Страх как базовая эмоция является объектом многочисленных исследований в области психологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики и социолингвистики. Сопоставительный анализ вербализации страха в русском и английском языках иллюстрирует сходство в концептуализации базовых эмоций разными народами.

Центральным словом, означающим страх, в английском языке является fear, слово германского происхождения. В современном английском языке существительное fear имеет значение «страх, боязнь, в страхе», in fear – «со страхом», to be in fear – «бояться, тревожиться», in fear and trembling – «со страхом и трепетом», in(for) fear of one's life – «в страхе за свою жизнь». To put smb. in fear - «нагонять страх на кого-либо»; to put the fear of God into smb. –

«держать в страхе божьем». В разговорном языке часто употребляется *no fear* – «конечно нет, ни в коем случае», *without fear or favour* – «беспристрастно, объективно», *no fear call* – «вряд ли, едва ли». Глагол *fear* – ожидать худшего, почитать, относиться с благоговейным страхом, в разговоре – «пугать, внушать страх»; *never fear* – «не бойтесь»; *I fear me* – «я боюсь»; *Don't fear me* – «не пугай меня». Прилагательное *feared* – «полный страха, встревоженный», встречается в диалектах.

Синонимический ряд, представляющий концепт «fear» в английском языке, содержит большее число лексем по сравнению с русским языком. В русском языке список лексем, составляющих синонимический ряд слова *страх*, ограничивается существительными: *боязнь, жуть, испуг, кошмар, паника, страх, ужас*. В английском языке синонимический ряд имени концепта состоит из 13 лексем: *awe, alarm, scare, consternation, dismay, dread, fear, fright, horror, panic, terror, afraid, trepidation*. Такое количественное преобладание единиц, номинирующих страх в английской лингвокультуре, может свидетельствовать о более детальном членении внеязыкового континуума, где отдельные психологические характеристики эмоции страха получают в языке специальное имя (Зайкина 2004, с. 57).

К ядру номинативного поля концепта «страх» можно отнести следующие лексемы: *fright, scare, terror, horror, afraid*. Такие лексемы как *dread, dismay, apprehension, awe, panic, alarm* можно отнести к периферии номинативного поля концепта «страх», поскольку они имеют незначительную частотность употребления. Лексические единицы, которые служат синонимами ключевому слову номинативного поля концепта «страх», выражают разнообразие разновидностей страха и отличаются между собой по интенсивности проявления эмоции страха, длительности ее существования, ее характеру и внешним проявлениям, сопровождающим переживание данной эмоции.

В русском языке большую группу составляют выражения, обозначающие страх как физическую слабость либо болезненное состояние. В данной группе можно выделить подгруппы в зависимости от частного физического изменения в организме, вызываемого страхом. И в русском, и в английском языках многочисленностью симптоматических выражений отличается группа выражений, описывающих страх через:

1) дрожание конечностей или всего тела: рус.: поджилки трясутся, колени дрожат, трясёт от страха (кого-либо), зубы стучат (т.е., дрожание нижней челюсти). Английская часть подгруппы представлена симптоматическими выражениями, также описывающими страх через дрожь: *to shake in one's boots, to be afraid, to shake from fear; to quake in one's boots, nearly jump out of your skin; to give someone the willies*;

2) продуктивным для русского и английского языков является описание страха через симптомы оцепенения, невозможности двигаться. Данная подгруппа объединяет русские симптоматические выражения: *остолбенеть, оцепенеть, окаменеть, застыть на месте (от страха), ноги отнялись от страха, ноги стали ватными (от страха)* и английские симптоматические выражения *fear turned him to stone; to become petrified; to grow (become) dumb; fear rooted him to*

the ground; to be paralyzed (frozen) with fear, his tongue was swollen with fear; the legs got num;

3) для обоих языков характерно описание страха через изменение цвета кожных покровов лица либо всего организма: рус.: белый как мел, белый как смерть, белый как полотно, побелеть, побледнеть от страха, позеленеть от страха, англ.: his face grew white, to turn grey, fear twists one's mouth; his face grew white, his face was destroyed, to go grey, to turn grey, to make one's hair stand on end;

4) изменения, вызываемые страхом, могут затрагивать и цвет волос человека, испытывающего страх: рус.: посесть от страха, англ.: to make one's hair stand on end;

5) и в русском, и в английском языках распространено описание страха через субъективные симптомы озноба, ощущения холода: рус.: кровь стынет в жилах, мороз по коже продирает, леденеть от страха; душа леденеет от страха, англ.: to grow cold with fear; fear makes his blood freeze;

6) представления о страхе как о причине перебоев в работе сердца: рус.: сердце упало, ёкнуло, оборвалось, замерло от страха, сердце в пятки ушло, англ.: his heart sank; his heart leaped into his mouth; his heart missed a beat; to have one's heart in one's mouth;

7) для носителей как русского, так и английского языков характерно представление о связи с сильным страхом потери рассудка, что отражено в симптоматических выражениях: рус.: обезуметь от страха, рассудок помутился от страха, англ.: to frighten (scare) the wits out of someone; to frighten (scare) living daylight out of someone;

8) симптоматические выражения русского и английского языков передают представление о связи страха с потерей способности говорить: рус.: лишиться дара речи (от страха), язык отнялся (от страха), онеметь от страха, англ.: his tongue was swollen with fear.

Таким образом, мы видим, каково бытовое восприятие страха: человек либо *каменеет, замирает, немеет*, либо *трясется, вздрагивает, дрожит*, а также испытывает *неприятный холод, мурашки*. Более того, страх влияет на работу сердца (например, *сердце оборвалось, сердце опустилось*).

Страх также влечет за собой изменения внешности человека, а именно: искажает и искривляет лицо, испуганный человек бледнеет, волосы его могут стать дыбом или посесть. Примечательно, что страх способен привести к безумию и даже смерти. Находясь в ожидании опасности, человек постоянно томится и мучается от одной только вероятности ее появления.

С точки зрения физиологии, процесс страха сопровождается снижением тонуса мускулатуры, частоты сердцебиения, кровяного давления. Он также может привести к расширению зрачков, потоотделению, приливу крови к мускулам. Интенсивный страх приводит даже к смерти, так животные и люди могут быть испуганы буквально до смерти.

Страх является эмоцией большой силы, которая оказывает заметное воздействие на восприятие, мышление и поведение индивида. Но, по сравнению с другими эмоциями, ее влияние является наиболее сдерживающим. При страхе ограничивается восприятие. Он может оказывать влияние на мышление, а в

зависимости от своей интенсивности переживается как предчувствие, неуверенность, полная незащищенность. Появляется чувство недостаточной надежности, чувство опасности и надвигающегося несчастья. Человек ощущает угрозу своему существованию, которая может переживаться как угроза своему телу (Изард 1980, с. 121).

Если сравнить полученные описания *страха* в русском и английском языках, можно сделать вывод об их сходстве и различиях. Номинированная русским языком категория – влияние страха на душу человека, не наблюдается в английском материале. Среди проанализированных английских идиоматических выражений не было обнаружено ни одного упоминания о влиянии эмоции страха на душу человека. По-видимому, здесь можно говорить специфике представлений о *страхе* в русской культуре.

Результаты сопоставительного анализа русских и английских обозначений симптомов страха иллюстрируют универсальность языковой концептуализации базовых эмоций.

Литература

1. Зайкина Светлана Владимировна. Эмоциональный концепт "страх" в английской и русской лингвокультурах (Сопоставительный аспект): Дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004
2. Изард К.Э. Психология эмоций (пер. с англ.) – СПб.: Питер, 1999.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004.
4. Философский словарь. – 7-е издание. – Москва: Республика, 2001.

Н.В. Костенко, В.А. Шокина

Лингвокультурные особенности концепта «семья» (на материале русского и английского языков)

Аннотация: В статье рассматриваются способы репрезентации сложного многомерного концепта «семья» в русской и английской лингвокультуре на парадигматическом и синтагматическом уровнях с целью выявления национально-культурной специфики феномена «семья».

Ключевые слова: Концепт, лингвокультура, феномен, парадигматический уровень, синтагматический уровень, национально-культурная специфика, ядерное значение, периферийное значение.

Abstract: The paper deals with the representation methods of the multilateral concept “family” on paradigmatic and syntagmatic levels in Russian and English linguacultures in order to determine its national and cultural characteristics.

Key words: Concept, linguaculture, phenomenon, paradigmatic level, syntagmatic level, national and cultural characteristics, nuclear meaning, peripheral meaning.

Лингвокультурный концепт – базовая единица картины мира, в которой фиксируются ценности как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного сообщества (Солдатова 2003). Способы апелляции к одному и тому же концепту в разных культурах выявляют как сходство, так и различие в его осмыслении, что составляет основную трудность межкультурной коммуникации (Попова 2000).

Цель данного исследования заключается в выявлении и описании когнитивных признаков концепта «семья» на материале двух неблизкородственных языков и установлении его национальной специфики.

Феномен «семья» являлся и остаётся по сей день одной из главных общественных ценностей, своеобразной «базой», на которой построен социум. Содержание концепта «семья» изменяется и расширяется в процессе социокультурного развития общества. Особенностью данного феномена является тот факт, что, будучи культурной универсалией, семья в целом играет сравнительно одинаковую роль в жизни разных народов и имеет сходные функции, в то время как её отдельные аспекты изменяются под влиянием определённых культурно-социальных факторов. В связи с постоянным развитием и многомерностью данного концепта его можно отнести к категории сложных концептов.

Для достижения поставленной цели была определена семантика ключевой лексемы «семья»/«family» на основе лексикографических источников, выделен состав лексико-фразеологической группы (ЛФГ), репрезентирующей концепт «семья» в сопоставляемых языках. При рассмотрении данной ЛФГ учитывались два аспекта: парадигматический и синтагматический. Парадигматический анализ проводился на основе данных толковых словарей. Синтагматический анализ ставил целью выявление признаков концепта, обусловленных контекстами и демонстрирующих индивидуально-авторское представление концепта. Контекстами послужила выборка из художественной литературы XX века.

Результаты исследования с помощью метода анализа словарных дефиниций показали, что первостепенными и обязательными признаками выделения семьи выступают кровное родство/брак и общность быта. На базе этих двух признаков формируются второстепенные, производные значения, каждый раз изменяя определённый аспект.

Так, общность быта переходит в общую деятельность/общие интересы, от человеческого кровного родства взгляд переводится к биологическому родству у животных/растений, территориальная общность позволяет выделять семьи языков. Постепенно расширяя спектр концептопризнаков, «семья» сводится в конечном итоге к наиболее широкой дефиниции – семья народов, стран, республик, где основным критерием является территория и национальность. Абстрагируясь от конкретики и опираясь на любого рода общность, любой совместный признак, все сходные между собой предметы можно разделить на семьи, получив при этом бесконечное число групп.

Сравнение семантем ключевых лексем «семья»/«family» показало, что прямые значения (кровное родство/брак, общность быта) практически совпадают в обоих языках. Единственным отличием выступает более разветвлённая совокупность субъектов, подразумевающих одну семью в русском языке, так как речь идёт не только о нуклеарной семье, но и о других близких родственниках, проживающих под одной крышей (бабушка, дедушка, внуки).

Сопоставление производных значений выявило гораздо больше расхождений в осмыслении концепта «семья». Так, в английском языке, в отличие от русского, лексема «family» имеет значение «дети данной семьи». В английский словарях также зарегистрировано употребление лексемы «family» в контексте

математической науки, а именно геометрии поверхностей, и химической науки при указании химических соединений, в то время как в русском языке указанные значения обобщены и включены в дефиницию «совокупность однородных предметов, явлений». Отметим также употребление лексемы «family» в роли прилагательного, обозначающего объем определённого продукта, рассчитанного на семью (*family size pack*).

Объектом данного исследования является ЛФГ как совокупность лексических единиц и фразеосочетаний (ФС), объединённых на основе общих интегральных сем и наличия разнообразных пересечений по другим семам.

Весь языковой материал, касающийся состава семьи, был систематизирован и поделен на 3 основные группы: «*кровное (прямое) родство*» - группа, характеризующая прямые генетически родственные связи (дети – children, отец – father, бабушка – grandmother, внуки - grandchildren); «*дальнее (второстепенное) родство*» - не прямое, но генетически обусловленное родство (племянник – nephew, тетя – aunt); «*юридическое родство*» - родство, не обусловленное генетически, но сложившееся в результате семейных отношений (муж – husband, жена – wife). При этом каждый семантический раздел имеет несколько подгрупп, сформированных согласно следующим параметрам: в зависимости от «дальности» поколения, типа некровного родства и того, по чьей линии (муж/жена) рассматривается связь. Анализ представленных семантических разделов позволил обнаружить определённые лингвокультурные особенности исследуемого концепта.

Сопоставление средств выражения кровного родства выявило наличие в английском языке единицы, обозначающей одного из детей (независимо от его пола), по отношению к его родным братьям/сестрам. В русской лингвокультуре понятие «sibling» является лакуной и заменяется несоотносимыми эквивалентами «брат», «сестра». Далее, в английском языке имеются обобщающие лексемы «grandparents» и «great-grandparents», которые в русском языке также являются лакунами и заменяются единицами «(пра)бабушка», «(пра)дедушка», в семантике которых отсутствует обобщающий компонент «союз».

Отмечается некоторое различие в номинативной плотности. Например, русской единице «предок» в английском языке соответствуют три эквивалента: «ancestor», «forebear», «antecedent».

Сравнение лексемного корпуса обозначения дальнего родства показывает, что этот признак более детально разработан в русском языке, так как английская культура при описании семейной иерархии ограничивается указанием на родных братьев/сестер в каждом поколении. Исходя из этого, наглядно прослеживается отсутствие английских эквивалентов таким членам семьи в русском языке, как *двоюродный племянник(ца)*, *двоюродный дядя/тётя*, *двоюродный дед/бабушка*.

Констатация наибольших различий касается средств выражения юридического родства. В английском языке универбально закреплёны такие понятия, как «divorcée», «divorcé» (ср. с русскими эквивалентами «разведённый/ая супруг/а»); «half-brother», «half-sister» (единокровные по одному родителю брат/сестра). С другой стороны, в русской культуре каждому родственнику по линии жены или мужа соответствует определённое

индивидуальное название (*тесть, теща, свекор, свекровь, невестка, зять*), в то время как в английском языке тем же самым субъектам присвоены традиционные названия членов нуклеарной семьи «*mother/father/sister/brother/daughter/son-in-law*».

Данную тенденцию к обобщению в выражении родственных юридических отношений в английском языке подтверждает употребление в качестве эквивалента русским единицам обобщающей лексики «*in-laws*», а также отсутствие в английской лингвокультуре таких понятий, как *кум/кума, сват/сватья*.

Обобщая полученные в результате парадигматического анализа данные, можно отметить, что в английской лингвокультуре больше разработана система прямого родства, тогда как для русского языка более актуальными оказались способы обозначения дальнего и юридического родства.

Результаты анализа индивидуально-авторской репрезентации концепта «семья» показали следующее:

- периферические значения ключевых лексем «семья»/«*family*» в основном совпадают, так как они апеллируют к таким универсальным нравственным ценностям, как сплочённость, опора, защита, любовь: *Моя семья – моя крепость; Всему начало – отчий дом; В семейной жизни самый важный винт – это любовь; Togetherness is a very important ingredient to a family life; The strength of a family is...in its loyalty to each other.*

- Периферические значения лексем, обозначающих основных членов семьи (мать/*mother*, отец/*father*, брат/*brother*, сестра/*sister*) обнаружили как сходство, так и некоторое отличие. В обоих языках зафиксированы такие значения слов «мама» и «*mother*», как «хранительница очага», «опора для семьи»: *Семья – это самореализация женского начала; Women's natural role is to be a pillar of the family.* В русском корпусе было больше отмечено примеров, выявляющих такие признаки, как сила, искренность, важность любви матери, внутренняя сила, самообладание: *Сердце матери – это бездна; Семья держалась на маме.* Лексемы «отец»/«*father*» в обоих языках употребляются в значениях «непререкаемый авторитет», «пример для ребёнка», «наставник»: *He надобен другого образца, когда в глазах пример отца; I think Morrissey sees himself as some sort of father figure.* Несовпадение признаков проявилось в употреблении английской лексики «*father*» в значении «Бог»: *Jesus said I love you just as the Father loves me.* Такие периферические значения лексем «брат»/«*brother*» и «сестра»/«*sister*», как «близкий друг/подруга», «доверие», «любовь», «забота» совпадают в обоих языках. Однако отметим в английском языке значение «сопернический характер взаимоотношений», не актуализированное в русском языке: *Siblings: children of the same parents, each of them is perfectly normal until they get together.*

Синтагматический анализ выявил большое количество словосочетаний с исследуемыми лексемами. При этом в английском языке преобладают словосочетания со словами «*mother*» и «*father*», а в русском языке – со словом «сестра» (ср. *Queen Mother, Mother Goddess, mother tongue, mother hen, mother state, father figure, founding father; сестра милосердия, медицинская сестра, хирургическая сестра*).

Таким образом, проведённый комплексный лингвокультурный анализ концепта «семья» («family») на базе двух неблизкородственных языков позволяет сделать вывод о наличии ряда сходств и различий в способах его лингвистической репрезентации. Черты сходства объясняются аналогичными экстралингвистическими и внутрилингвистическими причинами. Черты различия проявляются в несколько отличном представлении о семье и её роли в социальной, нравственной, эстетической сферах жизни представителей обеих культур.

Литература

1. British National Corpus – <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
2. Национальный корпус русского языка - <http://ruscorpora.ru/>
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических. – изд. 2-е, исправленное. – Воронеж, 2000.
4. Солдатова М.А. Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. – Т. 2. – Изд-во Казан. ун-та, 2003.

Н.А. Неровная, П.А. Рягузов, В.А. Пивоваров Сравнительное описание концептов «враг» и «enemy» в русском и английском языковом сознании

Аннотация: В статье представлено семантико-когнитивное описание концептов «враг» и «enemy» в русском и английском языковом сознании. Приводится полевая стратификация данных концептов.

Ключевые слова: Концепт, номинация, когнитивный признак, индекс яркости.

Abstract: The paper presents semantic and cognitive description of the concepts «враг» and «enemy» in the Russian and English language consciousness. Field stratification of the concepts is given.

Key words: Concept, nomination, cognitive sign, brightness index.

Темой нашего исследования является описание концепта «враг» в русском и английском языковом сознании. Теоретической основой исследования является методика семантико-когнитивного описания концептов, предложенная З.Д. Поповой и И.А.Стерниным (Попова, Стернин 2007). При выполнении данной работы для построения номинативного поля нами были проанализированы тексты Британского национального корпуса и Национального корпуса русского языка.

Ключевыми номинациями выступали лексемы «враг» и «enemy», как наиболее стилистически нейтральные и обобщенные. Деривационное поле ключевой лексемы «враг» представлено следующими лексемами – вражок, вражонок, вражонок, вражеский, вражина, вражий, врагуша, ворог, ворогуша, вражек, вражко, вражишка, враждовать, враждоваться, враждебный, вражда, враждование, враждебность, враждолобец, враждотворный, вражной, вражить. Деривационное поле лексемы «enemy» представлено только лексемой «enemies».

Было выделено 569 номинаций русского концепта «враг» и 527 номинаций английского концепта «enemy». Далее была осуществлена когнитивная интерпретация полученных объективаций и выделено 75 когнитивных признаков

концепта «враг» и 76 когнитивных признаков концепта «енему», а также вычислен индекс яркости данных признаков. Индекс яркости высчитывался как отношение количества объективаций данного когнитивного признака к общему количеству объективаций.

Далее была проведена полевая стратификация данных концептов в зависимости от индекса яркости когнитивных признаков в структуре концептов. Рядом с названием зоны поля указано общее количественное содержание когнитивных признаков соответствующей зоны поля, выраженное в процентах от общего количества когнитивных признаков, образующих концепт.

Таким образом, концепт «враг» имеет следующую полевую структуру:

Ядро 0,30: есть у основной трудовой массы населения страны (0,10), может быть рядом (0,10), может проявляться в разной степени (0,10).

Ближняя периферия 0,28: ему наносят поражение (0,05), не обнаруживает себя (0,04), природное явление (0,04), проявляет жестокость (0,03), существует долгое время (0,03), может быть непримиримым (0,03), обладает силой (0,03), проявляется в превосходной степени чего-л. (0,03).

Дальняя периферия 0,18: выступает в лице конкретного человека (0,02), способен нарушить доверие (0,02), представляет опасность (0,02), не признает себя побежденным (0,02), имеет численность (0,02), внушает страх (0,02), нападает (0,02), бодрствует (0,02), есть у стран (0,02).

Крайняя периферия 0,56: есть у людей всего мира (0,01), есть у отдельных групп населения (0,01), есть у отдельных лиц (0,01), выражается в словах (0,01), сдает позиции (0,01), представляет политическое течение (0,01), теряет жизнь (0,01), проявляет упорство (0,01), оказывает сопротивление (0,01), член семьи (0,01), имеет национальность (0,01), противостоит государственному строю (0,01), противник (0,01), овладевает территорией (0,01), вещество, вредное для организма (0,01), обладает эмоциональной выдержкой (0,01), побеждает (0,01), представляет собой страну (0,01), представляет потусторонние силы (0,01), представляет собой государственный строй (0,01), есть в животном мире (0,01), есть у политических течений (0,01), применяет оружие (0,01), убивает (0,01), является живым существом, обладающим мышлением и речью (0,01), представляет собой политику террора (0,01), испытывает страх (0,01), обладает положительными качествами (0,01), обнаруживается (0,01), ему оказывается сопротивление (0,01), проявляется по отношению к себе (0,01), узнает секреты (0,01), есть у религии (0,01), является чувством (0,01), представляет собой религию (0,01), выражается в виде науки (0,01), осуществляет вредную деятельность (0,01), есть у врага (0,01), есть у Бога (0,01), не обладает силой (0,01), ищет слабое место у противника (0,01), может стать другом (0,01), его ищут (0,01), появляется снова (0,01), выжидает время (0,01), проявляется по отношению к различным социальным явлениям (0,01), выражается в различных социально-экономических явлениях (0,01), выражается в отсутствии терпения (0,01), есть у отдельных наций (0,01), противник любви к родине (0,01), противник бытия (0,01), собирается в одном месте (0,01), его долго ждут (0,01), расплачивается (0,01), с ним вступают в союз (0,01), вызывает негативные чувства (0,01).

Полевая структура концепта «енему»:

Ядро 0,2: обладает войсками (0,1), обладает техникой (0,1).

Ближняя периферия 0,37: ему наносят поражение (0,05), может проявляться в разной степени (0,04), обладает территорией (0,04), с ним сражаются (0,03) обладает телом (0,03), им становятся (0,03), есть у основной трудовой массы населения страны (0,03), не обнаруживает себя (0,03), может быть рядом (0,03), существует долгое время (0,03), ему оказывается сопротивление (0,03).

Дальняя периферия 0,18: нападает (0,02), подвергается атаке (0,02), проявляется по отношению к различным социальным явлениям (0,02), с ним вступают в союз (0,02), проявляет жестокость (0,02), имеет численность (0,02), применяет оружие (0,02), обнаруживается (0,02), выражается в виде различных социально-экономических явлений (0,02).

Крайняя периферия 0,54: может быть непримиримым (0,01), гражданин вражеского государства (0,01), обладает укреплениями (0,01), обладает силой (0,01), существует (0,01), его ищут (0,01), вызывает негативные чувства (0,01), есть у отдельных групп населения (0,01), может стать другом (0,01), к нему испытывают позитивные чувства (0,01), побеждает (0,01), проявляется по отношению к себе (0,01), есть у стран (0,01), представляет опасность (0,01), к нему проявляется жестокость (0,01), проявляется в превосходной степени чего-л. (0,01), есть у религии (0,01), оказывает сопротивление (0,01), против него применяется оружие (0,01), противостоит государственному строю (0,01), подвергается преследованию (0,01), узнает секреты (0,01), проявляется по отношению к окружающей среде (0,01), способен нарушить доверие (0,01), бывает воображаемый (0,01), его можно смягчить (0,01), против него объединяют силы (0,01), к нему можно приблизиться (0,01), обладает положительными качествами (0,01), осуществляет вредную деятельность (0,01), внушает страх (0,01), осуществляет военные операции (0,01), убивает (0,01), природное явление (0,01), у него есть имя (0,01), представляет потусторонние силы (0,01), есть в животном мире (0,01), навязывает свою идеологию (0,01), его лишают оружия (0,01), есть у врага (0,01), есть у политических течений (0,01), имеет национальность (0,01), проявляет упорство (0,01), есть у отдельных наций (0,01), противник любви к родине (0,01), его прощают (0,01), возглавляется лидером (0,01), от него спасаются (0,01), есть у людей всего мира 1 (0,01), овладевает территорией (0,01), есть у Бога (0,01), является живым существом, обладающим мышлением и речью (0,01), представляет собой страну (0,01), его захватывают (0,01).

Таким образом, по результатам исследования концепты «враг» и «енему» имеют примерно равное количество когнитивных признаков (75 и 76, соответственно). В целом, у концептов совпадают 49 когнитивных признаков. Может быть вычислен **индекс идентичности содержания концептов** как отношение количества совпадающих признаков двух концептов к общему количеству когнитивных признаков двух концептов (151). Индекс идентичности содержания двух концептов составляет 0,32, что свидетельствует о достаточно большом совпадении содержания данных концептов.

Анализируемые концепты можно также сравнить по **индексу идентичности яркости** совпадающих когнитивных признаков. Данный индекс вычисляется как процентное отношение совпадающих или незначительно различающихся по яркости когнитивных признаков к общему количеству совпадающих когнитивных признаков концептов.

У концептов «враг» и «енему» **индекс идентичности яркости** совпадающих когнитивных признаков составляет 0,61 (61%), что позволяет судить о достаточно большой идентичности данных концептов, однако, стоит также отметить, что большая часть когнитивных признаков концептов, совпадающих по индексу яркости, относится к крайней периферии, что указывает на малую значимость данных когнитивных признаков в языковом сознании носителей языка.

Может быть также вычислен **индекс когнитивного разнообразия** концепта как отношение количества когнитивных признаков, образующих структуру концепта в одной концептосфере, к количеству когнитивных признаков, образующих концепт в концептосфере сопоставления. Так, индекс когнитивного разнообразия концепта «враг» относительно концепта «енему» составляет 0,98, что говорит о незначительной разнице в количественном составе когнитивных признаков, образующих данные концепты.

Важно отметить, что у концептов совершенно разные ядра: ядро концепта «враг» образовано такими когнитивными признаками, как *есть у основной трудовой массы*

населения страны (0,10), может быть рядом (0,10), может проявляться в разной степени (0,10), а в состав ядра концепта «енему» входят такие признаки, как *обладает войсками (0,10), обладает техникой (0,10)*, что свидетельствует о разнице содержания данных концептов в сознании носителей языка. Для русского сознания наиболее важен тот факт, что враг есть у народа и находится рядом, а для английского языкового сознания враг, в первую очередь, это вооруженный военный противник.

Ближняя периферия концепта «враг» представлена 8 когнитивными признаками, тогда как ближняя периферия концепта «енему» образована 11 признаками, что свидетельствует о различной степени освоения данных концептов в языковом сознании. В данной зоне периферии совпадают 3 когнитивных признака, хотя два из них различаются по индексам яркости – *ему наносят поражение, существует долгое время, не обнаруживает себя*.

Дальняя периферия обоих концептов образована 9 когнитивными признаками, из которых совпадают 2 признака – *нападает и имеет численность*.

Крайняя периферия концепта «враг» состоит из 56 когнитивных признаков, а концепта «енему» – из 54. В данной периферии зафиксировано наибольшее количество совпадений когнитивных признаков – 26. Совпадают следующие признаки: *есть у людей всего мира, есть у отдельных групп населения, проявляет упорство, оказывает сопротивление, имеет национальность, противостоит государственному строю, овладевает территорией, побеждает, представляет собой страну, представляет потусторонние силы, есть в животном мире, есть у политических течений, убивает, является живым существом, обладающим мышлением и речью, обладает положительными качествами, проявляется по отношению к себе, узнает секреты, есть у религии, осуществляет вредную деятельность, есть у врага, есть у Бога, может стать другом, его ищут, вызывает негативные чувства, есть у отдельных наций, противник любви к родине*. Но тот факт, что данные признаки относятся к крайней периферии и обладают низким индексом яркости, не позволяет говорить об идентичности исследуемых концептов.

В целом, результаты исследования носят предварительный характер. Для получения наиболее объективной картины необходимо проведение углубленного исследования с применением экспериментальных методик.

Литература

1. British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu>. (дата обращения 20.12.2016).
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://search2.ruscorpora.ru>. (дата обращения 10.12.2016).
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007.

Фрейм «золушка» как источник прецедентности в российских, британских и американских СМИ

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ функционирования прецедентных феноменов, восходящих к сказке Шарля Перро «Золушка», в российской, британской и американской прессе.

Ключевые слова: Прецедентные имена, сказочный текст, фрейм, сопоставительный анализ, категоризация действительности.

Abstract: The paper deals with the comparative study of the metaphorical transformations of Charles Perrault's fairy tale «Cinderella» in modern Russian, American and British mass media.

Key words: Culturally important names, text of fairytale, frame, comparative analysis, categorization of reality.

В современных СМИ авторы активно используют в качестве элементов интертекстуальности прецедентные имена, восходящие к сказкам, одному из «бессмертных» литературных жанров. Сказки составляют «базисный пласт культуры» и относятся к «воспроизводимым языковым структурам» (Телия, 2005). Наиболее употребляемые прецедентные имена носят интернациональный характер, однако в разных культурах их восприятие имеет национальный инвариант и различный образно-ассоциативный потенциал.

«Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами ... ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов» (Нахимова 2007, с. 5). Прецедентные феномены, ассоциируемые с одним текстом или с текстами одного автора, в настоящем исследовании обозначаются широко известным в когнитивной лингвистике термином «фрейм». В данной работе мы рассмотрим фрейм типизированной ситуации, сформированный на основе сказочного текста Шарля Перро «Золушка», и его реализацию в политических и экономических медийных текстах трех лингвокультур – России, Великобритании и США.

Проведенный анализ (Стратиенко 2016) позволяет выделить восемь организующих элементов (слотов) фрейма «Золушка», каждый из которых представляет собой одного из персонажей указанной сказки, а в качестве значений выделенных слотов будут служить дифференциальные признаки (ДП), характеризующие исследуемые прецедентные имена: Золушка; крестная фея (добрый ангел, воплощающий мечты в реальность), мачеха (главный противник, препятствующий осуществлению мечты), сестры (соперницы, которые находятся незаслуженно в более выгодном положении), принц (осуществление мечты), туфелька (неожиданный, возможно, дорогостоящий дар), бал (шанс), тыква (провал).

Стоит отметить, что прецедентное имя «Золушка» оказывается настолько многогранным, что будет обладать целым рядом дифференциальных признаков, которые могут быть акцентированы авторами медийных текстов при метафорическом использовании указанных имен:

ДП-1. Служанка, выполняющая грязную, тяжелую работу.

ДП-2. Человек, не оцененный по достоинству.

ДП-3. Человек, с которым плохо обращаются, он занимает униженное положение по сравнению с остальными.

ДП-4. Человек, к которому в трудный момент жизни приходит неожиданная помощь.

ДП-5. Девушка, которая из замарашки превращается в принцессу.

ДП-6. Прекрасная принцесса, которая производит фурор на балу и покоряет принца.

ДП-7. «Принцесса на час», которая в полночь снова превращается в замарашку.

ДП-8. Девушка с миниатюрной ножкой.

Показательно, что прецедентное имя *Cinderella* настолько популярно в современных медийных текстах, что употребляется не только в качестве существительного, но и в атрибутивной функции в значении «бедный», «несчастный», «жалкий», «скудный», «запущенный». Американские и британские источники пишут про *Cinderella economy* – экономика в состоянии запустения/упадка; *Cinderella conditions* – плохие условия; *Cinderella service* – плохое обслуживание; *Cinderella thing* – то, что печально или несправедливо; *Cinderella subject* – упущенный либо малоизученный аспект ситуации. В российских источниках упоминаются «политическая Золушка», «Золушка политики», «Золушка глобальной экономики», «Золушка мирового рынка». Таким образом, главным ДП современной Золушки в текстах СМИ оказывается ее униженное по сравнению с остальными участниками ситуации положение.

Мир политики в американских СМИ

Американские авторы в поисках источника для аналогии практически заново пересказывают отдельные эпизоды сказки, присваивая каждому участнику статьи роль одного из персонажей. Наибольшей популярностью пользуются прецедентные ситуации «Появление крестной феи», «Поездка на бал», «Превращение кареты в тыкву», где Золушка получает возможность реализовать себя. В таких контекстах королевским балом американские авторы называют выход какой-либо страны на международную арену, а также внезапное выдвижение какого-либо политика/дипломата/финансиста. Туфелька в интерпретации американских авторов – это материальные средства, выделенные какой-либо стране, а также символ успеха. Крестной-феей называют страну или общественную организацию, которая оказывает помощь, например:

UKRAINE IS the new Cinderella. It could just metamorphose from bankruptcy and potential civil war to surpass elder sister Russia in reform and perhaps even consensus... The grand ball takes place tomorrow through Wednesday with President Leonid Kuchma's Washington debut. The princely G-7 benefactors will be adjusting and readjusting, for many mornings after, the \$ 4 billion glass slipper they have pledged. At the moment the unpleasant stepmother is nowhere to be seen; the Kiev parliament ...is acquiescing in Kuchma's bold economic (americancorpus.org).

В приведенном примере автор искажает сюжет оригинальной сказки: отождествляя страны «Большой семерки» с прекрасным принцем, он наделяет его функциями крестной-феи.

Тыква в американских медийных текстах является символом неудачи, провала. Ср.: *If the debt campaign's Cinderella coach didn't shrink into a pumpkin at year's end, it is at least fair to say the millennial theme is a quickly "diminishing asset" ...* (americancorpus.org)

Злые сестры символизируют политиков, которые пытаются прийти к власти – «надеть миниатюрную туфельку Золушки», не обладая при этом необходимыми для этого качествами. Например, автор следующего отрывка использует данную аллюзию в отношении политиков, мечтающих прийти к власти только лишь на основании цвета кожи, наглядно иллюстрируя, что у них нет никаких шансов: *They have as much chance of stepping into Obama's shoes as the ugly sisters did of fitting into Cinderella's glass slipper* (<http://www.spiked-online.com>).

Британские СМИ. Политические партии Великобритании

Для характеристики современной политической ситуации в Великобритании авторы охотно используют образ несчастной, безответной Золушки, соотнося его с той партией, которая представляется авторам на данном этапе как заслуживающая право на получение большинства голосов. Партии, находящиеся в более выгодном положении, ассоциируются у британских авторов со злыми сестрами. Выход на политическую арену (получение большинства мест в Парламенте) обозначается прецедентной ситуацией «Поездка на бал»: *Labour and Conservative are the Two Ugly Sisters. The Liberal Democrats might be Cinderella, but they are not responsible for the 40 years of failure of the Two Ugly Sisters. Which Ugly Sister are you voting for? Or perhaps this time Cinderella will go to the ball* (corpus.byu.edu/bnc).

В следующем примере сюжет оригинала не полностью соответствует замыслу автора, и он изменяет его: *Poor Labour. ... The pragmatists accept that they live in a perverted tale of Cinderella. They have to go to the ball with one of the Ugly Sisters. The dreamers cling to the hope that the Fairy Godmother will show up with 40 Dáil seats and a rotating taoiseach.* (The Times. May 20, 2009).

Показательно, что, используя в данном отрывке позитивную прецедентную ситуацию «Поездка на бал», где Золушке наконец-то представилась возможность показать себя, автор трансформирует текст оригинала, обставляя ситуацию не в пользу Золушки.

Российские СМИ. Экономико-политическая арена

В большинстве исследуемых контекстов российские журналисты, подобно британским, апеллируют к образу униженной служанки-Золушки, используя прецедентные ситуации «Золушка-служанка» и «Превращение принцессы в замарашку». Ср.: *Владимир Гройсман – это политическая Золушка, которая с двенадцатым ударом часов может лишиться всего. Его добрая фея – Петр Порошенко* (<http://www.dw.com>).

Для усиления эффекта как символ провала используется образ тыквы:

Политическая Золушка: *Директрису детсада уволили за то, что посмела выиграть праймериз у краевого вице-спикера. Наш обозреватель поехал в Пермь, узнав об этой политической сказке с трагическим концом. Но в итоге сказка превратилась в тыкву* (<http://www.vrn.kp.ru/daily/26543.4/3559332/>).

В следующем примере российский автор намеренно переосмысляет и дополняет оригинальный сюжет в угоду коммуникативной интенции. Принц здесь оказывается вовсе не положительным героем, а безответная Золушка полна амбиций покорить мир:

Среди трех знаменитых сестер: политики, экономики и морали, экономика всегда была Золушкой. ...экономике оставалось только мести пол. ... либерализм появился как некий

*принц, заменивший собой все прежние властительные фигуры. ...Экономика воспряла духом и стала постепенно подбираться к этому **принцу**, всячески демонстрируя свои красоты. **Не повторила бы Золушка ошибки своих сестер. ... А ведь хотела Золушка превратиться в королеву, правящую миром.** Экономика, как политика и мораль, пытается вербализовать то, что придумывает человек, но никто из этих замечательных сестер не способен манипулировать принцем. Принц и прекрасен, и ужасен. Сегодня он выдернул на танец Золушку-экономку. Не дай Бог ей начать зарываться и воображать. Проблема принца в том, что он не совсем понимает, что делает. Проблема наших сестричек – как это объяснить принцу. Но вести его в танце не получится* (<http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/sabur.html>).

Хрустальная туфелька в текстах российских СМИ является шансом для замарашки-Золушки изменить ситуацию в свою пользу и стать принцессой: *Есть вероятность, что среди заскорузлых медвежьих лап, **примеряющих хрустальные туфельки** внутрипартийных праймериз «Единой России», найдётся несколько золушек – перспективных молодых политиков, особенно в регионах* (http://echo.msk.ru/blog/starikov_i/1740457-echo/).

Сравнительный анализ реализации фрейма «Золушка» в российских, американских и британских СМИ показал, что в них имеют место очевидные расхождения. Несмотря на схожесть линии оригинального сюжета, образ Золушки в восприятии представителей трех лингвокультур имеет различия. Такие расхождения связаны, в первую очередь со спецификой национального понимания анализируемых нами единиц: в сознании представителей разных лингвокультур существуют различные ассоциации, связанные со сказочным сюжетом. Так, российские и британские авторы чаще всего обращаются в своих статьях к прецедентной ситуации «Жизнь Золушки с мачехой и сестрами», то есть преобладают дифференциальные признаки, связанные с образом несчастной, безответной, незаслуженно обиженной девушки.

В американской же прессе авторы чаще всего обращаются к дифференциальным признакам, отражающим оптимизм, предприимчивость, успешность. Излюбленными американскими сюжетами являются прецедентные ситуации «Появление крестной-феи», «Королевский бал», «Превращение кареты в тыкву». Российская и британская Золушка – это всеми принижаемая служанка, которая, даже получив шанс стать принцессой, рискует все потерять. Американская *Cinderella* – это человек из низов, который может достичь всего желаемого. Можно предположить, что сказка «Золушка» пользуется в США такой популярностью как пример воплощения американской мечты, связанной с образом энергичного и предприимчивого человека (self-made person), который упорным трудом добился успеха в жизни.

Таким образом, общеизвестный (прецедентный) текст как фрейм типизированной ситуации является своего рода критерием для осмысления реальности, где категоризация и систематизация действительности происходит «сквозь призму» сказочного текста. Сопоставительное изучение функционирования прецедентных феноменов в медийных текстах трех лингвокультур позволяет выявлять специфику восприятия сюжета в культуре и особенности его использования для описания ситуаций в реальном мире.

Литература

1. Телия В.Н. Язык и общество. О феномене воспроизводимости языковых выражений. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – Вып. 30. – М. 2005.

2. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: Автореф... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

3. Стратиенко Ю.А. Фрейм «Золушка» как источник прецедентности в британских и американских СМИ// Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – С. 102-107.

Раздел 5.

Сопоставительные исследования и перевод

Е.Ю. Лапаева

Реноминация варваризмов во французских переводах повестей Н.С. Лескова

Аннотация: В статье рассматриваются способы реноминации варваризмов в переводах повестей Н.С. Лескова на французский язык. Сопоставительный анализ текстов перевода с текстом оригинала показал, что в основе реноминации лежит принцип компенсации, который реализуется на уровне лексики.

Ключевые слова: Варваризмы, галлицизмы, сказ, компенсация, реноминация.

Abstract: The paper examines the ways to transfer barbarisms in the translations of N. S. Leskov's stories from Russian to French. The comparative analysis of the source text and the target text shows that barbarisms' translation is based on the principles of compensation at the lexical level.

Key words: Barbarism, gallicism, skaz, compensation, renomination.

В данной статье представлены результаты сопоставительного анализа переводов на французский язык повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» (далее — ИТ). В качестве материала исследования были выбраны два перевода: первый, выполненный Виктором Дерели (далее — ПТ1) в 1892 году, и последний на данный момент перевод этой повести 1959 года Алис Оран (Орановской) (далее — ПТ2).

Проза Н. С. Лескова считается не самой простой для перевода. Причина тому — сам авторский стиль — сказ, изобилующий диалектизмами, просторечиями, архаизмами, церковной лексикой. Взяв свое начало в творчестве Н.В. Гоголя и Н. С. Лескова, сказ получил свое дальнейшее развитие в произведениях авторов XX века: Е. И. Замятина, М. И. Зощенко, В. М. Шукшина, язык которых традиционно рассматривается в разделе «непереводимое в переводе» (Влахов, Флорин 2006). Следует, однако, учитывать, что сказ как повествовательный жанр — явление глубоко русское, не имеющее аналогов во французской литературе (произведение Р. Роллана «Кола Брюньон» является, едва ли, не единственным образцом жанра, близкого по своей стилистике к сказу).

Сказ представляет собой «особый тип повествования, ориентированный на...монологическую речь рассказчика, вышедшего из какой-либо экзотической для читателя...среды» (Литературный энциклопедический словарь, эл. версия).

Сказ также рассматривается как жанр «устной прозы, повествующей о современности или недавнем прошлом. В последние годы термин сказ вытесняется термином *устный народный рассказ*» (Там же).

Французские лингвисты дают определение русского термина «сказ», основываясь на трех основных элементах его репрезентации:

«skaz— «*conte*» renvoie à un principe narratif volontiers archaïsant...où la fiction allégorique est considérée comme instrument d'interprétation du réel;

«*oral*» définit une technique narrative...où l'accent est mis sur les marques syntaxiques et lexicales de l'oralité et sur les propriétés intonatives de la langue;

«*populaire*» est une notion...d'une part censé caractériser socialement et culturellement le narrateur...d'autre part, il...justifie les deux premiers éléments du syntagme». Как видим, французская литературоведческая традиция определяет сказ как *устную форму повествования*, характеризующуюся *просторечным характером*, отражающим социальную и культурную позицию рассказчика. С этой точки зрения сказ выступает синонимом термина *сказка* (архаичный нарративный прием, где аллегория рассматривается как инструмент интерпретации реальности) (Géry 2002, с.9). Таким образом, нет прямой корреляции между русским понятием «сказ» и его французской трактовкой «устная народная сказка».

Исходя из вышесказанного, становится очевидно, что достижение функциональной и стилистической эквивалентности при переводе сказа представляет определенные трудности. Катрин Гери, французская переводчица и исследовательница творчества писателя отмечает следующие сложности при переводе лесковской прозы:

- глубоко национальный характер повестей, отраженный в использовании выражений, свойственных устной речи народа, диалектизмов географических и социальных;
- авторские неологизмы, игра слов;
- звуковые каламбуры, имеющие в определенном контексте символический смысл (Géry 2002, с. 61-63).

Остановимся подробнее на особенностях передачи при переводе варваризмов. В основе нашей работы лежит концепция межъязыковой реноминации, а также понятие компенсации как переводческой стратегии, способствующей достижению эквивалентности ИТ и ПТ (Французские и русские реалии 2013). В процессе исследования был использован метод сопоставительного анализа переводных текстов с оригиналом.

Согласно определению, *варваризм* представляет собой либо слово, образованное не по правилам, действующим в данном языке; либо иноязычное слово, употребляемое при описании чужеземных обычаев, жизни и быта (реалий) для придания изложению местного колорита, сюда входят англицизмы, галлицизмы и т. д.; либо иностранное слово (выражение), не получившее прав гражданства в общем языке и бытующее лишь в некоторых специфических социальных его разновидностях (Ахманова 1969, с. 70).

Иначе говоря, *варваризм* рассматривается как заимствованное слово, получившее более или менее регулярное употребление, в отличие от иноязычного вкрапления, сохраняющего свой иноязычный облик (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 158). Кроме того, варваризм — это не полностью освоенное или совсем не освоенное заимствованное слово, сохраняющее фонетическое или графическое оформление, имеющее синонимы активного употребления в заимствующем языке (Энциклопедический словарь-справочник 2014 с.31).

Применительно к нашему исследованию, мы трактуем *варваризм* как иноязычное слово, имеющее синонимы в заимствующем языке (в отличие от экзотизмов), сохраняющее фонетическую форму, переданное в латинице или же в русской графике. В последнем случае это подчеркивает ошибочное, русифицированное произношение, придает тексту определенный колорит.

Также стоит отметить, что под термином варваризм в русской и французской лингвистической традиции подразумеваются разные явления. Во французской лингвистической традиции под *варваризмами* (*barbarisme*) понимаются только слова с грамматическими ошибками или с ошибками в употреблении: ср.: *barbarisme* — «*faute contre le langage soit dans la forme, soit dans le sens du mot (mot créé ou altéré, dévié de son sens, impropre*» (CNRTL, version électronique).

Методом сплошной выборки нами были отобраны лексические единицы, представляющие собой галлицизмы. Они используются преимущественно в прямой речи и являются важнейшей речевой характеристикой персонажей и эпохи, в которую они жили.

Количество галлицизмов в тексте напрямую зависит от социального окружения героя. Как только странник оказывается в обществе людей, стоящих выше его по положению, текст начинает пестрить варваризмами.

В переводе В. Дерели галлицизмы в речи героев не маркированы. Таким образом, теряется часть культурной информации, которую несет текст. А.Оран для обозначения галлицизмов использует метатекст — «слова с астериксом, выделенные курсивом в оригинале, даны на французском языке» (Оран 2016 р. 120). Однако данные сноски появляются только с 11-ой главы повести. В первых главах стилистическая функция варваризмов утеряна. Ср.:

— *Шу, сиянс!*

ПТ1: — *Chut ! silence !*

ПТ2: — *Chut, silence !*

Ну, тут я вижу, что он пардону просит...

ПТ1: *Quand je m'aperçus qu'il demandait pardon...*

ПТ2: *Voyant qu'il demande grâce...*

Гран-мерси, — говорит, — тебе за это.

ПТ1: *Grand merci pour ta politesse.*

ПТ2: *Grand merci* pour ta délicatesse*

— *Хочешь, мой анфан, в карете покататься?*

ПТ1: — *Mon enfant, veux-tu faire une promenade en voiture ?*

ПТ2: — *Ça te plairait, mon enfant* de te promener dans ma voiture ?*

В сноске: 1. Les mots en italique suivis d'un astérisque sont en français dans le texte. (нпум. переводчика).

Употребление иностранных слов в повести подвергается как невольным фонетическим искажениям, обусловленным просторечным произношением (пардону, лодиколонный, шампанией), так и нарочитым искажениям. Ср.:

Парле-бьен-комса-иуре-мир-ферфлюхтур-мин-адью-мусью!

ПТ1: — *Parlez-bien-comme-ça-sir-mir-ferfluch-tur-mein-adieu-monsieur !*

ПТ2: *Am - stram - gram - bourébouré - rotterdam - ferfluchtour - mine - good-bye-mister !*

Реноминация искаженных французских слов в переводе В.Дерели осуществляется с помощью лексических единиц того языка, из которого они были взяты. Здесь происходит так называемая «деварваризация» (Федоров 2002, с.288). А. Оран прибегает к детским считалкам (*am-stram-gram*), а также к англицизмам, найдя, таким образом, соответствие между формой и стилистической функцией, сохранив эквивалентность для французского читателя — персонаж говорит бессмыслицу на чужом для него языке. Стратегия компенсации реализуется таким образом на лексическом уровне через замену галлицизма в ИТ десемантизированным французским словом или англицизмом в ПТ.

Однако часть варваризмов остается некомпенсированной в обоих переводах ни на уровне лексики, ни на уровне грамматики или синтаксиса.

Ср.:

И после этого начались опять песни и пляски, и опять другая цыганка с шампанеёй пошла.

ПТ1: *Ensuite recommencèrent les chants et les danses, puis une autre tzigane vint avec du Champagne.*

ПТ2: *Après quoi, les chants et les danses reprennent, et une autre Tzigane fait le tour de la salle avec un plateau.*

...и как от Евгеньи Семеновны мне был лодиколонный пузыречек рому к чаю выслан...

ПТ1: *...comme Eugénie Sémenovna m'avait envoyé une petite fiole de rhum à boire avec mon thé...*

ПТ2: *...et comme j'avais reçu d'Evguénia Sémionovna un flacon de rhum pour le thé...*

Таким образом, в ПТ1 и в ПТ2 мы наблюдаем различные примеры компенсации на уровне лексики.

А. Оран в основном компенсирует стилистико-функциональные потери при передаче галлицизмов на французский язык посредством метатекстового комментария. В. Дерели передает варваризмы-галлицизмы через язык ПТ, а потерю стилистической окраски компенсирует в другом месте текста, передавая «чужие» R-реалии «чужими» L-реалиями. Но даже реноминируя варваризмы через «свои» L-реалии, В. Дерели явно перегружает свой перевод транслитерированными заимствованиями. (Ср.: в тексте оригинала *трактир* встречается 10 раз, а в переводе В. Дерели — 11 употреблений *traktir*). Обилие иностранных слов, не снабженных внутри- или затекстовыми комментариями (на всю повесть насчитывается лишь 14 метатекстовых сносок), вполне способно отпугнуть читателя. Кроме того, в обоих переводах встречаются примеры, когда переводчики не маркируют варваризмы-галлицизмы, особенно их просторечное произношение, что, безусловно, опрощает стилистику русского сказа в передаче на французский язык.

Литература

1. CNRTL — Dictionnaires Electroniques. Centre national de ressources textuelles et lexicales. URL: <http://www.cnrtl.fr/>
2. Derély V., Nikolaï Leskov. *Le Voyageur enchanté*. — Paris: Albert Savine, 1892. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Le_Voyageur_enchanté
3. Géry C. *Le gaucher : et autres récits de Nikolaj Semenovič Leskov*. — Lausanne : L'Age d'homme, 2002.
4. Oranovskaïa A. Nikolaï Leskov. *Le Pèlerin enchanté suivi de Aux confins du monde*, 1959, [édition électronique]. — Bibliothèque russe et slave, 2016..

5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — Изд. 2-ое, стереотип. — М.: Советская энциклопедия, 1969.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — Изд. 3-е испр. и доп. — М.: «Р. Валент», 2006.
7. Лесков Н. С. Повести и рассказы, Воронеж: изд-во ВГУ, 1979.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. Пособие — 5-е изд. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО "Издательский Дом "ФИЛОЛОГИЯ ТРИ", 2002.
10. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография / под ред. Н.А. Фененко, А.А. Кретова. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013.
11. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. — Т. 1. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2014.

И.М. Мельничук

Реноминация ономастических реалий при переводе на французский язык произведений И. Друцэ

Аннотация: В статье анализируются способы передачи ономастических реалий в переводах на французский язык романа известного молдавского писателя И. Друцэ. Исследование проводится в рамках теории межъязыковой реноминации.

Ключевые слова: Ономастическая реалья, теория реноминации, модель реноминации, стратегия сохранения национального колорита.

Abstract: The paper analyzes the methods of transmission of onomastic realia in the French translation of the novel of the famous Moldavian writer I. Drutse. The research is carried out in the framework of interlanguage renomination theory.

Key words: Onomastic realia, theory of interlanguage renomination, renomination models, strategy of conservation of national coloring.

Художественный текст как фрагмент национальной лингвокультуры представляет интерес для различных категорий реципиентов. Это, прежде всего, носитель исходного языка художественного произведения, который рассматривает и оценивает национальную специфику своей литературы с точки зрения человека знающего, знакомого с описываемыми ситуациями и образами. Но это может быть и представитель чужой языковой и культурной общности, который мало или совсем не знаком с самобытностью иностранной литературы, но желающий познать иную, чужую культуру. Корни национальной идентичности следует искать в языке: «национальной литературы нет вне национального языка, в определенном смысле она продукт языка, его глубокоумудрое дитя и как таковое несет в себе генетический код, символы и знаки национальной прапамяти» (Эбаноидзе 2000).

С этой точки зрения особый интерес для исследования представляют произведения известного молдавского писателя Иона Друцэ (род. в 1928 г.). Свой, «родной», читатель узнает в произведениях этого писателя национальное

своеобразие своей культуры и соотносит себя со своим этносом, чужой же читатель познает самобытность иной национальной идентичности.

Роман Иона Друцэ «Белая церковь», написанный на русском языке и опубликованный впервые в журнале «Новый мир» в 1982 г., содержит высокохудожественный образ молдавского народа в целом и отдельных его представителей в частности. Вследствие этого передача национального колорита становится важной задачей переводчика, который выступает в качестве посредника между своей и чужой культурой и перед которым стоит задача адекватного интерпретирования национальной специфичности данного произведения.

Цель нашего исследования заключается в определении способов реноминации лингвокультурных реалий, выступающих в качестве основных носителей национального колорита, в переводе на французский язык (далее - ПТ) романа И. Друцэ «Белая церковь» (далее - ИТ).

Анализ проводится нами в рамках теории межъязыковой реноминации, суть которой состоит в назывании («отображении») «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего» языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнификата (Кретов 2013, 154). Термин реалия/лингвокультурная реалия трактуется нами как языковой знак, обозначающий свойственный одной культуре и отсутствующий в другой натурфакт/артефакт, отличающийся вещностью денотата, а также ментефакт, определяющий моральные, художественные ценности нации и черты ее национального менталитета. В процессе исследования будем использовать специально разработанный и апробированный при анализе реалий терминологический аппарат: R-реалия (для обозначения натурфактов, артефактов), С-реалия (для обозначения ментефактов), L-реалия (для обозначения средства номинации культурного концепта). Термин реалия/лингвокультурная реалия сохраняем в качестве родового (Французские и русские реалии... 2013, с.22).

Ион Друцэ в своем романе «Белая Церковь» использовал многочисленные молдавские реалии с целью создания целостного образа, который воплощает самобытного представителя молдавской нации. Отобранные методом сплошной выборки лингвокультурные реалии (общим количеством 52 лексические единицы) распределяются последующим категориям: ономастические реалии, составляющие большую часть (21), реалии национального быта: пища, напитки, жилье, предметы быта (19) и этнографические реалии (12).

Остановимся подробнее на анализе ономастических реалий. Среди них первое место по частотности употребления в тексте занимают топонимы, в частности, названия населенных пунктов. Основываясь на распределение реалий по национально-территориальному признаку, в романе можно выделить реалии, относящиеся к Российской Империи, Османской империи и Молдавскому княжеству, описываемого исторического периода. Особую роль в ИТ играют реалии-топонимы, имеющие непосредственное отношение к молдавской историко-территориальной культуре. Эти реалии выступают для языка реципиента как преимущественно неосвоенные/незнакомые (Влахов, Флорин 1980, с. 77). Реноминация таких реалий в ПТ осуществляется путем

использования чужой формы слова, в нашей терминологии L-реалии. Ср., например:

ИТ: ... *тяжелое поражение у Станилеши, на Пруте, и сам Петр чудом избежал пленения.*

ПТ: ... *une lourde défaite près de Stanilecht, sur le Prout ...*

В приведенном примере автором использованы реалии-топонимы **Станилеши** – название населенного пункта и **Прут** – название реки, напоминающие об историческом событии, а именно о поражении, которое претерпели объединенные молдавская и русская армии в битве против турецких войск в 1711 г, более известном, в российских учебниках по истории, как Прутский поход Петра первого.

Реноминация в ПТ чужих реалий **Станилеши** и **Прут** осуществляется с помощью транскрипции, в результате в ПТ появляются соответствующие L-реалии **Stanilecht** и **Prout**. Используя чужие лексические единицы - L-реалии, переводчик сохраняет в ПТ функцию исторической и территориальной достоверности, которая состоит в том, чтобы соотнести конкретную географическую местность к определенному историческому событию. Следует, однако, отметить, что, оставляя данные реалии без дополнительного комментирования, автор апеллирует, прежде всего, к пониманию читателем «когнитивного контекста» (Lederer 1994 с. 41), а также к его когнитивному багажу (русскоязычный читатель имеет определенные знания о военных походах Петра первого), который при необходимости он может легко пополнить. Переводчик, точно следуя авторскому тексту и оставляя данные реалии без комментирования, создает текстовую лауну, поскольку у французского читателя отсутствует соответствующий когнитивный багаж, а глубина понимания им когнитивного контекста может оказаться недостаточной.

В отличие от ономастических реалий, имеющих историческое значение, в ИТ встречаются и другие топонимы, которые, в связи с их малой известностью, автор сопровождает текстовой экспликацией, раскрывающей их роль в произведении. Ср., например:

ИТ: ... *деревушка с нежным названием Салкуца. Должно быть, когда-то в этой долине росли плакучие ивы.*

ПТ: ... *un petit village portant le doux nom de Salkoudza. Sans doute y avait-il autrefois dans cette vallée des saules pleureurs.*

Автор художественного произведения использует контекст для разъяснения ономастической реалии **Салкуца** - *деревушка с нежным названием*. Переводчик, используя прием транскрипции **Salkoudza**, в свою очередь, сохраняет данную экспликацию и в ПТ (иначе говоря, создает С-реалию средствами своего языка). Такой способ реноминации позволяет сохранить местный колорит произведения, хотя в тексте могут возникать семантические или стилистические лауны. Так, читателю ПТ не понятно, как название **Салкуца** (**Salkoudza**) связано с тем, что «в этой долине росли плакучие ивы».

Следующая группа ономастических реалий включает реалии-антропонимы, которые также могут выступать как освоенные/знакомые и неосвоенные/незнакомые для читателя ПТ.

Некоторые ученые не считают целесообразным относить имена собственные к реалиям. Тем не менее, данные языковые знаки «способны порождать яркие национально-обусловленные когнитивные концепты, восполняющие в языке определенные семантические лакуны» (Рылов 2006, с. 290). Д.И. Ермолович подчеркивает, что «любое использование иноязычного имени собственного в речи есть именно акт межъязыковой и межкультурной коммуникации и результатом его является взаимодействие двух языковых и речевых систем, двух культурно-психологических традиций» (Ермолович 2001, с.132). Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, «концептосферы разных народов существенно различаются и по составу концептов, и по принципу их структурирования. Это позволит выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений сознанием разных народов, выявить безэквивалентные концепты и концептуальные лакуны (отсутствие концепта)» (Попова, Стернин 2007, с. 38). Именно национальная принадлежность имен собственных позволяет относить их к категории лингвокультурных реалий.

Д.И. Ермолович выделяет единичные и множественные антропонимы (Ермолович 2001, с. 39). К единичным ученый относит антропонимы, которые представляют «общеизвестный минимум информации» о носителе имени, а множественные антропонимы «характеризуются тем, что коммуникативная сфера, в которой они однозначно определяют одного референта, ограничена» (Ibid, с. 40). Среди функционирующих в анализируемом ИТ реалий-антропонимов отмечаем «единичные» имена известных молдавских исторических личностей, с одной стороны, и «множественные» имена собственные представителей молдавского народа, с другой.

Среди освоенных в языке перевода реалий-антропонимов фиксируем имя молдавского государя **Штефана Великого**. Например:

ИТ: ... *небольшом монастыре покоились останки **Штефана Великого** ...*

ПТ: ...*ce monastère de taille modeste reposaient les reliques de **Stéphane le Grand***

...

Приведенный пример интересен тем, что переводчик использовал прием уподобления в процессе реноминации чужой L-реалии **Штефана Великого** своей L-реалией **Stéphane le Grand** При передаче единичных реалий - антропонимов в ПТ указанный тип реноминации чужая L-реалия – своя L-реалия встречается в тех случаях, когда в языке перевода существует эквивалент имени собственного исходного языка.

В ИТ встречаются антропонимы, которые выражают определенные характеристики персонажа художественного произведения. Речь идет о так называемых говорящих фамилиях и о прозвищах, которые, чаще всего, относятся к категории неосвоенных/незнакомых реалий. Общий контекст художественного произведения указывает на то, что данные ономастические реалии относятся к молдавской этнической идентичности. Рассмотрим несколько примеров:

ИТ: ... *откуда и прозвище пошло **Пасере**, то есть птица.*

ПТ: ... *qui lui avait valu son surnom: **Passéré**, c'est-à-dire oiseau.*

ИТ: *Фамилия священника была **Гэунэ**, то есть курица...*

ПТ: *Le nom de famille du prêtre était **Guèinè**, ce qui signifie “volaille”,...*

В таких случаях Ион Друцэ часто прибегает к контексту как средству объяснения специфичных молдавских лингвокультурных реалий, особенно реалий-антропонимов, которые в романе выполняют функцию «ёмкой характеристики персонажа» (Алексеева 2004, с.189). При этом пояснения выступают в виде внутритекстового метатекста: *Пасере, то есть птица; Гэинэ, то есть курица*. В этом случае переводчик переносит поясняющий реалию контекст ИТ в ПТ: *Passéré, c'est-à-dire oiseau; Guèinè, ce qui signifie "volaille"*.

В тексте перевода такие ономастические реалии предстают в виде транскрибированных лексических единиц L-реалий, дополненных внутритекстовым комментарием (С-реалией). Процесс реноминации осуществляется здесь по модели: чужая L-реалия → чужая L-реалия + своя С-реалия. Этот способ реноминации является наиболее частотным при переводе реалий-антропонимов (11 случаев при общем количестве 21 употребление). Вторая по частотности (9/21) модель реноминации может быть сформулирована следующим образом: чужая L-реалия → чужая L-реалия.

Исходя из анализа способов передачи на французский язык молдавских ономастических реалий, можно сделать вывод, что переводчик в процессе реноминации использует в основном чужие L-реалии в ПТ для обозначения чужих L-реалий ИТ с целью сохранения национального и местного колорита. Данная стратегия перевода приводит к частичной лакунизации лексической и стилистической информации текста перевода. Чтобы достичь максимальной информативной эквивалентности когнитивного контекста ПТ переводчик вслед за автором произведения использует внутритекстовый метатекст, дополняя чужую L-реалию своей С-реалией.

Литература

1. Droutsé, Ion. L'église blanche / Trad. du russe par Françoise Baqué-Louge – Paris : Messidor / Temps actuel, 1985.
2. Lederer M. La traduction aujourd'hui. Le modèle interprétatif. – Paris, Hachette, 1994.
3. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений.— СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980.
5. Друцэ И. Белая церковь. Бремя нашей доброты. – Москва: Молодая гвардия, 1985.
6. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
8. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки.– М.: Гнозис, 2006.
9. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография / под ред. Н.А. Фененко, А.А. Кретьева. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013.
10. Эбаноидзе А. Национальная специфика литературы – анахронизм или неотъемлемое качество? // Знамя, 2000, № 9. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/9/konf.html> (дата обращения 20. 12. 2016)

А.О. Стеблецова, И.И. Торубарова

**Трудности перевода научно-популярных
медицинских текстов**

Аннотация: В статье приводятся примеры переводческих трудностей терминологического, лингвистического и экстралингвистического характера, с которыми сталкиваются начинающие переводчики при переводе научно-популярных текстов медицинской тематики.

Ключевые слова: Медицинский перевод, переводческие трудности.

Abstract: The paper describes challenges arising when translating medical scientific-popular texts from English into Russian and offers possible ways of eliminating these problems.

Key words: Medical translation, challenges of translation.

В 2016 году кафедра иностранных языков ВГМУ разработала и апробирует курс «Основы медицинского перевода» для студентов, обучающихся по специальности 060101 «Лечебное дело». В ходе данного курса студенты приобретают основы переводческих навыков, учатся работать с англоязычными научными и научно-популярными текстами медицинской тематики. Анализ студенческих работ показал, что в ходе перевода обучающиеся сталкиваются с рядом трудностей, типичных для процесса перевода вообще, и медицинских текстов в частности.

Общепризнан тот факт, что в настоящее время английский язык становится *lingua franca* для общения в научной, в том числе медицинской, сфере. Это происходит благодаря технологическому и научному прогрессу в разных областях жизни: появляются новые сферы деятельности, новое оборудование и процессы, и возникают слова, обозначающие их. Медицина не является исключением, наоборот, многие страны, имеющие возможности, вкладывают человеческие и материальные ресурсы в клинические исследования новых лекарственных препаратов, методов воздействия на человеческий организм с целью сохранения его потенциала здоровья и т.п. Однако, при переводе медицинских текстов (как с русского на английский, так и с английского на русский) возникает ряд трудностей, которые можно классифицировать как терминологические, лингвистические и экстралингвистические.

Язык медицинской терминологии находится в постоянном движении, появляются новые термины, выходят из употребления термины бесполезные, изжившие себя. По мнению некоторых исследователей (Naznean, с.699), основной терминологической проблемой при переводе является отсутствие стандартизации терминов в большинстве языков. Помочь в решении этой проблемы могло бы создание унифицированной базы данных медицинского языка, и такие попытки существуют в настоящее время (например, UMLS – unified medical language system).

С точки зрения лингвистических проблем, есть два аспекта, вызывающие наибольшую трудность при переводе научных, в том числе медицинских, текстов, - это морфологический и синтаксический аспекты. Они существуют в силу различия грамматических систем языка-источника и переводящего языка. В первую очередь это касается системы времен в английском и в русском языках. Данные ниже наиболее характерные примеры иллюстрируют трудности при

перевод с английского на русский язык предложений с Passive Voice, временами группы Prefect:

• **If your GP cannot deal with a problem, then you'll usually be referred to a hospital for tests, treatment, or to see a consultant with specialist knowledge:**

... то Вы будете, как правило, передаваться в больницу...

... то Вы направляетесь в больницу ...

... то Вы будете переведены в больницу...

(если врач общей практики сталкивается со сложностями в назначении лечения), он может прибегнуть к дополнительным тестам...

... то Вы будете направлены в больницу...

... то Вас, как правило, направляют в стационар...

Данная трудность при переводе глагола *refer to* в Passive Voice возникает из-за того, что 1) в словаре Multitran, которым активно пользуются студенты при выполнении перевода, значение данного слова представлено следующими вариантами: «сослаться, ссылаться на кого-либо, что-либо; приписывать; относить; направлять; передавать на рассмотрение; относиться к; посылать; отсылать; послать; касаться; обозначать; говорить о; относить на счет» и т.п., причем ни одно из этих значений не указано как употребляющееся в медицинском контексте; 2) данное английское предложение построено так, что подлежащим является то, что по смыслу должно быть дополнением; в этом случае более корректно перевести на русский безличным предложением в действительном залоге, при этом подлежащее в первоначальном предложении становится в переводном предложении прямым дополнением в винительном падеже, т.е. *Вас направят в стационар*;

• ***have moved outside the catchment area of your current practice:***

переезжают за пределы микрорайона, обслуживаемого вашим врачом;

переехали за пределы участка вашего врача;

переехал за пределы микрорайона лечащего врача;

переехали за пределы участка вашего текущего врача;

переезжают за пределы площади вашего курирующего врача;

При переводе фразы в Present Perfect (***have moved***) на русский язык не все студенты соблюдают признак «совершенность-несовершенство действия», который актуален и для русских глаголов.

Хотя перевод биомедицинских научных и научно-популярных текстов ставит перед собой задачу «распространить научные знания» (Naznean, с.700) (*здесь и далее перевод наш*), тем не менее, его можно рассматривать как «репрезентацию другой культуры» (Lawrence, с. 67).

Трудности при переводе могут также возникать в силу незнания экстралингвистического аспекта, т.е. атрибутов культуры страны языка-источника: социальных условий (различных социальных групп, условий жизни и работы), образа или уклада жизни (способы свободного времяпровождения, обычаи и традиции в еде и т.п.). Язык медицины, как часть культуры любой страны, включает в себя различные названия лекарств, процедур и протоколов, перевод которых зависит от контекста и не может быть обобщен и систематизирован. Данные ниже примеры иллюстрируют трудности перевода предложений, в которых содержатся страноведческие реалии, не имеющиеся в

стране переводного языка. В силу этого начинающим переводчикам было очень трудно подобрать наиболее адекватное соответствие данным понятиям:

- **«Can a patient change GP practice?»**

Может ли пациент сменить лечащего врача?

Может ли пациент поменять врача общей практики?

Может ли пациент сменить офис врача общей практики?

Может ли пациент поменять кабинет врача общей практики?

Может ли пациент поменять кабинет врача общей практики (семейного врача)?

Может ли пациент сменить офис врача общей практики (ВОП)?

Может ли пациент поменять врача ?

- **have moved outside the catchment area of your current practice:**

переезжают за пределы микрорайона, обслуживаемого вашим врачом;

переехали за пределы участка вашего врача;

переехал за пределы микрорайона лечащего врача;

переехали за пределы участка вашего текущего врача;

переезжают за пределы площади вашего курирующего врача;

- **experienced problems in their relationship with the current practice**

имели разные проблемы во взаимоотношениях с текущим врачом;

имели опыт проблем во взаимоотношениях с текущим врачом;

сталкиваются с проблемами в отношениях с нынешним врачом общей практики;

испытывал проблемы во взаимоотношениях с лечащим врачом;

накопились проблемы в отношениях с текущим врачом;

знают проблемы в отношениях с их настоящим врачом;

- **Parents or guardians can register a baby at a practice by completing and presenting FP58 form, which is issued at the same time as a birth certificate.**

Родители или опекуны могут зарегистрировать ребенка у врача, заполнить и представить форму, которая выдается вместе со свидетельством о рождении.

Родители или опекуны могут зарегистрировать ребенка у врача, заключив и предоставив форму, которая выдается вместе со свидетельством о рождении.

Родители или законные представители могут зарегистрировать ребенка у врача путем заполнения и предоставления формы, которая в течение некоторого времени используется как свидетельство о рождении.

Как видно из приведенных примеров, наибольшую трудность при переводе данного текста представляет лексема **practice**, которая имеет следующие значения в словаре: «упражнения, метод работы, тренировка, клиническая практика, клинический опыт, терапия, кабинет терапевта». Чтобы скорректировать данную переводческую трудность, необходимо вначале обратить внимание студентов на контекстное описание понятия «**practice**» (например, в учебнике Professional English In Use. Medicine. – Glendinning, Howard 2007, с.28).

Следующий пример иллюстрирует перевод фразы **health education**:

- **They also provide health education, offer advice on smoking and diet, run clinics, give vaccinations and carry out simple surgical operations.:**

медицинское образование
обучение здоровью
санитарное просвещение
медицинское просвещение
санитарное просвещение (гигиена)

(Также они должны) обучать людей вести беседы о курении и диете.

Трудности в данном случае возникают из-за того, что перевод фразы **health education** рассматривается в отрыве от контекста – «санитарное просвещение, медицинское образование, подготовка в области медицины», а в некоторых случаях дается перевод лексем *health* и *education* по отдельности («обучение здоровью»); последнее предложение – пример того, что переводчик понял общий смысл фразы, но не потрудился найти более точное адекватное соответствие в переводном языке; при том, что данная фраза в данном контексте может иметь значение «просветительская работа в сфере здравоохранения» (подобное значение закреплено в словаре – «воспитание сознательного отношения к здоровью и санитарное просвещение»).

- **medical records**

медицинские данные
медицинские записи
медицинские документы;

- **GMSI form**

форма GMS
анкета GMS

Два последних примера не вызвали значительных переводческих трудностей у большинства студентов. Однако, что касается фразы **GMSI form**, то никто из переводчиков не обратился к страноведческим словарям и не пояснил, что означает аббревиатура **GMS** (*Group Medical Service form* – бланк на оформление страховых выплат по болезни). (Возможно, данный факт можно объяснить сложившимся в нашей стране формально-индифферентным подходом к заполнению разного рода бланков и формуляров, когда большинство людей просто не вникают в суть документов, которые заполняют и аббревиатур, которые указаны в этих бланках и документах). Это можно считать ошибкой перевода, поскольку цель коммуникации не достигнута, при переводе упущен важный смысловой аспект.

(Примеры, приведенные в тексте в качестве иллюстративного материала без указания ссылок, взяты из текстов авторского перевода)

Таким образом, очевидно, что необходимо проводить анализ студенческих работ в будущем при активном участии самих студентов, так как это дает огромную возможность корректировать их действия в процессе перевода, упреждать и снимать языковые и переводческие трудности, добиваться более точной и адекватной передачи информации при переводе медицинских научных и научно-популярных текстов с английского на русский язык.

Литература

1. Naznean Adrian. Challenges faced by medical translators. – http://www.upm.ro/ccci12/volCCII_Pages%20from%20Volum_texteCCII2-82.pdf (accessed date: 25.12.2016)

2. Glendinning Eric H., Howard Ron. Professional English in Use. – Cambridge, 2007.
3. Lawrence Venuti. The Scandals of Translation. Towards an Ethics of Difference. – London/ New York: Routledge, 1999. (accessed date: 25.12.2016 <https://ru.scribd.com/doc/30521099/The-Scandals-of-Translation>)

Н.А. Фененко

Межъязыковая реноминация в зеркале художественных переводов

Аннотация: В статье рассматриваются особенности процесса реноминации реалий в текстах французских художественных переводов. Выявляется регулярный характер данного процесса, а также взаимосвязь и взаимозависимость между типом реноминируемой реалии, типом возникающей в процессе реноминации лакуны и способами делакунизации текста.

Ключевые слова: Межъязыковая реноминация, реалия, лакуна, метатекст, стратегия перевода.

Abstract: The paper examines the features of realia renomination process in French fiction translations. Regular character of this process as well as correlation and interdependency between a type of realia, a type of lacuna and a way of delacunization of the text are revealed.

Key words: Interlingual renomination, realia, lacuna, metatext, translation strategies.

К целесообразности рассмотрения проблем языка «в зеркале переводов» неоднократно привлекали внимание известные отечественные и зарубежные исследователи. Они отмечали, в частности, важность сопоставительного изучения текстов оригинала (далее – ИТ) и перевода (далее – ПТ) в связи с проблемами выбора переводческой стратегии, передачи национально-культурных, смысловых и лингвостилистических особенностей оригинала, а также в связи со спецификой реализации таких базовых категорий теории перевода, как переводимость, эквивалентность, адекватность.

Однако до настоящего времени системное изучение материалов переводных текстов (в том числе, переводов произведений классиков русской литературы на французский язык) осуществлялось преимущественно в рамках литературоведческих теорий. Лингвистическое же описание языковой специфики переводных текстов не было предметом специального рассмотрения языковедов. Переводные художественные тексты, отмечает в этой связи Е.Э. Разлогова, в отличие от оригинальных редко подвергаются подробному лингвостилистическому анализу как самостоятельные произведения – они изучаются в большинстве случаев в сопоставлении с оригиналом (Разлогова 2012, с.66). Между тем, анализ таких материалов весьма актуален: функционируя в принимающей культуре, тексты художественных переводов встраиваются в ее семиотический универсум, становясь частью ее литературного пространства и обогащая ее национальный культурный фонд. Художественные переводы фокусируют внимание на тексте как фрагменте «чужой» национально-языковой картины мира, которая представляет собой ментальную репрезентацию «другой» культуры и отражает специфику ее восприятия с учетом особенностей мышления представителей «своей» лингвокультуры.

Особый интерес с этой точки зрения представляет сопоставительный анализ нескольких ПТ одного произведения или произведений одного автора (которые

мы обозначаем термином *корпус переводов*), выполненных разными переводчиками.

Принципы анализа корпусов переводных текстов, а также технология использования этих принципов на материале французских художественных переводов разрабатываются в течение нескольких лет на кафедре французской филологии Воронежского государственного университета. Полученные авторами результаты нашли отражение в ряде работ различного научного формата (статьи, монографии, диссертационные исследования), цель которых – выявление специфики отражения в принимающем языке понятий, обозначающих реалии и константы русской культуры, а также системное представление способов их отражения во французских художественных переводах.

Данные исследования проводятся в рамках теории межъязыковой реноминации, суть которой состоит в назывании («отображении») «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего» языка, в процессе которого могут происходить некоторые преобразования (изменения) сигнификата (Французские и русские реалии... 2013). Описание процесса реноминации осуществляется с учетом постулата о сложной структуре значения языкового знака с использованием разработанной в рамках данной концепции терминологии, которая фиксирует каждую из сторон реалии: R-реалия – реалия как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт); С-реалия – реалия как идеальный эквивалент среды обитания социума (ментефакт); L-реалия – как номинация культурного концепта. Термин реалия сохраняется в качестве родового (там же, с.22).

Проведенный анализ корпусов переводов произведений русских писателей (Н.В. Гоголь, А.П. Чехов, И.А. Бунин, М.А. Булгаков, В.М. Шукшин, М.М. Зощенко) на французский язык позволил выявить ряд факторов, оказывающих непосредственное влияние на процессы межъязыковой реноминации, среди которых мы выделяем:

- «фактор реалии», обусловленный ее природой как носителя национального и исторического колорита (Влахов 2006, с.60);
- «фактор хронологии», обусловленный временем создания ИТ и соответствующего ПТ;
- «фактор переводчика», включающий его когнитивный багаж, понимание им когнитивного контекста произведения, его личностные предпочтения и его интерпретацию отношения «автор перевода – адресат»;
- «фактор переводческой стратегии» как алгоритма осуществления переводческой деятельности с целью достижения эквивалентности ИТ и ПТ.

Наиболее детальное освещение с позиций теории реноминации получил «фактор реалии». Резюмируем результаты его анализа с учетом того, что перечисленные выше факторы тесно связаны между собой и взаимообусловлены.

1. Проведенные исследования показали, что в основе процесса реноминации реалии лежат характеристики, отражающие ее принадлежность к исходной или принимающей лингвокультуре (своя/чужая реалия), ее тип (L-реалия, R-реалия, С-реалия), а также особенности ее функционирования в ИТ и ее стилистические

характеристики. Последнее особенно важно, поскольку приоритетной для художественного текста является функция эстетического воздействия на читателей и, следовательно, необходимость достижения в процессе перевода так называемой импрессивной эквивалентности или эквивалентности впечатления.

2. Процесс реноминации реалий в ПТ носит регулярный характер и может быть представлен в виде определенного набора типов или моделей (Зырянова 2011), которые являются универсальными для всех проанализированных корпусов ПТ:

«чужая R-реалия ИТ → чужая L-реалия ПТ»: верста - *verste*;

«чужая R-реалия ИТ → своя R-реалия ПТ»: *верста* - *kilomètre / lieue*;

«чужая R-реалия ИТ → чужая L-реалия + своя R-реалия ПТ»: *мужик* – *moujik, paysan*;

«чужая R-реалия ИТ → чужая L-реалия + своя C-реалия ПТ»: *пасха* – *paskha* – *gâteau sucre, au fromage blanc, traditionnellement confectionné pour le repas de Pâques* (досл.: сладкий пирог из творога, который традиционно готовят к пасхальному столу);

«чужая C-реалия ИТ → своя C-реалия ПТ»: *уездные города* – *des petites villes russes de province* (досл.: маленькие русские провинциальные города).

Чужие L-реалии, в том числе и те, которые зафиксированы двуязычными русско-французскими и французско-русскими словарями (*квас*, *мужик*, *толстовка*, *кулак* и т.п.) в художественных ПТ употребляются сравнительно редко. Переводчики прибегают к ним лишь в тех случаях, когда значение реалии, которая воспринимается французским читателем как знак русской культуры, в целом понятно из контекста. Недостаточная известность русских реалий и слабая степень их освоенности французским языком делает предпочтительным ПТ с использованием своих R-реалий, либо создание собственных C-реалий с указанием принадлежности к русской культуре или ее регионам, например, *толстовка* – *blouse russe*, *пуститься впрысядку* – *exécuter une danse russe*, *бурка* - *manteau de feutre caucasien*.

Процесс реноминации чужих реалий-ментефактов (C-реалий), структура значения которых более сложна, чем у R-реалий, носит комплексный характер. В ПТ используются как имеющиеся в языке собственные C-реалии (ср.: русск. *чудак* и фр.: *original, pauvre diable. toqué, étrange, drôle d' homme, bizarre, singulier, phénomène*), так и предлагаемые переводчиком C-реалии, раскрывающие значение реалии ИТ с помощью внутритекстовых экспликаций: *баба* – *ума палата* – *elle se débrouille bien, la bonne femme* (досл.: эта женщина хорошо выкручивается). При этом неизбежно возникновение различного типа лакун, компенсация которых представляет собой отдельную переводческую проблему.

3. Реноминация реалии может осуществляться не только в самом ПТ, но и в сопутствующем ему метатексте, который выступает как разновидность текста, ориентированного на раскрытие кода чужой культуры, и является способом декодирования значения реалий чужой культуры.

В процессе реноминации участвуют различные типы переводческих метатекстов (в нашей терминологии – развернутых C-реалий): словарные, дополняющие, пояснительные, сопоставительные, а также комбинированные

(словарный + дополняющий, сопоставительный + дополняющий, сопоставительный + пояснительный, дополняющий + пояснительный) (Козлова 2013). Они направлены на передачу сложного аллюзивного характера реалий и их функций в художественном тексте, на экспликацию особенностей индивидуально-авторского реаликона. В качестве примера приведем следующий комментарий (Французские и русские реалии... 2013, с. 124-125):

ИТ: Михаил Александрович Берлиоз

ПТ: *Mikhail Alexandrovitch Berlioz** (**Le nom du compositeur Barlioz attribué a ce personnage est choisi non pour le caractériser, mais en vue d'illustrer et de prolonger musicalement l'épigraphe et d'annoncer certains développements ultérieurs du roman* - досл.: присвоенное этому персонажу имя композитора Берлиоза выбрано не для характеристики героя романа, а для музыкального развития темы эпитафии и с целью предвосхитить развитие некоторых сюжетных линий романа).

Метатекст становится, таким образом, важнейшим средством, создающим дополнительное информационное поле, которое способствует декодированию значения реалии, а также элиминированию возникающих в ПТ лакун.

Анализ корпусов переводных текстов позволяет выявить тесную взаимосвязь и взаимозависимость между типом реалии и типом метатекста. Так, словарный метатекст используется в процессе реноминации R-реалий, дополняющий – как R-, так и C-реалий, пояснительный – C-реалий-прецедентных феноменов, сопоставительный – C-реалий (индивидуально-авторских неологизмов, вымышленных и говорящих имен собственных). Комбинированные метатексты используются исключительно при реноминации C-реалий.

4. Материалы корпусов ПТ подтверждают, что специфика значения лингвокультурных реалий представляет собой серьезный фактор лакунизации культурно-специфичной информации и возникновения различного типа лакун – этнографических, ассоциативных, социокультурных, стилистических, символьных. При этом L-реалии способны порождать этнографические лакуны, C-реалии – ассоциативные, социокультурные и стилистические лакуны; символьные лакуны возникают вследствие наличия в ИТ R- и C-реалий, выполняющих в ИТ символьную функцию (Булгакова 2013). Способы элиминации лакун, отмеченных в корпусах ПТ, характеризуются свойственным каждой из них набором моделей реноминации, выбор которых определяется типом лакуны и доминирующей в ПТ стратегии перевода. Так, заполнение лакуны преобладает в рамках стратегии форенизации и сохранения национального колорита; компенсация лакуны – при реализации стратегии доместикации. В рамках стратегии лингвокультурной адаптации текста заполнение и компенсация лакун реализуется в равной степени. (Булгакова 2013, с. 3).

Таким образом, реалии и лакуны в переводных художественных текстах выступают как комплементарные понятия: там, где в ИТ имеется лингвокультурная реалия, в сознании носителя языка ПТ (переводчика, читателя) возникает лакуна. Иначе говоря, термин «реалия» ориентирован на ИТ, а лакуна – на ПТ. Выявление характера корреляции реалий и лакун

обеспечивает системное описание способов передачи реалий в процессе перевода и раскрывает особенности механизма межъязыковой реноминации.

Анализ процесса реноминации на материале корпусов переводных текстов открывает реальные перспективы для наблюдения за процессами освоения «своим» языком «чужой» действительности, в частности, за особенностями освоения французским языком русской художественно-эстетической действительности. Такой анализ позволяет обнаружить в текстах художественного перевода случаи межкультурной и межъязыковой асимметрии, а также определить границы и способы ее преодоления.

Выявление в этом процессе системных закономерностей объективирует возможность выведения реалии как единицы наибольшей концентрации национальной культуры из категории «непереводимого в переводе», в рамках которой она традиционно рассматривается.

Литература

1. Булгакова С.Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И.А.Бунина: Автореф. дис...канд. филол. наук. – Воронеж, 2013.
2. Влахов С. И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: «Р.Валент», 2006..
3. Зырянова М.В. Реноминация лингвокультурных реалий (на материале французских переводов пьес А.П.Чехова: Автореф.дис...канд.филол.наук.- Воронеж, 2011.
4. Козлова В.В. Метатекст во французских переводах произведений М.А.Булгакова: Автореф. дис.... канд.филол. наук. – Воронеж, 2013..
5. Разлогова Е.Э. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов // Вопросы языкознания. – 2012. – №6. – С. 66- 88.
6. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография / под ред. Н.А. Фененко, А.А. Кротова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013.

Раздел 6. Сопоставительные исследования и коммуникативное поведение

Е.И. Баева

Невербальный аспект итальянской и русской деловой коммуникации (сопоставительный аспект)

Аннотация: В статье сопоставляются отличительные особенности невербальной составляющей как важного аспекта в культуре деловой коммуникации на итальянском и русском языках.

Ключевые слова: Итальянский язык, русский язык, культура, невербальная коммуникативное поведение, деловое общение, невербальные сигналы.

Abstract: The paper compares peculiarities of non-verbal component of Russian and Italian business communication.

Key words: Italian language, Russian language, culture, non-verbal communicative behaviour, business communication, non-verbal signals.

Во время деловой коммуникации между представителями различных культур часто возникает проблема поддержания необходимой культуры общения, которая подразумевает проявление уважения к представителям всех наций и национальностей и является, несомненно, основой успешных переговоров. Культура общения предполагает соблюдение общепринятых нравственных требований к поведению в обществе: вежливости, корректности, тактичности, предупредительности, точности. Исследования Института Карнеги подтвердили, что успех специалистов в самых разных сферах политики, бизнеса и финансов обусловлен на 85% умением общаться с коллегами и только на 15% – узкоспециальными техническими знаниями в своей профессии (Карнеги 2006, с. 6).

Существуют культуры с «высоким» и «низким» контекстом, что связано с преобладанием вербальных или невербальных способов коммуникации. «Высокий» контекст означает, что большая часть информации передается с помощью подтекста, невербальных способов, огромное значение имеют оттенки и нюансы в процессе общения. «Низкий» контекст указывает, что основные сведения сообщаются с помощью слов, здесь ценится прямой стиль коммуникаций, не приветствуются двусмысленности и неопределенности. Соглашения чаще всего являются письменными, а не устными и считаются окончательными и скрепленными законом. Россия и Италия относятся к культурам с «высоким» контекстом (Селлих 2004, с.239).

Охарактеризуем некоторые существенные признаки делового общения итальянцев в сопоставлении с коммуникативным поведением русских, которые надо учитывать русским при деловом общении с итальянцами.

В деловой коммуникации следует учитывать, что итальянские предприниматели не одобряют вялых рукопожатий, поскольку у них очень ценятся атлетизм и энергия. Это приемлемо даже при встрече между женщинами. Им следует пожимать руку энергично и сильно; кроме того, при рукопожатии сцепленные руки принято покачивать от трех до семи раз. Незнание этого факта может негативно повлиять на дружеское начало делового сотрудничества между итальянскими партнерами и русской фирмой, во главе которой стоит женщина.

Во время ведения переговоров итальянцы держатся весьма претенциозно: они стремятся продемонстрировать оппонентам уверенность в себе, решительность, отсутствие сомнений и слабости; они очень хотят казаться независимыми и на переговорах не боятся рисковать. Для итальянского политика и переговорщика важно продемонстрировать свою исключительную решительность и твердость характера. Ничто не заставит итальянца признать свою некомпетентность в каком-либо вопросе; ему весьма сложно первому пойти на уступки – более удобен для него компромисс.

Даже во время делового общения итальянцам свойственно жестикулировать, употреблять красочные эпитеты и восклицания. Они склонны превращать процесс обсуждения в бурную дискуссию, бросать на оппонентов вырази-

тельные, даже яростные, взгляды. Однако уже через несколько минут яростный спорщик способен обратиться к своему оппоненту с самыми любезными словами.

Немец Гете не уставал удивляться, что жизнь в Италии протекает открыто, публично, вынесена под небо и проявляется не в рефлексии переживаний и намерений, но прямо в действиях, словах и поступках.

Итальянский стиль общения и деловых отношений тесно связан с понятием семьи. Итальянцы придают большое значение семье не только в частной жизни: они считают семью важным фактором общественной и деловой жизни. Стиль отношений в итальянской делегации на переговорах также почти семейный, патерналистский: ярко выражен культ единства, лояльности, выполнения обязательств и обязанностей, существует четкая граница между «своими» и «чужими». Во всех случаях на переговорах итальянцы предпочитают личные контакты: они стремятся создать сети доверенных лиц, аналогичные семье.

Руководитель итальянской делегации стремится к ясности и контролю над ситуацией, именно ему, главным образом, принадлежит право принимать решения. Стиль итальянского руководства отличается властностью, акцентирует иерархию: подчиненные здесь сильно зависят от своих начальников, ожидая от них авторитарных действий. Таким образом, в итальянской делегации на переговорах царит четкая иерархия, что предотвращает возможные внутренние конфликты. Итальянцы весьма ценят пунктуальность, порядок, но многие эксперты признают, что Италия стала жертвой так называемого «небрежного отношения» к пунктуальности, даже среди профессионалов. «Все встречи и переговоры начинаются позже условленного времени: они начинаются позже и заканчиваются позже», – комментирует эксперт в сфере делового этикета Альберто Презутти. Именно поэтому, проявить пунктуальность в Италии – это реальный способ произвести благоприятное впечатление.

По мнению А.П. Павловской, немаловажный фактор влияния на формирование итальянского национального коммуникативного поведения заключается в наличии таких противоположностей, как единство итальянского государства и многообразие региональных особенностей данного государства (Павловская 2006). Так, итальянцы из северных районов Италии существенно отличаются от представителей южных областей страны или ее островной части — по темпераменту, деловой хватке, даже манере общения: северяне более деловиты и собраны, южане – более эмоциональны.

Одежда итальянца даже во время деловых переговоров должна непременно вызвать реакцию, так как каждый считает себя единственным и неповторимым. Итальянский вариант русской поговорки «По одежке не судят» («L'abito non farebbe il monaco») совсем не подходит к итальянскому деловому этикету. Они говорят: "Dimmi come vesti e ti dirò chi sei" (скажи мне, как ты одет, и я скажу, кто ты). «Само собой важны знания и манеры, которыми наделен человек, – говорит эксперт. – Но деловой этикет гласит: «Элегантность и стиль – вот фундаментальные элементы делового человека».

Естественно, что у итальянцев свое представление о стиле, однако, стоит помнить, что для жителей Апеннин элегантность кроется не в цене одежды, а в умении её носить. Достаточно вспомнить, как летом 2015 года директор итальянской газеты Il Corriere della Sera Паоло Валентино пришел на интервью с

президентом РФ Владимиром Путиным в носках ярко-красного цвета. В русской прессе его осудили, в некоторых изданиях даже высмеяли. Историк моды София Азархи в беседе с газетой «Фонтанка» отметила, что в мужской одежде существует определенный дресс-код. «Конечно, красные носки итальянского журналиста во время интервью с главой иностранного государства – это нарушение этикета, – говорит историк. – Любое появление в такой одежде можно расценивать как демарш. Но демарш очень изысканный. Это находчиво, остроумно, это оскорбительно, но невятно оскорбительно». София Азархи считает, что красные носки — это заявка о полной свободе и непринужденности. Но все-таки это уместно в неофициальных ситуациях (Галеева).

Для жителей Италии характерно стремление демонстрировать окружающим свою уверенность, решительность, отсутствие слабости и сомнений. Столь любимая русскими рефлексия не приемлема для итальянцев. Итальянец всегда держится как хозяин своей жизни, даже если на самом деле у него масса комплексов. С этим связаны и многие особенности поведения итальянцев, на первый взгляд кажущиеся проявлением невоспитанности.

Важнейшую черту итальянского характера как нельзя лучше определяет фраза из комедии Шекспира: «весь мир – театр, в нем женщины, мужчины – все актеры...» Для итальянца игра – неотъемлемая часть повседневной жизни. Он всегда играет, всегда на сцене, если, конечно, есть публика, зрители. Его поведение, стиль общения, речь, манера одеваться – все это подчинено внутренней логике игры (Маклакова 2006, с.37).

Таким образом, успех делового общения между русскими и итальянцами состоит не только в соблюдении культуры общения, но и в учете специфики межкультурной коммуникации.

Сопоставительный анализ и обучение этим особенностям – залог успешного проведения деловых переговоров.

Литература

1. Галеева В. Жесты ног: о чем говорят красные носки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2015/06/08/184/>
2. Карнеги Д. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей. — М.: Беловодье, 1994 .
3. Маклакова Е.А. Некоторые национально-специфические особенности коммуникативного поведения итальянцев и англичан // Коммуникативные исследования 2008. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 6. – С. 36–54.
4. Павловская А.В. Италия и итальянцы. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2006.
5. Селлих К., Джейн С.С. Переговоры в международном бизнесе: практическое руководство. – М.: Добрая книга, 2004.

И.П. Конопелько

Сопоставительное изучение коммуникативного поведения (русские и французы)

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности коммуникативного поведения русских и французов в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: Коммуникативное поведение, русские, французы, доминантная особенность коммуникативного поведения.

Abstract: The paper deals with some peculiarities of communicative behavior of Russian and French people in a comparative aspect.

Key words: Communicative behaviour, the Russians, the French, the dominant feature of communicative behavior.

Сопоставление в области КП и лингвокультурологии позволяет наглядно представить отдельные признаки сравниваемых коммуникативных культур в интересах взаимного изучения, нахождения общих и различающихся черт и в связи с этим дает возможности преодоления межкультурных различий, в том числе в процессе обучения языку как иностранному.

Рассмотрим некоторые возможности сопоставительного описания французской, русской коммуникативных культур.

Общение в любой конкретной ситуации опосредовано многими факторами – ситуацией, социальными и личностными отношениями между общающимися, степенью официальности ситуации, временем и местом общения и многими другими факторами. Однако можно выделить доминантные особенности коммуникативного поведения народа, то есть такие особенности общения, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций, то есть в идеале – вне зависимости от конкретной ситуации общения, тематики общения, состава коммуникантов и т.д.

В доминантных особенностях коммуникативного поведения проявляются наиболее яркие национальные черты общения того или иного народа.

Приведем некоторые наблюдения над доминантными особенностями французского коммуникативного поведения в сопоставлении с русским.

Для французского коммуникативного поведения не характерна такая черта, как соборность, что присуще, например, русскому коммуникативному поведению. Французы не учитывают мнение окружающих. Любой француз, независимо от возраста и социального статуса, ведет себя так, как считает нужным.

Французы более раскованы в общении, по сравнению с русскими, даже когда речь идет об общении с незнакомцами. Но вместе с тем, проявляется уважение к окружающим в общественных местах. По поводу уважения к окружающим можно привести такой пример. В поезде запрещено пользоваться громкой связью. Все пассажиры без предупреждения, садясь в поезд, отключают в своих мобильных телефонах громкий звонок и переводят их в бесшумный режим. Если возникает необходимость поговорить по телефону, француз выйдет в тамбур. Громко разговаривать в поезде тоже не принято. Если кто-то и разговаривает, то обязательно убедится в том, что его разговор не мешает попутчикам.

Следующей доминантной чертой в общении французов, на наш взгляд, является отсутствие душевности социальных отношений. Французы не стремятся установить неформальные отношения в коллективе. Очень часто французы имеют мало информации о личной жизни коллег и не стремятся об этом узнать. На работе прежде всего ценятся профессиональные качества, уровень образования. Последнее особенно ценно. Француз считает, что тот факт, что человек окончил вуз и получил высшее образование, достойно уважения и положительного к нему отношения. Если после окончания вуза человек продолжает учебу (например, учеба в аспирантуре), то это достойно

восхищения. Французы очень хорошо относятся к образованным людям, всячески поощряют их желание повышать свой профессиональный уровень

Общение на работе, как правило, ограничивается несколькими фразами общего характера. Ставший уже традиционным вопрос «ça va?» (как дела?) - не больше, чем простая формальность, заменяющая приветствие. Никто не будет рассказывать, как же на самом деле обстоят дела. Обычно этот вопрос оставляют без ответа.

На работе разговоры на посторонние темы порицаются. Начальник придирчиво следит за работой подчиненных, которые могут быть сурово наказаны, например, за то, что в рабочее время просматривают свою электронную почту.

Очень редко французы остаются работать сверхурочно. Не принято брать работу на дом. Последнее скорее говорит о том, что ты не очень хороший специалист, если не успеваешь выполнить все запланированное в рабочее время. Иногда коллеги могут собраться во вне рабочее время за чашечкой кофе, но все равно беседы редко затрагивают личные проблемы каждого.

У французов слабо выражена импульсивность поведения, всегда присутствует *ratio*. Выражения, типа «эх, была - не была», «в омут с головой», «будь, что будет», которые так ярко характеризуют русский менталитет, французам будут просто непонятны. Француз не будет ничего делать, если он не уверен в конечном результате. Все должно быть продумано, просчитано. Француз не будет действовать «на авось», так как это неразумно.

С одной стороны, это может им очень помочь. В этом отношении, хорошо подходит французам русская пословица «Семь раз отмерь, один - отрежь». На наш взгляд, русским трудно ориентироваться на эту пословицу, так как русские более импульсивны. С другой стороны, француз не способен на «безумные» поступки. Даже в личных отношениях с противоположным полом всегда присутствует разум. Француз редко будет делать подарки просто так. Он не отдаст последние деньги на цветы для любимой, не напишет под окнами на асфальте нежные слова. Французы редко дарят цветы и не отличаются предупредительными манерами по отношению к женщине. Русских женщин всегда шокирует, когда французский мужчина первым входит в дверь, не подает руки, предлагает разделить на двоих оплату счета в ресторане.

Одной из доминантных черт является также поверхностность, легкость в отношениях. Мы уже упоминали, что на работе коллеги не затрагивают в разговоре личные темы. В любовных отношениях тоже, на наш взгляд, отмечается большая непринужденность. Французы легко говорят «Je t'aime» (Я тебя люблю), не всегда придавая серьезное значение этим словам. Когда один француз узнал, что в России эти слова часто воспринимаются как синоним предложения руки и сердца (именно поэтому, по нашему мнению, они не так часто произносятся в России), то был очень удивлен. «У нас, - сказал он, - это означает всего лишь, что ты очень нравишься, и уж тем более не являются намеком на свадьбу». Согласно нашим наблюдениям, французы меньше переживают разрывы в отношениях, легко говорят о бывших связях. Часто у русских вызывает удивление привычка французов вешать на стены фотографии с бывшими любимыми. Отметим также более лояльный подход родителей к

личной жизни детей. Дети не скрывают близких интимных отношений со своим партнером. Часто молодые люди живут вместе и родители не настаивают на законном оформлении отношений. В России к этому относятся более строго.

Французов характеризует готовность к компромиссу. Русские часто говорят: «Для меня это (событие) или белое или черное» или же «Мне нужен четкий ответ – да или нет». Французу это непонятно, они не принимают русскую поляризацию, порой она вызывает даже страх. Французы считают, что русские просто не умеют общаться. Часто употребляема фраза « Il faut dialoguer» (Нужно это обсудить). В любом деле надо все обсудить. Француз не будет копить в себе недовольство, он все выскажет сразу - это может нейтрализовать назревающие конфликты. Именно из-за такой предусмотрительности, на наш взгляд, французы трудно принимают важные решения.

Французов отличает яркая самоподача. Они четко могут назвать свои качества, порой немного их преувеличивая. Для русских нехарактерно хвалить себя, для французов же это естественно. Их удивляет наше желание дожидаться похвалы от других, позиция, типа «Пусть лучше люди про меня скажут» им чужда. На собеседовании при устройстве на работу работодатель часто задает следующий вопрос – Назовите Ваши три качества и три недостатка. С качествами у французов нет проблем, а вот недостатки они порой придумывают. Французам не свойственно самобичевание, самоуничижение, что с «успехом» проделывают русские. Если француз упоминает о своем недостатке, то не очень серьезный, который легко может трансформироваться в достоинство. Например, один француз считал своим недостатком желание работать самостоятельно, а не в группе. И тут же добавлял, что, таким образом, он выполняет работу гораздо качественней и добросовестней. Судить, что это – качество или недостаток – очень трудно.

Преувеличение своих достоинств в отдельных случаях доходит до смешного. Например, если француз знает несколько слов на каком-либо иностранном языке, то он с уверенностью говорит, что знает этот язык. Один француз говорил, что знает японский язык, хотя на самом деле знал лишь слова приветствия. Такие случаи, конечно, единичны, но в общем можно с уверенностью говорить, что французы умеют себя преподнести, а при устройстве на работу – и заинтересовать в своей кандидатуре.

Бросается в глаза любовь французов к своей Родине. Они хорошо знают историю своей страны, часто по ней путешествуют. Они уважают свои традиции и обычаи. Хорошо знают города Франции, их обычаи, даже если там не были. Французы очень любят, когда восхищаются их страной, с удовольствием поддерживают разговор на эту тему. Вместе с тем, они мало знают о других странах, особенно о России. Порой поражает их полнейшая неграмотность в культуре, традициях и обычаях русских. Очень часто вопросы о России шокируют и в какой-то мере обижают русских. Наиболее часто задаваемые вопросы такие: «У вас в каждом доме есть телевизор?», «Как вы спасаетесь от медведей, которые ходят по улицам?», «Есть ли хоть один мужчина, который не пьет алкоголь?», «Вы по улицам в народных костюмах ходите?», « У вас есть мобильные телефоны?». Трудно поверить, что все эти вопросы действительно задавались французами.

Знания французов о России остановились на периоде до начала 90-х годов. Такие понятия, как *политбюро*, *лапти*, *самовар* и др. французы употребляют, характеризуя современную Россию. Их представление о России утрировано и порой трудно их переубедить, что все это далеко позади и все новинки в области науки и техники также есть в России, и мы умеем ими пользоваться.

Можно также назвать общительность французов. Они очень любят поговорить, хотя, как мы уже отмечали, разговор носит поверхностный характер. Французы особенно любят разговаривать в процессе приема пищи. Это целый ритуал. Именно во время обеда, а также ужина, французы ведут длительные разговоры, обсуждают в семейном кругу проблемы. Семейный обед может затянуться на несколько часов, во время которого присутствующие с увлечением беседуют. В семье французы достаточно откровенны, поэтому разговоры длительные.

Для французов характерно четкое разделение на «твое – мое». Например, в ресторане скрупулезно считают, кто и сколько должен заплатить. Такое поведение ярко отражает пословица «*Le bon compte crée de bons amis*» (Правильный счет сохраняет друзей). Во Франции не принято расплачиваться наличными, а «на чай» оставляют очень редко. Расплачиваются чеками, так как, по словам одного француза, «В чек можно вписать точную сумму счета, не оставляя чаевых».

Французы редко просят займы, это просто не принято. Если тебе оказали услугу, ты обязательно должен оказать ответную. Если ты посылаешь французу подарок, то он непременно вышлет подарок и тебе тоже.

В отличие от русских, французы не «плачутся в жилетку». Более того, они расценивают эту черту как проявление слабости, пессимизма и нежелание действовать. Если русский ищет сочувствия, то француз считает, что сочувствие может расслабить человека и он «теряет хватку». Здесь также срабатывает принцип «твое – мое». Не надо загружать своими проблемами других людей. Если ты не можешь справиться со своими проблемами, значит, ты слабый человек и не достоин сочувствия.

Во Франции не распространены замечания, даже в школах их делают очень осторожно. Например, если ученика выгоняют из класса, то свою сумку он должен оставить в классе, чтобы не мог уйти из школы. Очень лояльное отношение к поцелуям. Французская традиция предполагает при приветствии коснуться друг друга щекой, издав губами звук поцелуя. Это уже немного шокирует русских, поскольку даже с малознакомыми людьми здороваться надо именно так. Французская культура не усматривает в этом никакой интимности. Часто на улицах можно заметить целующиеся пары. Даже в коридорах школы ученики могут целоваться – учителя не сделают замечания.

Не принято уступать место в транспорте. Часто это может оскорбить человека (ведь вы, возможно, уступаете место более старшему, тем самым намекая на возраст и немощность). Можно уступить место беременной женщине, но это зависит от твоего желания. Никто не сделает замечания, если ты не уступишь место.

Французы много улыбаются. Возможно, это сказывается влияние американской культуры, где улыбка является синонимом твоего благополучия. В

Европе вообще много улыбаются незнакомцам. Это проявление вежливости, отсутствие агрессии. Если вы кого-то случайно задели, толкнули, никто не будет проявлять видимого недовольства. Все недоразумения решаются с улыбкой на губах.

Французы очень законопослушны. Они уважают закон и подчиняются ему. Например, если француз садится в машину, то он никогда не забудет пристегнуться ремнем безопасности. Также очень четко соблюдается лимит скорости на дороге. Все магазины закрыты в воскресенье, так как закон запрещает рабочую неделю более 35 часов. Однако, наряду с законопослушанием, во Франции очень много забастовок, вызванных несогласием с принятыми законами. Порой создается впечатление, что во Франции каждую неделю проходит очередная массовая забастовка с остановкой работы и требованием своих условий. Мы не знаем, насколько полно выполняются условия бастующих, но то, что забастовки не редкость, это точно.

Для французской нации характерен коммуникативный демократизм. Французы легко переходят «на ты», даже если у собеседников большая разница в возрасте. На работе все друг с другом «на ты». Такая поведенческая тактика в общении сближает людей, особенно на работе и, скорее всего, способствует быстрому преодолению барьера в общении, что положительным образом сказывается на производительности труда в целом. Скорее всего, здесь также сказывается влияние американского стиля поведения, где, согласно законам языка, существует лишь один вариант «you» на два русских местоимения «ты» и «вы».

Характерным также является проявление экономности, бережливости. Именно поэтому таким успехом пользуются сезонные периоды распродаж. Даже довольно обеспеченные французы с удовольствием приобретают вещи на распродажах, экономя тем самым значительные суммы. В эти периоды стараются накопить как можно больше вещей, чтобы не переплачивать в обычный период, по окончании скидок.

Французы редко себя «балуют»: если вещь стоит дорого, то её скорее всего не купят, даже если она понравилась. Всегда присутствует рациональная черта в поведении. Французы трудно расстаются со старыми вещами. Считают, что лучше сохранить эту вещь, расстаются с ней лишь в крайнем случае. Дома их, конечно, не похожи на склады ненужных вещей, но все же прежде чем что-то выбросить, француз долго будет сомневаться в этом. Считается уже традицией собирать все чеки из магазинов. Можно наблюдать такую картину: в выходной француз сидит за столом и скрупулезно подсчитывает по чекам расходы за неделю. Затем каждый чек помещается в специально заведенную папку с надписью «Чеки из продуктовых магазинов», «Чеки из вещевых магазинов» и т.д. Французов всегда удивляет русская черта не брать в магазине чек.

Французы по своей натуре обязательны. Если француз что-то пообещает, он это точно выполнит. Русские часто отличаются необязательностью, для французов это неприемлемо. Любая просьба воспринимается французом очень серьезно и выполняется в кратчайшие сроки.

Французы очень активны в процессе обучения. Они легко включаются в игру. Не стесняются никакой предложенной деятельности. Могут, например, начать всей группой петь песню.

Таковы основные различия, выявляющиеся при сопоставительном анализе французского и русского коммуникативного поведения.

Раздел 7.

Сопоставительные исследования и лингводидактика

Е.С. Богданова

Сравнительный анализ свойств художественного и художественно-публицистического текстов в русле лингводидактики

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ свойств художественного и художественно-публицистического текстов как теоретическая основа методики обучения школьников текстовой деятельности.

Ключевые слова: Художественный текст, художественно-публицистический текст, дидактический материал для обучения текстовой деятельности.

Abstract: The paper presents the comparative analysis of fiction and journalistic texts as the theoretical basis for teaching school students textual activity.

Key words: Fiction, journalistic texts, didactic material for teaching textual activity.

Переход системы школьного образования на ФГОС ООО связан с решением новых образовательных и воспитательных задач. Так, например, среди метапредметных результатов освоения основной образовательной программы ФГОС предусматривает обучение смысловому чтению (ФГОС, с.7), т.е. такому, при котором в ходе чтения инициируются процессы смыслообразования и актуализируются личностные смыслы реципиента (Мосунова 2011, с. 152). Предметные результаты предметной области «Филология» предусматривают формирование ценностного отношения к книге, литературе, тексту как способу приобщения к миру другой личности, потребности в познания мира и себя в этом мире посредством систематического чтения, совершенствование умения создавать развёрнутые высказывания аналитического и интерпретирующего характера, овладение процедурами смыслового и эстетического анализа текста. Обобщая требования ФГОС, предъявляемые к результатам обучения, можно уверенно сказать, что усилия педагогов-филологов должны сконцентрироваться на формировании умений текстовой деятельности учащихся.

Решение задач, поставленных в новой образовательной парадигме, связано с как поиском эффективных методов обучения, так и с отбором дидактического материала, который можно использовать при формировании умений текстовой деятельности. Процесс формирования и совершенствования умений текстовой деятельности осуществляется на уроках русского языка, причём в качестве дидактического материала часто используются фрагменты художественных произведений. Так, например, в учебнике «Русский язык» для 9 класса (Русский

язык) 35% упражнений для учащихся построены на основе художественных текстов: в них либо фрагмент литературного произведения становится предметом анализа, либо его текст является источником отдельных предложений, выступающих в качестве учебного материала. Кроме того, методисты проявляют интерес и к художественно-публицистическому тексту: именно фрагменты таких текстов предлагаются экзаменуемым для написания сочинения на их основе в рамках ЕГЭ по русскому языку.

Известно, что обучение всегда строится с учётом свойств изучаемого предмета, поэтому построение методической системы обучения трём видам текстовой деятельности (текстовоспринимающей, интерпретационной, текстообразующей) нуждается в осмыслении и сопоставлении свойств художественного (ХТ) и художественно-публицистического (ХПТ) текстов. Представим результаты сравнительного анализа их свойств.

1. *Эстетический потенциал.* Для ХТ эстетическая функция – основная, он сам выступает как эстетический объект, в котором доминирует эстетизированная эмоция автора, передающаяся адресату, а предметом речи часто становится эстетический объект действительности. Эстетический образ в ХТ самоценен. Для ХПТ эстетическая наполненность – необязательное свойство. При восприятии ХПТ возможно возникновение чувства прекрасного, однако это используется для реализации основной задачи – воздействия на взгляды и убеждения адресата, формирование общественного мнения. Эстетический образ не является эпицентром ХПТ. Действительность в ХПТ отражается не столько в эстетических образах, сколько как результат описательно-аналитического подхода к тексту.

2. *Многослойность содержания* свойственна как ХТ, так и ХПТ. Их семантическая структура включает содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную, содержательно-подтекстовую информацию (И.Р. Гальперин). Различие в том, что в структуре ХТ особую роль играют контекст и затекст. Поскольку ХТ часто отражает реалии прошлого или иной культуры, для элиминирования текстовых лакун важен социокультурный и исторический комментарий. В ХПТ особую значимость приобретает содержательно-концептуальная информация. Чаще такие тексты посвящены современности, поэтому затекстовая информация историко-культурного содержания знакома адресату или намеренно включается в текст автором.

3. ХТ и ХПТ в равной мере обладают богатым *воспитательным потенциалом*, что делает их важным средством воспитания толерантности, гражданской позиции, патриотизма, формирования аксиосферы и эмоционального интеллекта школьников.

4. *Изобразительность и выразительность* являются свойствами текстов обоих стилей, однако в ХТ эти качества связаны с эстетической задачей автора, тогда как в ХПТ – с задачей воздействовать на убеждения адресата.

5. *Эмотивность, экспрессивность, суггестивность* свойственны большинству ХТ и связаны с эстетической задачей автора: воздействие на читателя осуществляется за счёт возбуждения эстетизированной эмоции. ХПТ обладает данными качествами, однако суггестивность свойственна ему в меньшей степени, чем ХТ: воздействие на адресата осуществляется открыто за счёт

общественной значимости рассматриваемой проблематики, актуальности и новизны предлагаемой информации.

6. *Неоднозначность понимания, наличие подтекста.* В структуре ХТ имеет место коридор смыслов, подтекст обязателен, часто именно ради него и создаётся ХТ; иногда ХТ звучит как притча, что определяет широту коридора смыслов. Автор ХПТ стремится к тому, чтобы текст был понят однозначно; подтекст выявляется читателем легче; коридор смыслов ХПТ уже.

7. В ХТ *метафоричность* развёрнутая, более связана с задачей создания эстетического образа, сложна в интерпретации. В ХПТ метафора заметнее выполняет когнитивную функцию, а также привлекает внимание к проблематике текста и авторским оценкам.

8. ХТ имеет *ассоциативную природу*, в нём широко представлены ассоциативные ряды, выполняющие описательную и эмотивную роль; преобладают индивидуально-авторские ассоциации. В ХПТ ассоциации служат не только средством развёртывания текста, но (в значительной мере) и средством выражения оценок; преобладают ассоциации, соответствующие ассоциативной норме.

9. Конституирующим свойством ХТ является *фикциональность*, т.е. наличие жизнеподобного или нежизнеподобного вымысла. Автор ХПТ, излагая материал, стремится к объективности; наличествует не вымысел, а субъективное авторское видение.

10. *Авторская субъектность.* И ХТ, и ХПТ несёт на себе отпечаток личности автора, однако мысли, изложенные в ХТ, не всегда отражают его мнение, поскольку в нём звучат разные голоса: повествователь, герой, автор различаются. Автор ХПТ говорит от первого лица и стремится выражать своё истинное мнение и отношение к сообщаемому. Можно различать лишь биографического автора и его образ, построенный им самим в ХПТ.

11. Обоим типам текстов свойствен *антропоцентризм*, который, однако, проявляется немного по-разному: в ХТ – в том, что всё в тексте связано с человеком и создано для человека; ХТ учит понимать природу людей и общества через восприятие художественных образов. В ХПТ антропоцентризм проявляется в отчётливости образа автора и созданных им документальных образах, искренности, даже интимности повествования, открывает путь постижения личности и судьбы автора (мемуарная проза).

12. *Культурная обусловленность.* ХТ и ХПТ – артефакты культуры, они обусловлены культурно-исторической средой и сами являются средством постижения культуры, однако «невывышенность» описываемого в ХПТ определяет степень доверия читателя к бытующим в нём культурным реалиям, поскольку автор выступает как очевидец того, о чём пишет.

13. В текстах обоих стилей встречаются *нарушения языковой нормы*. Художественная норма, регулирующая ХТ, допускает это с целью реализации замысла и решения автором эстетической задачи. В ХПТ отступления от нормы мотивируются стремлением автора к новизне и привлечению внимания читателя, решением задачи воздействия на адресата.

14. Интертекстуальность – свойство текстов обоих стилей, но в ХТ интертекст чаще встречается в ХТ в виде аллюзий, реминисценций, реже – цитат,

проявляется в наличии «кочующих» сюжетов, архетипических образов, повторяющихся мотивов. В ХПТ интертекст служит способом создания эффекта достоверности, а также средством воздействия на читателя (убеждения и воодушевления), демонстрирует читательские вкусы и кругозор автора.

Итак, ХТ и ХПТ имеют ряд смежных признаков, которые, однако, проявляются в них по-разному. Существенными же отличиями текстов названных стилей являются, во-первых, отношение их содержания к действительности, поскольку ХТ характеризуется фикциональностью, а ХПТ – больше соответствует референтной реальности и часто стремится к фактографичности, а во-вторых, проявление авторской субъектности: если в ХТ рассказчик далеко не всегда соответствует образу автора, то в ХПТ автор, как правило, говорит о себе и своём видении мира. Эти различия ХТ и ХПТ следует учитывать при их анализе на уроках. Так, например, даже при наличии жизнеподобного вымысла в ХТ школьник должен воспринимать его как плод фантазии автора, где мир отражается в художественных образах, тогда как в результате анализа ХПТ обучающийся должен прийти к выводу о том, что текстовая информация близка к реальной, но всё же в определённой мере субъективна, то есть показана автором так, как он её видел, а созданные им образы (например, фигуры современников) можно назвать документальными. ХПТ отличает стремление автора к достоверному изложению фактов вкупе с возможностью домысла и вымысла за счёт усложнения сюжета, изменения последовательности событий, введения дополнительных персонажей, когда они не противоречат фактам (Сафронов 2015, с. 3).

Многие характеристики ХТ и ХПТ близки или вообще идентичны. Близость стиливых черт ХТ и ХПТ, в первую очередь их связь с категорией прекрасного и безобразного, изобразительность и выразительность, создаёт условия для их успешного применения в качестве дидактического материала при формировании умений текстовой деятельности школьников. С целью обеспечения удобства и лаконичности в описании методики обучения текстовой деятельности школьников на основе восприятия и анализа художественного и художественно-публицистического текстов целесообразно использовать для наименования их совокупности термин «*тексты с доминантой художественности*» (ТДХ).

Как дидактический материал ТДХ позволяют решать важные образовательно-воспитательные задачи: прикоснуться к миру культуры и личности автора, развить эстетические чувства школьников. Авторские подходы к выражению мыслей и чувств в таких текстах становятся предметом анализа на уроке и образцами для осваивающих приёмы продуцирования речевого произведения школьников. Как источник текстообразующей деятельности ТДХ способны вызвать эстетизированную эмоцию и коммуникативную потребность: поднятые в них проблемы мотивируют «ответ автору».

Литература

1. Мосунова Л.А. Смысловое чтение как деятельность, её содержание и структура / Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 2-1. – С. 151-157.

2. Русский язык. 9 класс : учеб. для общеобразоват. организаций / [Л.А. Тростенцова, Т.А. Ладыженская, А.Д. Дейкина, О.М. Александрова; науч. ред. Н.М. Шанский]. – М. : Просвещение, 2014.
3. Сафронов А.В. Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, лагерная проза): учебное пособие для студентов высших профессиональных заведений. – Рязань, 2015.
4. ФГОС ООО/ Российская газета: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/21/obrstandart-dok.html> (Дата обращения: 03.11.2016)]

О.Н. Гич

Анализ лексического материала учебников английского языка русских и британских издательств

Аннотация: В статье сопоставляется лексический материал учебников английского языка для начального уровня, изданных в России и Великобритании.

Ключевые слова: учебники английского языка, лексический минимум, высокочастотные слова, низкочастотные слова, лингводидактика.

Abstract: The paper examines and compares lexical material of EFL textbooks for beginners, published in Russia and Great Britain.

Key words: EFL textbooks, vocabulary, high-frequency words, low-frequency words, linguodidactics.

Согласно Федеральному Государственному Образовательному Стандарту Российской Федерации к моменту завершения начального общего образования по курсу «Иностранный язык» учащийся должен приобрести:

- начальные навыки устного и письменного общения с носителями иностранного языка;
- начальные лингвистические представления
- представление о культуре и жизни другого народа (ФГОС 2011, с. 10)

Так как по завершению основного общего образования (5-9 классы) согласно ФГОС учащийся должен обладать допороговым уровнем владения иностранным языком, то можно провести параллель с Европейским стандартом и принять, что практической целью начальной ступени является достижение уровня A1, а средней – уровня A2. (ФГОС 2010, с. 9). Эти два уровня требуют очень тщательного отбора материала, так как количество лексических единиц, грамматических и фонетических конструкций ограничено. Цель статьи – провести анализ российских учебников, рекомендованных для использования в школах, для выявления степени соответствия лексического материала современному английскому языку. Для более объективного анализа также рассмотрен лексический материал учебника британского издательства, который популярен среди преподавателей как вспомогательное средство обучения и как основной учебник в частных языковых школах.

Во-первых, следует отметить, что с помощью одного слова или словосочетания можно достичь успешной коммуникации. Например, чтобы узнать стоимость вещи, достаточно указать на нее и спросить «How much?», и получить ответ, то есть позитивный результат коммуникации.

Во-вторых, следует учитывать, что россияне, особенно дети, в большей степени используют английский язык во время тур-поездов для общения с жителями курортных стран, которые не являются англоязычным, поэтому грамматическая и фонетическая верность высказывания не определяют его успешность.

В список, одобренный Министерством Образования Российской Федерации, входит 16 серий учебников для начальных классов. Из этого списка было выбрано несколько серий учебников: «Spotlight» – Быкова Н.И., Дули Д., Поспелова М.Д. и др.; «Forward» – Вербицкая М.В., Оралова О.В., Эббс Б. и др. / Под ред. Вербицкой М.В.; «Happy English» – Кауфман К.И., Кауфман М.Ю. В статье рассмотрены учебники для начальной ступени обучения, так как именно они создают первое впечатление об изучаемом языке и культуре и нацелены на приобретение учащимся уровня, позволяющего осуществлять минимальную коммуникацию.

Для объективного анализа будет использована британская серия учебных пособий «New English File» Оксиден К., Лэтам-Кёних К., Селингсон П. для уровней Beginner и Elementary, что соответствует уровню начальной школы.

Для осуществления исследования был изучен лексический минимум каждой серии учебников, который ученик должен освоить за три года обучения (2-4 классы). Стоит отметить, что некоторые серии имеют также учебник для первого класса, но в большинстве российских школ изучение иностранного языка начинается со второго года обучения, поэтому учебники для 1 класса не рассматриваются.

Лексический минимум был проанализирован на частотность: сколько процентов высокочастотной и низкочастотной лексики предлагает каждый учебник. Частотность слов анализировалась по Longman English Dictionary.

Количество лексических единиц, предлагаемых для изучения, разнится в зависимости от учебника. Результаты приведены в Таблице 1. Цифра означает количество слов или устойчивых выражений, предлагаемых в качестве лексического минимума.

Таблица 1. Количество слов и выражений, входящих в лексический минимум каждого учебника

Уровень Название серии	2 класс	3 класс	4 класс/ Elementary/ A1
	Beginner		
Spotlight	250	350	450
Forward	450	650	750
Happy English	250	600	700
New English File	550		1200

Из таблицы видно, что одна серия учебников Spotlight отличается по количеству от других. В этой серии предлагается изучать не отдельные слова, а сразу выражения или целые предложения. Соответственно, можно сделать вывод, что, по мнению составителей русских учебников, во втором классе

ученик должен знать в среднем 300-350 слов и выражений, в третьем – 600-650, в четвертом – 700-750.

В Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком не указано конкретное количество слов, которые пользователь должен знать на уровне A1. Указано, что должен быть «базовый набор отдельных слов и фраз, связанных с конкретной ситуацией» (CEFR, с. 110). Тем не менее, есть некоторые рекомендации, указывающие, что на уровне A1 в среднем должно быть изучено от 1100 до 1500 слов (Milton, Alexiou 2009, с. 207). Стоит обратить внимание, что учебник британской редакции также предлагает большее количество слов.

Однако количество изученных слов имеет меньшее значение по сравнению с тем, какие слова предлагаются на изучение. Так как количество слов, рекомендуемых для изучения на уровне A1, ограничивается в среднем 1000, очень важно отобрать именно те лексические единицы, которые помогут осуществлять базовую коммуникацию. Таким образом, логично предположить, что в предлагаемую для изучения 1000 слов должно входить как можно больше высокочастотных слов.

Чтобы определить процент высокочастотных слов в учебнике, нужно в случайном порядке выбрать 10% от общего количества слов и проверить эти слова на частотность, например, с помощью словаря Longman English Dictionary.

Количество слов в 10% от общего количества было выделено экспериментальным путем. После анализа на количество частотных слов 10%, 25%, 50% и 100% лексического материала нескольких учебников была выявлена следующая картина, представленная в Таблице 2.

Таблица 2. Количество частотных слов в зависимости от процента исследуемого лексического материала

	10%		25%		50%		100%	
	written	spoken	written	spoken	written	spoken	written	spoken
Forward, 2 класс	47%	53%	44%	52%	43%	50%	42%	49%
Happy English, 2 класс	48%	52%	45%	53%	44%	48%	42%	47%
Spotlight ¹⁰ , 3 класс	51%	64%	49%	58%	48%	59%	46%	55%

Как видно из таблицы результаты отличаются незначительно, разница между начальным и конечным результатом составляет не больше 9%. Также следует учитывать тенденцию к снижению количества частотных слов при увеличении материала. Тем не менее, чтобы выяснить соотношение частотных и нечастотных слов в учебнике, 10% оказывается достаточно.

Стоит учитывать, что выбирать слова нужно равномерно из всего учебника и избегать использования нескольких слов, относящихся к одной семантической

¹⁰ В исследование входили только слова, предлагаемые учебником в качестве активного словарного запаса

группе. Например, группа «вопросительные слова» состоит из высокочастотных слов, а группа «животные» из низкочастотных, и если взять много слов из данных групп, то результат исказится в сторону увеличения или уменьшения частотных слов соответственно.

Итак, рассмотрим результаты проведенного анализа всех учебников всех серий на частотность слов. Данные представлены в Таблице 3. Также помимо заявленных учебников для сравнения был проведен анализ одного советского учебника 1961 года издания («Английский для малышей» Валентина Скультэ, 1-ая книга) для того, чтобы выяснить произошли ли изменения состава лексического материала учебников более, чем за полвека.

Таблица 3. Анализ количества частотных слов в учебниках разных серий

	written	spoken	Низкочастотные слова
Spotlight, 2 класс	48%	52%	16%
Spotlight, 3 класс	51%	64%	17%
Spotlight, 4 класс	29%	31%	24%
Forward, 2 класс	47%	53%	18%
Forward, 3 класс	48%	52%	23%
Forward, 4 класс	25%	25%	27%
HappyEnglish, 2 класс	48%	52%	16%
HappyEnglish, 3 класс	45%	45%	25%
HappyEnglish, 4 класс	47%	47%	31%
New English File, Beginner	66%	67%	13%
New English File, Elementary	52%	55%	19%
Английский для малышей	42%	47%	32%

В Таблице 3 в первом столбце указана серия учебника, класс или уровень, во втором – количество слов, входящих в 1000 самых частотных слов письменной речи английского языка, в третьем - количество слов, входящих в 1000 самых частотных слов устной речи английского языка, в четвертом – количество слов, не являющихся частотными, т. е. не входящих в 3000 самых частотных слов в письменной или устной речи.

Из полученных данных можно сделать вывод, что все учебники русских издательств показывают одинаковую картину. Все они следуют схожим тенденциям: к четвертому классу количество высокочастотных слов снижается, в то время как количество низкочастотных значительно увеличивается. С другой стороны, статистика по современным учебникам намного лучше, чем у учебника 1961 года. Лучшие результаты показывает учебник британского издательства.

Объяснением данной ситуации могут служить несколько факторов. Учебники русских издательств:

1. включают в себя большое количество «культурно-заряженной» лексики, посвященной жизни британцев, американцев, австралийцев и т. д.;
2. призваны выполнять воспитательную функцию, развивать в ученике патриотизм, поэтому включают в себя описание русских реалий;
3. должны готовить учащихся к государственной итоговой аттестации, а не только развивать навыки, необходимые для коммуникации с иностранцами;
4. имеют ряд ограничений в соответствии с требованиями Минобрнауки РФ, которым издатели обязаны следовать, чтобы их материалы были допущены к использованию в школах.

Все эти факторы не оказывают влияния на британских издателей, что и могло послужить причиной различий, выявленных в процессе анализа лексического материала.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 6 октября 2009 г. № 373; в ред. приказов от 26 ноября 2010 г. № 1241, от 22 сентября 2011 г. № 2357)
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897)
3. Milton, J., Alexiou, T. Vocabulary size and the Common European Framework of Reference in Languages /B.Richards, H. Daller, D. Malvern, P. Meara, J. Milton and J. Treffers-Daller (eds)// Vocabulary studies in first and second language acquisition. – 2009. - Palgrave: Macmillan. – С. 194-211.
4. The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. – Language Policy Unit, Strasbourg.

Содержание

Раздел 1.

Теоретические проблемы сопоставительных исследований

Стернина М.А. (<i>Воронеж</i>) Воронежская школа сопоставительных исследований	с.3
Маклакова Е.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительные исследования и метаязык описания семантики слова	с.6
Колтакова С.В. (<i>Воронеж</i>) К вопросу о количественно-структурном аспекте национальной специфики лексических группировок	с.11
Просовецкий Д.Ю. (<i>Воронеж</i>) Индекс ассоциативного сходства в сопоставительных исследованиях	с.14
Рудакова А.В. (<i>Воронеж</i>) К вопросу о создании сопоставительных словарей русского языка	с.16
Цофина Ю.А. (<i>Ярославль</i>) Сопоставительный анализ методов семантического описания междометий	с.21

Раздел 2

Сопоставительные исследования в области лексики и фразеологии

Абабий В.Н. (<i>Тирасполь</i>) Освоение англо-американизмов французским языком (<i>на материале гибридных билингвальных образований</i>)	с.25
Бабушкин А.П. (<i>Воронеж</i>) Табуированная лексика и эвфемизмы в языковой практике носителей современного русского и английского языков	с.28
Деркач С.И., Стернина М.А. (<i>Воронеж</i>) Избирательный процесс в США и России в зеркале языка	с.32
Дьяконова Е.А. (<i>Москва</i>) Сопоставительный анализ семантики топонимических вариантов (<i>Санкт-Петербург, Петроград, Питер, Ленинград в языковом сознании носителей языка</i>)	с.36
Камбаралиева У.Д. (<i>Бишкек</i>) Некоторые особенности паремиологических полей концептов «Время» и «Убакыт» в русском и киргизском языках	с.41
Камбаралиева У.Д. (<i>Бишкек</i>) Ассоциативные поля концептов «Время» и «Убакыт» русского и киргизского языков	с.46
Карпенко И.С. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ коммуникативной релевантности наиболее частотных адъективных малосемемных лексем русского и английского языков	с.50
Картавцев В.Н. (<i>Воронеж</i>) Названия видов ручного стрелкового оружия в русском и английском языках: терминология и перевод	с.53
Князев И.В. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ семантики слова в темпоральном аспекте (<i>30-ые гг. XX века - начало XXI века</i>)	с.55

Коваленко С.В. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ семантики антропонимов ПОРОШЕНКО и ЯНУКОВИЧ (<i>экспериментальное исследование</i>)	с.59
Козельская Д.В. (<i>Воронеж</i>) Контрастивный анализ общих наименований школьных педагогических работников в русском и английском языках	с.63
Колесникова Е.И. (<i>Воронеж</i>) Исследование гендерных особенностей семантики слова (на материале слова <i>старый</i> в мужском и женском языковом сознании)	с.70
Корыпаева Е.И. (<i>Воронеж</i>) Контрастивная ценность симптоматических выражений с лексемой «сердце» в русском и французском языках	с.73
Кочетова Н.В. (<i>Воронеж</i>) Аспектный анализ семантем сопоставимых адвербиальных лексем <i>хорошо</i> и <i>well</i>	с.77
Кривенко Л.А. (<i>Воронеж</i>) Национальная специфика семантем сопоставимых лексем <i>дом</i> и <i>house</i>	с.82
Литвинова Ю.А. (<i>Воронеж</i>) Межъязыковая дифференциация синонимов русского и английского языков	с.85
Лукина Л.В. (<i>Воронеж</i>) Особенности контрастивного анализа русско-английских лексических соответствий	с.88
Малыхина Н.И. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительное исследование денотативной и коннотативной полисемии сверхгиперсемемных глагольных лексем английского языка	с.92
Никитина И.Н. (<i>Воронеж</i>) Аспектный анализ семантем сопоставимых русских и английских глагольных лексем <i>купить</i> и <i>buy</i>	с.94
Панкратова М.Е. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительно-параметрическое описание семантики наречного слова	с.97
Смирнова В.В. (<i>Воронеж</i>) Грамматика и семантика слова <i>очевидно</i> : сопоставительно-диахронический анализ	с.101
Соснина А.А. (<i>Новосибирск</i>) <i>Каравашка</i> и <i>корявый</i> : сопоставительный анализ в русском литературном языке и диалектах	с.106
Стернин И.А. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ траектории развития значения слова МЯЧ в возрастных группах 3-4 года и 6-7 лет	с.110
Тарновская Е.А. (<i>Ст. Оскол</i>) Сопоставительный анализ понимания слова «порядок» мальчиками и девочками	с.115
Федосова В.И. (<i>Воронеж</i>) Сравнительный анализ наименований родственных лиц по прямому родству в русском и английском языках	с.118
Хиен К.Т. (<i>Вьетнам</i>) Флороним «ромашка» в русском и вьетнамском языках	с.121
Чвягина Т.В. (<i>Ярославль</i>) Сопоставительный анализ семантики лексических единиц НАВИТАТ/СРЕДА ОБИТАНИЯ	с.123
Черникова С.Н. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ фразеологического развития наименований компонентов природного ландшафта в русском и английском языках	с.126

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области грамматики, фонетики и текста

Борисова Л.М. (<i>Воронеж</i>) Функционально-прагматические аспекты перевода комментирующих метакоммуникативных речевых действий в художественном дискурсе	с.130
Дьякова Е.Ю. (<i>Воронеж</i>) Сопоставительный анализ стилистических особенностей англоязычных, италияязычных и русскоязычных рекламных слоганов	с.134
Копров В.Ю. (<i>Воронеж</i>) Семантико-функциональное поле «Субъект и его качество» в русском и английском языках	с.137
Корнева В.В. (<i>Воронеж</i>) Испанские фразовые знаки препинания на фоне русских	с.141
Кузьменко П.Б. (<i>Воронеж</i>) Сопоставление различных средств топикации в научном тексте	с.145
Скаврон Е.А. (<i>Ст. Оскол</i>) Сопоставительный анализ типов восприятия художественного текста	с.149
Смехнова М.С. (<i>Воронеж</i>) Вербальные средства гендерной ориентированности текста в мужских и женских журналах	с.153
Стейн С.В. (<i>США</i>) Сопоставительный анализ фонологических оппозиций гласных фонем английского и русского языков	с.156
Хиеп Н.Ч. (<i>Вьетнам</i>) Особенности делового и политического интервью в разных культурах	с.159
Шаламова Э.В. (<i>Москва</i>) Сопоставительный анализ автомобильной рекламы	с.163
Шилихина К.М. (<i>Воронеж</i>) Метаязыковая оценка смысла слова носителями русского и английского языков	с.166
Шкунников В.А. (<i>Воронеж</i>) Распределительная множественность в системе русского и английского глагола	с.170

Раздел 4.

Сопоставительные исследования в области концептологии и культурологии

Бузук И.Л. (<i>Тирасполь</i>) Оязыковление малагасийской действительности во французской и русской двуязычной лексикографии	с.175
Закутская Н.Г. (<i>Воронеж</i>) Некоторые вопросы развития гендерной лингвистики в английской и итальянской лингвокультурах	с.180
Калгина Е.А. (<i>Воронеж</i>) Контрастивный анализ симптоматических выражений концепта «страх» в русском и английском языках	с.183

Костенко Н.В., Шокина В.А. (Воронеж) Лингвокультурные особенности концепта «семья» (на материале русского и английского языков)	c.187
Неровная Н.А., Рягузов П.А., Пивоваров В.А. (Воронеж) Сравнительное описание концептов «враг» и «enemy» в русском и английском языковом сознании	c.191
Стратиенко Ю.А. (Воронеж) Фрейм «золушка» как источник прецедентности в российских, британских и американских СМИ	c.195

Раздел 5.

Сопоставительные исследования и перевод

Лапаева Е.Ю. (Воронеж) Реноминация варваризмов во французских переводах повестей Н.С. Лескова	c.199
Мельничук И.М. (Воронеж) Реноминация ономастических реалий при переводе на французский язык произведений И. Друцэ	c.203
Стеблецова А.О., Торубарова И.И. (Воронеж) Трудности перевода научно-популярных медицинских текстов	c.208
Фененко Н.А. (Воронеж) Межъязыковая реноминация в зеркале художественных переводов	c.212

Раздел 6.

Сопоставительные исследования и коммуникативное поведение

Басева Е.И. (Воронеж) Невербальный аспект итальянской и русской деловой коммуникации (<i>сопоставительный аспект</i>)	c.216
Конопелько И.П. (Воронеж) Сопоставительное изучение коммуникативного поведения (русские и французы)	c.219

Раздел 7.

Сопоставительные исследования и лингводидактика

Богданова Е.С. (Рязань) Сравнительный анализ свойств художественного и художественно-публицистического текстов в русле лингводидактики	c.225
Гич О.Н. (Владивосток) Анализ лексического материала учебников английского языка русских и британских издательств	c.229

Содержание	c.234
-------------------	-------